MK Н-8°
83 Л

М. 1783
Сот. 5866 3-й экз.

В. Ташкинов

МК

ЛУЦІЯ ЦЕЦИЛІЯ ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

НАРЕЧЕННАГО

ХРИСТІАНСКИМЪ ЦИЦЕРОНОМЪ,

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ

ШЕСТЬ КНИГЪ;

ПИСАННЫХЪ

КЪ

КОНСТАНТИНУ ВЕЛИКОМУ, ПЕРВОМУ ХРИСТІАНСКОМУ ИМПЕРАТОРУ;

ВЪ которыхъ опровергается идольская прелесть, изобличается суемудріе языческихъ Философовъ, и наконецъ утверждается непреложными доказательствами истинна Христіянскаго закона, яко единаго праведнаго пути приводящаго человѣка ко спасенію;

съ присопокупленіемъ

другихъ сего знаменитаго Писателя твореній, яко то: 1.) о гнѣвѣ Божіемъ, 2.) о удивительномъ и чудномъ строеніи человѣка, и 3.) о кончинѣ гонителей христіанства.

ЧАСТЬ II.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

Печатана въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи у Н. Новикова 1783 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй Части.

КНИГА ПЯТАЯ.

стран.

ГЛАВА 1. Что неправедно и беззаконно есть, прежде осуждать лице или дѣло, нежели о достоинствѣ его будетъ извѣстно. И для чего мудрость должно присовокуплять вѣрѣ. И для чего мудрость сего міра Священное Писаніе презираетъ. И что краснорѣчіе служитъ свѣту: и весьма часто, дабы наипаче себе показать, нарочно устремляется на истинну, которая почти всегда способныхъ защитниковъ не имѣетъ. - 1.

—— 2. Что изъ недостатка ученыхъ дана неразсуднымъ людемъ смѣлость нападать на незнаемую истинну: и сіе подтверждаетъ примѣромъ двухъ Философовъ, которыхъ видѣлъ въ Виѳиніи. 6.

—— 3. Что ученики Христовы не хотѣли лгать, которые житіе препровождали противное порокамъ: и какъ отвѣтствовать должно хуленію тѣхъ, которые лгали, будтобы Христосъ

волхвѣ былѣ, и себѣ самимѣ противное учили. - - 10.

— 4. Для чего сіе дѣло началѣ, и противѣ кого, и кѣ чему оно полезно. - - - - 15.

— 5. О правдѣ, которой не только Философы, но и Стихотворцы Философовѣ древнѣйшіе всѣми силами искали. И какѣ за истинну, а не за вымыслѣ стихотворческій почитать должно, что правда на земли жила вѣ царство Сатурново, и золотыя были вѣки, но вѣ царство Юпитерово правда изгнана. 18.

— 6. Что сребролюбіе источникѣ всякаго зла изгнавши правду, свои, то есть наинесправедливѣйшіе поставило законы: и какѣ при Юпитерѣ, одной природы людей вѣ рабство покорило дерзкое, сластолюбное, тщеславное, гордое и лютое злочестіе человѣческое, и златый истребило вѣкѣ, который дѣлаетѣ одна непорочность истинной вѣры. 21.

— 7. О пришествіи Христа златый вѣкѣ возвращающаго вѣ избранныхѣ: то есть истинную обновляющаго вѣру. И что добродѣтель познавается и искушается пороками, дабы извѣ-

стно

стно было, для чего Богъ злу быть попущаетъ. - - 24.

— 8. Для чего правды, которая явна есть, не видятъ люди: и что человѣкъ храмъ Божій есть, а не злато ни каменіе. И что Бога добродѣтельми почитать должно, а не тлѣнными дарами. И что все зло изъ того происходитъ, что многихъ боговъ почитаютъ: понеже ежели бы единаго истинно почитали, всѣ бы союзъ братства познали и хранили. 26.

— 9. Что неправедные не имѣя правды, думаютъ, что всѣ ея не имѣютъ, и на праведнѣйшихъ и невиннѣйшихъ люто свирѣпѣютъ, то есть на рабовъ Христовыхъ, мѣру отцевъ исполняя: которые главу всѣхъ праведныхъ Христа убили, для того, что неравенство житія беззаконнаго жаждетъ крови невинной. - - - - 29.

— 10. О нечестивомъ неправедныхъ Бога назнающихъ богопочитаніи. И каково и гдѣ есть истинное благочестіе, котораго почитающіи боговъ постигнуть не могутъ ради представленныхъ причинъ. - - - 35.

— 11. Что гонители Христіанъ не только звѣри были, но и са-

мыхъ звѣрей безумнѣе и лютѣе. И для чего и какими муками мучениковъ мучатъ. - - 39.

— 12. Какъ самимъ мучителямъ пріятны бываютъ любящіе враговъ. И что лучше есть быть добрымъ, и злымъ почитаться, нежели злымъ быть, и почитаться добрымъ. - - 42.

— 13. Что изъ того явствуетъ правда Христіанскаго благочестія и истинна вѣры, что отъ почитателей боговъ умножается церьковь, но отъ церкви ни прещеніями ни мученіями не могутъ принудить къ почитанію боговъ, хотя нѣкоторые приносили по немощи изъ принужденія: однако потомъ покаяніемъ, въ чемъ Новотіаны возражаются, востали крѣпчайшими. И что терпѣніе мучениковъ наисильнѣйшимъ есть Христіанскаго благочестія основаніемъ. - - - - 46.

— 14. О истинной добродѣтели Христіанской, которые на высотѣ терпѣнія стоя, Философовъ хвалящихъ терпѣніе превосходятъ добродѣтелію терпѣнія; и что суетно и безумно есть изваянную землю какъ Бога почитать. - - 49.

— 15. Для чего мудрыхъ почитаютъ за безумныхъ: и какъ въ двухъ наипаче добродѣтелехъ, то есть въ благочестіи и равенствѣ правда состоитъ: и что есть благочестіе по мнѣнію Трисмегистову, и что равенство по мнѣнію Цицеронову. И что сихъ добродѣтелей не могли постигнуть ни Римляне, ни Греки, ни иные народы, только Христіане. - - - 51.

— 16. О справедливости Христіанской, которой Философы не имѣя, ни найти ни защитить не могли. - - - 55.

— 17. Какъ Карнеадъ почиталъ, что и права въ пользу уставлены, и что истинной правды въ людехъ нѣтъ, развѣ только въ безумныхъ: и что гражданская правда хотя имѣетъ мудрость, но неправедную: а натуральная правда хотя поистиннѣ праведна; но мудрости совсѣмъ не имѣетъ. - 58.

— 18. Противъ Карнеада, что и безумный не можетъ быть праведнымъ, и мудрый не можетъ быть не праведнымъ. И что о невинныхъ и праведныхъ Богъ всегда наилучше устрояетъ, и потребное промышляетъ: а сіе

видно изъ описанія безумія и мудрости: и какое есть помышленіе человѣческое и Божіе. 61.
— 19. Что незнаніе о безсмертіи и истинномъ Богѣ предреченныхъ заблужденій виною есть, и смерть заслуживаетъ вѣчную. И что человѣкъ не есть человѣку родителемъ, но служителемъ рожденія: и для чего Богъ истинную мудрость благоволилъ подъ видомъ безумія утаить. - - - - 68.
— 20. О безуміи тѣхъ, которые Боговъ почитаютъ, и не смѣютъ словомъ стязаться съ вѣрными: и для чего о тайнахъ своихъ молчать повелѣваютъ. И что вѣру терпѣніемъ защищать должно, и разумомъ наипаче, нежели лютостію, мечемъ или огнемъ. И сколько и въ чемъ разнствуетъ почитаніе истинной вѣры и ложной. - 72.
— 21. Что врагомъ кланяются безумные язычники, которыхъ почитаніе не только Христіане, но и Философы и домашніе почитатели боговъ розоряютъ 79.
— 22. Для чего злые духи наущаютъ почитателей своихъ на гоненіе вѣрныхъ: и для чего истинная вѣра кажется пустою. - 83.

— 23. Для чего Богъ избранныхъ своихъ терзать попущаетъ, нечестивымъ препоручивъ власть. 85.

— 24. Что мучащіе благихъ мучими будутъ: и злыхъ зверей отъ земли погубитъ Богъ. - - 91.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА 1. Что невинность наиистиннѣйщее Божіе почитаніе есть, котораго человѣкъ тѣлу предавшійся не знаетъ. - - 93.

— 2. Что Богъ ни алчетъ, ни жаждетъ ни во тьмѣ пребываетъ, дабы ему жертвы убивать, или вина приносить, или свѣтилника. И для чего сіе приносятъ Богамъ языческимъ, прямой вѣры и истинной невинности приносить не знающіе, въ которыхъ состоитъ Божіе почитаніе. И что между всѣмъ къ почитанію Божію надлежащимъ, дѣломъ преизряднымъ есть, людей истиннѣ и правдѣ научать. И для чего не хочетъ съ начала начинать. - - - 96.

— 3. О двухъ путехъ, изъ которыхъ одинъ путь добродѣтели, другій пороковъ есть, которые буквою Пиѳагоровою изображаются, и вѣрнѣе наблюдаются у Христіанъ, нежели у Фило-

софовъ : и о двухъ вождяхъ путей. - - - - - 99.

— 4. О пути добродѣтелей, который на Елисейскія поля отводитъ : и о пути пороковъ, который въ нечестивый тартаръ ведетъ, и о вождяхъ обоихъ путей. - - - - - 103.

— 5. О ложномъ описаніи добродѣтели, которое по объявленію Лукиліеву положили Философы: и о истинной разности знанія и добродѣтели. - - 109.

— 6. Что Философы не знали, что есть добро или зло, понеже прозрачнаго источника добра не знали, и не разумѣли, какій долженъ быть вещей и дѣлъ конецъ : и посему извѣстно, что Лукилій ложно описалъ добродѣтели должности. - 113.

— 7. Что на пути заблужденія есть видъ мудрости и добродѣтели, и что путь истинны и мудрости есть простый, и тѣсный, и трудный, и Бога имѣетъ вождя. - - - - - 119.

— 8. Для чего Философы не могли найти истинны, и тѣ, которые земнымъ вещамъ предались, но избранные находятъ закономъ божіимъ, которому

можетъ Цицероново описаніе приличествовать. - - 121.
— 9. Что глава вѣры и путь истинны есть Бога прямо знать, и вѣрно почитать: и для чего разные законы отъ народовъ уставлены. И кто не поврежденныя чувства имѣетъ, которыя наипаче благодать даруетъ нежели природа. - - 124.
— 10. Что вѣрою Богу, человѣколюбіемъ человѣку должны. И какія причины созидать города, и жить дружно, и изобрѣтать слова, ложно вымыслили. - 129.
— 11. Кому наипаче должно людскость показывать: и въ какихъ мнимыхъ щедростяхъ погибаетъ трудъ и иждивеніе. - 134.
— 12. Отъ кого должно надѣяться и желать награжденія: и какое и сколь великое есть истинной щедрости награжденіе, и сколь праздное и ничего несоставляющее ложной, и какіе суть степени людскости. - - 140.
— 13. О награжденіи, и что въ нуждѣ и прошеніи нищихъ всякъ искушается отъ Бога, и о трехъ степенехъ добродѣтели. 148.
— 14. Что Философы не имѣли истинной людскости, которую съ Стоиками между недугами душевными положили. - 151.

стран.

— 15. Какъ Перипатетики побѣждаютъ Стоиковъ, и учатъ, что страстей природныхъ искоренить не можно, а укротить можно. И что то, что безсловеснымъ животнымъ дано порознь, человѣку дано все. И какъ Стоики душевныя страсти описываютъ. - - 153.

— 16. Какъ Перипатетики заблудили, и что доброе употребленіе страстей добродѣтель есть, злое употребленіе порокъ. И что о самомъ употребленіи изъ дѣла разсуждать должно. - 157.

— 17. Что то, которое Философы за порокъ вмѣняютъ, добродѣтель есть, ежели относится къ должному концу, то есть къ Богу. И что безумны тѣ, которые человѣческую натуру природныхъ страстей лишить тщатся. - - - 160.

— 18. Какъ заповѣди Божія, которыя хранить должно, отъ Философскихъ разнствуютъ установленій, и какое есть терпѣнія описаніе. - - - 166.

— 19. Что Перипатетики Стоикамъ противятся въ защищеніи страстей. И какія суть три фуріи, которыхъ стихотворцы вымыслили, и какое ихъ есть

упо-

страк.

употребленіе, или злоупотребленіе. - - - - 173.

— 20. О удовольствіи пяти чувствъ: и для чего больше удовольствія дала природа человѣку, нежели инымъ животнымъ. И вопервыхъ о удовольствіи видѣнія, и о удаленіи отъ позорищъ: и о изобрѣтателяхъ игръ и позорищъ. - - - 175.

— 21. О удовольствіи слуха. И для чего Священное Писаніе просто есть; которое паче всѣхъ стиховъ, красотъ и великолѣпій рѣчи почитать должно. - 182.

— 22. О удовольствіи обонянія и вкуса, котораго мужъ разумный убѣгать долженъ, какъ силà и сѣти смертной. - - 184.

— 23. О удовольствіи осязанія, и для чего въ человѣкѣ оно сильнѣе, нежели въ прочихъ животныхъ: и колики діяволъ чрезъ него мерзости вводитъ, и опасность геенны. И о позволенномъ совокупленіи и не позволенномъ. И для чего между всѣми животными, одна жена по зачатіи можетъ терпѣть мужа. И какій есть воздержанія или невоздержанія плодъ. - 186.

— 24. О покаяніи и плодѣ его, и о жалѣ совѣсти, и о страшномъ

Бо-

Божіемъ судѣ: и какими жертвами, и на какомъ олтарѣ можно его умолить. - - 193.

— 25. О различіи дара и жертвы божественной, и о образѣ хваленія божія, и о образѣ и пользѣ молитвы. - - - 199.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА 1. Что сказано въ прежнихъ книгахъ: что остается сказать въ послѣдней книгѣ: кто будетъ вѣровать истиннѣ, и кто не будетъ, и для чего. - 203.

— 2. Что златый вѣкъ, то есть наищастливѣйшее состояніе будетъ по судѣ. И для чего состоянія міра не можетъ человѣкъ понять: и для чего истинной мудрости не получаютъ по природѣ но по благодати. 209.

— 3. Какъ заблудили Стоики о состояніи міра, и Творцѣ всѣхъ Богѣ, и о человѣкѣ, для котораго сотворенъ міръ: и сколь явственно противъ Епикура доводами показуется, что міръ, и все, что въ немъ есть, Божіимъ провидѣніемъ управляется. - - - - 211.

— 4. Что всякая вещь для нѣкотораго употребленія сотворена, и самая та, которая совсѣмъ

кажется быть злою: и для чего человѣкъ созданъ изъ слабаго тѣла, и имѣющимъ разумъ. 217.
— 5. Для чего человѣкъ созданъ, и для чего изъ противныхъ вещей состоитъ: и что человѣку жилище поставлено на срединѣ: и двоякій путь предлагается, изъ которыхъ одинъ показуетъ природа, другій даруетъ благодать. И что значитъ, что человѣкъ сперва уподобляется четвероножнымъ, и потомъ исправляется, и напослѣдокъ употребляетъ разумъ. 221.
— 6. Для чего міръ созданъ: для чего человѣкъ: сколь суетно есть почитаніе Боговъ. - - 228.
— 7. Для чего Философы не могли понять истинны совсѣмъ, которую однако, какъ примѣры показываютъ, по части поняли всю, но защитить не могли. - - - - 231.
— 8. О безсмертіи души, и какими доводами Платонъ оное силился утверждать. - - 234.
— 9. Который есть истинный о безсмертіи души доводъ. И что трудовъ и добродѣтелей конецъ есть блаженная вѣчность. - 236.
— 10 Также о безсмертіи душй: и что добродѣтель однажды начавшись

вшись всегда пребываетъ, и потерять ея не можно. И что житіе двоякое есть, и также двѣ смерти человѣку предлагаются. - - - - - 241.

—— 11. О воскресеніи мертвыхъ тѣлъ, и смерти и вѣчности душъ. - 243.

—— 12. О безсмертіи души противъ Лукреція и Епикура. И о разности мысли и души, и о воскресеніи тѣлъ. - - 246.

—— 22. Какими свидѣтельствами безсмертіе души утверждается, и будущій судъ Божій. И сколько Аристоксенъ иныхъ превзошелъ въ заблужденіи. - 252.

—— 14. О кончинѣ міра, и заблужденіи Халдеевъ. О вѣкѣ міра, и что по шести вѣкахъ то есть по шести тысячахъ лѣтъ состояніе міра премѣнится и обновится, и что тысяча лѣтъ суть единъ день божій; и что тысячу лѣтъ царствовать будутъ избранные Божіи на земли по судѣ. - - - - - 255.

—— 15. Что потопленіе Фараона и Египтянъ, и свобожденіе Евреевъ отъ работы Египетской предзнаменовало свобожденіе избранныхъ, и отверженіе осужденныхъ, которое будетъ на концѣ міра. И что многія знаменія

какъ предъ тѣмъ, такъ и предъ симъ будутъ свобожденіемъ. И что Римская Монархія прежде испразднится. И что въ Азію наивысочайшая власть возвратится. И какими вѣковъ степеньми Римъ возрослъ и ослабѣетъ. - - - - 259.
—— 16. Какъ Римской монархіи пріидетъ разореніе, и какія предъ онымъ разореніемъ знаменія будутъ, по предсказанію пророковъ и Сивиллы. - - 263.
—— 17. О пришествіи великаго Пророка, который называется Иліею, и какъ будетъ убитъ отъ Антихриста, и востанетъ въ третій день, и взыдетъ на небо. И о гоненіи церкви, которое нанесетъ Антихристъ, и о чудесахъ его. - - - 266.
—— 18. Какъ сіе предвозвѣстили и предсказанія Пророковъ, и прорицанія язычниковъ, и стихи Сивиллины. - - - 269.
—— 19. Какія знаменія прежде будутъ, и какъ Христосъ снидетъ съ неба, убить Антихриста и мучителей, и нечестивыхъ погубить отъ земли: и что утренния молитвы у Христіанъ для того уставлены, понеже Христосъ въ нощи пріити имѣетъ: и что боги и почита-

стран.
ющіе боговъ сожжены будутъ, какъ Сивилла предсказала. 271.
— 20. Какъ отворится адъ, и востанутъ мертвые: и которымъ Богъ будетъ судить, которымъ не будетъ. И какъ сіе Сивилла предсказала. И какъ душа безсмертная можетъ страдать по мнѣнію Стоиковъ. 273.
— 21. О власти Божіей, который по достоинству всякаго можетъ и людей и ангеловъ казнить. О безсмертіи тѣла по воскресеніи. О разности огня геенскаго и огня общаго. И что огнь геенскій въ избранныхъ, что въ отверженныхъ дѣйствуетъ. 276.
— 22. Что нѣкоторые сіе стихотворческимъ вымысломъ почитаютъ: и откуда стихотворцамъ къ знанію пришло; и для чего испортили истинну, и Летейскую рѣку, и иныя мечтанія ввели. - - - - 278.
— 23. О воскресеніи, и что Пиѳагоръ и иные Философы безумно говорили лгучи о воскресеніи, будто бы души въ разныя переходятъ тѣла. - - 282.
— 24. Какъ по предсказанію Сивиллы по судѣ тысячу лѣтъ царствовать будетъ на земли сынъ Божій съ избранными своими въ святомъ градѣ, кото-
рый

рый поставитъ. И что діаволъ связанъ будетъ тысячу лѣтъ, и все созданіе укротится, и въ пріятность послужитъ человѣку. И что Христосъ отъ всѣхъ почитаемь будетъ какъ Богъ и Господь. - 283.

— 25. Что по нѣкоторымъ писаніямъ не остается больше какъ только двѣстѣ лѣтъ до возобновленія вещей. И что конецъ не будетъ развѣ по разореніи Рима. 287.

— 26. Что по тысячи лѣтъ златаго вѣка по судѣ разрѣшенъ будетъ паки діаволъ, и возбудитъ народы, дабы воевали на святый градъ, и облягутъ его: и какъ народы совсѣмъ Богъ разоритъ, и вѣчнымъ казнямъ предастъ, избранныхъ людей преселивши къ славѣ Ангельской, по воскресеніи второмъ. - - 289.

— 27. Увѣщаніе, дабы всѣ спѣшили къ принятію вѣры и мудрости, которая приводитъ къ преблаженному вѣчнаго житія блаженству. - - - - 292.

КНИГА О ГНѢВѢ БОЖІЕМЪ.

ГЛАВА 1. Какая причина предпріятаго дѣла, и какимъ порядкомъ имѣемъ говорить. - - - 296.

страи.
— 2. О степеняхъ, которыми къ истиннѣ восходятъ, и кто съ самыхъ степеней спадываетъ. 298.
— 3. Что никто не утверждалъ, будто бы Богъ гнѣвается, и на милость не возбуждается. 300.
— 4. Противъ Епикура споритъ, который говорилъ, будтобы Богъ не гнѣвается, ни милосердствуетъ, и ни о чемъ не промышляетъ. - - - 302.
— 5. Противъ Стоиковъ, которые говорятъ, что милость есть въ Богѣ, но нѣтъ гнѣва. - 305.
— 6. Что Богъ гнѣвается. - - 308.
— 7. Для чего Философы заблуждаютъ: и что люди отъ иныхъ животныхъ наипаче разнятся вѣрою, которая человѣку есть свойственна. - - - 309.
— 8. Противъ Епикура вѣру разоряющаго, и что вѣру должно имѣть. - - - - 312.
— 9. Разныя мнѣнія о сотвореніи и управленіи міра исчисляетъ 314.
— 10. Что міръ Божіимъ промысломъ сотворенъ и управляется. - 316.
— 11. Единаго ли Бога, или многихъ боговъ промысломъ міръ управляется и состоитъ. - - 327.
— 12. Что вѣра есть, и къ человѣку надлежитъ. - - - 331.
13.

— 13. Что все какъ доброе такъ злое ради человѣка сотворено. - 332.

— 14. Для чего Богъ сотворилъ человѣка. - - - - 337.

— 15. Откуду къ человѣку грѣхи приходятъ. - - - - 339.

— 16. Какая матерія есть въ Богѣ милосердія, милости, или гнѣва. 341.

— 17. Что Богъ управляетъ міръ, и дѣла человѣческія, и слѣдовательно гнѣвается. - - 344.

— 18. Что безъ гнѣва грѣхи не исправляются. - - - - 349.

— 19. Что человѣкъ отъ тѣла пороки, отъ души добродѣтели имѣетъ. И что Богъ когда хощетъ, дабы люди добрыми были, за грѣхи ихъ гнѣвается. 352.

— 20. Что злыхъ щастіе гнѣва Божія не уничтожаетъ. И что Богъ есть долготерпѣливъ. 354.

— 21. Ежели Богъ гнѣвается, то для чего человѣку гнѣваться запретилъ. - - - - 357.

— 22. О грѣхахъ, и объ оныхъ предложены стихи Сивиллины. - 359.

— 23. О гнѣвѣ Божіемъ, и казни за грѣхи, о которой предложены Сивиллины стихи, и притомъ наставленіе и увѣщаніе. - 361.

КНИГА О СОЗДАНІИ БОЖІЕМЪ.

ГЛАВА 1. Предисловіе къ Димитріану. - 367.
—— 2. О рожденіи безсловесныхъ и человѣка. - - - - 371.
—— 3. О сложеніи звѣрей и человѣка. - 374.
—— 4. О слабости человѣческой. - 378.
—— 5. О образѣ животныхъ и членахъ. 384.
—— 6. О заблужденіи Епикуровомъ, и о членахъ и ихъ употребленіи. - 387.
—— 7. О всѣхъ тѣла частяхъ. - 390.
—— 8. О членахъ человѣческихъ, очахъ и ушахъ. - - - - 394.
—— 9. О чувствахъ и ихъ силѣ. - 398.
—— 10. О наружныхъ человѣческихъ членахъ и ихъ употребленіи. - 400.
—— 11. О внутреннихъ частяхъ человѣческихъ и ихъ употребленіи. 406.
—— 12. О чревѣ и зачатіи, и полахъ. - 410.
—— 13. О нижнихъ членахъ. - 414.
—— 14. О внутреннихъ частяхъ, коихъ вина не извѣстна. - - 416.
—— 15. О голосѣ. - - - - 418.
—— 16. О разумѣ, и его обиталищѣ. - 419.
—— 17. О душѣ, и объ оной мнѣніе Философовъ. - - - - 424.
—— 18. О душѣ и умѣ, и ихъ свойствахъ. - - - - 426.
—— 19. О душѣ, что оная вливается отъ Бога. - - - 429.
—— 20. О себѣ самомъ и о истиннѣ. 431.

КНИ-

стран.

КНИГА О КОНЧИНѢ ГОНИТЕЛЕЙ.

ГЛАВА	1.	434.
——	2.	436.
——	3.	437.
——	4.	439.
——	5.	——
——	6.	441.
——	7.	——
——	8.	443.
——	9.	445.
——	10.	446.
——	11.	448.
——	12.	449.
——	13.	450.
——	14.	451.
——	15.	452.
——	16.	453.
——	17.	455.
——	18.	457.
——	19.	460.
——	20.	461.
——	21.	462.
——	22.	464.
——	23.	465.
——	24.	466.
——	25.	468.
——	26.	469.
——	27.	470.
——	28.	472.
——	29.	473.
——	30.	475.
——	31.	476.

		стран.
——	32. - - - - - -	477.
——	33. - - - - - -	478.
——	34. Указъ Галеріевъ. - -	480.
——	35. - - - - - -	481.
——	36. - - - - - -	482.
——	37. - - - - - -	483.
——	38. - - - - - -	485.
——	39. - - - - - -	486.
——	40. - - - - - -	487.
——	41. - - - - - -	489.
——	42. - - - - - -	——
——	43. - - - - - -	490.
——	44. - - - - - -	491.
——	45. - - - - - -	493.
——	46. - - - - - -	494.
——	47. - - - - - -	496.
——	48. - - - - - -	497.
——	49. - - - - - -	500.
——	50. - - - - - -	502.
——	51. - - - - - -	503.
——	52. - - - - - -	——

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА ПЯТАЯ, О ПРАВДѢ, КЪ КОНСТАНТИНУ ИМПЕРАТОРУ.

ГЛАВА I.

Что неправедно и беззаконно есть, прежде осуждать лице или дѣло, нежели о достоинствѣ его будетъ извѣстно. И для чего мудрость должно присовокуплять вѣрѣ. И для чего мудрость сего міра Священное Писаніе презираетъ. И что краснорѣчіе служитъ свѣту: и весьма часто, дабы наипаче себе показать, нарочно устремляется на истинну, которая почти всегда способныхъ защитниковъ не имѣетъ.

Не сумнѣваюсь я Константине Великій Императоръ, что сію мою книгу, въ которой единаго онаго всяческихъ Создателя, и сего безмѣрнаго міра управителя бытіе доказываю, ежели кто возметъ въ руки изъ тѣхъ невѣрныхъ (каковы-то суть отъ излишняго суевѣрія нетерпѣливые) будетъ злословить, и едва на-

чало прочитавши, оскорбится, бросит, проклянет, и себѣ за непростительный грѣх причтет, сію книгу терпѣливно читать или слушать. Сего я, ежели можно, из учтивости прошу, дабы не прежде осуждал, покуда всего не познает. Ибо ежели святотатцам, и предателям, и чародѣям позволяется себе защищать, и не можно никого предосуждать не познавши дѣла, то по справедливости прошу, дабы ежели кому попадет в руки сія книга, ежели будет читать, то дочитывал бы, ежели слушать, то приговор отлагал бы до конца. Но знаю я людское упорство: никогда их не упрошу. Ибо боятся, дабы от мене обличены бывши, самою истинною принуждены не были признать себе побѣжденными. Противорѣчат, и прерывают, дабы не слышать: и очи свои закрывают, дабы не видѣть свѣта от мене предлагаемаго. Сим они явственно недовѣрчивость своего погибельнаго ума показывают, когда ни познать ни сразиться не смѣют: понеже вѣдают, что легко побѣждены будут. И того ради преніе оставивши, изгоняют от среды мудрость, насильством дѣлают все, как говорит Енній: и понеже желают осуждать наподобіе виноватых, тѣх, о коих невинности сами извѣстны, то разсмотрѣть самой невинности не хотят: как будто бы большим беззаконіе дѣлало доказанную невинность осуждать, нежели невыслушанную. Но (как я сказал) опасаются, дабы выслушавши не имѣли препятствія осуждать: и того ради почитающих

Все-

Всевышняго Бога, то есть праведныхъ людей мучатъ, убиваютъ, изгоняютъ: и ненависти своей не могутъ дать причины сами толь жестоко ненавидящіе. И понеже сами заблуждаютъ, то гнѣваются на тѣхъ, которые истиннымъ путемъ шествуютъ: и не могши себе исправить, еще заблужденія свои варварскими дѣлами умножаютъ, невинныхъ кровію себя обагряютъ, и посвященныя Богу души, растерзавъ тѣла, исторгаютъ. Съ такими я нынѣ на сраженіе выити и стязаться желаю, сихъ къ истиннѣ отъ ложнаго мнѣнія привесть, которые легче согласились бы напиться крови, нежели слышать слова праведныхъ. Чтожъ? потеряю ли трудъ? никакъ. Ибо ежели избавить сихъ отъ смерти, къ которой поспѣшно идутъ, ежели отъ того пути безпутнаго къ жизни и свѣту призвать не возмогу, понеже сами спасенію своему противятся, однако своихъ утвержду, которые не крѣпкое и не укоренившееся мнѣніе имѣютъ. Ибо колеблются многіе, а наипаче, которые мало учились. Ибо и въ семъ Философы, и ораторы, и стихотворцы вредны, что неосторожныхъ людей легко уловить могутъ красотою рѣчи, и стиховъ пріятныхъ слогомъ. И сея ради вины мудрость съ вѣрою я совокупилъ, дабы учащимся оное тщетное ученіе не могло причинить вреда: понеже знаніе ученія не только не вредитъ нимало вѣрѣ и правдѣ, но и великую приноситъ пользу, ежели учащійся будетъ добродѣтельнѣе, и благоразумнѣе въ истиннѣ. Сверхъ сего хотя никому

иному, то мнѣ поистиннѣ полезно будетъ: ибо станетъ утѣшаться совѣсть, и радоваться духъ въ свѣтѣ истинны обращаясь: что составляетъ пищу души невѣроятною нѣкоторою сладостію растворенную. Но не надобно отчаяваться. Можетъ быть не для глухихъ я пою. Ибо не въ толь худомъ дѣло находится состояніи, дабы не было здравыхъ умовъ, которые полюбятъ истинну, и показанный себѣ правый путь и увидятъ, и шествовать имъ будутъ. Обмазать только должно чашу небесныя мудрости медомъ, дабы могли неразумные горькое питіе безъ досады выпить, когда приманчивая первая сладость, горесть грубаго вкуса, прикрытіемъ пріятности утаитъ. Ибо сія вопервыхъ вина есть, для чего мудрые и ученые и вельможи сего вѣка священному писанію не вѣрятъ: понеже Пророки обыкновенною и простою рѣчью къ народу говорили. И такъ презираютъ ихъ тѣ, которые ничего слышать или читать не могутъ, кромѣ краснорѣчиво сложеннаго: и ничего въ умѣ содержать не хотятъ, только, что уши пріятнымъ звукомъ услаждаетъ: а все простое за вздорное, непристойное и подлое почитаютъ. Того ради ничего за истинное не признаютъ, какъ только то, что слышатъ пріятно: ничего за вѣроятное, какъ только что можетъ причинить удовольствіе: никто о вещи не разсуждаетъ поистиннѣ, но по красотѣ. И такъ не вѣрятъ божественнымъ, понеже прикрасы не имѣютъ: но и тѣмъ не вѣрятъ, которые Священное

Пи-

Писаніе толкуютъ: понеже они или совсѣмъ невѣжи, или поистиннѣ мало ученые. Ибо краснорѣчивые весьма рѣдко случаются: а сему вина извѣстная: понеже краснорѣчіе свѣту служитъ, предъ народомъ величаться, и въ вещахъ злыхъ угоднымъ быть ревностно желаетъ: ибо истинну часто разрушать силиться дабы, силу свою показать: богатствѣ алчетъ, честей желаетъ, наконецъ высочайшаго степени достоинства ищетъ. Слѣдовательно божественное писаніе какбы низкое презираетъ, таинъ какъ бы противныхъ себѣ убѣгаетъ: понеже являться предъ всѣми любитъ, и многонароднаго собранія и славы желаетъ. Отъ чего происходитъ, что мудрость и истинна способныхъ защитниковъ не имѣетъ: и хотя нѣкоторые изъ ученыхъ за истинну стояли, однако защитить ея не могли. Изъ тѣхъ, которыхъ я знаю, Минуцій Филіксъ знатный между защитниками былъ: книга его называемая Октавій, показываетъ, сколь способнымъ защитникомъ онъ истинны былъ бы, ежели бы вседушно къ тому прилѣжалъ. И Септимій Тертулліанъ былъ во всякомъ родѣ ученія искуснымъ, но въ рѣчахъ труденъ и не краснорѣчивъ, и гораздо невразумителенъ; потому сей не много приобрѣлъ славы. И такъ одинъ отмѣнный и знаменитый былъ Кипріанъ, который и великую себѣ славу обученіемъ краснорѣчію приобрѣлъ, и весьма много сочиненій написалъ въ своемъ родѣ удивленія достойныхъ. Ибо имѣлъ разумъ способный, обширный, вкрадывающійся, и, въ чемъ изящество

слова состоитъ, откровенный, такъ что сказать не можно, краснорѣчивѣе ли онъ говорилъ, или удобнѣе изъяснялъ, или убѣдительнѣе совѣтовалъ. Однако и сей кромѣ словъ нравиться тайны незнающимъ не можетъ: понеже, о таинственномъ онъ говорилъ, и о такомъ, что однимъ только вѣрнымъ слышать должно. Наконецъ ученые сего вѣка, которымъ сочиненія его извѣстными стали, надъ нимъ насмѣхаются. Слышалъ я одного человѣка подлинно неглупаго, который его премѣнивши одну букву, Копріаномъ называлъ, какъ бы сказать такимъ, который изящный разумъ и къ лучшимъ вещамъ, способнѣйшій на бабіи басни употребилъ. А ежели такъ насмѣхаются краснорѣчивому человѣку, то что будетъ, тѣмъ, которыхъ рѣчь недостаточна и непріятна, которые ни силы къ совѣтованію, ни тонкости къ доводу, и никакой остроты къ убѣжденію не имѣютъ?

ГЛАВА 2.

Что изъ недостатка ученыхъ дана неразсуднымъ людемъ смѣлость нападать на незнаемую истинну: и сіе подтверждаетъ примѣромъ двухъ Философовъ, которыхъ видѣлъ въ Виѳиніи.

И такъ понеже не было у нашихъ способныхъ и искусныхъ учителей, которые бы сильно-

но и остро народныя заблужденія обличали, которые бы все дѣло истинны краснорѣчиво и довольно защищали: то побудилъ нѣкоторыхъ сей самый недостатокъ, что дерзнули они писать противъ незнаемой имъ истинны. Оставляю тѣхъ, которые въ первыя времена оную напрасно раздражали. Когда я призванъ бывши въ Виѳинію, предподавалъ тамъ Риторику, и случилось, что въ тоже время храмъ Божій разрушали; нашлися тамъ два человѣка, которые поверженной и отверженной истиннѣ, не знаю, надменнѣе ли или неудачливѣе насмѣхались, изъ которыхъ одинъ признавалъ себе начальникомъ Философіи, но столь зараженъ былъ пороками, что воздержанію уча, не меньше сребролюбіемъ, какъ сластолюбіемъ пламенѣлъ; въ пищи столь былъ роскошенъ, что въ школѣ добродѣтель утверждая, умѣренность и нищету похваляя, лучшее имѣлъ кушанье въ дому своемъ, нежели каково употребляется въ царскихъ чертогахъ: однако пороки свои бородою и епанчею и (которое наибольшимъ есть покрываломъ) богатствомъ закрывалъ: и дабы богатство умножить, въ дружбу къ судьямъ дивнымъ образомъ вкрадывался: ихъ себѣ скоро важностію ложнаго имени привязывалъ, не только, дабы приговорами ихъ торговать, но и дабы сосѣдей своихъ, которыхъ изъ домовъ и селъ выгналъ, чрезъ то не допустить къ возвращенію своего: но сей, который разглагольствія свои нравами разрушалъ, или нравы свои разглагольствіями обличалъ, самъ противъ себе строгій надзиратель, и обвинитель жестокій, въ то самое

мое время, въ которое праведный народъ неправедно терзаемь былъ, три книги изблевалъ противъ вѣры и имени христіанскаго, сказавъ прежде всего, что Философское есть дѣло заблужденія человѣческія обуздывать, и людей на истинный путь наставлять, то есть къ почитанію боговъ, которыхъ силою и величествомъ (какъ онъ сказывалъ) міръ управляется: и не терпѣть того, дабы люди не искусные, нѣкоторыхъ хитростьми и обманомъ прельщаемы были, дабы простота ихъ не была корыстью людемъ хитрымъ: и будтобы того ради предпринялъ онъ дѣло Философа достойное, дабы просвѣтить невидящихъ свѣтомъ мудрости, не только чтобъ принявши они почитаніе боговъ въ чувство пришли, но чтобъ оставивши свое упрямство, и мученія тѣлъ свободились, и жестокихъ терзаній членовъ напрасно не терпѣли. А чтобъ извѣстно было, для чего сіи книги издалъ, то выхвалялъ начальниковъ, которыхъ набожность и промыслъ (по его словамъ) какъ въ прочихъ дѣлахъ человѣческихъ, такъ наипаче въ защищеніи вѣры боговъ славится: наконецъ будтобы промышляетъ о пользѣ народной, дабы оставивши нечестивое и бабье суевѣріе, всѣ люди въ законныхъ священослуженіяхъ упражнялись, и боговъ себѣ умилостивляли. А когда оную вѣру, противу которой говорилъ, хотѣлъ опровергнуть, то негоднымъ, пустословнымъ и смѣха достойнымъ показался: ибо важный оный совѣтникъ о пользѣ чужой, не только противъ чего вооружаться, но и что говорить не зналъ. Понеже

кото-

которые изъ нашихъ были, хотя принаравливаясь къ времени молчали, въ умѣ однако насмѣхались: понеже видѣли, что тотъ, который обѣщался, будтобы хочетъ просвѣтить иныхъ, самъ былъ слѣпъ: отвесть иныхъ отъ заблужденія, а самъ не зналъ куда ногою ступить: научить иныхъ правдѣ, которой онъ ни искры одной никогда не видѣлъ: понеже называясь учителемъ мудрости, истребить мудрость тщился. Всѣ однако то охуждали, что въ то наипаче время сіе дѣло началъ, въ которое свирѣпѣло ненавистное мучительство. О философа ласкательствующаго, и времени принаравливающагося! Но сей за свою глупость презрѣнъ былъ, понеже и милости, которой надѣялся, не получилъ; и слава, которой желалъ, въ вину и обличеніе ему обратилась. Другій о сей же матеріи досадительнѣе писалъ, который былъ изъ числа судей, и который вопервыхъ присовѣтовалъ дѣлать гоненіе: и симъ беззаконіемъ недоволенъ будучи, еще и писаніями гналъ тѣхъ, которыхъ оскорбилъ: ибо сочинилъ двѣ книги не противъ Христіанъ, дабы не подумали, будтобы непріятельски ихъ гонитъ, но къ Христіанамъ, дабы почли, будтобы учтиво и благосклонно совѣтуетъ: въ которыхъ своихъ писаніяхъ такъ несправедливость Священнаго Писанія обличить тщался, будтобы Священное Писаніе все себѣ есть противно: ибо нѣкоторыя главы, которыя одна другой противными казались, истолковалъ, столь много да еще скрытнаго исчисляя, что казалось, что и онъ нѣкогда въ томже былъ уче-

ученіи. И ежели былЪ, то какій его Димосѳенъ можетЪ отЪ нечестія защитить, который благочестія, кЪ коему былЪ причисленЪ, и вѣры, которой имя носилЪ, и тайны, которую принялЪ, измѣнникомЪ сталЪ, развѣ можетЪ быть случайно вЪ руки его божественныя писанія попались. И такЪ какое безразсудство будетЪ, отважиться разрушать то, чего ему никто хорошенько не истолковалЪ; изЪ чего онЪ или ничего на зналЪ, или ничего не разумѣлЪ. Ибо столь нѣтЪ вЪ божественныхЪ ПисаніяхЪ противорѣчій, сколь онЪ удаленЪ былЪ отЪ истинны и вѣры: особливо же Павла и Петра терзалЪ, и прочихЪ учениковЪ, какЪ бы лжи сѣятелей, которыхЪ непросвѣщенными и невѣждами признавалЪ: понеже нѣкоторые изЪ нихЪ снискивали пропитаніе ловлею рыбною: досадуя, что оное дѣло не АристофанЪ какойлибо или АристархЪ ввели и уставили.

ГЛАВА 3.

Что ученики Христовы не хотѣли лгать, которые житіе препровождали противное порокамъ: и какъ отвѣтствовать должно хуленію тѣхъ, которые лгали. будтобы Христосъ волхвъ былъ, и себѣ самимъ противное учили.

И такЪ не хотѣли ученики Христовы выдумывать и обманывать, понеже простые были. Ибо кто изЪ неученыхЪ можетЪ сходное

ное между собою и согласное вымыслить: когда наиученѣйшіе Философы Платонъ и Аристотель и Зинонъ и Епикуръ сами себѣ несогласное и противное говорили. Такова бо есть лжи природа, что она безъ противорѣчій быть неможетъ. А учениковъ Христовыхъ преданіе, понеже истинно есть, потому, противорѣчія не имѣетъ, и во всемъ согласуетъ, и потому всѣхъ склоняетъ, понеже имѣетъ основательность. И такъ недля прибытка и выгоды вѣру оную ввели: понеже и словами и самымъ дѣломъ такому послѣдовали житію, которое удалено отъ роскошей, и все что за добро почитается, презрѣли, и не только за вѣру умерли, но и что вѣдали что имъ умереть должно, и предсказывали, что и прочіе ихъ ученію послѣдующіе жестокія мученія претерпятъ. О Христѣ же написалъ, что онъ изгнанъ бывши отъ Іудеевъ, собравъ девять сотъ человѣкъ, чинилъ разбои. Кто такимъ словамъ дерзнетъ противорѣчить? Но положимъ такъ. Ибо можетъ статься ему сіе во снѣ Аполлинъ нѣкоторый возвѣстилъ. Сколько всегда разбойниковъ погибло, и ежедневно погибаетъ, да и ты самъ многихъ казнилъ: однако кто изъ нихъ по смерти ихъ не говорю Богомъ, но и человѣкомъ названъ? Но ты можетъ быть для того повѣрилъ, понеже вы человѣкоубійцу Марса обожили какъ Бога, а сего бы однако не здѣлали, ежелибы его Ареопагиты на крестѣ распяли. Онже когда чудныя дѣла Христовы опровергалъ, однако не говорилъ, акибы оныхъ не

было,

было, а только хотѣлъ показать, что Аполлоній или равныя, или и большія здѣлалъ. Дивно, что Апулеа пропустилъ, котораго дѣла многія и дивныя воспоминаются. Для чегожъ о безумная голова, никто Аполлонія Богомъ не почитаетъ, развѣ ты одинъ, такого Бога достойный почитатель, съ которымъ тебе на вѣки истинный Богъ будетъ казнить. Ежели волхвъ Христосъ, понеже чудеса дѣлалъ, то конечно искуснѣе его Аполлоній, который (какъ пишешъ) когда Домитіанъ казнить его хотѣлъ, вдругъ на судѣ невидимъ сталъ, нежели Христосъ, который и пойманъ былъ, и ко кресту пригвожденъ. Но изъ того самого можетъ быть дерзость Христову хотѣлъ обличить, что Богомъ себе называлъ, а Аполлонія скромнѣйшимъ здѣлать, который большія дѣла (по его мнѣнію) здѣлавъ, того себѣ не приписывалъ. Оставляю я нынѣ самыя дѣла сравнивать: понеже во второй и четвертой книгѣ о прелести и обманахъ науки волшебной я говорилъ. Не могу признать збыточнымъ дѣломъ, чтобъ сыскался ктолибо, которой бы вопервыхъ не желалъ того себѣ по смерти, чего и Цари сильнѣйшіе желаютъ. Ибо для чего люди себѣ гробницы великолѣпныя, для чего статуи, для чего ваянія и портреты дѣлаютъ? Для чего нѣкоторыми преславными дѣлами, или и смертію за гражданъ претерпѣнною, желаютъ память себѣ у людей заслужить? Для чего наконецъ ты самъ ума твоего монументъ изъ проклятаго безумія, какъ бы изъ блата соорудивши по-

поставить хотѣлъ, естьли не для того, что безсмертія отъ памяти о имени твоемъ надѣешся? И такъ глупо думать такъ, будтобы того Аполлоній не желалъ, чего подлинно пожелалъ бы, ежелибы моглъ, понеже нѣтъ ниодного человѣка, который бы безсмертія нежелалъ, а наипаче когда говоришъ, что его и почитали нѣкоторые какъ Бога, и образъ его подъ именемъ Ираклія Алексикацкаго и нынѣ Ефесскіе жители почитаютъ. И такъ не можно было его по смерти Богомъ почитать, понеже извѣстно было, что онъ былъ человѣкъ и притомъ волхвъ, и того ради подъ прикрытіемъ чужаго имени желалъ Божества, понеже своимъ именемъ не моглъ и не смѣлъ. А Христа и можно было Богомъ признать, понеже волхвомъ не былъ: и признанъ и почтенъ, понеже подлинно былъ богомъ. Не то говорю, сказываетъ онъ, будтобы Аполлонія для того не почитаютъ за бога, понеже онъ не хотѣлъ: но дабы извѣстно было, что мы благоразумнѣе, которые дивныя дѣла не скоро за Божественныя почитаемъ, нежели вы, которые за малыя чудеса богомъ почли. Не дивно, что ты отъ Божіей мудрости далече отдаленъ будучи, ничего того не разумѣешь, что читалъ: когда Іудеи, которые отъ начала Пророковъ читали, и которымъ тайна Божія была ввѣрена, однако, что читали, не разумѣли. И такъ вы разумѣй, ежели ты еще совсѣмъ разума не лишился, что мы не для того Христа Богомъ почитаемъ, понеже чудеса дѣлалъ, но понеже

видимъ исполнившееся все на немъ, что намъ предвозвѣстили предсказанія Пророковъ. Дѣлалъ чудеса; то волхвомъ бы мы его почли, какъ и вы называете, и Іудеи тогда думали, ежелибы всѣ Пророки единодушно не предсказали, что такія чудеса Христосъ будетъ дѣлать. И такъ Богомъ его почитаемъ, не по дѣламъ наипаче дивнымъ, какъ отъ самаго онаго креста, который вы какъ псы терзаете: понеже купно и о крестѣ предсказано. И такъ не по его свидѣтельству, (ибо кому о себѣ свидѣтельствующему можно вѣрить) но по свидѣтельству Пророковъ, которые все, что дѣлалъ, или страдалъ, за долго прежде предсказали, Богомъ онъ почтенъ: а сего ни Аполлоній, ни Апулей, и ни какій волхвъ не моглъ и не можетъ никогда удостоенъ быть. И такъ показавъ такой незнанія своего вздоръ, силясь истинну въ конецъ истребить, дерзнулъ нечестивые свои и богомерзскіе книги Филалитисъ. (любителями истинны) назвать. О помраченное сердце, о душа самой глубокой (какъ говорятъ) тмы темнѣйшая! можетъ быть былъ онъ ученикъ Анаксагоровъ, которому снѣгъ чернымъ казался: но равная слѣпота есть, и истинну лжею, и ложъ истинною называть. То есть человѣкъ лукавый хотѣлъ волка подъ овчею кожею скрыть, дабы ложнымъ именемъ моглъ уловить читателя. Но пускай ты по невѣдѣнію оное здѣлалъ, а не изъ злобы. Какую же ты намъ открылъ истинну, кромѣ того, что утверждая множество боговъ, имъ самимъ

сталася измѣнникомъ и предателемъ. Ибо похваляя всевышняго Бога, котораго царемъ, котораго превеликимъ, котораго творцемъ всѣхъ вещей, котораго источникомъ благихъ, котораго родителемъ всѣхъ, котораго содѣтелемъ и питателемъ живущихъ ты призналъ, тѣмъ самимъ отнялъ ты у Юпитера твоего царство, и его съ высочайшей власти изгнавъ, въ числѣ рабовъ поставилъ. И такъ заключенiе твое обличаетъ тебе въ безумiи, во лжи, и заблужденiи. Ибо утверждаешь ты бытiе боговъ, однако ихъ подвергаешь и порабощаешь тому богу, котораго вѣру силишся опровергнуть.

ГЛАВА 4.

Для чего сiе дѣло началъ, и противъ кого, и къ чему оно полезно.

И такъ вышереченные оные когда въ присутствiи моемъ не безъ сожалѣнiя моего, свои сочиненiя читали: то и ихъ гордымъ нечестiемъ и самою истинною, и (какъ думаю) Богомъ возбужденъ я будучи, принялся за сiе дѣло, дабы всѣми ума моего силами обвинителей правды обличить, не съ тѣмъ, чтобъ противъ ихъ писать, которыхъ краткими словами сразить можно, но дабы всѣхъ, которые вездѣ подобное тому дѣлѣютъ или дѣлали, однимъ ударомъ поразить. Ибо не сумнѣваюсь, чтобъ и другiе многiе, и во многихъ мѣстахъ, и

не

не только по Гречески, но и по Латинѣ монументовъ неправды своей не сооружили: которымъ порознь поелику отвѣчать я не моглъ, то такимъ образомъ заблагоразсудилъ сіе защищать, дабы и первыхъ со всѣми ихъ писаніями опровергнуть, и будущимъ всю способность пресѣчь, писать чтолибо или отвѣчать. Пускай только слушаютъ: здѣлаю дѣйствительно, что всякъ, кто сіе познаетъ, то или пріиметъ, что прежде охуждалъ; или, что не далеко отстоитъ отъ того, насмѣхаться тому нѣкогда престанетъ. Хотя Тертулліанъ о семъ дѣлѣ ясно говорилъ въ той книгѣ, которая Апологетикомъ или защищеніемъ называется: однако понеже иное есть обвиняющимъ отвѣчать, (что въ оправданіи или отрицаніи состоитъ) иное научать, какъ я дѣлаю, въ чемъ должно всего ученія силу описать. Предпріялъ я сей трудъ, дабы дополнить матерію, которой Кипріанъ не довершилъ въ ономъ словѣ, въ которомъ Димитріана (какъ самъ говоритъ) лающаго и ругающаго истинну обличить силиться: ибо сей матеріи не такъ употребилъ онъ, какъ должно было. Понеже не свидѣтельствами писанія, которое Димитріанъ за пустое, ложное, и вымышленное почиталъ, но доводами и разсужденіями должно было возражать. Ибо говоря противъ человѣка незнающаго истинны, отложивши на время Божественная писанія, сперва научать его какъ невѣжду надлежало, и ему помалу свѣта начатки показывать, дабы все свѣти-

ло показавши не ослѣпить. Ибо какъ младенецъ грубой пищи принять не можетъ по нѣжности стомаха, но млекомъ кормимь бываетъ, покуда укрѣпившись въ силахъ, крѣпчайшую пищу принимать можетъ, такъ и ему надлежало: понеже не могъ еще Божественныхъ свидѣтельствъ понять, во первыхъ человѣческія свидѣтельства представить, то есть Философовъ и историковъ, дабы наипаче отъ своихъ писателей изобличенъ былъ. Сего понеже онъ не здѣлалъ уповая на изящное знаніе Божественныхъ писаній, и тѣмъ однимъ доволенъ былъ, въ чемъ состоитъ вѣра: то принялся я вдохновеніемъ Божіимъ оное здѣлать, и купно прочимъ путь къ подражанію показать. А ежели поувѣщанію моему ученые и краснорѣчивые люди ко мнѣ пристанутъ, и умы свои и силу слова въ сей истиннѣ покажутъ, то никто сумнѣваться не будетъ, что изчезнутъ вскорѣ ложныя вѣры, и падетъ вся Философія: особливо ежели всѣ познаютъ, что и сія вѣра, и сія истинна единственно есть мудростію. Но далѣе простерлось мое слово, нежели какъ хотѣлось.

ГЛАВА 5.

О правдѣ, которой не только Философы, но и Стихотворцы Философовъ древнѣйшіе всѣми силами искали. И какъ за истинну, а не за вымыслъ стихотворческій почитать должно, что правда на земли жила въ царствѣ Сатурновомъ, и золотыя были вѣки, но въ царствѣ Юпитеровомъ правда изгнана.

Теперь должно о правдѣ поговорить, которая или сама добродѣтелію, или источникомъ есть добродѣтели: которой не только Философы искали, но и Стихотворцы, которые и задолго прежде были, и прежде изобрѣтеннаго Философіи имени за мудрыхъ почитались. Они ясно уразумѣли, что нѣтъ правды въ людехъ: и вымыслили, что правда будучи раздражена пороками людскими, оставила землю, и преселилась на небо. И дабы показать, что есть праведное житіе (ибо обыкновенно прикрытыми рѣчами говорятъ) приводятъ примѣры правды отъ Сатурновыхъ временъ, которыя златыми называютъ, и говорятъ, въ какомъ состояніи было житіе человѣческое, когда правда на земли была. И сіе не за стихотворческій вымыслъ, но за истинну почитать должно. Ибо въ царство Сатурново, когда еще Боговъ почитанія не было уставлено, и когда еще люди никого не обоготворяли, тогда подлинно Бога почитали, и того ради не было ни несогласій, ни вра-

вражды, ни браней. Еще безумное неистовство не обнажало меча, какъ Цесарь въ Аратскомъ говоритъ стихѣ. И между родственниками не было несогласія, и не только то, но и между инородными: и никакихъ мечей не было, которые бы обнажать. Ибо когда была, и дѣйствовала правда, то кто или о защищеніи себя помышлялъ, когда никто не навѣтовалъ, или о погибели другаго, когда ничего не желалъ? Жили довольствуяся умѣренными одеждами, какъ Цицеронъ говоритъ въ своемъ Аратѣ, что есть свойственно нашей вѣрѣ; ни назначать ни раздѣлять границами поля не можно было, въ одно мѣсто все собирали: ибо поелику Богъ общую всѣмъ землю далъ, дабы общее имѣли житіе, дабы неистовая и бѣшеная ненасытимость всего себѣ не присвояла, и дабы всякъ имѣлъ, что для всѣхъ раждается. Стихотворца должно принимать не съ тѣмъ, чтобъ думать, акибы совсѣмъ никто тогда ничего неимѣлъ частнаго и собственнаго, но стихотворческимъ обычаемъ изображено, дабы уразумѣть намъ, что толь щедры были люди, что рождающихся имъ житъ въ житницахъ не запирали, и сами одни оныхъ не употребляли, но нищихъ въ сообщество собственнаго труда принимали. „ Рѣки одни млекомъ, другіе текли медомъ. И не дивно, понеже хранилища праведныхъ изъ милосердія были всѣмъ отверсты, и скупость не перехватывая благодѣяній Божіихъ, глада и жажды народу не дѣлала; но всѣ равно довольствовалися: понеже доста-

статочные неимущихъ щедро и обильно снабдѣвали. Но когда Сатурнъ отъ сына изгнанъ будучи, въ Латію пришелъ, убѣгая оружія Юпитерова по отнятіи царства, когда уже народъ, или за страхъ новаго Царя, или самоизвольно развратившись Бога почитать престалъ, и Царя за Бога почитать началъ, когда самъ почти отцеубійца примѣромъ прочимъ былъ къ нарушенію благочестія, оставила скоро землю наиправеднѣйшая дѣвица: а не такъ какъ Цицеронъ говоритъ, и въ Юпитеровомъ Царствѣ, и на предѣлахъ небесныхъ поселилась. Ибо какъ могла въ его царствѣ поселиться или пребывать, который отца изъ царства выгналъ, войною на него вооружался, изгнаннаго по всему свѣту гналъ. Онъ смертоноснаго яду прибавилъ чернымъ зміямъ и похищать волкамъ повелѣлъ. То есть ненависть, и зависть, и лесть вліялъ въ людей, дабы были ядовиты какъ змѣи, такъ хищны, какъ волки. И сіе въ самой вещи дѣлаютъ тѣ, которые праведныхъ и вѣрныхъ Богу гонятъ, и даютъ судьямъ власть свирѣпѣть противъ неповинныхъ. Можетъ быть нѣчто такое Юпитеръ здѣлалъ ради разоренія и истребленія правды, и того ради говорятъ, будтобы въ свирѣпость привелъ зміевъ, и волкамъ вложилъ хищность. Тогда неистовство войны и любостяжаніе настало. Ибо по истребленіи Божія вѣры, добра и зла знаніе потеряли: такимъ образомъ у людей пресѣклось общество житія, и разорвался союзъ дружбы человѣческой. Тогда между собою воевать начали

чали и навѣтовать, и славу себѣ отъ человѣческой крови приобрѣтать.

ГЛАВА 6.

Что сребролюбіе источникъ всякаго зла изгнавши правду, свои, то есть наинесправедливѣйшіе поставило законы: и какъ при Юпитерѣ, одной природы людей въ рабство покорило дерзкое, сластолюбное, тщеславное, гордое и лютое злочестіе человѣческое, и златый истребило вѣкъ, который дѣлаетъ одна непорочность истинной вѣры.

Сего всего зла источникомъ сребролюбіе было, которое изъ презрѣнія истиннаго величества произошло: ибо не только не давали достаточные не имущимъ, но и чужое похищали, къ собственной пользѣ привлекая все: и въ чемъ для употребленія человѣческаго всѣ обще трудились, оное въ домы немногочисленныхъ людей собираемо было. Ибо дабы прочихъ въ рабство покорить, вопервыхъ потребное къ житію похищать и собирать начали, и оное крѣпко заперши хранить, дабы небесное благодѣяніе здѣлать своимъ, не ради людскости, которой у нихъ не было, но дабы все орудія любостяжанія и сластолюбія собрать: и законы себѣ подъ именемъ правды наибеззаконнѣйшія и наинесправедливѣйшія уставили, дабы только хищеніе и любоимѣніе свое про-

шивъ силы народа защищать. И такъ столько преимуществомъ, сколько силою, или богатствомъ, или злобою превосходили. И понеже въ нихъ никакого слѣда правды не было, которой дѣла суть людскость, равность, милосердіе, то гордое и надменное неравенство избрали, и выше прочихъ людей послѣдованіемъ за собою слугъ и вооруженіемъ, и богатыми одеждами дѣлались. Они себѣ чести и порфиры, и достоинства изобрѣли, дабы утверждаяся страхомъ топоровъ и мечей, какъ бы правомъ владычества устрашенными и боящимися народами владѣть. Въ такомъ состояніи человѣческое житіе Царь оный поставилъ, который побѣдивъ и прогнавъ отца, не на царство но на мучительство силою и оружіемъ вступилъ, и златый оный и праведный вѣкъ истребилъ, и принудилъ людей быть злыми и нечестными тѣмъ самимъ, что отвратилъ людей отъ Бога къ почитанію своему, которое произвелъ къ нему страхъ необычайно надмѣнной власти. Ибо кто не боялся того, котораго оружія, котораго железа и мечей необычное блистаніе окружали? Или какъ могъ онъ пощадѣть чужаго, который и отца своего не пощадѣлъ? Когоже боялся тотъ, который Титановъ сильный и превосходный въ мужествѣ народъ войною побѣдилъ, и наголову побилъ? Такъ дивно ли, что все множество необычнымъ страхомъ утѣснено будучи, ласкательствовать ему стало. Его почитали, ему честь наивеличайшую воздавали: и понеже нравамъ и порокамъ царскимъ по-

последовать за послушаніе почитается, то отвергли все благочестіе, дабы не укоришь пороков царских, ежели благочестно жить станут. Таким образом всегдашним подражаніем развратившись, божій закон оставили: и помалу непотребно жить вошло в обычай, и уже ничего из прошедшаго благочестнаго и наилучшаго века не осталось: но правда с истинною изгнанная оставила людем заблужденіе, незнаніе, слепоту. И так неразумны стихотворцы, что говорили, будтобы правда на небо ушла к Юпитерову царству. Ибо ежели в златый век правда на земли была, то она Юпитером прогнана, который златый век пременил. А пременением века, и прогнаніем правды не что иное, как я сказал, как только оставленіе божія веры почитать должно, которая одна делает, дабы человек человека любил, и ведал, что он ему союзом братства связан: (понеже отец и Бог един есть всем) дабы Бога общаго отца благодеянія с неимущими разделял, никому не причинял вреда, никого не утеснял, не затворял дверей странному, не презирал просящаго: но был щедрым, милостивым, податливым, которыя похвалы Туллій царскими назвал. Сія есть прямая правда, и сей златый век, который в царство Юпитерово сперва испорчен, а потом когда Юпитер сам и все поколеніе его обоготворено, и богов почитаніе принято, совсем истреблен.

ГЛАВА 7.

О пришествіи Христа златый вѣкъ возвращающаго въ избранныхъ: то есть истинную обновляющаго вѣру. И что добродѣтель познавается и искушается пороками, дабы извѣстно было, для чего Богъ злу быть попущаетъ,

Но Богъ какъ отецъ премилостивый въ послѣднее время вѣстника послалъ, древній оный вѣкъ, и изгнанную правду возвратить, дабы человѣческій родъ ужасными и всегдашними не колебался заблужденіями. И такъ возвратился видъ онаго златаго времени, и возвращена на землю, хотя не многимъ она дарована, правда, которая не что иное есть, какъ только Бога единаго благочестное и благоговѣйное почитаніе. Но можетъ быть подумаетъ кто либо: для чего, ежели сія есть правда, не всему человѣческому роду она дана, и не все множество ея приняло. Великаго сіе разсужденія требуетъ, для чего Богъ возвращая правду на землю, удержалъ разность, что и на иномъ мѣстѣ изъяснилъ я, и гдѣ пристойно случится, изъясню. Теперь довольно кратко объявить, что добродѣтели или видѣть не можно, ежели не будетъ имѣть пороковъ противныхъ, или несовершенна будетъ добродѣтель, ежели будетъ неискушена нещастіемъ. Ибо такое добра и зла Богъ положилъ различіе, дабы качество добра отъ зла познавать, а качество зла отъ добра, и одно

но безъ другаго уразумѣть не можно. И такъ Богъ не изгналъ зла, дабы добродѣтель была извѣстна. Ибо какимъ бы образомъ терпѣніе силу свою и имя удержало, ежели бы не было чего терпѣть? Какъ заслужила бы себѣ похвалу посвященная Богу вѣра, ежели бы никто отъ Бога не отвращалъ? Ибо и для того неправеднымъ попустилъ быть сильнѣйшими, дабы могли понуждать къ злу, для того множайшими, дабы добродѣтель была драгоцѣнною, понеже она рѣдка. И сіе Квинтиліанъ изрядно и кратко показалъ въ главѣ обверченой: „ Ибо „ каковою, говоритъ, добродѣтелію была бы невинность, ежели бы рѣдкость оныя, похвалы „ не даровала? Но понеже по природѣ такъ „ дѣлается, что ненависть, сребролюбіе, гнѣвъ, „ на кого попадутъ, ослѣпляютъ онаго, то ужѐ „ выше человѣка есть, быть неповиннымъ. Инако „ ежели бы природа равные всѣмъ страсти дала, „ то благоговѣніе за ни чтобы поставлялось. „ Сіе сколь есть истинно, показываетъ самый разумъ. Ибо ежели добродѣтель есть, злу и порокамъ мужественно противиться: то видно, что безъ зла и порока нѣтъ никакой добродѣтели, которую Богъ, хотя совершенною здѣлать, оставилъ то, что было ей противно, съ чемъ бы она могла сражаться. Понеже колеблема будучи удареніемъ золъ, твердость принимаетъ, и чемъ чаще ударяема бываетъ, столь сильнѣе укрѣпляется. Сіе причиною было, что хотя ниспослана къ людемъ правда, однако злашаго вѣка нѣтъ: понеже зло не истреблено, дабы осталося различіе, кото-

рое одно тайну божественныя вѣры составляетъ.

ГЛАВА 8.

Для чего правды, которая явна есть, не видятъ люди: и что человѣкъ храмъ Божій есть, а не злато ни каменіе. И что Бога добродѣтельми почитать должно, не тлѣнными дарами. И что все зло изъ того происходитъ, что многихъ боговъ почитаютъ: понеже ежели бы единаго истинно почитали, всѣ бы союзъ братства познали и хранили.

И такъ которые думаютъ, что праведнаго нѣтъ никого, тѣ предъ очами имѣютъ правду, но ея не хотятъ видѣть. Ибо для чего оную или въ стихахъ, или во всякой рѣчи описываютъ, жалуясь о ея отсутствіи, когда весьма легко быть имъ добрыми, ежели захотятъ? Для чего себѣ пустую правду изображаете, и хочете совлечь ея съ неба, какъ бы на нѣкоей картинѣ или ваяніи изображенную? Вотъ предъ очами вашими она, возмите (ежели можете) и оную въ храминѣ сердца вашего поставте. Не почитайте сего труднымъ и удаленнымъ въ разсужденіи временъ. Будьте праведными и добрыми, тогда послѣдуетъ за вами самопроизвольно правда, которой ищете. Отложите все злое помышленіе отъ сердецъ вашихъ, и тотчасъ вамъ

оное время златое возвратится: котораго инако постигнуть не можете, какъ только ежели истиннаго Бога почитать начнете. А вы при почитаніи боговъ правды желаете на земли, чему быть не можно: но и тогда быть не могло, когда вы думаете: ибо покуда не родились боги оные, которыхъ вы нечестиво почитаете, единаго Бога почитали по всей земли, то есть того, который ненавидитъ зла, любитъ доброе: котораго храмъ не камни или блато, но самъ человѣкъ составляетъ, который образъ божій носитъ, и сей храмъ не златомъ, ни драгоцѣнными камнями тлѣнными, но внутренними добродѣтелями украшается. И такъ познайте, ежели вы не совсѣмъ ума лишились, что люди для того злы и неправедны, понеже боговъ почитаютъ; и для того всякое зло въ дѣлахъ человѣческихъ повседневно умножается, понеже Богъ сего міра создатель и управитель оставленъ, понеже приняты противъ справедливости нечестивыя вѣры, наконецъ понеже почитать Бога и малочисленнымъ не попущаете. А ежели бы единаго Бога почитали, то не было бы несогласій и войны, понеже знали бы люди, что они единаго отца суть чада, и того ради божественнаго свойства святымъ и неразрывнымъ союзомъ связаны. Не было бы ни какихъ навѣтовъ, понеже знали бы, какія казни Богъ душеубійцамъ готовитъ, который тайная беззаконія, и самыя помышленія предвидитъ. Не было бы коварствъ ни хищенія, ежели бы по повелѣнію Божію на-

научились своимъ малымъ довольствоваться, немощнымъ и временнымъ твердое и вѣчное предпочитать. Не было бы прелюбодѣянія, и блуда, ежели бы извѣстно было всѣмъ, что Богъ казнитъ всякое вожделѣніе, которое бываетъ сверхъ чадородія. Жены цѣломудрія своего не нарушали бы ради приобрѣтенія себѣ мерзкимъ образомъ пропитанія, понеже и мужчины презрѣли бы страсть любодѣянія, и достаточныхъ людей милостивое и благочестивое подаяніе неимущимъ помоществовало бы. И такъ не было бы: (какъ сказалъ я) всего сего зла на земли, ежели бы всѣ люди законъ божій приняли, ежели бы всѣ дѣлали то, что единъ нашъ христіанскій народъ дѣлаетъ. Сколь блаженное было бы, сколь златое человѣческое состояніе, ежели бы во всемъ свѣтѣ кротость, и благочестіе, и милость, и миръ, и невинность, и равенство, и воздержаніе, и вѣра пребывали! Наконецъ къ управленію людей не потребно было бы толь многихъ, толь различныхъ законовъ, понеже къ совершенной невинности единъ божій законъ доволенъ былъ бы. Не надобно было бы ни темницъ, ни мечей начальническихъ, ни страха казней, понеже небесныя заповѣди въ сердца человѣческія влиянныя добровольно къ дѣламъ правды людей наставили бы. А нынѣ злы люди, потому, понеже не знаютъ, въ чемъ состоитъ правота и добро. О чемъ и Цицеронъ вѣдалъ. Ибо разглагольствуя о законахъ, „Какъ единою, говоритъ, природою міръ во „всѣхъ частяхъ между собою сообразныхъ со-

„ единяется и утверждается: такъ всѣ люди ме„жду собою природою соединены будучи развра„щеніемъ не согласуютъ: и не разумѣютъ, что „они между собою сродники, и подлежатъ „всѣ единому защитнику. Сіе ежели бы зна„ли, то подлинно божественную бы жизнь „люди препровождали „. И такъ все зло, которымъ человѣческій родъ себе много взаимно уязвляетъ, неправедное и нечестивое боговъ почитаніе ввело. Ибо не могли удержать благочестія, которые общаго всѣхъ отца Бога, такъ какъ блудные дѣти и непокоривые отреклись.

ГЛАВА 9.

Что неправедные не имѣя правды, думаютъ что всѣ ея не имѣютъ, и на праведнѣйшихъ и невиннѣйшихъ люто свирѣпѣютъ, то есть на рабовъ Христовыхъ, мѣру отцевъ исполняя: которые главу всѣхъ праведныхъ Христа убили, для того, что нравенство житія беззаконнаго жаждетъ крови невинной.

Однако иногда признаютъ себе злыми, и древнихъ вѣковъ состояніе хвалятъ, и изъ нравовъ своихъ и дѣлъ догадываются, что нѣтъ правды, которой обращающейся предъ очами своими не только не принимаютъ и не познаютъ, но и жестоко ненавидятъ и гонятъ, и искоренить стараются. И такъ поло-

ложимЪ, будто сія, которой мы послѣдуемЪ, не есть правда, то какимЪ образомЪ, ежелибы пришла та, которую за истинную почитаютЪ, ея пріимутЪ оные, которые терзаютЪ и убиваютЪ тѣхЪ, которыхЪ и сами признаютЪ подражателями праведнымЪ, понеже добрыя и праведныя дѣла дѣлаютЪ, когда хотя только злыхЪ убивали бы, однако не былибы достойными, дабы кЪ нимЪ правда пришла, которой никакой иной причины не было оставить землю, кромѣ пролитія крови человѣческой: кольми паче когда благочестивыхЪ убиваютЪ, и самыхЪ правды послѣдователей за враговЪ почитаютЪ: и не только, но еще и болѣе нежели за враговЪ. Ибо враговЪ, когда они на жизнь ихЪ и на имѣніе, и на дѣтей мечемЪ и огнемЪ нападаютЪ, щадятЪ однакожЪ побѣжденныхЪ, и между оружіемЪ даютЪ мѣсто милости, или ежели чрезмѣрно раздражены будутЪ, однако ничего больше сЪ ними не дѣлаютЪ, какЪ или убиваютЪ, или вЪ неволю отводятЪ. ТогожЪ описать не можно, что дѣлаютЪ они противЪ тѣхЪ, которые зла дѣлать не знаютЪ: и никого толь виноватыми не считаютЪ, какЪ самыхЪ неповиннѣйшихЪ. И такЪ смѣютЪ люди нечестивѣйшіе о правдѣ воспоминать, которые звѣрей свирѣпствомЪ превосходятЪ: которые кроткое стадо божіе разхищаютЪ и терзаютЪ. „ КакЪ волки хищные вЪ темной мглѣ, которыхЪ злое чревонеистовство ослѣпивши понуждаетЪ. Но сихЪ не чрева, но сердца неистовство вЪ звѣрство приводитЪ, и не вЪ темной

мой мглѣ, но явнымъ разбоемъ нападаютъ, и всегда вѣдая о беззаконіяхъ своихъ, святое и благочестивое имя правды устами своими оскверняютъ, которыя кровію невинныхъ, какъ зѣвъ звѣрей, обагрены. Сея толикія и толь непреклонныя ненависти какая наипаче есть вина? Истинна ли ненависть раждаетъ, какъ говоритъ стихотворецъ, акибы божественнымъ духомъ побужденный? или стыдятся предъ праведными и добрыми, быть непотребными? или купно обое? Ибо и истинны для того всегда ненавидятъ, понеже согрѣшающій хощетъ имѣть свободу грѣшить, и думать, что не инако безопаснѣе злодѣяній своихъ удовольствіемъ насладится, какъ ежели не будетъ никого, которой бы ненавидѣлъ пороковъ. Слѣдовательно они такъ какъ бы преступленій своихъ и злобы своей свидѣтелей, искоренить въ конецъ, и истребить стараются, и несносными себѣ ихъ почитаютъ, какъ бы житіе ихъ чрезъ оныхъ обличается. Ибо для чего нѣкоторые не къ статѣ добры, которые развращеннымъ обычаямъ общимъ, хорошо живучи, поношеніе дѣлаютъ? Для чего не всѣ равно злы, хищны, безстыдны, прелюбодѣи, клятвопреступники, сребролюбивы, лукавы? Пускай истребятся тѣ, предъ коими худо жить стыдно, которые согрѣшающихъ хотя не словами, понеже молчатъ, однакожъ самымъ житіемъ несходнымъ бьютъ. Ибо бьетъ, кто не согласуетъ. И не должно сему чрезмѣрно удивляться, когда противъ людей такъ дѣлаютъ, понеже противъ самаго Бога по той

же причинѣ восталъ народъ въ надеждѣ живущій, и Бога знающій: и слѣдуетъ праведнымъ тажъ нужда, которая самого правды начальника убила. И такъ озлобляютъ, и наижесточайшими казньми мучатъ, и за мало себѣ вмѣняютъ убивать тѣхъ, которыхъ ненавидятъ, ежели еще свирѣпствомъ надъ тѣлами не наругаются. А ежели которые страхомъ болѣзни или смерти, или своимъ вѣроломствомъ небесную тайну оставятъ, и къ смертоносным жертвамъ приступятъ, тѣхъ хвалятъ, и на чести возводятъ, дабы ихъ примѣромъ прочихъ приманить. А которые за велико ставя вѣру, и богопочитанія не отрицаются, на тѣхъ всѣми мучительства своего силами, какбы крови жадая нападаютъ, и отчаянными называютъ: понеже тѣла своего не щадятъ, будтобы что отчаяннѣйшее быть можетъ, какъ мучить и терзать того, которого знаютъ быть неповиннымъ. Такимъ образомъ никакого у нихъ стыда не осталось, у которыхъ нѣтъ никакой людскости, и обращаютъ на людей праведныхъ поношеніе имъ самимъ приличное. Ибо нечестивыми называютъ, сами то есть благочестивые, и отъ человѣческой крови отвращающіеся: когда ежелибы и свои дѣла разсудили, и тѣхъ, которыхъ какъ нечестивыхъ казнятъ, то уже позналибы, сколь сами они лживы, и всего того, что противъ добрыхъ или говорятъ, или дѣлаютъ, достойнѣйшіе. Ибо не изъ нашего, но изъ ихъ числа всегда видимы бываютъ, которые вооружась стоятъ на дорогахъ, на мори разби-

бивают, или ежели явно разбивать не можно, то отраву тайно растворяют: которые жен убивают, дабы приданое их получить: или жены мужей, дабы за прелюбодеев вытти: которые рожденных от себе детей или задушивают, или ежели гораздо чадолюбивы, подкидывают: которые похоти кровосмесной ни от дочери, ни от сестры, ни от матери, ни от жрицы не воздерживают: которые против граждан своих и отечества делают заговоры: которые и в кожаной мешок зашиты быть не боятся: которые наконец святотатствуют, и богов, которых почитают, храмы обнажают: и дабы сказать то, что легче и обыкновеннее, которые наследства похищают, духовныя вымышляют, правильных наследников или убивают или из наследства изключают: которые тело свое похотникам продают: которые наконец не помня, какого они пола, равное с женами, терпят: которые и наисвятейшую тела своего часть против всех законов сквернят: которые детородные уды железом отрезывают; и что беззаконнее того, дабы быть первосвященниками: которые и житiя своего не щадят, но публично души на убiенiе продают: которые ежели судьями будут, или невинных убивают, мздою подкуплены будучи, или виноватых без наказанiя отпущают: которые и самого неба волшебствами касаются, будтобы злобы их земля вместить не могла. Сiи говорю, и сих множайшiя беззаконiя делают те, которые

Боговъ почитаютъ. Какое между сими толь многими и великими беззаконіями правдѣ мѣсто будетъ? и я отъ многихъ малое предложилъ, не ради обличенія, но ради показанія. Кто захочетъ знать все, пускай Сенекины книги читаетъ, который нравовъ и пороковъ народныхъ и описателемъ справедливѣйшимъ, и обличителемъ былъ жесточайшимъ. Но и Лукілій мрачное оное житіе сокращенно описалъ сими стихами! „ А нынѣ отъ утра до ночи „ въ праздникъ и буддень весь день равно и народъ „ и начальники, шатаются всѣ по рынку, и ни„ когда не отходятъ. У всѣхъ одно желаніе „ и искусство, говорить лукаво, сражаться, „ хитро ласкательствовать, притворяться „ добрымъ человѣкомъ, навѣтовать, какъ „ будтобы всѣ для всѣхъ врагами были „. А нашему народу что такое можно противоположить, котораго вся вѣра состоитъ въ томъ, чтобъ жизнь препровождать безъ беззаконія и безъ порока? И такъ видя, что сами они и ихъ народъ дѣлаетъ то, что я предлагалъ, а наши ничего инаго не дѣлаютъ, какъ только правду и добро, то могли бы (ежелибъ не лишились разума) изъ сего уразумѣть, что и тѣ, которые доброе дѣлаютъ, благочестивы суть, и они нечестивы, понеже зло дѣлаютъ. Ибо не можно тому статься, дабы тѣ, которые во всѣхъ житія своего дѣлахъ не заблуждаютъ, въ самомъ наибольшемъ заблуждали, то есть въ вѣрѣ, которая всѣхъ дѣлъ есть главою: нечестіе бо принятое въ главнѣйшемъ, и во всемъ про-

прочемъ послѣдовало бы. И того ради статься не можно, дабы заблуждающіи во всемъ житіи, не заблуждали и въ вѣрѣ: понеже благочестіе въ главномъ правило свое держащее, силу свою и въ прочемъ сохраняло бы. Того ради во обѣихъ частяхъ изъ состоянія вещей дѣющихся, какова есть самая главная вещь познавается.

ГЛАВА 10.

О нечестивомъ неправедныхъ Бога незнающихъ богопочитаніи. И каково и гдѣ есть истинное благочестіе, котораго почитающіи боговъ постигнуть не могутъ ради представленныхъ причинъ.

Должно разсмотрѣть ихъ благочестіе, дабы отъ дѣлъ ихъ милостивыхъ и благочестивыхъ можно было выразумѣть, какія они дѣла противъ благочестія дѣлаютъ. И дабы не подумали, будтобы я жестоко на нихъ нападаю, то нѣкоторое стихотворческое лице на себе приму, которое составляетъ главный примѣръ благочестія. У Марона Царь оный, котораго праведнѣе въ благочестіи, и въ сраженіи и мужествѣ никого превосходнѣе не было, какія намъ показалъ примѣры правды? вязалъ руки назадъ тѣмъ, коихъ имѣлъ посылать въ жертву тѣнямъ, дабы угасить огнь кровію умерщвленныхъ. Что можетъ быть сего благочестія безумнѣе, какъ мертвымъ человѣческія жертвы при-

приносить, и огнь кровію человѣческою какбы масломъ поливать? Но можетъ быть сіе не его порокъ былъ, но стихотворца, который знатнаго въ благочестіи мужа ужаснымъ злодѣяніемъ опорочилъ. Гдѣжь о стихотворецъ! оное благочестіе, которое весьма часто похваляешъ? „Вотъ благочестивый Еней въ „Сулмонѣ рожденныхъ четырехъ юношей, и „четырехъ отъ рѣки Уфна живыхъ взялъ „на жертву, дабы принести тѣнямъ, и плѣн„ническою кровію полить огонь„. Для чегожь говорилъ въ то самое время, въ которое связавши людей на заколеніе отдавать: я бы подлинно живыхъ сохранилъ: когда живыхъ имѣя во власти, на подобіе скотовъ убить повелѣлъ. Но сія (какъ я сказалъ) вина не его была, который можетъ быть не учился, но твоя, что будучи ученъ, не зналъ однако, что есть благочестіе: и самое беззаконное и проклятое дѣло за дѣло благочестія вмѣнилъ. То есть за то одно благочестивымъ называется, понеже отца любилъ. Что болѣе? Когда добрый Еней просящихъ о дѣлѣ, котораго презирать было не должно, убилъ? Ибо когда его заклинали тѣмже отцемъ, и надеждою востающаго Іула, не пощадѣлъ, безуміемъ воспаленъ бывши и гнѣвомъ. И такъ имѣлъ ли онъ въ себѣ какую добродѣтель, который и безуміемъ такъ какъ лучина возгорѣлся: и тѣнь отцовскую, которою его укоряли, забывъ, гнѣва обуздать не моглъ? И такъ не благочестивъ тотъ, который не только не противящихся, но и просящихъ о пощадѣ умертвилъ.

вилЪ. Скажетъ здѣсь ктолибо: которое же, или гдѣ, или каково есть благочестїе? Оно есть у тѣхъ, которые войны не знаютъ, которые согласїе со всѣми хранятъ, которые другами суть и врагамъ, которые всѣхъ людей какъ братовъ любятъ, которые удержать гнѣвъ могутъ, и всякое душевное неистовство тихимъ управленїемъ умягчать. И такъ какїй мракъ, какїй тьмы и заблужденїй облакъ человѣческїя сердца покрылъ, которые когда себе чрезмѣрно благочестивыми почитаютъ, тогда бываютъ крайне нечестивыми? Ибо чемъ вѣрнѣе земнымъ онымъ изображенїямъ служатъ, тѣмъ нечестивѣе противъ имѣни истиннаго Бога бываютъ. Того ради достойно за нечестїе свое тяжчайшими казньми озлобляемы бываютъ: которыхъ причины понеже не знаютъ, то фортунѣ вину всю приписываютъ: и мѣсто нашла Епикурова Философїя, который думалъ, что до боговъ ничто не надлежитъ, ни на милость они не преклаHяются, ни на гнѣвъ не подвизаются: понеже и презирающїе ихъ часто бываютъ щастливыми, и почитающїе часто нещастными. Сїе потому бываетъ, понеже думая о себѣ, будто они благочестивы, и по природѣ добры, считаютъ, что ничего того не заслужили, что часто страждутъ. Утѣшаютъ однако себе обвиненїемъ фортуны, и не чувствуютъ, что ежели бы была фортуна, то почитателемъ своимъ никогда вреда не причиняла бы. И такъ достойно такому благочестїю казнь послѣдуетъ: и раздраженъ будучи Богъ беззаконїемъ людей не

 бла-

благочестивыхъ; тяжкимъ ихъ нещастіемъ наказываетъ: которые хотя живутъ свято, весьма вѣрно и невинно: однако понеже боговъ почитаютъ, которыхъ обрядовъ нечестивыхъ и скверныхъ Богъ истинный ненавидитъ, то отъ правды и отъ имени истиннаго благочестія они чужди. И не трудно показать, для чего боговъ почитающіе добрыми и праведными быть не могутъ. Ибо какимъ образомъ отъ крови воздержатся, которые почитаютъ кровожаждущихъ боговъ Марса и Беллону? Какже и родителей пощадятъ, которые почитаютъ Юпитера, кой изгналъ своего отца? или будутъ чадолюбивыми, которые почитаютъ Сатурна? какъ чистоту сохранятъ, которые почитаютъ богиню нагую и любодѣйцу, и какбы у боговъ ради любодѣянія нанятую? какъ воздержатся отъ грабленія и лести, которые Меркуріевы воровства знаютъ, который училъ, что обманывать не коварство есть, но искусство? какъ похоть воздержатъ, который Юпитера, Ираклія, Либера, Аполлина, и прочихъ почитаютъ, которыхъ прелюбодѣянія и блуды на мужей и женъ не только ученымъ извѣстны, но изображаются и на позорищахъ, и поются, дабы были всѣмъ извѣстнѣйшими? Могутъ ли по сему люди праведными быть, которые хотя по природѣ своей добры, однако отъ самыхъ боговъ наставляются на неправду? Ибо къ умоленію Бога, котораго почитаешъ, тѣ вещи потребны, которыми онъ утѣшается. Отъ сего происходитъ, что Богъ почитателей своихъ

ихъ житіе по качеству своему управляетъ: понеже наиблагочестивѣйшимъ почитаніемъ есть, ему подражать.

ГЛАВА II.

Что гонители Христіанъ не только звѣри были, но и самыхъ звѣрей безумнѣе и лютѣе. И для чего и какими муками мучениковъ мучатъ.

И такъ тѣмъ людемъ, которые нравами богамъ своимъ подобны, понеже тяжка есть и непріятна правда, то тожъ нечестіе свое, котораго въ прочихъ дѣлахъ употребляютъ, противъ праведныхъ нагло дѣлаютъ. И по достоинству Пророки звѣрями ихъ называютъ. И такъ изрядно Маркъ Туллій: „Ибо „ежели нѣтъ ни одного, говоритъ, кто бы „не захотѣлъ лучше умереть, нежели обратиться въ нѣкоторый образъ звѣрскій, хотя бы умъ человѣческій имѣлъ: то сколь „нещастнѣе въ человѣческомъ образѣ имѣть „духъ звѣрскій. Мнѣ такъ кажется, поелику душа превосходнѣе тѣла.„ И такъ гнушаются тѣлами звѣрей, которыхъ сами лютѣе, и столь имъ пріятно, что людьми родились, хотя ничего человѣческаго кромѣ начертанія и образа не имѣютъ. Ибо какій Кавказъ, какая Индія, какая Ирканія, толь свирѣпыхъ, толь жаждущихъ крови звѣрей

 когда

когда родила? понеже звѣрей всѣхъ лютость неистовится только для насыщенія чрева, по насыщеніи же тотчасъ престаетъ. Тотъ то прямый звѣрь, котораго однимъ повелѣніемъ проливается черная вездѣ кровь, жестокій вездѣ происходитъ плачь; вездѣ страхъ и безчисленные виды смерти совершаются. Никто безчеловѣчія сего звѣря не можетъ по достоинству описать, который на одномъ мѣстѣ лежа, во всемъ свѣтѣ зубами желѣзными свирѣпѣетъ, и не только члены человѣческіе разрушаетъ, но и самыя кости сокрушаетъ, и на пепелъ злится, дабы не осталось погребенію мѣста: будто бы признавающіе Бога того желаютъ, дабы къ ихъ гробницамъ приходили, а не того, чтобъ сами къ Богу пришли. Какое оное звѣрство, какое неистовство, какое безуміе есть, свѣта живымъ, земли мертвымъ не давать? И такъ я говорю, что нѣтъ ничего нещастнѣйшаго тѣхъ людей, которыхъ слугами неистовства чужаго, которыхъ слугами нечестиваго повелѣнія нужда или нашла, или здѣлала. Ибо не честь то, ни повышеніе достоинства, но человѣкъ осудилъ ихъ на мучительство, а Богъ на казнь вѣчную. А что всѣ во всемъ свѣтѣ дѣлали, сказать не можно. Ибо какое число книгъ вмѣститъ толь безчисленные, толь различные роды свирѣпства? понеже принявши власть, всякъ по своему нраву свирѣпѣетъ. Иные отъ излишняго надменія больше дерзнули, нежели имъ повелѣно было: иные по своей собственной противъ праведныхъ ненависти;

иные

иные природнымъ ума звѣрствомъ: иные дабы угодить, и сею заслугою путь себѣ къ вышшей чести здѣлать: иные скоро убивали: какъ то одинъ въ Фригіи, который весь народъ купно съ самимъ храмомъ сжегъ. Но сей сколько лютѣе, столь милостивѣйшимъ почитается. А оный родъ скареднѣе, который льститъ себе ложнымъ милости видомъ; тотъ лютѣйшій, тотъ жесточайшій есть мучитель, который никого не хочетъ убить. Того ради сказать не можно, какіе и коль тяжкіе мученій роды судіи сіи вымыслили, дабы въ дѣйство намѣреніе свое произвесть. Сіе же не только для того дѣлаютъ, дабы могли похвалиться, что никого невиннаго не убили (ибо я и самъ слышалъ нѣкоторыхъ хвалящихся, что правленіе ихъ въ семъ дѣлѣ было не кровопролитное;) но и для зависти: дабы или сами не были побѣждены, или наши славы добродѣтели не получили. Потому вымышляя мученій роды, нѣчто иное какъ побѣду вымышляли. Ибо знали, что оное есть подвигъ и сраженіе. Видѣлъ я въ Виѳиніи начальника несказанно радующагося, какъ будто бы нѣкоторый варварскій народъ покорилъ: что одинъ изъ нашихъ чрезъ два года мужественно противляяся, наконецъ казался побѣжденнымъ. И такъ стараются побѣдить, и несказанными муками тѣла мучатъ, и ничего инаго такъ не берегутся, какъ дабы мучимые не умерли. Будто смерть только блаженными дѣлаетъ, а не и муки, которые чемъ будутъ тяжчае, столь большую добро-

дѣтели славу раждаютъ. А они упрямымъ безуміемъ велятъ прилѣжно лѣчить мученыхъ, дабы къ другимъ мученіямъ члены обновились, и обновилась новая кровь къ мученію. Что другое толь милостивымъ, толь благотворительнымъ, толь человѣколюбнымъ быть можетъ? Не лѣчили бы думаю толь прилѣжно своихъ любимыхъ. Сіе есть боговъ ученіе: на сіи дѣла почитателей своихъ они наставляютъ; сихъ жертвъ желаютъ. Паче же пребеззаконные человѣкоубійцы противъ благочестивыхъ нечестивые права издали: ибо и установленія святотатскія, и разглагольствія въ правахъ искусныхъ написаны неправедныя. Домитій о должности проконсульской въ книгѣ седьмой отписки начальниковъ беззаконные собралъ, дабы показать, какими муками мучить должно тѣхъ, которые себя почитателями Божіими признаваютъ.

ГЛАВА 12.

Какъ самимъ мучителямъ пріятны бываютъ любящіе праговъ. И что лучше есть быть добрымъ, и злымъ почитаться, нежели злымъ быть, и почитаться добрымъ.

Что здѣлаешъ тѣмъ, которые правомъ называютъ мучительства древнихъ мучителей, противъ невинныхъ неистово свирѣпѣющихъ,

щихъ, которые будучи неправды и свирѣпства учителями, однако праведными и благоразумными себя почитаютъ. Слѣпые и безумные, и дѣлъ и истинны незнающіе? Такъ ли вы о погибельныя души ненавидите правды, что ея съ наивеличайшими беззаконіями сравниваете? Такъ ли у васъ погибаетъ невинность, что ни смерти простой оныя не удостоиваете? Но выше всякаго беззаконія почитаете никакого беззаконія не дѣлающихъ, и сердце чистое отъ всякаго порока хранящихъ? И понеже обще съ почитателями боговъ говоримъ, дозвольте намъ доброе дѣлать. Ибо сей есть законъ нашъ, сіе дѣло, сія вѣра. Ежели насъ за мудрыхъ почитаете, то подражайте намъ. Ежели за безумныхъ, то презирайте, или и смѣйтеся, ежели хочете, а намъ безуміе наше полезно. За что терзаете? За что оскорбляете? Не завидимъ мудрости вашей. Сего безумія желаемъ, сіе обьемлемъ. За должность себѣ почитаемъ любить васъ, и вамъ ненавидящимъ насъ добро творить. Есть у Цицерона согласное съ правдою мѣсто въ томъ словѣ, которое имѣлъ Фурій противъ правды. „Вопрошаю, говоритъ, ежели бы два были, „изъ которыхъ одинъ наилучшій мужъ, наи„справедливѣйшій, высочайшей правды, особ„ливой вѣры, другій ужаснаго беззаконія и „продерзости: и ежели бы въ томъ заблужде„ніи былъ городъ, дабы добраго онаго мужа „беззаконникомъ, злодѣемъ и нечестивымъ по„читалъ: а напротивъ наизлѣйшаго почи„талъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ: и по сему

„всѣхъ

„ всѣхъ гражданъ мнѣнію добраго онаго мужа
„ озлобляли, похитили, руки ему отсѣкли,
„ выкололи глаза, осудили, связали, жгли,
„ изгнали, въ скудость привели, наконецъ
„ наисправедливѣйше всѣхъ бѣднѣйшимъ почли:
„ а напротивъ онаго злаго хвалили, почита-
„ ли, всѣ любили, всю бы ему честь, всю
„ власть, всѣ богатства, все изобиліе даро-
„ вали: наконецъ по мнѣнію всѣхъ мужемъ
„ наилучшимъ, и всякаго щастія наидостой-
„ нѣйшимъ почитали. Кто будетъ столь без-
„ уменъ который бы усумнился, какимъ ему
„ наипаче быть должно „. Подлинно какъ бы отгадывая какое намъ зло, и какъ имѣло пріити за правду, сей положилъ примѣръ. Ибо сіе все народъ нашъ терпитъ по злобѣ заблуждающихъ. Вотъ въ томъ находится заблужденіи городъ, или паче весь свѣтъ, что добрыхъ и праведныхъ мужей, какбы злыхъ и нечестивыхъ, гонитъ, мучитъ, осуждаетъ, убиваетъ. Ибо что говоритъ, нѣтъ ни одного столь безумнаго, который бы усумнился, какимъ быть наипаче ему должно: онъ подлинно какъ и тотъ, который противъ правды говорилъ, такъ думалъ, восхощетъ наипаче мудрый злымъ быть съ добрымъ мнѣніемъ, нежели добрымъ, съ худымъ мнѣніемъ: а намъ да небудетъ такое безуміе, дабы ложь истиннѣ предпочитать. Или добродѣтели нашей качество будетъ паче зависѣть отъ народнаго заблужденія, нежели отъ совѣсти нашей и божія суда? Или нѣкоторое щастіе приманитъ насъ когда, дабы не паче истин-

наго добра со всякимъ нещастіемъ, нежели ложнаго со всякимъ благополучіемъ желали? Пускай имѣютъ себѣ свои царства Цари, свои богатства богатые (какъ говоритъ Плавтъ) а свой разумъ разумные: намъ пускай оставятъ безуміе наше, которое изъ того показывается быть мудростію, понеже въ оной намъ завидятъ. Ибо кто безумному завидитъ, какъ кто только самъ есть пребезуменъ? А они не такъ безумны, дабы безумнымъ завидѣли: но изъ того, что тщательно, что прилѣжно гонятъ, признаютъ, что мы небезумны. Ибо для чего такъ свирѣпо неистовятся, ежели не для того, что боятся, дабы повседневно укрѣпляющейся правдѣ, съ богами своими они оставлены не были? И такъ ежели почитатели боговъ мудры, а мы безумны, для чего боятся, дабы безумные мудрыхъ на свою страну не преклонили?

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

Что изъ того явствуетъ правда христіанскаго благочестія и истинна вѣры, что отъ почитателей боговъ умножается церьковь, но отъ церкви ни прещеніями ни мученіями не могутъ принудить къ почитанію боговъ, хотя нѣкоторые приносили по немощи изъ принужденія: однако потомъ покаяніемъ, въ чемъ Новатіаны возражаются, стали крѣпчайшими. И что терпѣніе мучениковъ наисильнѣйшимъ есть христіанскаго благочестія основаніемъ.

А когда наше число всегда боговъ почитателями умножается, а никогда и въ самомъ гоненіи не умаляется (понеже люди грѣшить и оскверниться жертвами могутъ, а отвратиться отъ Бога не могутъ: поелику крѣпка въ силѣ своей истинна) то кто есть толь безуменъ и толь слѣпъ дабы не видѣлъ, въ которой сторонѣ находится мудрость? Но они злобою и неистовствомъ ослѣпляются, дабы не видѣть, и безумными почитаютъ тѣхъ, которые имѣя въ своей власти мукъ избѣжать, мучиться однако и умереть наипаче желаютъ; хотя могутъ изъ того самаго ясно видѣть, что не безуміе то есть, въ чемъ толь многіе людей тысячи во всемъ свѣтѣ единодушно согласуютъ. Ибо ежели жены по немощи пола своего падаютъ (ибо иногда почитатели боговъ женскимъ и бабіимъ суевѣріемъ назы-

ваютъ) то мужи наши поистиннѣ разумѣютъ. Ежели младенцы, ежели юноши неосторожны по младости возраста: то совершеннаго возраста и старые люди имѣютъ твердое разсужденіе. Ежели одинъ городъ безумствуетъ, то подлинно безчисленные безумными быть не могутъ. Ежели одна провинція, одинъ народъ предусмотренія не имѣетъ, то прочіе всѣ непремѣнно разумѣютъ истинну. А понеже отъ востока солнца до запада законъ Божій приняли, и всякъ полъ, и всякъ возрастъ и народы и страны единодушно и равно Богу служатъ, единое вездѣ имѣютъ терпѣніе, единое презрѣніе смерти: то разсудить имъ надлежало, что есть въ сей вещи нѣкоторая важность, которую не безъ причины даже до смерти защищаютъ: нѣкоторое основаніе и твердость, что оная вѣра не только обидами и озлобленіемъ не разрушается, но умножается всегда, и дѣлается крѣпчайшею. Ибо и въ семъ злоба ихъ обличается, что думаютъ, будтобы разрушили вѣру Божію, ежели людей осквернятъ: понеже и Богу довлетворить можно, и нѣтъ ниодного толь злаго богопочитателя, который бы получа способное время, къ умилостивленію Бога не возвратился, да еще и съ большимъ благоговѣніемъ. Ибо знаніе грѣха, и страхъ казни вѣрнѣйшимъ дѣлаетъ: и всегда несравненно крѣпчайшею есть вѣра, которую возвращаетъ покаяніе. И такъ ежели они прогнѣвавъ боговъ своихъ, дарами и жертвами и благовоніями умилостивляютъ: то для чего Бога нашего

толь

толь немилосердымъ, толь неумолимымъ почитаютъ, что думаютъ, будтобы христіаниномъ тотъ быть не можетъ, который Богамъ ихъ съ принужденія и по неволи жертву принесъ? Развѣ только они думаютъ, что однажды оскверненные самопроизвольно то дѣлать будутъ, что ради мукъ здѣлали. Кто оное дѣло съ охотою будетъ дѣлать, которое съ обидою началъ? Кто видя на бокахъ своихъ знаки отъ ранъ, не возненавидитъ наипаче боговъ, ради которыхъ наружные казней знаки, и впечатленныя внутренностямъ своимъ носитъ? Отсюду происходитъ, что получивши свыше миръ, и всѣ прежде бывшіе Христіане возвращаются, и иный новый народъ удивляяся мужеству приходитъ. Ибо видя народъ терзаемыхъ людей различными муками, и между утружденными мучительми непобѣдимое держащихъ терпѣніе, думаетъ по справедливости, что и согласіе толь многихъ людей, и постоянство умирающихъ, есть несуетно: и само терпѣніе безъ помощи Божіей мученій такихъ побѣдить не можетъ. Разбойники и крѣпкіе тѣломъ люди такихъ терзаній снести не могутъ, кричатъ и воздыхаютъ. Ибо побѣждаются болѣзнію, понеже нѣтъ у нихъ вдохновеннаго терпѣнія. А наши (уже умалчиваю я о мущинахъ) младенцы и жены мучителей своихъ молча побѣждаютъ, и понудить ихъ къ воздыханію и огнь не можетъ. Пускай пріидутъ Римляне и хвалятся Муціемъ и Регуломъ: изъ которыхъ одинъ на убіеніе себе непріятелю предалъ, понеже

нѣ

въ плѣнѣ жить стыдился: а другій пойманъ будучи отъ непріятелей, когда увидѣлъ, что смерти ему избѣжать не можно, руку во огнь положилъ, дабы за злодѣяніе свое удовлетворить непріятелю, котораго хотѣлъ убить, и сею казнію прощеніе, котораго не заслужилъ, получилъ. Вотъ полъ женскій, и немощный возрастъ терзанія на всемъ тѣлѣ своемъ претерпѣваетъ: не по нуждѣ, понеже можно убѣжать, ежели бы хотѣли: но самопроизвольно, понеже уповаютъ на Бога.

ГЛАВА 14.

О истинной добродѣтели Христіанской, которые на высотѣ терпѣнія стоя, Философовъ хвалящихъ терпѣніе превосходятъ добродѣтелію терпѣнія; и что суетно и безумно есть изваянную землю какъ Бога почитать.

Сія есть истинная добродѣтель, которою и Философы хвастая, не дѣломъ самымъ, но пустыми словами величаются: сказывая, что нѣтъ ничего толь приличнаго важности и постоянству мужа мудраго, какъ никакимъ страхомъ отъ мнѣнія и намѣренія не отступать: но такъ почитать мученія и смерть, дабы не измѣнить вѣрѣ, не отступить отъ должности, дабы страхомъ смерти, или болѣзнію жестокою не здѣлать чего не-

праведнаго. Развѣ они безумнымъ почитаютъ Флакка, когда въ Лирическихъ говоритъ: „ „ Праведнаго и постояннаго въ намѣреніи мужа, „ ни гнѣвъ гражданъ злое повелѣвающихъ, ни „ лице устремляющагося тиранна, отъ твер- „ даго предпріятія не отвращаетъ. „ Истиннѣе сего ничего сказать не можно, ежели сіе отнесть къ тѣмъ, которые накакихъ мученій, никакой смерти не отрицаются, дабы отъ вѣры и отъ правды не отпасть: которые ни мучительскихъ повелѣній, ни начальниковъ мечей не трепещутъ, дабы истинную и твердую свободу постояннымъ умомъ защищать, которой единой въ сохраненіи мудрость состоитъ. Ибо кто толь наглъ, толь надмененъ, дабы мнѣ запретилъ очи на небо возводить? Кто мене принудитъ или почитать, то, чего не хочу, или не почитать, что хочу? Что намъ уже болѣе останется, ежели къ тому, что своею волею дѣлать должно, принудитъ прихоть чужая? Никто того не здѣлаетъ, ежели хотя малую къ презрѣнію смерти и болѣзни силу имѣемъ. А ежели сіе постоянство имѣемъ, то для чего насъ за безумныхъ считаютъ, когда мы дѣлаемъ то, что Философы хвалятъ? И такъ изрядно Сенека неразсудность людемъ противополагая говоритъ: „ За наибольшую добродѣтель они по- „ читаютъ великодушіе: и оніже того, ко- „ торый презираетъ смерть, за неистоваго по- „ ставляютъ, что означаетъ великое злонравіе. „ Но оные суетныхъ вѣръ почитатели потому безумно оное противополагаютъ: понеже ис-

тиннаго Бога не знаютъ, которыхъ Сивилла Ериөрійская, Кофусъ Ке Аноитусъ, называетъ, то есть, глухими и безумными: которые божественнаго ни слышатъ, ни разумѣютъ, но земли руками своими изваянной боятся и почитаютъ.

ГЛАВА 15.

Для чего мудрыхъ почитаютъ за безумныхъ: и какъ въ двухъ наипаче добродѣтелехъ, то есть въ благочестіи и равенствѣ правда состоитъ: и что есть благочестіе по мнѣнію Трісмегистову, и что равенство по мнѣнію Цицеронову. И что сихъ добродѣтелей не могли постигнуть ни Римляне, ни Греки, ни иные народы, только Христіане.

Для чегожъ мудрыхъ за безумныхъ поставляютъ, великая есть тому прнчина, ибо ненапрасно обманываются. Сію причину прилѣжно изъяснить я хочу, дабы напослѣдокъ заблужденія свои (ежели можно) познали. Правда по своей природѣ видъ нѣкоторой безумія имѣетъ: что я и божественными и человѣческими свидѣтельствами подтвердить могу. Но можетъ быть ничего не успѣю у нихъ, ежели имъ отъ ихъ писателей не покажу, что не можетъ никто правдивъ быть (что есть совокуплено съ истинною мудростію)

стію) ежели не покажется безумнымъ. Карнеадъ академическаго ученія Философъ, котораго въ словѣ какая сила была, какое краснорѣчіе, какая острота, кто не знаетъ, тотъ изъ сказанія Цицеронова уразумѣетъ, или Лукіліева: у котораго разговаривая Нептунъ о вещи наитруднѣйшей, показываетъ, что того не можно изъяснить, хотябы Карнеада самаго адъ возвратилъ. Оной Карнеадъ когда отъ Аѳинянъ посланъ былъ посломъ въ Римъ, говорилъ о правдѣ довольно, въ присутствіи Галбы и Катона Ценсорія, великихъ въ тогдашнее время риторовъ. Но разглагольствіе свое слѣдующаго дня противнымъ разсужденіемъ опровергдъ, и правду, которую вчера похвалялъ, уничтожилъ, не Философскою важностію, котораго разумъ крѣпкимъ, и мнѣніе должно быть постояннымъ: но какбы риторическимъ упражненія видомъ, на обѣ страны разглагольствуя. Онъ сіе обыкновенно дѣлалъ, дабы иныхъ чтолибо утверждающихъ могъ опровергнуть. Сіе разглагольствіе, которымъ правда опровергается, у Цицерона Лелій Фурій воспоминаетъ, для того надѣюсь, понеже о государствѣ разсуждалъ, дабы защищеніе и похвалу правды ввести, безъ которой государствомъ управлять не можно. А Карнеадъ, дабы опровергнуть Аристотеля и Платона правды защитниковъ, въ первомъ ономъ разглагольствіи собралъ все то, что въ защищеніе правды говорено, дабы могъ тое опровергнуть, какъ и здѣлалъ. Было бы весьма

легко

легко правду коренія неимѣющую опровергать: понеже тогда правды никакой на земли не было, почему что есть правда, или какова, Философы не видѣли. О когда бы толь многіе и таковые мужи, сколько краснорѣчія, сколько желанія, столько и знанія къ защищенію наивеличайшей добродѣтели имѣли, которой начало въ благочестіи, и состояніе въ справедливости: но тѣ которые первой оной части не знали, то и второй знать не могли. Хочу же вопервыхъ кратко показать, что есть правда, дабы извѣстно было, что Философы не знали правды: и понеже не знали, то и не могли оную защищать. Правда хотя всѣ купно добродѣтели содержитъ, однако двѣ добродѣтели суть изъ всѣхъ начальнѣйшія, которыя отъ правды раздѣлиться или разлучиться не могутъ: благочестіе и справедливость. Ибо вѣра, воздержаніе, благость, невинность, непорочность и прочія таковыя, или по природѣ, или наставленіемъ родителей могутъ быть въ тѣхъ людехъ, которые правды не знаютъ, какъ и всегда были. Понеже древніе Римляне, которые правдою обыкновенно хвалилися: которыя, какъ сказалъ я, произойти отъ правды могутъ, и отъ самаго источника отлучиться. А благочестіе и справедливость какбы жилы суть правды: ибо въ сихъ двухъ источникахъ состоитъ вся правда. Но глава ея и начало въ благочестіи: а въ справедливости вся сила и состояніе. Благочестіе же не что иное есть, какъ знаніе Бога, какъ Трисметистъ весьма

справедливо описалъ, о чемъ на иномъ мѣстѣ я сказалъ. И такъ ежели благочестіе есть познаніе Бога, котораго познанія сила въ томъ состоитъ, дабы Бога почитать, то подлинно не знаетъ правды, кто вѣры Божіей не знаетъ. Ибо какъ можетъ правду самую знать, который откуда правда происходитъ, не знаетъ? Платонъ хотя много о единомъ Богѣ говорилъ, который міръ создалъ: но ничего не говорилъ о вѣрѣ: понеже во снѣ видѣлъ Бога, а не позналъ. А ежели бы правду защищать или иной кто захотѣлъ, то вопервыхъ долженъ былъ вѣры боговъ опровергнуть, которыя противны благочестію. Сіе понеже Сократъ здѣлать покусился, то въ темницу всажденъ былъ, и тогда уже, открылось, что имѣло быть тѣмъ людемъ, которые прямую правду защищать, и Богу единому служить будутъ. Другая правды часть есть справедливость. Справедливость не говорю хорошо разсуждать, хотя и сіе самое похвальное въ человѣкѣ праведномъ, но себѣ съ прочими сравнивать, что Цицеронъ равенствомъ называетъ. Ибо Богъ, который людей раждаетъ и одушевляетъ, всѣмъ равнымъ быть повелѣлъ: одно состояніе житія всѣмъ положилъ: всѣхъ къ мудрости родилъ: всѣмъ безсмертіе обѣщалъ: никого отъ благодѣяній своихъ небесныхъ не отлучаетъ. Ибо какъ всѣмъ одно свое свѣтило равно раздѣлилъ, изводитъ для всѣхъ источники, пищу подаетъ, покой сна наисладчайшій даруетъ, такъ всѣмъ равенство и добродѣтель даруетъ.

Нѣтъ

нѣтъ у него раба, нѣтъ господина. Ибо ежели всемъ единъ отецъ есть, то равно вси мы дѣти. Нѣтъ у Бога убогаго, кромѣ того, кто правды не имѣетъ: нѣтъ богатаго, кромѣ добродѣтельнаго: нѣтъ наконецъ изряднаго, кромѣ добраго и неповиннаго: нѣтъ знаменитаго кромѣ того, кто дѣла милосердія непрестанно дѣлаетъ: нѣтъ севершеннаго, кромѣ того, кто всѣ степени добродѣтели исполняетъ. Того ради ни Римляне, ни Греки правды знать не могли, понеже многими степенми неравныхъ людей имѣли, отъ убогихъ до богатыхъ, отъ подлыхъ до знатныхъ, отъ простыхъ до Царей. Ибо гдѣ не всѣ равны, то равенства тамъ нѣтъ, и самое неравенство прогоняетъ правду: которой вся сила въ томъ состоитъ, дабы всѣхъ тѣхъ равными здѣлать, которые въ сіе житіе равно пришли.

ГЛАВА 16.

О справедливости христіанской, которой Филосoфы не имѣя, ни найти ни защитить не могли.

И такъ когда сіи два источника правды премѣнятся, то вся добродѣтель, и вся истинна истребляется: и самая правда преселяется на небо. И потому истиннаго онаго добра Философы не нашли: понеже не знали,

или откуда происходитъ, или что дѣлаетъ, а сіе никому иному, только нашему народу откровено. Скажетъ кто либо: не уже ли нѣтъ у васъ иныхъ убогихъ, иныхъ богатыхъ, иныхъ рабовъ, иныхъ господъ? не уже ли нѣтъ никакаго различія? Нѣтъ никакого: и не иная тому причина, для чего взаимно братьями называемся, какъ только, понеже равными насъ почитаемъ. Ибо когда о всемъ человѣческомъ не тѣлесно но духовно разсуждаемъ, то хотя по тѣлу различное состояніе имѣемъ, одкако у насъ нѣтъ слугъ, но ихъ и имѣемъ, и называемъ по духу братіею, по вѣрѣ сослужителями. И богатства не дѣлаютъ у насъ знаменитѣйшими, развѣ кого добрыя дѣла таковымъ здѣлаютъ. Ибо богатыми суть не тѣ, которые богатства имѣютъ, но которые употребляютъ оныя на дѣла праведныя. А которые убогими кажутся, тѣмъ однако они богати, понеже ни въ чемъ скудости не имѣютъ, и ничего не желаютъ. И такъ когда и свободные рабамъ, и богатые убогимъ смиреніемъ духа равны, у Бога однако добродѣтелію разнствуемъ: и столько всякъ есть выше, чемъ праведнѣе. Ибо ежели праведнымъ есть тотъ, который равнымъ себе съ меншими дѣлаетъ, хотя симъ самымъ превосходитъ, что себе съ меншими сравнилъ, однако ежели не только какъ бы равнымъ, но и какбы меншимъ себе почтетъ, тотъ поистиннѣ несравненно вышшій достоинства степень по суду божію получитъ. Ибо подлинно въ семъ свѣтскомъ житіи, понеже все кратко есть

есть и непостоянно, то и превозносятся предъ прочими люди, и о достоинствѣ спорятъ: котораго нѣтъ ничего гнуснѣе, нѣтъ ничего надменнѣе, ничего безумнѣе. Ибо сіе все земное небеснымъ противно: понеже какъ мудрость человѣческая наивеличайшимъ есть безуміемъ у Бога: а безуміе (какъ показалъ я) наивеличайшею есть мудростію: такъ предъ Богомъ низокъ и отверженъ тотъ, который есть знаменитъ и высокъ на земли. Ибо дабы умолчать, что сіе настоящее земное добро, которое за велико почитается, добродѣтели противно есть, и силу души въ безуміе приводитъ: то какая можетъ быть твердою знатность, какое богатство, какая сила? когда можетъ Богъ и самыхъ царей меншими самыхъ послѣднихъ здѣлать? И того ради промышляя о насъ Богъ между божественными заповѣдми оную наипаче положилъ: Возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется. Сія спасительная заповѣдь поучаетъ, что кто предъ людьми себе смиряетъ, той у Бога великъ и знатенъ. Ибо не ложно оное мнѣніе, которое у Еврипида произносится такъ: гдѣ что за худое почитается, оное на небѣ есть добромъ.

ГЛАВА 17.

Какъ Карнеадъ почиталъ, что и права въ пользу уставлены, и что истинной правды въ людехъ нѣтъ, развѣ только въ безумныхъ: и что гражданская правда хотя имѣетъ мудрость, но неправедную: а натуральная правда хотя поистиннѣ праведна, но мудрости совсѣмъ не имѣетъ.

Показалъ я причину, для чего Философы не могли правды ни найти ни защитить. Теперь къ намѣренію возвращаюсь. И такъ Карнеадъ, поелику не крѣпко было, что ни утверждали Философы, отважился опровергать, понеже можно было опровергать. Его разглагольствія содержанія было сіе: „Права „о себѣ люди для пользы уставили, то есть „разныя по нравамъ, и оныя же по време„намъ часто премѣняли, а природнаго права „нѣтъ никакого. Всѣ и люди и прочіе живот„ные по природѣ пользы своея ищутъ: того „ради или никакой нѣтъ правды, или ежели „есть нѣкоторая, то она превеликимъ есть „безуміемъ: понеже себѣ вредитъ о иныхъ „пользѣ промышляя.„ И вносилъ сіи доказательства: всѣ народы цвѣтущіе государствомъ, „и Римляне самые владѣющіе всѣмъ свѣтомъ, „ежели праведными быть захотятъ, то есть „ежели чужее возвратятъ, то въ хижины воз„вратятся, и въ нуждѣ и бѣдности должни будутъ лѣжать. Потомъ оставивши общее къ частному приступилъ: добрый мужъ, говоритъ, ежели

„бу-

„ будетъ имѣть слугу бѣглаго, или домъ не „ здоровый и заразительный, и сіи пороки „ одинъ онъ будетъ знать, и для того за„ хочетъ продать: скажетъ ли, что бѣглаго „ слугу, и заразительный домъ продаетъ, „ или утаитъ предъ купцемъ? Ежели скажетъ, „ то подлинно будетъ добрымъ, понеже не „ обманитъ, но однако за безумнаго почитает„ ся: понеже или дешево продастъ, или со„ всѣмъ не продастъ. Ежели утаитъ, то „ хотя будетъ мудрымъ, понеже прибыль „ себѣ получитъ, но будетъ и золъ, понеже „ обманитъ. Паки: ежели найдетъ кто тако„ го, которой думаетъ, что продаетъ томпакъ, „ а въ самомъ дѣлѣ продаетъ онъ золото; „ или свинецъ, когда вмѣсто онаго продаетъ „ онъ серебро: будетъ ли молчать, дабы то „ дешево купить, или оное объявитъ, дабы „ дорого купить? Подлинно безумнымъ кажет„ ся дѣломъ, желать, купить дорого „. А изъ сего разумѣлъ, что праведный и добрый человѣкъ безуменъ есть, и мудрый человѣкъ золъ: и однако безъ пагубы быть можетъ, дабы были люди нищетою довольны. И такъ перешелъ къ вящшему, въ чемъ никто не можетъ безъ опасности житія праведнымъ быть. „ Ибо говорилъ: правда есть, человѣка не убить, „ чужаго совсѣмъ не касаться. И такъ что „ праведный здѣлаетъ, ежели корабль со„ крушится, и нѣкто немощнѣйшій силами за „ доску ухватится? Не зброситъ ли его съ „ доски, дабы самому взлѣсть, и на ней сидя вы„ плыть, особливо когда на срединѣ моря нѣтъ

„ ника-

„ никакого свидѣтеля? Ежели онъ мудрой, то „ здѣлаетъ; ибо самъ погибнетъ, ежели не „ здѣлаетъ: а ежели лучше умереть захочетъ, „ нежели убить другаго, то уже праведенъ „ будетъ, но безуменъ; понеже житія своего „ не пощадитъ, щадя чужое. Также ежели по „ избіеніи войска непріятель гнать станетъ, „ и праведный оный нападетъ на нѣкотораго „ раненаго на конѣ сѣдящаго, пощадитъ ли „ его, дабы самому быть убиту, или сверг- „ нетъ съ коня, дабы моглъ отъ непріятеля „ убѣжать? Ежели свержетъ, будетъ мудръ „ но золъ; ежели не свержетъ, то будетъ пра- „ веденъ, но безуменъ „. И такимъ образомъ правду на двѣ части раздѣливъ, одну гражданскою называя, другую природною, обѣ опровергнулъ: понеже оная гражданская, хотя есть, мудрость, но не есть правда. А природная оная хотя правда есть, но не есть мудрость. Подлинно остроумно сіе и ядовито, чего и Маркъ Туллій опровергнуть не могъ. Ибо когда приводитъ Лелія Фурія отвѣтствующаго, и правду защищающаго, не опровергнувши сего, такъ какъ чрезъ яму перескочилъ: изъ чего видно, что Лелій не природною, которую безуміемъ порицали, но оную гражданскую защищалъ правду: которую Фурій за мудрость признавалъ, но неправедную.

ГЛАВА

ГЛАВА 18.

Противъ Карнеада, что и безумный не можетъ быть праведнымъ, и мудрый не можетъ быть не праведнымъ. И что о невинныхъ и праведныхъ Богъ всегда наилучше устрояетъ, и потребное промышляетъ: а сіе видно изъ описанія безумія и мудрости: и какое есть помышленіе человѣческое и Божіе.

Что къ настоящему разглагольствію надлежало, оное показалъ я, какъ правда подобіе безумія имѣетъ, дабы извѣстно было, что не безъ причины ошибаются почитающіе нашея вѣры людей за безумныхъ, которые то дѣлаютъ, что Карнеадъ описалъ. Теперь болшій имѣю долгъ, дабы показать, для чего Богъ правду безумія видомъ покрывши, отъ очей человѣческихъ сокрылъ: только надлежитъ мнѣ прежде отвѣтствовать Фурію, понеже не довольно отвѣтствовалъ Лелій, который хотя подлинно мудръ былъ (какъ его и называли) защитить однако прямую правду никакъ не могъ; понеже главы самой и источника правды не зналъ. А намъ легче истинну защищать, понеже по благодѣянію Божію намъ свойственна и совсѣмъ извѣстна правда: и поелику мы не по имени, но вещію оную познали. Ибо Платонъ и Аристотель хотя честнымъ намѣреніемъ правду защищать желали: и здѣлали бы нѣчто, ежелибы честнымъ ихъ желаніямъ, ежелибы красно-

краснорѣчію, ежелибы силѣ разума и Божественныхъ вещей ученіе помогало. И такъ дѣло ихъ празднымъ и безполезнымъ лежало, и ни одного человѣка уговорить не могли, дабы установленія ихъ сохранялъ, понеже ученіе ихъ основанія съ небеси не имѣло. Наше дѣло бозсумнительнѣе, понеже насъ Богъ научилъ. Ибо они описывали и изображали правду, которой не видѣли, и настоящими примѣрами утвердить не могли, что утверждали. Понеже могли отвѣтствовать слышавшіе, что не можно такъ жить, какъ они своимъ разглагольствіемъ установляли: такъ что никого еще не было, кто бы житію такому послѣдовалъ. А мы не только словами, но и примѣрами отъ истинны взятыми истиннымъ то, что говоримъ, показываемъ. И такъ зналъ Карнеадъ, какая есть природа правды, только не глубоко усмотрѣлъ, что правда не есть безуміе: хотя разумѣю, съ какимъ намѣреніемъ то здѣлалъ. Ибо не поистиннѣ онъ думалъ и почиталъ того безумнымъ, кто былъ праведнымъ: но вѣдая, что не безуменъ, а причины для чего такъ кажется, не понимая, хотѣлъ показать, что кроется въ сокровенномъ мѣстѣ истинна, дабы опредѣленія ученія своего защитить, котораго главнѣйшее мнѣніе есть, что ничего понять не можно. И такъ разсмотримъ, можетъ ли правда нѣкоторый союзъ имѣть съ безуміемъ. Праведный, говоритъ, ежели или коня раненому, или доски претерпѣвшему кораблекрушеніе не отъимеитъ, дабы самому душу

душу свою спасти, безуменъ есть. Прежде всего не могу признать за вѣрное, дабы человѣку поистиннѣ праведному такій случай приключился: понеже праведный никакому человѣку не врагъ; и совсѣмъ ничего чужаго не желаетъ. Ибо для чего будетъ по морю плавать? или чего пожелаетъ изъ чужой земли, которому довольно своей? Для чего же будетъ воевать, или въ чужее неистовство мѣшаться, въ котораго душѣ миръ съ людьми вѣчный обращается? То есть иностранными товарами, или человѣческою кровію утѣшаться будетъ, который прибыли не желаетъ, которому довольна пища, который не только самъ убійство дѣлать, но и быть съ дѣлающими убійство, за беззаконіе почитаетъ? Но оставлю сіе, понеже можетъ здѣлаться, что и не хотя къ сему принужденъ будетъ. Такимъ ли образомъ о Фурій или лучше сказать о Карнеадъ! правду, которой все сіе есть дѣло, толь праздною, толь излишнею, толь презрѣнною предъ Богомъ почитаешь, будто бы ничего не можетъ, и ничего въ себѣ не имѣетъ къ защищенію своему? Но незнающіе о человѣкѣ тайны, и того ради къ сему житію временному относящіе все, сколь велика есть сила правды, знать не могутъ. Ибо когда и о добродѣтели разглагольствуютъ, хотя знаютъ, что добродѣтель печалей и бѣдствій есть преисполненна, однако говорятъ, что добродѣтели, ради ея самой, желать должно. Ибо оной награжденія, которое есть вѣчное и безсмертное, никакъ не видятъ. Такимъ об-

образомъ все къ сему временному житію относя, добродѣтель подлинно въ безуміе вмѣняютъ, понеже столь великіе сего житія труды напрасно и суетно принимаютъ. Но о семъ на иномъ мѣстѣ пространнѣе. Между тѣмъ скажу о правдѣ, (какъ началъ) которой столь есть великая сила, что когда очи на небо возведетъ, отъ Бога заслуживаетъ все. И такъ изрядно Флаккъ сказалъ, что столь великая невинности сила, что къ защищенію своему не требуетъ ни оружій ни силъ, куда ни пойдетъ. „ Непорочный житіемъ, „ чистый отъ беззаконія, не требуетъ Мавровъ копій, ни лука, ни наполненнаго ядовитыми стрѣлами Фускъ калчана. Будетъ ли „ итти чрезъ знойныя сирты, или чрезъ непроходимый Кавказъ, или чрезъ мѣста, которыя баснословный окружаетъ Гидаспъ „. И такъ не можетъ статься, дабы человѣка праведнаго въ опасностяхъ непогодъ и браней небесное защищеніе не хранило: или хотя бы съ отцеубійцами и преступниками плылъ, то или винныхъ пощадитъ Богъ, дабы сохранить одну праведную и невинную душу: или ежели прочіе погибнутъ, одну сохранитъ. Но пускай можетъ статься, что предлагаетъ Философъ: чтожъ праведный здѣлаетъ? Ежели на кони раненаго найдетъ, или на доскѣ кораблекрушеніе претерпѣвшаго? Безъ принужденія признаю, лучше умретъ, нежели убьетъ. Однако по сему правда, которая есть особливое человѣческое добро, безуміемъ не назовется. Ибо что лучше, что любезнѣе человѣку быть

дол-

должно, какъ невинность, которая тѣмъ совершеннѣе, чемъ тщательнѣе приведешь ея къ концу, и умереть паче захочешь, нежели въ чемъ отъ правды отступишь. Безуміе есть, говоритъ, чужую душу щадить съ потерею своей. То и за дружество умирать за безуміе ли почтется? Для чего друговъ оныхъ Пифагоровыхъ хвалите, изъ которыхъ одинъ себе тиранну на смерть за другаго порукою далъ, другій къ уреченному времени, когда ужѐ поручника его на смерть вели, явился, и онаго приходомъ своимъ свободилъ? Ихъ добродѣтель въ столь великой славѣ не была бы, когда одинъ за друга, другій за вѣрность умереть хотѣлъ, ежели бы за безумныхъ ихъ почитали. Къ тому за сію самую добродѣтель тиранъ имъ возблагодарилъ, обоихъ животомъ даруя; и человѣка наисвирѣпѣйшаго природа премѣнилась; паипаче же просилъ ихъ не какъ безумныхъ, но какъ добрыхъ и мудрыхъ мужей, дабы его третьяго въ дружбу приняли. Того ради не понимаю я, ежели за дружбу и вѣрность умереть за наивысочайшую славу почитается, то для чего за невинность погибнуть не было бы человѣку славно. Слѣдовательно пребезумны тѣ, которые намъ въ беззаконіе ставятъ, что мы хочемъ умереть за Бога, когда они того, который за человѣка хотѣлъ умереть, на небо высокими возносятъ похвалами. Наконецъ дабы заключить разглагольствіе, самъ разумъ учитъ, что не можетъ безумный быть праведнымъ, и разумный неправеднымъ: ибо

безумный, что есть доброе и праведное, не знаетъ, и того ради всегда грѣшитъ; понеже водимь бываетъ пороками, какъ бы плѣнникъ, и противиться никакъ не можетъ: понеже не имѣетъ добродѣтели, которой не знаетъ. А праведный отъ всякаго грѣха воздержится, чего инако здѣлать не можетъ, какъ только имѣя познаніе добра и зла. А добро разлучить отъ зла кто можетъ, кромѣ мудраго. Отъ сего происходитъ, что никогда безумный праведнымъ быть не можетъ, и неправеднымъ не можетъ бышь мудрый. А ежели сіе есть самое истинное, то извѣстно, что той, который или претерпѣвшему кораблекрушеніе доску, или коня раненому не отъиметъ, не есть безуменъ: понеже сіе дѣлать грѣхъ, отъ котораго мудрый воздержится. Однако казаться можетъ, и самъ я признаю, по заблужденію людей незнающихъ свойства всякой вещи. По чему весь сей вопросъ не столь доказательствами, сколь описаніемъ разрѣшается. И такъ безуміемъ есть въ дѣлахъ и словахъ, по незнанію справедливости и добра, заблужденіе. Слѣдовательно не есть безуменъ, который и себе не щадитъ, дабы только другому не причинить вреда, что есть зло: а сіе намъ и разумъ и истинна сама повелѣваетъ. Ибо видимъ, что всѣ животные, понеже мудрости не имѣютъ, то примирительницу себѣ имѣютъ природу. Понеже вредятъ иныхъ, дабы себѣ здѣлать пользу: поелику не знаютъ, что зло есть вредить. А человѣкъ знающій добро и зло, воздерживается вредить, и съ вре-

вредомъ своимъ, чего животное безсловесное дѣлать не можетъ. И того ради между высочайшими человѣческими добродѣтельми невинность считается. Изъ сего видимъ, что наимудрѣйшимъ есть тотъ, который лучше хочетъ погибнуть, дабы не вредить: дабы тую должность, которою отъ безсловесныхъ различается, сохранить: Ибо кто продающему объ ошибкѣ не сказываетъ, дабы злато дешево купить, или кто не признается, что бѣглаго слугу, или заразительный домъ продаетъ, прибыли и пользы себѣ желая, тотъ не есть мудрый, какъ Карнеаду казалось, но хитрый и обманщикъ. Хитрость же и лесть и въ безсловесныхъ животныхъ находится, когда или навѣтуютъ инымъ, и коварствомъ ловятъ, дабы пожрать; или когда навѣты иныхъ разнымъ образомъ отводятъ. Мудрость одному человѣку прилична. Ибо мудрость есть разумѣніе или къ творенію добра и правды, или воздержаніе отъ словъ и дѣлъ злыхъ. А прибыли мудрый никогда не желаетъ, понеже добро сіе земное презираетъ: и никому обмануту быть не попущаетъ; понеже добраго мужа должность есть ошибки человѣческія исправлять, и людей на путь наставлять: ибо природа человѣческая есть союзная и благотворительная, которою одною свойство съ богомъ имѣетъ.

ГЛАВА 19.

Что незнаніе о безсмертіи и истинномъ Богѣ предреченныхъ заблужденій виною есть, и смерть заслуживаетъ вѣчную. И что человѣкъ не есть человѣку родителемъ, но служителемъ рожденія и для чего Богъ истинную мудрость благоволилъ подъ видомъ безумія утаить.

Но сія вина причиною тому, что безумнымъ почитаютъ того, который въ недостаткѣ быть, или умереть наипаче желаетъ, нежели причинить вредъ, или отнять что у другаго. Понеже думаютъ, что человѣкъ смертію въ ничто обращается, и изъ сего мнѣнія всѣ какъ простаго народа, такъ и Философовъ раждается заблужденіе. Ибо ежели по смерти въ ничто обращаемся, то подлинно крайне безуменъ тотъ человѣкъ, который не будетъ о семъ житіи стараться, дабы было оно долгоденственнымъ, и всякой выгоды наполненнымъ. А сіе кто дѣлаетъ, тотъ отъ правила правды отступитъ. А ежели кромѣ сей жизни остается человѣку другое житіе лучшее и долгоденственнѣйшее, (что и Философовъ великихъ доказательствами; и прорицателей отвѣтами, и пророковъ божественными словами показуется:) но сіе настоящее житіе со всѣми благими презирать мудраго человѣка есть дѣломъ, котораго весь убытокъ безсмертіемъ награждается. У Цицерона тойже самый правды защитникъ Лелій: Хощетъ, говоритъ, подлин-

но добродѣтель чести, и нѣтъ никакого инаго добродѣтели награжденія „. Есть поистиннѣ добродѣтели наидостойнѣйшее награжденіе, котораго ты Лелій никакъ не моглъ примѣтить, понеже ничего ты не зналъ отъ божественнаго писанія. Которое однако добродѣтель, говоритъ, принимаетъ удобно, требуетъ безъ наглости. Весьма заблуждаешъ, ежели думаешъ, что человѣкъ добродѣтели можетъ наградить; понеже самъ ты на иномъ мѣстѣ весьма справедливо говоришъ: „ А добродѣтели „ какія богатства предложишъ? какія госу„ дарства? какія царства? которая сіе за „ человѣческое почитаетъ „. И такъ кто мудрымъ тебя Лелій назоветъ, когда самъ себѣ говоришъ противное, и мало послѣ отнимаешъ у добродѣтели то, что ей присвоялъ? Но незнаніе истинны дѣлаетъ неизвѣстнымъ и колеблющимся мнѣніе. Потомъ что прилагаешъ? „ Но ежели будутъ или неблагодар„ ны всѣ, или завистливы многіе, или враги „ сильные, то своего награжденія добродѣтель „ лишаютъ „. О коль слабую, коль праздную добродѣтель ты ввелъ, ежели лишиться можешъ своего ниграждения, которая, ежели добро свое небеснымъ почитаетъ, какъ ты говорилъ, то кто можетъ быть столь и неблагодарнымъ, столь завистливымъ, столь и сильнымъ, дабы добродѣтель лишить могъ того добра, которое ей Богъ даровалъ? „ Она, говоритъ, многими утѣсненіями „ себя увеселяетъ, и наипаче своею красотою „ себе самую питаетъ „. Какими утѣшеніями,

ми, какою красотою, когда часто за преступленіе ея считаютъ, и въ казнь красота оная обращается? Ибо что ежелибы, (какъ Фурій говорилъ, ея похищали, озлобляли, гнали, въ недостатокъ привели, отсѣкли ей руки, выкололи очи, осудили, вязали, жгли, и нещастно умертвили, погубитъ ли свое награжденіе добродѣтель? или наипаче погибнетъ сама? Никакъ. Но и награжденіе свое по Божію суду пріиметъ, и жива будетъ, и всегда въ своей силѣ будетъ. А ежели сіе отъимешь, то ничто не можетъ въ житіи человѣческомъ толь безполезнымъ, толь безумнымъ быть, какъ добродѣтель: которой природная доброта и честность научить насъ можетъ, что душа есть безсмертная, и Божественное оной отъ Бога награжденіе положено и опредѣлено. Но того ради добродѣтель самую Богъ подъ видомъ безумія утаилъ, дабы тайна истинны и вѣры его была сокровенна, дабы сихъ вѣръ, и мудрости земной возносящейся высоко, и много собою хвалящейся суету и заблужденіе осудить: наконецъ дабы предложивши трудность наитѣснѣйшимъ путемъ къ высочайшему безсмертію привесть. Показалъ я, какъ надѣюсь, для чего народъ нашъ у безумныхъ безумнымъ почитается. Ибо мученіе и смерть паче терпѣть, нежели ладану тремя перстами взявши на огонь бросить, столь непристойнымъ кажется, сколь въ опасности жизни, о чужой душѣ паче стараться, нежели о своей. Ибо не знаютъ сколь великое есть беззаконіе покланяться иному кромѣ Бога, ко-

торый создалЪ небо и землю, который родЪ человѣческій сотворилЪ, вдохнулЪ вЪ него душу, и просвѣтилЪ. Ежели раба за негоднаго почитаемЪ, который отЪ господина своего удаляется и бѣгаетЪ, и онаго ранЪ, узЪ, темницы, и креста, и всякаго зла за наидостойнѣйшаго судимЪ; и ежели также сына непотребнымЪ и нечестивымЪ почитаемЪ, который отца своего оставляетЪ, дабы ему не повиноваться: и того ради за достойнаго вмѣняемЪ, дабы лишенЪ былЪ наслѣдства, и дабы имя его изЪ поколѣнія вѣчно изключено было: то кольми паче оставляющаго Бога, которому два названія Господь и отецЪ равночестныя приличествуютЪ? Ибо тотЪ, кто раба покупаетЪ, какое ему благодѣяніе тѣмЪ дѣлаетЪ, кромѣ пищи, которую ему даетЪ для своей выгоды? И кто родитЪ сына, тотЪ не имѣетЪ власти, дабы зачался, дабы родился, и жилЪ. Отсюда видно, что не есть онЪ отецЪ, но только рожденія орудіемЪ. И такЪ какихЪ казней достоинЪ оставляющій Господа истиннаго и отца, кромѣ тѣхЪ, которыя самЪ БогЪ опредѣлилЪ? Который духамЪ неправеднымЪ вѣчный уготовалЪ огнь, чемЪ самЪ онЪ чрезЪ пророковЪ своихЪ нечестивымЪ и неповинувшимся грозитЪ.

ГЛАВА 2.

О безуміи тѣхъ, которые Богопъ почитаютъ, и не смѣютъ слопомъ стязаться съ пѣрными: и для чего о тайнахъ споихъ молчать попелѣпаютъ. И что пѣру терпѣніемъ защищать должно, и разумомъ наипаче, нежели лютостію, мечемъ или огнемъ. И сколько и пъ чемъ разнствуетъ почитаніе истинной пѣры и ложной.

И такъ да познаютъ и своихъ и чужихъ душъ убійцы, сколь непростительное злодѣяніе дѣлаютъ; вопервыхъ что самихъ себе убиваютъ, погибельнымъ бѣсамъ служа, которыхъ Богъ на вѣчныя муки осудилъ: потомъ что и инымъ Бога почитать не позволяютъ, но отвратить людей къ смертоносным богослуженіямъ стараются, и силятся съ крайнимъ тщаніемъ, дабы никакой души не было цѣлой на земли, которая бы въ цѣломъ состояніи своемъ взирала на небо. Какимъ другимъ именемъ назову тѣхъ, какъ только бѣдными, которые убійцевъ своихъ наущеніямъ повинуются, которыхъ богами поставляютъ, которыхъ ни состоянія, ни начала, ни именъ, ни причины не знаютъ, но прилѣпившись къ мнѣнію народному, самопроизвольно заблуждаютъ, и безумію своему пріятствуютъ, которыхъ ежели о причинѣ мнѣнія ихъ вопросишъ, никакого отвѣта дать не могутъ: но къ разсужденіямъ предковъ своихъ

при-

прибѣгаютъ, что они мудрыми были, они утвердили, они знали, что есть наилучшее, и себе самихъ чувства лишаютъ, разумъ отнимаютъ, чужимъ заблужденіямъ вѣруя. Такимъ образомъ ничего не зная, ни себе ни Боговъ своихъ не знаютъ. Но о когдабы сами одни заблуждали, одни безумствовали! но и другихъ въ участіе зла своего похищаютъ, какъ бы имѣя получить нѣкоторую утѣху отъ погибели многихъ, но сіе самое незнаніе дѣлаетъ, что они въ гоненіи мудрыхъ толь злы, и притворяются, будтобы о оныхъ пекутся, и ихъ къ доброму разуму наставить желаютъ. Но словомъ ли сіе, или нѣкоторымъ разсужденіемъ здѣлать силятся? Ни какъ: насиліемъ и мученіями. О дивное и ослѣпленное безуміе! думаютъ, будтобы въ тѣхъ злая мысль находится, которые вѣру сохранить тщатся, а въ мучителехъ добрая. Въ тѣхъ ли злая мысль находится, которые противъ права людскости, противъ всякой справедливости терзаемы бываютъ? Или въ тѣхъ наипаче, которые то дѣлаютъ надъ тѣлами невинныхъ, чего ни наилютѣйшіе разбойники, ни раздраженные непріятели, ни наибезчеловѣчнѣйшіе варвары никогда не дѣлали? Такъ ли себе обманываютъ, что взаимно добра и зла имена и преносятъ и премѣняютъ? Для чегожь дня ночью не называютъ, солнца тмою? Инако равнымъ безстыдствомъ есть, добрыхъ злыми называть, мудрыхъ безумными, праведныхъ нечестивыми. Ежели они сколько нибудь надѣются на Философію или краснорѣчіе, то

пускай вооружатся, и опровергнутъ, ежели могутъ: пускай сойдутся ближе и все поодиначкѣ разберутъ. Надлежитъ имъ защищать боговъ своихъ, дабы ежели мы укрѣпимся, (какъ ежедневно укрѣпляемся) съ капищами своими, и смѣха достойными своими обрядами не были оставлены. И понеже силою ничего не могутъ (ибо умножается вѣра Божія, чемъ болѣе утѣсняема бываетъ) то разумомъ и увѣщаніемъ пускай дѣлаютъ. Да пріидутъ на средину первосвященники и жрецы малые и великіе, фламинесъ, прорицатели поптичьимъ движеніямъ, также Цари жречествующіе и прочіе жрецы. Да призовутъ насъ на поученіе, да увѣщаютъ къ принятію почитанія боговъ: да уговорятъ, что многія суть боги, которыхъ силою и промышленіемъ управляется все: да покажутъ начала священнослуженій и боговъ, какъ оные людемъ преданы: какій источникъ, какая вина есть, да истолкуютъ, и изъяснятъ, какое награжденіе за почитаніе, какая казнь за презрѣніе слѣдуетъ: для чего отъ человѣкъ ищутъ себѣ почитанія: что имъ, ежели они блаженны, человѣческое благочестіе пользуетъ. А сіе все не своимъ мнѣніемъ (ибо нимало не сильна смертнаго человѣка важность) но нѣкоторыми божественными свидѣтельствами да утвердятъ, какъ мы дѣлаемъ. Непотребно насилія и обиды: понеже къ вѣрѣ принудить не можно. Словами наипаче, нежели біеніемъ дѣло дѣлать должно, дабы было добровольное: да покажутъ остроту умовъ своихъ. Ежели

дѣло

дѣло ихъ истинно есть, пускай предложатъ: мы готовы слушать, ежели будутъ учить: молчащымъ подлинно не вѣримъ, какъ и неистовящимся не уступаемъ. Да подражаютъ намъ, и вину всего дѣла да изъяснятъ. Ибо мы не приманиваемъ, (какъ они противополагаютъ) но учимъ, утверждаемъ, показываемъ. И такъ никого насильно не удерживаемъ; ибо непотребенъ тотъ Богу, кто вѣры и набожности не имѣетъ: и однако никто отъ насъ не отходитъ, понеже самая истинна удерживаетъ. Пускай учатъ они такимже образомъ, ежели надѣются на истинну, пусть говорятъ, пусть отверзутъ уста, пускай дерзаютъ, говорю, разглагольствовать съ нами нѣчто таково: то подлинно самыя жены, которыхъ презираютъ, и младенцы наши ихъ заблужденію и безумію посмѣются. Ибо поелику они весьма искусны, и боговъ рожденіе, и дѣла содѣланныя, и государствованіе ихъ, и кончины и гробницы знаютъ отъ книгъ, и вѣдаютъ, что самые обряды, которыми они обоготворены отъ человѣческихъ дѣлъ содѣланныхъ, или отъ случаевъ, или отъ нравовъ произошли: то невѣроятное безуміе есть богами почитать тѣхъ, которые что были смертные люди, не признатся не могутъ: или ежели столь будутъ безстыдны, что не признаются въ ономъ, то самыя ихъ, и ихъ единовѣрцовъ писанія, и самыя служеній ихъ начала обличатъ. И такъ пускай вѣдаютъ изъ сего самаго, какое резличіе есть между истинною и лжею, когда оные красноречивые уговорить не могутъ: а не-

а невѣжи и неученые могутъ: понеже дѣло самое и истинна говоритъ. И такъ для чего неистовятся? для того, дабы безуміе свое желая уменшить, тѣмъ самимъ увеличить. Весьма разнствуетъ мучительство и благочестіе: и не можетъ ни истинна съ насиліемъ, ни правда съ свирѣпствомъ соединиться. Но достойно не смѣютъ ничего о вещахъ божественныхъ учить, дабы отъ нашихъ посмѣяны, и отъ своихъ оставлены не были. Ибо можетъ быть простый народъ, который простое и неповрежденное разсужденіе имѣетъ, ежели познаетъ, что тайны ихъ въ память мертвыхъ уставлены, то осудитъ, и иное нѣчто истиннѣйшее почитать искать будетъ. Для сего узаконено отъ людей хитрыхъ не говорить ничего о богослуженіяхъ, дабы не зналъ народъ, что почитаетъ. А когда мы въ ихъ ученіи обращаемся, для чего или намъ не вѣрятъ, когда мы обое знаемъ? или для чего завидятъ, что мы истинну паче почитаемъ? Но должно защищать, говорятъ, общенародно принятыя священнослуженія. О какъ честно бѣдные заблуждаютъ. Ибо знаютъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего лучшаго паче вѣры, и что вѣру всѣми силами защищать должно: но какъ въ самой вѣрѣ, такъ въ защищеніи ошибаются. Ибо защищать должно вѣру не убивая, но увѣщевая: не лютостію, но терпѣніемъ: не беззаконіемъ, но вѣрою. Понеже оное злыхъ людей есть дѣломъ, а сіе добрыхъ: и должно добро быть въ вѣрѣ, а не зло. Ибо ежели кровію, ежели

му-

мученіями, ежели злобою вѣру защищать восхощешь, то уже не защитишь ея, но осквернишь и разрушишь. Понеже нѣтъ ничего столь самопроизвольнаго какъ вѣра: въ которой ежели мысль жертву приносящаго отвращается, то уже упразднена вѣра, и уничтожена. И такъ должно благочестіе терпѣніемъ или смертію защищать: въ которомъ вѣра сохраненная, и самому Богу пріятна, и благочестію придаетъ важность. Ибо ежели той, который въ семъ земномъ воинствѣ Царю своему вѣрность сохраняетъ въ нѣкоторомъ изрядномъ дѣлѣ, ежели потомъ живъ будетъ, то пріятнѣйшимъ и любезнѣйшимъ бываетъ: ежели умретъ, превысокую получаетъ славу, понеже за Государя своего умеръ: кольми паче Царю всѣхъ Богу вѣру сохранять должно, который не только живыхъ, но и мертвыхъ за добродѣтель можетъ наградить. Слѣдовательно Божіе почитаніе, понеже знакомъ есть воинствованія небеснаго, набожности превеликой и вѣры требуетъ. Ибо какимъ образомъ Богъ или будетъ любить почитающаго, ежели его почитающій не будетъ любить: или здѣлаетъ, просящему то, о чемъ будетъ онъ просить, ежели ни отъ сердца, ни съ вниманіемъ будетъ просить? А они когда для жертвоприношенія приходятъ, ничего внутренняго, ничего собственнаго, богамъ своимъ не приносятъ, ни непорочности ума, ни почтенія, ни страха. И такъ по отправленіи жертвъ пустыхъ, всю вѣру въ храмѣ и съ храмомъ, какъ нашли, такъ оставляютъ, и ничего съ собою изъ

онаго

онаго ни приносятъ, ни относятъ. Отъ чего происходитъ, что такія вѣры ни людей здѣлать добрыми, ни сами быть крѣпкими и непремѣнными не могутъ. И такъ легко отъ нихъ люди прельщаются: понеже тамъ ничего къ житію, ничего къ мудрости, ничего къ вѣрѣ потребному не научаются. Ибо какое есть суевѣріе оныхъ боговъ? какая сила? какое ученіе? какое начало? какая вина? какое основаніе? какое существо? къ чему клонится, или что обѣщаетъ, дабы человѣкъ могъ вѣрно хранить и крѣпко защищать? Въ которомъ ничего иного не вижу, только обрядъ къ однимъ перстамъ надлежащій. А наша вѣра потому крѣпка, и тверда и непремѣнна: понеже правдѣ научаетъ, понеже съ нами всегда есть, понеже вся въ сердцѣ почитающаго есть, понеже мысль самую вмѣсто жертвы имѣетъ. Тамъ ничего иного не потребно, кромѣ крови скотовъ, и дыму и непристойнаго прикушиванья. Здѣсь потребно доброй мысли, чистаго сердца, непорочнаго житія. Тамъ приходятъ безъ разбору, прелюбодѣйцы, нечистыя, сводни, безстыдныя, и скверныя блудницы, приходятъ гладіаторы, разбойники, воры, чародѣй: и просятъ ни о чемъ иномъ, какъ только дабы беззаконія безъ наказанія дѣлать. Ибо о чемъ разбойникъ жертву приносящій, или гладіаторъ будетъ просить, какъ только дабы убить? О чемъ чародѣй, какъ только дабы обмануть? О чемъ блудница, какъ только дабы болѣе грѣшить? О чемъ прелюбодѣйца, какъ только смерти мужу желать,

лать, или дабы ея безстыдство утаилось? о чемЪ ворЪ, какЪ только дабы много похищать? А здѣсь и легкому и общему грѣху нѣтЪ никакого мѣста, и ежели кто кЪ жертвѣ не сЪ непорочною совѣстію пріидетЪ, слышитЪ, чемЪ ему БогЪ грозитЪ: той, который тайны сердечныя вѣдаетЪ, который грѣховЪ всегда ненавидитЪ, который требуетЪ правды, который вѣры желаетЪ. Какое здѣсь злой мысли или злому прошенію мѣсто? А оные бѣдные и изЪ беззаконій своихЪ не разумѣютЪ, каково зло почитаютЪ: понеже всѣми грѣхами осквернены будучи приходятЪ на молитву: и думаютЪ, что благочестиво жертву принесли, ежели кожу омыютЪ: будтобы похоть внутрь сердца заключеную какія рѣки омываютЪ, или какія моря очищаютЪ. Сколь лучше есть мысль паче омыть, которая злыми вожделѣніями скверниться: и одною добродѣтели и вѣры банею всѣ пороки прогнать. Сіе ежели кто здѣлаетЪ, хотябы оскверненное и нечистое тѣло имѣлЪ, тотЪ довольно чистЪ есть.

ГЛАВА 21.

Что прагомЪ кланяются безумные язычники, которыхЪ почитаніе не только Христіане, но и Философы и домашніе почитатели боговЪ розоряютЪ.

А они понеже не знаютЪ, что, или какимЪ образомЪ почитать должно, то слѣпо и нера-

неразумно въ противное падаютъ. Ибо кланяются врагамъ своимъ, разбойниковъ и убійцевъ своихъ жертвами умилостивляютъ, и души свои съ ладономъ самымъ на скверныхъ олтаряхъ сжигаютъ, и гнѣваются бѣдные, что иные подобно имъ не погибаютъ невѣроятною ума слѣпотою. Ибо что видятъ тѣ, которые солнца не видятъ? Будто бы ежели бы они богами были, требовали помощи у людей противъ презрителей своихъ. И такъ для чего на насъ гнѣваются, ежели боги ничего не могутъ? Развѣ что сами боговъ своихъ разрушаютъ, о которыхъ силѣ не довѣряютъ. Слѣдовательно они несравненно нечестивѣе, нежели тѣ, которые совсѣмъ оныхъ не почитаютъ. Цицеронъ въ своихъ законахъ, повелѣвая чисто къ жертвамъ приступать: „Благоговѣнія, говоритъ, употреби, и богатства отложи: кто „инако здѣлаетъ, тому Богъ самъ отмститъ„. Справедливо сіе. Ибо не должно отчаяваться о богѣ, котораго для того почитаешь, понеже всемощнымъ его признаваешь. Ибо какъ можетъ отмстить обиду почитающаго, который своей обиды отмстить не можетъ? И такъ хощу ихъ вопросить, кому они наипаче благодѣтельствуютъ, принуждая нехотящихъ къ жертвѣ? Тѣмъ ли, которыхъ принуждаютъ? Но не есть сіе благодѣяніе, которое дается нехотящему. Но промышлять должно и о нехотящихъ, когда они, что добро есть, не знаютъ. Для чегожъ толь свирѣпо терзаютъ, мучатъ, въ слабость приводятъ, которыхъ спасти хотятъ? Или откуду любовь

столь

столь немилостивая, что тѣхъ или погубляютъ, или непотребными дѣлаютъ, о которыхъ пользѣ тщаться хотятъ? Или богамъ благодѣтельствуютъ? Но сіе не есть жертва, къ чему принуждаютъ нехотящаго: ибо ежели не самопроизвольное и не отъ сердца бываетъ, то проклятіе есть, когда люди изгнаніемъ, обидами, темницею, муками принуждены будучи дѣлаютъ. Ежели Боги суть тѣ, которыхъ такъ они почитаютъ, то для сего одного не должно ихъ почитать, понеже такого почитанія хотятъ: достойны то есть проклятія отъ человѣкъ, которымъ съ слезами, съ воздыханіемъ, съ теченіемъ крови изъ всѣхъ членовъ жертва приносится. А мы напротивъ не требуемъ, дабы Бога нашего создавшаго все хотя или не хотя почиталъ кто насильно: и ежели не почитаетъ, не гнѣваемся. Уповаемъ бо на величество его, который такъ презрѣніе свое можетъ отмстить, какъ и рабовъ своихъ оскорбленія и обиды. И того ради толь несказанныя муки претерпѣвая, ни словомъ не противимся, но Богу оставляемъ отмщеніе: не какъ тѣ дѣлаютъ, которые защитниками боговъ своихъ быть хотятъ, и неистовятся звѣрски противъ непочитающихъ. Изъ сего дается знать, сколь не добрымъ есть дѣломъ боговъ почитать: понеже къ творенію добра добромъ наипаче надлежало приводить людей, а не зломъ. Но понеже почитаніе боговъ злое есть, то и должность его добра не имѣетъ. Но должно наказывать разрушающихъ вѣру. Не уже ли мы

хуже разрушаемЪ, нежели народЪ Египетскій, который премерзскія звѣрей и скотовЪ образы почитаетЪ, и другія вещи, о которыхЪ и сказать стыдно, боготворитЪ? Не уже ли хуже, нежели они сами, которые говоря, будтобы почитаютЪ боговЪ, однако надЪ оными всенародно и мерзско насмѣхаются: о которыхЪ и комедіи дѣлать сЪ смѣхомЪ и утѣхою попущаютЪ? Какова сія вѣра, или каково величество, которому покланяются вЪ храмахЪ, насмѣхаются на ѳеатрахЪ? И которые сіе дѣлаютЪ, не казнь за нарушеніе божества получаютЪ, но сЪ честію и похвалами отходятЪ. Не уже ли хуже разоряемЪ, нежели нѣкоторые Философы, которые говорятЪ, будто совсѣмЪ нѣтЪ никакихЪ боговЪ, но все самопроизвольно родилось, все случайно бываетЪ? Не уже ли, хуже, нежели Епикуры, которые говорятЪ, что хотя находятся Боги, но ни о чемЪ не промышляютЪ, ни гнѣваются, ни милосердствуютЪ? А сими словами увѣщаваютЪ, что совсѣмЪ боговЪ почитать не должно: понеже ни на почитающихЪ не призираютЪ, ни на непочитающихЪ не гнѣваются. СверьхЪ сего когда противЪ страсти страха говорятЪ, то ничего инаго здѣлать не силятся, какЪ только, дабы никто боговЪ не боялся. И сіе однако люди и слушаютЪ охотно, и говорятЪ безЪ наказанія.

ГЛАВА

ГЛАВА 22.

Для чего злые духи наущают почитателей своих на гоненіе вѣрныхъ: и для чего истинная вѣра кажется пустою.

Итакъ не для того противъ насъ неистовятся, понеже боговъ не почитаемъ (ибо многіе не почитаютъ) но понеже истинна при насъ есть, которая (какъ справедливая пословица лежитъ) глаза колетъ. Какъ же мы будемъ думать? неинако, какъ только, что они сами не знаютъ чемъ страждутъ? Ибо поступаютъ слѣпымъ и несмысленнымъ неистовствомъ, которое мы видимъ, они не знаютъ. Ибо не они гонятъ, которые причины, для чегобъ гнѣваться на неповинныхъ, не имѣютъ: но оныя духи скверные и пагубные, которые истинну и знаютъ, и ненавидятъ, вкрадываются въ мысли ихъ, и наущаютъ не знающихъ на неистовство. Ибо они когда миръ есть въ народѣ божіемъ, праведныхъ бѣгаютъ и боятся, и когда въ тѣла человѣческія входятъ, и души долговременно терзаютъ, заклинаютъ ихъ праведные, и именемъ истиннаго Бога изгоняютъ. А они имя божіе слыша и дрожатъ, и кричатъ, и свидѣтельствуютъ, что опаляеми и біемы бываютъ: и когда вопросятъ ихъ, кто они таковы, когда пришли, какъ въ человѣка вселились, признаются. Такимъ образомъ мучимы будучи силою имени господня, изгоняются. За сіи біенія и прещенія Святыхъ и Праведныхъ мужей всегда нена-

видятЪ. И понеже сами собою вредить имЪ ничего не могутЪ, то всенародною тѣхЪ ненавистію гонятЪ, которыхЪ себѣ тяжкими признаваютЪ; и неистовятся жестоко, дабы или вѣру ихЪ умалить болѣзнію, или ежели того здѣлать не могутЪ, то совсѣмЪ истребить отЪ земли, дабы не было, кому ихЪ злодѣйства воздерживать. Знаю я, что напротивЪ отвѣтствовать могутЪ: Для чегожЪ БогЪ оный единый, великій, котораго всемогущимЪ, котораго ГосподомЪ всѣхЪ признаешЪ, сему быть попущаетЪ, и за почитателей своихЪ не отмщаетЪ, и ихЪ не защищаетЪ? Для чего наконецЪ которые его не почитаютЪ, и богаты, и сильны и щасливы и честь и царство имѣютЪ? И сему вопросу надлежитЪ дать отвѣтЪ, дабы какого заблужденія не осталось. Ибо вопервыхЪ сія причина есть, для чего думаютЪ, будтобы вѣра божія силы не имѣетЪ: понеже люди прельщаются земными и настоящими благими, которыя кЪ душѣ ни какЪ не принадлежатЪ: которыхЪ понеже не имѣютЪ праведные, и изобилуютЪ неправедные, то и почитаніе божіе за праздное вмѣняютЪ, вЪ которомЪ земнаго добра не видятЪ, и почитаніе боговЪ ставятЪ за истинное: понеже почитатели боговЪ и богатствами, и честьми, и царствомЪ наслаждаются. Но которые вЪ семЪ мнѣніи находятся, тѣ не разсматриваютЪ глубочае силы и состоянія человѣческаго, которое все не вЪ тѣлѣ но вЪ душѣ состоитЪ. Ибо ничего больше не видятЪ, какЪ только тѣло, которое понеже очами зрится, руками осязается,

заетсЯ, потому немощно, слабо, и смертно есть: котораго есть все оное добро, коего люди желаютъ, и удивляются: богатства, чести, государства, понеже тѣлу приносятъ удовольствіе, и того ради столь же временны суть, какъ самое тѣло. А душа въ которой одной есть человѣкъ, понеже очамъ не подлежитъ, то и добра ея видѣть не можно, которое въ одной добродѣтели состоитъ: и для того такъ постоянно и вѣчно есть, какъ самая добродѣтель, въ которой есть душевное добро.

ГЛАВА 23.

Для чего Богъ избранныхъ своихъ терзать попущаетъ, нечестивымъ препоручивъ власть.

Продолжительнымъ мнѣ кажется исчислять всѣ виды добродѣтелей, дабы отъ всѣхъ добродѣтелей показать, что мудрый и праведный мужъ отъ земнаго добра далече отвращаться долженъ: котораго понеже наслаждаются неправедные, то почитаніе боговъ за истинное и дѣйствительное вмѣняется. Что къ настоящему вопросу надлежитъ, довольно ежели изъ одной добродѣтели то покажу, что намѣреваю. То есть великая и особливая добродѣтель есть терпѣніе: которое равно и простый народъ и Философы, и Ораторы великими превозносятъ похвалами. Ежели не

можно не признаться, что терпѣніе высочайшая есть добродѣтель, то должно праведному и мудрому мужу быть во власти человѣка неправеднаго, дабы имѣлъ терпѣніе. Ибо терпѣніе есть, зла, которое или наносится, или случается, съ великодушіемъ сношеніе. Слѣдовательно праведный и мудрый, понеже добродѣтель имѣетъ, то имѣетъ въ себѣ и терпѣніе: котораго совсѣмъ не будетъ въ немъ тогда, ежели ничего противнаго не претерпитъ. Напротивъ, который въ щастіи живетъ, тотъ нетерпѣливъ, и великихъ добродѣтелей не имѣетъ. Нетерпѣливымъ называю, понеже ничего не терпитъ. И невинности хранить не можетъ, которая и сама праведному и мудрому мужу свойственною есть добродѣтелію: но и вредъ причиняетъ часто, и желаетъ чужаго, и чего желаетъ, похищаетъ съ обидою: понеже добродѣтели чуждъ будучи, пороку и грѣху подверженъ есть, и забывши о немощи, сердцемъ необыкновенно надымается. Для сего неправедные и Бога незнающіе, и въ богатствахъ, и въ силѣ, и въ честяхъ процвѣтаютъ. Ибо сіе все неправды награжденіемъ есть, понеже и вѣчнымъ быть не можетъ, что вожделѣніемъ и насиліемъ пріобрѣтается. А праведный и мудрый, понеже оное все есть человѣческое (какъ Лелій сказалъ) свое добро божественнымъ считаетъ, и ничего не желаетъ, дабы кого противъ права людскости ни какъ не оскорбить: и никакой власти и чести не ищетъ, дабы кому не сдѣлать обиды. Ибо знаетъ,

что

что всѣ отъ единаго Бога и въ одномъ состоянiи рождены, и правомъ братства совокуплены, но и своимъ довольствуется и малымъ: понеже помня о немощи своей, не больше ищетъ, какъ только чемъ житiе продолжить: и изъ того самого, что имѣетъ, удѣляетъ и неимущему, понеже онъ благочестивъ, благочестiе же высочайшею есть добродѣтелiю. Ктомужъ удовольствiя временныя и порочныя презираетъ, для которыхъ богатства собираются: понеже онъ воздерженъ, и похотей побѣдитель. Также ни мало надменiя и гордости не имѣя, не возносится высоко, ни воздвизаетъ гордой главы: но смиреннымъ, миролюбнымъ и кроткимъ пребываетъ, понеже состоянiе свое знаетъ. И такъ поелику обиды никому не дѣлаетъ, и чужаго не желаетъ, и своего, ежелибъ кто силою похищалъ, не защищаетъ, понеже знаетъ и нанесенную обиду терпѣливно сносить, поелику добродѣтель имѣетъ: то надлежитъ, дабы праведный человѣкъ подчиненъ былъ неправедному: и безчестiе отъ безумнаго принималъ мудрый: дабы и оный грѣшилъ, понеже неправеденъ, и сей въ рабство покаряемь былъ, понеже праведенъ. А ежели кто захочетъ знать болѣе, для чего злымъ и неправеднымъ Богъ сильными, и щасливыми, и богатыми быть попущаетъ: а благочестивыхъ напротивъ подлыми, бѣдными, нищими: тотъ пускай возметъ оную Сенекину книгу, которой подпись, нижеслѣдующая: Для чего добрымъ мужамъ много зла случается, ежели есть промыслъ: въ кото-

рой подлинно много не невѣжественно, но мудро и почти божественно сказалъ: „ Богъ, говоритъ, „ людей вмѣсто дѣтей имѣетъ, но развращен- „ нымъ и порочнымъ нѣжно и роскошно попу- „ щаетъ жить: понеже исправленія своего за „ недостойныхъ почитаетъ: а добрыхъ, кото- „ рыхъ любитъ, наказываетъ часто, и всег- „ дашними трудами къ добродѣтели обучаетъ, „ и не попускаетъ имъ временнымъ и смерт- „ нымъ добромъ прити въ развращеніе. Для сего никто не долженъ удивляться, ежели за грѣхи наши часто наказываетъ насъ Богъ. Паче же когда терзаеми и утѣсняеми бываемъ, тогда наипаче благодаримъ премилосердому отцу, что поврежденію нашему не попущаетъ далѣе простираться, но ранами и біеніемъ исправляетъ. Изъ сего разумѣемъ, что Богъ о насъ попеченіе имѣетъ, понеже когда грѣшимъ, гнѣвается. Ибо хотя можетъ народу своему и богатства и царства даровать, какъ далъ прежде Іудеемъ, которыхъ мы наслѣдники и потомки: того ради благоволитъ ему подъ чужою державою и владѣніемъ жить, дабы щастіемъ развратившись въ невоздержность не впалъ, и Божіихъ заповѣдей не презрѣлъ, какъ оные предки наши, которые часто земными и тлѣнными сими благими въ безсиліе приведены будучи, заблудили отъ ученія, и узы закона растерзали. И такъ провидѣлъ, поелику почитателемъ своимъ даруетъ покой, ежели повелѣнія его сохранятъ: и ихъ исправляетъ, ежели заповѣдемъ повиноваться не будутъ. Того ради

дабы

дабы не развратились праздностію такъ, какъ отцы ихъ вольностію, утѣснять ихъ попустилъ тѣмъ, въ которыхъ области ихъ поселилъ, дабы и падающихъ укрѣпить, и развращенныя къ мужеству обновить, и вѣру ихъ познать и искусить. Ибо какъ можетъ Государь воиновъ своихъ искусить храбрость, ежели не будетъ имѣть непріятеля? И однако ему противъ его желанія востаетъ непріятель: понеже онъ смертенъ, и побѣжденъ быть можетъ: а Богу понеже противиться не можно, то самъ противниковъ имени своему возбуждаетъ, чтобъ не противъ самаго Бога воевали, но противъ воиновъ его, дабы набожность и вѣру ихъ или искусить, или укрѣпить, покуда утѣсненіемъ колеблющееся исправитъ ученіе. Есть и иная причина, для чего противъ насъ гоненію быть попущаетъ, дабы народъ Божій умножался. И нетрудно сіе показать, для чего, или какимъ образомъ оное бываетъ. Вопервыхъ многія удаляются отъ почитанія Боговъ, ненавидя свирѣпства. Ибо кто такихъ жертвъ не ужаснется? Ктомужъ нѣкоторымъ пріятна есть добродѣтель и вѣра самая. Нѣкоторые подозрѣваютъ, что почитаніе Боговъ не безъ причины за злое почитаютъ толь многіе люди, что паче умереть желаютъ, нежели оное дѣлать, что иные дѣлаютъ, дабы жить. Нѣкоторые желаютъ знать, какое есть оное добро, которое даже до смерти защищаютъ: которое паче всего, что въ семъ житіи пріятно и любезно есть, почитаютъ: отъ котораго ни имѣній, ни свѣта потеряніе, ни бо-

 лѣзнь

лѣзнь тѣла, ни внутренностей мученія не отгонятъ. Весьма сіе сильно. Но оные наипаче причины наше число всегда умножали. Слышитъ предстоящій народъ между самыми муками сказующихъ: не хочемъ жертвъ приносить камнямъ рукою человѣческою содѣланнымъ, но Богу живому, сущему на небеси. Многіе сіе истиннымъ быть признаваютъ, и въ сердце впечатлѣваютъ. Притомъ какъ обыкновенно бываетъ въ вещахъ неизвѣстныхъ, когда между собою взаимно вопрошаютъ, какая есть сего постоянства причнна, много къ вѣрѣ надлежащаго, разглашеннаго, и слухомъ взаимно понятаго и замѣченнаго познаютъ: а сіе понеже добро есть, то и пріятно. Кромѣ сего отмщеніе послѣдовавшее, какъ всегда случается, къ вѣрованію сильно понуждаетъ. Не легкая и сія причина, что нечистые демонскіе духи принявши вольность во многихъ тѣла входятъ: а когда потомъ изгнани будутъ, то всѣ оздравѣвшіе пристаютъ къ вѣрѣ, которой силу познали. Сіи столь многія причины вмѣстѣ собранныя великое Богу множество людей чуднымъ образомъ пріобрѣтаютъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 24.

Что мучащіе благихъ мучими будутъ: и злыхъ зверей отъ земли погубитъ Богъ.

И такъ все, что противъ насъ злые начальники ни предпріемлютъ, тому Богъ быть попущаетъ, но однако наинеправеднѣйшіе гонители, которые имени Божію ругались и насмѣхались, пускай не думаютъ, что останутся безъ наказанія, что гнѣва его противъ насъ какъ бы орудіями были. Ибо казними будутъ судомъ Божіимъ, что принявши власть, выше человѣческой мѣры на зло употребили оную, и гордо Богу поругались, и имя его вѣчное подъ ноги свои повергли, нечестиво и беззаконно попирая. Того ради обѣщаетъ скоро отмстить имъ, и искоренить зверей злыхъ отъ земли. Но онъ хотя народа своего озлобленіе и здѣсь въ настоящемъ житіи обыкновенно отмщаетъ, однако повелѣваетъ намъ ждать терпѣливо онаго небеснаго суда дни, въ который самъ всякаго по его заслугамъ или почтитъ, или накажетъ. Того ради пускай не надѣются святотатскія души, что тѣ презрѣны, и безъ отмщенія оставлены будутъ, которыхъ толь жестоко обижаютъ. Пріидетъ, пріидетъ неистовымъ и ненасытнымъ волкамъ мзда ихъ, которые праведныя и простыя души безъ всякой вины умучили. Мы только потщимся, дабы люди насъ ни за что иное, какъ только

за одну правду казнили. Постараемся всѣми силами, чтобъ заслужить отъ Бога купно и отмщеніе страданія, и награжденіе.

Конецъ пятой книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА ШЕСТАЯ О ИСТИННОМЪ ПОЧИТАНІИ КЪ КОНСТАНТИНУ ИМПЕРАТОРУ.

ГЛАВА I.

Что невинность наиистиннѣйшее Божіе почитаніе есть, котораго человѣкъ тѣлу предавшійся не знаетъ.

Долгъ предпріятаго дѣла, наставленіемъ божественнаго духа, и помощію самой истины, исполнилъ я: для которой утвержденія и изъясненія мнѣ и знаніе и вѣру самъ Господь нашъ даровалъ, безъ котораго ни знать ни изъяснить ни чего не можно. Теперь приступаю къ тому, что есть вышшее въ семъ дѣлѣ и наибольшее: дабы показать, какимъ обрядомъ и какою жертвою Бога почитать должно. Ибо сія есть человѣческая должность, и въ семъ одномъ вся сила и все блаженное житіе состоитъ: понеже мы созданы и одушевлены отъ Бога, не съ тѣмъ, чтобъ небо зрѣть, и солнце (какъ Анаксагоръ думалъ) но чтобъ

чтобъ творца солнца и неба Бога чистымъ и непорочнымъ умомъ почитать. И хотя въ прежнихъ книгахъ по мѣрѣ ума моего защитилъ я истинну, однако и изъ обряда самаго видѣть ея весьма можно. Ибо ничего инаго святое и единое оное величество отъ человѣка не требуетъ, какъ только одного повиновенія: которое ежели кто принесетъ Богу: то довольно благочестиво, довольно набожно пріятную жертву принесъ. А люди презрѣвши правду, будучи всѣми преступленіями и беззаконіями оскверненны за набожныхъ себя почитаютъ, ежели храмъ и жертвенники кровію окропятъ, ежели камины благовонным и старымъ виномъ омочатъ: и не только, но и священныя снѣди приуготовляютъ и нововымышленныя пиры, какъ бы нѣчто оттуда прикушать имѣвшимъ, приносятъ. Все что ни есть по виду рѣдкое, дѣломъ, и запахомъ дорогое, сіе пріятнымъ для Боговъ своихъ не по нѣкоторому разсужденію о божествѣ, котораго не знаютъ, но по своимъ похотемъ разсуждаютъ: и не разумѣютъ, что земныхъ богатствъ Богъ не требуетъ. Ничего бо не разумѣютъ, кромѣ земнаго: и о добрѣ и злѣ одного тѣла чувствомъ и удовольствіемъ разсуждаютъ. По тѣлесному изволенію какъ о вѣрѣ разсуждаютъ, такъ всего житія своего дѣла располагаютъ. И понеже однажды отъ зрѣнія неба отвратились, и чувство оное небесное тѣлу поработили, то вожделѣніямъ себя предаютъ, будто бы съ собою имѣютъ взять удовольствіе, которымъ всякую минуту

шу спѣшатъ насыщаться: когда душа служенія тѣлеснаго, не тѣло служенія душевнаго употреблять должно. Они же за наибольшее добро почитаютъ богатство, котораго ежели честнымъ образомъ получить не могутъ, то непозволительнымъ получаютъ: прельщаютъ, похищаютъ, обнажаютъ, подъискиваются, отнимаютъ, наконецъ ни какой умѣренности, ни какого разсужденія не имѣютъ, только бы златомъ блистать, серебромъ, драгоцѣнными камнями и одеждами сіять, въ жадное чрево богатства ввергать, окружившись толпами друговъ между раздающимся народомъ всегда ходить Такимъ образомъ предавшись и работая удовольствіямъ, силу и крѣпость духа угашаютъ: и когда живыми себе наипаче почитаютъ, тогда къ смерти наискорѣе поспѣшаютъ. Ибо какъ во второй книгѣ показалъ я, что размышленіе о небеси въ душѣ, а земное въ тѣлѣ состоитъ: то тѣ, которые о добрѣ душевномъ нерадятъ, и тѣлеснаго добра желаютъ, во тмѣ и смерти обращаются, которая надлежитъ къ земли и тѣлу: понеже жизнь и свѣтъ съ небеси есть, котораго послику не знаютъ тѣлу служа, то далеко отстоятъ отъ разумѣнія вещей Божественныхъ. Одна бѣдныхъ слѣпота вездѣ утѣсняетъ: ибо какъ того, который есть истинный Богъ, такъ и того, которое есть истинное почитаніе, не знаютъ.

ГЛАВА 2.

Что Богъ ни алчетъ, ни жаждетъ ни по тьмѣ пребываетъ, дабы ему жертвы убивать, или вина приносить, или свѣтильника. И для чего сіе приносятъ Богамъ языческимъ, прямой вѣры и истинной невинности приносить не знающіе, въ которыхъ состоитъ Божіе почитаніе. И что между всѣмъ къ почитанію Божію надлежащимъ, дѣломъ преизряднымъ есть, людей истиннѣ и правдѣ научать. И для чего не хочетъ съ начала начинать.

И такъ закалаютъ избранныя и тучныя жертвы Богу, какъ бы алчущему: проливаютъ вино, какъ бы жаждущему: возжигаютъ свѣчи, какъ бы во тьмѣ живущему: а ежели бы догадаться, или понять умомъ могли, каково есть добро оное небесное, котораго величества земнымъ еще тѣломъ покровены будучи умомъ понять не могутъ, то себе съ сими службами суетными наибезумнѣйшими познали бы. Ибо ежели бы на небесное свѣтило, которое солнцемъ называемъ воззрѣть восхотѣли, то выразумѣли бы, что не требуетъ свѣтильниковъ ихъ Богъ, который ради употребленія человѣческаго свѣтило даровалъ. И однако въ толь маломъ кругѣ, который ради отдаленности не больше человѣческой главы кажется, толикая есть свѣтлость, что на оную человѣческими очами смотрѣть не можно, и ежели хотя мало посмо-

смотришь, то по притупленіи зрѣнія мракъ и тма послѣдуетъ. И такъ каково свѣтило, каково сіяніе у Бога, у котораго ни какой ночи нѣтъ, быть почтемъ? Который сію самую свѣтлость такъ уравнилъ, дабы и излишнимъ сіяніемъ, и сильною теплотою не вредила животнымъ, и столько солнцу теплоты и свѣтлости далъ, сколько и смертные тѣла стерпѣть могутъ, и созрѣніе плодовъ требуетъ. И такъ можноль того за разумнаго почесть, который изобрѣтателю и подателю свѣта свѣчи и воскъ въ даръ приноситъ? Ибо иного онъ отъ насъ требуетъ свѣтила, и то не дымнаго: но (какъ говоритъ стихотворецъ) чистаго и свѣтлаго, то есть умнаго: почему отъ стихотворцевъ Фосъ называется. И принести его ни кто не можетъ, какъ только знающій Бога. А ихъ Боги поелику земные суть, то требуютъ свѣтилъ, дабы не быть во тмѣ: которыхъ почитатели, понеже ничего небеснаго не разумѣютъ, то и вѣру, которою служатъ, къ земли обращаютъ. На земли бо свѣта потребно: понеже состояніе ея и природа темная есть. И такъ Богамъ не небесное чувство, но человѣческое паче приписываютъ, и того ради вѣрятъ, что и имъ потребно и пріятно то, что и намъ, которые или алча, требуемъ пищи, или жаждучи, питія, или зябнувъ одежды, или когда солнце зайдетъ, свѣтила, дабы видѣть могли. И такъ ни съ чего такъ доказать и уразумѣть не можно, что Боги сами нѣкогда живучи умерли, какъ

изъ самаго образа, который весь есть земный. Ибо какое добро небесное можетъ въ себѣ имѣть изліянная скотовъ кровь, которою жертвенники сквѣрнятъ? Развѣ можетъ быть думаютъ, что Боги то ядятъ, чему люди гнушаются прикоснутъся. И ежели кто сію тучность Богамъ принесетъ, хотя бы онъ былъ грабитель, прелюбодѣй, чародѣй, отцеубійца, то блаженъ и щастливъ будетъ. Сего любятъ, сего защищаютъ, сему все, чего пожелаетъ, даютъ. Почему справедливо Персій симъ суевѣріямъ обыкновенно насмѣхается „. Какою ты (говоритъ) цѣною купилъ вниманіе Боговъ? Легкимъ, и жирными кишками. Ибо чувствовалъ онъ, что не мяса потребно къ умоленію небеснаго величества: но мысли святой, и праведнаго ума и сердца, (какъ самъ говоритъ) что по природѣ должно быть вразсужденіи честности благороднымъ. Сія вѣра есть небесная, которая не изъ вещей тлѣнныхъ состоитъ, но изъ добродѣтелей духа происходящаго съ неба. Сіе истинное почитаніе есть, въ которомъ мысль почитающаго себе самую Богу непорочною жертвою представляетъ. А сіе самое какъ получить, какъ здѣлать должно, покажетъ сія книга. Ибо ничто толь изящнымъ и человѣку пристойнымъ быть не можетъ, какъ наставлять людей на правду. У Цицерона Катуллъ въ Гортенсіи Философію паче всего похваляя говоритъ: „ Хочу я лучше „ одной малой книги о должности, нежели долгой „ рѣчи о мятежномъ человѣкѣ Корниліѣ „. И

сіе мнѣніе подлинно не Катулловымъ, который можетъ быть сего не говорилъ, но Цицероновымъ почесть можно, который писалъ: я думаю, дабы книги, которыя о должностяхъ хотѣлъ писать, одобрить: о которыхъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ ничего во всей Философіи лучшаго и полезнѣйшаго, какъ наставленіе для житія предписать. А ежели сіе дѣлаютъ непознавшіе истинны, то кольми паче я дѣлать долженъ, который отъ Бога наученъ и просвѣщенъ будучи могу истиннѣ научить. Однако не такъ буду учить, дабы первыя основанія добродѣтели изъяснять; ибо сіе было бы безконечное: но какъ бы того начиная учить, который у нихъ уже совершеннымъ быть кажется. Въ цѣлости бо сохраняя ихъ ученіе, которымъ прямо добродѣтели научаютъ, незнаемое имъ приложу къ совершенію правды имъ незнаемой. А что намъ общее есть, оставлю: дабы не подумалъ кто, будтобы я нѣчто отъ тѣхъ заимствую, которыхъ заблужденія обличать и открывать намѣреваю.

ГЛАВА 3.

О двухъ путехъ, изъ которыхъ одинъ путь добродѣтели, другій пороковъ есть, которые буквою Пиѳагоровою изображаются, и прежде наблюдаются у Христіанъ, нежели у Философовъ: и о двухъ вождяхъ путей.

Два суть пути, которыми житіе человѣческое проходить должно: одинъ, который

на небо возводитъ, другій, который во адъ низвергаетъ: о которыхъ и стихотворцы въ стихахъ, и Философы въ разглагольствіяхъ воспоминаютъ. И Философы единъ путемъ добродѣтели называютъ, другій путемъ пороковъ: и который назначенъ для добродѣтелей, тотъ въ первомъ приступѣ труденъ и каменистъ: въ которомъ ежели кто трудность побѣдивши на высоту его взойдетъ, то въ прочемъ имѣетъ той путь гладкій, свѣтлое и пріятное поле, и всѣ трудовъ своихъ получаетъ плоды обильные и пріятные. А которые первымъ приступомъ трудности устрашаются, тѣ на оный путь пороковъ попадаютъ и уклоняютси, который въ первомъ приступѣ пріятенъ и пространенъ. Потомъ когда на оный мало далѣе взойдутъ, то пріятности его видъ внезапно исчезаетъ, и показывается путь то стремнистымъ, то каменистымъ, то терніемъ устланнымъ, то рвами перекопаннымъ, то потоками ужаснымъ, столь, что по необходимости должно будетъ трудиться, останавливаться, и падать. Сіе все для того говорится, что въ началѣ добродѣтели превеликія суть труды, а въ совершеніи превеликая польза, и постоянное и всегдашнее увеселеніе. А пороки нѣкоторыми лестностями природными приманиваютъ души человѣческія, и суетнымъ пріятностей видомъ уловивши, въ горесть и бѣду приводятъ. Мудрое подлинно разглагольствіе, ежели бы добродѣтелей самыхъ виды и концы знали. Ибо не знали, ни того, что есть добродѣтель, ни того, какая ей

мзда

мзда отъ Бога слѣдуетъ: о чемъ я въ сихъ двухъ книгахъ покажу. А они, понеже не знали, или сумнѣвались, что души человѣческія суть безсмертны, то и добродѣтелемъ и порокамъ земные чести или казни опредѣляли. И такъ все сіе о двухъ путехъ разглагольствіе къ умѣренности и невоздержности принадлежитъ. Ибо говорятъ, что человѣческаго житія теченіе буквѣ, V, пудобно: понеже всякой человѣкъ, какъ скоро юношескаго возраста достигнетъ, и до того мѣста пріидетъ, гдѣ путь на двое раздѣляется, то сумнѣвается, и не знаетъ, на которую страну уклониться. Ежели получитъ вождя, который бы сумнящагося на лучшее наставлялъ: то есть, ежели Философіи научиться, или краснорѣчію, или иному честному художеству, чемъ бы могъ достигнуть къ доброму житію, чему быть безъ превеликаго труда не можно, то такій, говорятъ, довольное и честное будетъ имѣть житіе. А ежели учителя умѣренности не найдетъ, то на лѣвый путь, который добродѣтели видъ себѣ притворяетъ, взойдетъ, то есть, лѣности, праздности и невоздержности предастся: что пріятнымъ кажется до времени истиннаго добра незнающему: а потомъ потерявши все достоинство и имѣніе, во всякой бѣдности и безчестіи будетъ жить. И такъ къ тѣлу и къ сему земному житію концы сихъ путей отнесли Философы. Стихотворцы можетъ быть лучше, которые два пути сіи во адѣ быть утверждали, но въ семъ обманываются, что сіи пути для мерт-

выхЪ назначили. И такЪ обои говорятЪ истинну, но несправедливо: понеже надлежало пути самые кЪ житію, а концы оныхЪ кЪ смерти относить. И такЪ мы лучше и истиннѣе говоримЪ, когда сіи два пути до неба и ада простираемЪ: истиннѣ, понеже вЪ нихЪ праведнымЪ безсмертіе, неправеднымЪ казнь вѣчная предложена. А какЪ пути оные или на небо возводятЪ, или во адЪ низвергаютЪ, то изЪясню, и открою, какія суть добродѣтели, которыхЪ Философы не знали, и какія суть награжденія ихЪ: и купно какія суть пороки, и какія ихЪ казни, покажу. Ибо можетЪ быть будетЪ кто либо ожидать, что я порознь о порокахЪ и добродѣтелехЪ говорить буду: когда при разсужденіи нашемЪ о добрѣ и злѣ, можно выразумѣть и противное. Ибо хотя добродѣтели внесешь, то пороки самопроизвольно уступаютЪ: хотя пороки изключишь, то добродѣтели тотчасЪ подЪидутЪ. Таковою природа добра и зла устроена, что между собою взаимно всегда воюютЪ, всегда одно дуугаго изгоняетЪ. Посему дѣлается, что и пороковЪ отвратить безЪ добродѣтелей не можно, и добродѣтелей внести безЪ отвращенія отЪ пороковЪ. И такЪ сіи пути несравненно инако вводимЪ, нежели Философы обыкновенно вводятЪ. ВоперьвыхЪ что кЪ обоимЪ путемЪ приставленныхЪ двухЪ вождей утверждаемЪ безсмертныхЪ: но одного почтеннаго, который надЪ добродѣтельми и добромЪ начальствуетЪ: другаго осужденнаго, который начальствуетЪ надЪ пороками

и

и надъ зломъ. А они въ правомъ только пути вождя полагаютъ, да и то не одного и не непремѣннаго. Понеже всякаго учителя художества добраго вводятъ, который отъ лѣности отводитъ людей, и добрыми быть учитъ. И говорятъ, что только на оной путь восходятъ отроки и юноши: понеже въ такомъ возрастѣ учатся наукамъ. А мы всякаго пола, рода и возраста на сей небесный путь вводимъ: понеже Богъ, который сего пути вождемъ есть, безсмертіе всякому человѣку даруетъ, и видъ самыхъ путей не таковъ есть, какъ они думали. Ибо какая нужда букву Y въ вещахъ противныхъ и разныхъ употреблять? Но одинъ путь оный лучшій обращенъ есть къ восходу солнца, другій оный худшій къ западу: понеже послѣдующій истиннѣ и правдѣ, принявши безсмертное награжденіе, вѣчный свѣтъ получитъ: а кто приманенъ будучи отъ онаго злаго вождя, предпочелъ пороки добродѣтелемъ, лжу истиннѣ, тотъ на западъ и во тму отосланъ будетъ. И такъ опишу оба пути, и ихъ свойства и состояніе покажу.

ГЛАВА 4.

О пути добродѣтелей, который на Елисейскія поля отводитъ: и о пути пороковъ, который въ нечестивый тартаръ ведетъ, и о вождяхъ обоихъ путей.

И такъ единъ есть добродѣтели и добра путь, который ведетъ не на Елисейскіи поля

(какъ стихотворцы говорятъ) но на самый верхъ неба. А лѣвый содержитъ казни злыхъ, и нечестивыхъ въ тартаръ посылаетъ. Ибо онъ есть клеветника онаго, который уставивши развращенныя вѣры, отвратилъ людей отъ пути небеснаго, и возвелъ на путь погибельный. Сего пути начертаніе и образъ такій есть, что въ первомъ воззрѣніи гладкимъ и пространнымъ, всякими цвѣтами и плодами увеселяющимъ кажется. Ибо на немъ положилъ Богъ все, что за доброе вмѣняется на земли: богатство, говорю, честь, покой, удовольствіе, прелести всякія: но съ ними равно не правду, свирѣпость, гордость, вѣроломство, похоть, вожделѣніе, несогласіе, незнаніе, ложъ, безуміе и прочіе пороки. А конецъ сего пути такій есть, когда пріидетъ до конца, откуду ужѐ возвратиться не можно, то со всею своею красотою толь скоро прекращается, что не прежде кто лесть усмотрѣть можетъ, какъ низверженъ будучи, въ пропасть глубокую впадетъ. Ибо всякъ временныхъ благихъ видомъ уловленный, и въ полученіи и употребленіи ихъ упражняющійся, ежели не предвидитъ того, что по смерти слѣдуетъ, тотъ и отъ Бога отвратится, и до ада низверженъ бывши, на вѣчную казнь осудится. А путь оный небесный трудный и холмистый предложенъ есть: или терніемъ жестокимъ неудобный, или камнями валяющимися препятствуемый, что съ превеликимъ трудомъ и вредомъ ногъ, и съ великою паденія опасностію, всякому ходить должно.

На

На семъ пути положилъ правду, умѣренность, терпѣніе, вѣру, чистоту, воздержаніе, согласіе, знаніе, истинну, мудрость, и прочія добродѣтели: но купно съ ними нищету, безчестіе, трудъ, болѣзнь, горести всѣ. Ибо кто надежду свою простретъ далѣе, и лучшихъ захочетъ, тотъ не будетъ имѣть земнаго сего добра, дабы свободно и легко трудность пути преодолѣть. Не можетъ бо украшеніемъ царскимъ одѣявшись, или богатствомъ отягчившись, на тѣсноту оную взойти, или ходить по ней. Отсюду разумѣемъ, что злымъ и неправеднымъ того ради легче достается то, чего желаютъ: понеже труднымъ и крутымъ путемъ идутъ. И такъ праведный, поелику на жестокій и колкій путь вступилъ, то въ презрѣніи, въ посмѣяніи, въ ненависти будетъ. Понеже всѣ, которыхъ вожделѣніе или удовольствіе къ себѣ влечетъ, завидятъ тому, который добродѣтель вмѣстить мотъ, и несносно имъ, что то имѣетъ другой, чего они не имѣютъ. Того ради будетъ убогимъ, смиреннымъ, безчестнымъ, подверженнымъ обидѣ, и напослѣдокъ всю горесть претерпитъ: и ежели терпѣніе всегдашнее до высочайшаго онаго степени и конца приведетъ, то дастся ему вѣнецъ добродѣтели, и отъ Бога за труды, которые въ жизни ради добродѣтели понесъ, безсмертіемъ одаренъ будетъ. Сіи суть пути, которые Богъ человѣческому житію опредѣлилъ: изъ которыхъ въ каждомъ и добро и зло показалъ, но порядкомъ превратнымъ. Ибо въ одномъ показалъ

вопервыхъ временное зло съ вѣчнымъ добромъ, и сей порядокъ есть лучшій: въ другомъ вопервыхъ временное добро съ вѣчнымъ зломъ, и сей порядокъ есть хуждшій: дабы тотъ, кто временное зло съ правдою изберетъ, большее и извѣстнѣйшее добро получилъ, нежели было оное, которое презрѣлъ: а кто временное добро предпочтетъ правдѣ, дабы въ большее и должайшее впалъ зло, нежели было то, отъ котораго удалился. Понеже сіе житіе временное, поелику кратко есть, того ради и добро его и зло кратко: а оное житіе духовное, которое сему земному противно, поелику вѣчно, того ради и добро его и зло вѣчно. Отъ сего дѣлается, что и добру краткому зло вѣчное, и злу краткому добро вѣчное послѣдуетъ. Того ради понеже купно предложено человѣку добро и зло, то разсуждать всякъ съ собою долженъ, сколь лучше за вѣчное добро краткое зло снести, нежели за краткое и непостоянное добро вѣчное зло терпѣть. Ибо какъ въ семъ вѣкѣ, когда предлежитъ съ непріятелемъ подвигъ, то вопервыхъ трудиться должно, дабы потомъ быть въ покоѣ, гладъ, жажду, зной, хладъ сносить, на земли лежать, бодрствовать, въ опасности быть, дабы послѣ здравіемъ дѣтей, и домомъ, и имѣніемъ, и всякими покоя и побѣды благими увеселяться. А ежели настоящаго покоя паче восхощешь, нежели труда, зло себѣ превеликое непремѣнно здѣлаешь. Ибо предупредитъ непріятель не сопротивляющагося, опустошитъ поля, расхититъ домъ, въ плѣнъ

жену

жену и дѣтей возметъ, и тебе самаго убьетъ, или въ плѣнъ отведетъ. Сіе все дабы не приключилося, временную пользу отложить должно, дабы большую и должайшую снискать. Такимъ образомъ во всемъ семъ житіи, понеже намъ противника Богъ сохранилъ, дабы могли мы вмѣстить добродѣтель, оставить должно временное удовольствіе, дабы не напалъ непріятель, должно бодрствовать, стоять, воинствовать, напослѣдокъ кровь изліять, наконецъ всю горесть и тяжесть терпѣливно сносить, и тѣмъ охотнѣе, что намъ царь нашь Богъ мзду за труды вѣчную назначилъ и опредѣлилъ. И ежели въ семъ земномъ воинствѣ толико люди трудятся, дабы то себѣ пріобрѣсти, что можно тѣмъ же образомъ потерять, которымъ пріобрѣтено: то по истиннѣ намъ никакого труда убѣгать не должно, дабы пріобрѣсти то, чего потерять никакъ не можно. Благоволилъ бо Богъ, который людей для сего сраженія родилъ, дабы мы готовы на полѣ стояли, и съ напряженіемъ ума противъ невидимаго врага навѣтовъ, или явныхъ нападеній бодрствовали, который насъ, какъ искусные и видѣвшіе опыты вожди обыкновенно дѣлаютъ, разными хитростьми ловитъ въ разсужденій свойства и нравовъ всякаго неистовствуя. Ибо инымъ вожделѣніе ненасытимое насылаетъ, дабы богатствами своими такъ какъ оковами связавши, отъ пути истинны отвратить. Иныхъ подстрекаетъ жаломъ гнѣва, дабы устремивъ ихъ къ причиненію вреда другимъ, отъ богомыслія отвра-

тить.

шить. Иныхъ въ безмѣрныя похоти погружаетъ, дабы сластолюбію и тѣлу служа, къ добродѣтели не могли обратиться. А инымъ вдыхаетъ зависть, дабы сами своими муками снѣдаясь, ни очемъ иномъ не помышляли, какъ только о щастіи тѣхъ, которыхъ ненавидятъ. Иныхъ надмѣваетъ славолюбіемъ. Сіи суть тѣ, которые о полученіи честей во все житіе свое трудятся и стараются, дабы внесеннымъ быть въ календари и дабы люди отъ нихъ считали епохи. Нѣкоторыхъ желаніе стремится далѣе, не чтобъ провинціи до времени управлять, но чтобъ безконечною и вѣчною властію господами всего рода человѣческаго называться. А которыхъ благочестивыхъ видитъ, въ тщетныя приводитъ вѣры, дабы нечестивыми здѣлать. А тѣмъ, которые мудрости ищутъ, Философію предъ очи представляетъ, дабы видомъ свѣта ослѣпить, дабы кто не понялъ и не принялъ истинны. Такимъ образомъ людемъ затворилъ всѣ приступы, и заградилъ всѣ пути, общими утѣшаяся заблужденіями: которыя дабы мы разрушить могли, и самаго зла изобрѣтателя побѣдить, просвѣтилъ насъ Богъ, и вооружилъ истинною и небесною добродѣтелію, о которой нѣсколько мнѣ теперь поговорить должно.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

О ложномъ описаніи добродѣтели, которое по объявленію Лукиліецу положили Философы: и о истинной разности знанія и добродѣтели.

Но прежде нежели всѣ добродѣтели изъяснять начну, описать должно самую добродѣтель: которую Философы не прямо описали, что есть, или въ какихъ вещахъ, какое дѣло, какую имѣетъ должность. Того ради имя одно удержали, а силу и вину и дѣйство потеряли. А что они въ описаніи добродѣтели обыкновенно говорятъ, оное въ краткихъ стихахъ собралъ, и порядкомъ сказываетъ Лукилій: которые здѣсь полагаю, дабы опровергая мнѣнія многихъ, не промедлить больше, нежели должно, „ Добродѣтель о Албинъ! прямо „ цѣнить вещи. Внимать дѣламъ, въ которыхъ „ обращаемся, и которыми живемъ. Добродѣтель есть знать человѣку то, что всякая вещь „ въ себѣ содержитъ. Добродѣтель есть знать „ человѣку, что есть праведное, полезное, че„ стное: что доброе, что злое, такъ же что „ не полезное, скверное не честное. Добродѣ„ тель есть въ исканіи имѣнія знать конецъ „ и способъ. Добродѣтель есть знать какъ „ богатство цѣнить. Добродѣтель есть такъ „ почитать честь, какъ самымъ дѣломъ дол„ жно. Быть врагомъ и непріятелемъ людей „ и нравовъ злыхъ. На противъ быть защит„ никомъ людей и нравовъ добрыхъ. Ихъ ве-

„ ли-

,, личать, имъ доброхотствовать, съ ними ,, жить должно. Сверьхъ того за первое себѣ ,, почитать пользу отечества. Потомъ пользу родителей, а потомъ свою ,,. Отъ сихъ описаній, которыя стихотворецъ кратко заключилъ, Маркъ Туллій взялъ должности житія, послѣдуя Пенатію Стоику, и оныя должности въ трехъ книгахъ заключилъ. А сіе сколь ложно есть, скоро увидимъ: дабы извѣстно было, сколько намъ милость божія благодѣйствовала, которая намъ открыла истинну. Добродѣтель быть сказалъ, знать, что есть доброе и злое: что скверное, что честное: что полезное, что неполезное. Сіе короче здѣлать моглъ, ежели бы только добро и зло сказалъ: понеже ни что не можетъ быть полезнымъ, или честнымъ, которое не было бы доброе: ни что не полезнымъ и сквернымъ, чтобы не было злое. Такъ и Философы думаютъ, и самъ Цицеронъ въ третьей книги вышереченной показываетъ. Но знаніе не можетъ быть добродѣтель: понеже не есть внутрь насъ, но къ намъ отъ внѣ приходитъ. А что прейти отъ одного къ другому можетъ, то не есть добродѣтель: понеже добродѣтель всякому свойственна есть. И такъ знаніе чужее благодѣяніе есть, понеже состоитъ въ слышаніи: добродѣтель вся наша есть, понеже состоитъ въ волѣ дѣлать доброе. И такъ какъ въ путешествіи нѣтъ ни какой пользы знать путь, ежели и не будетъ желанія и силы ходить: такъ и въ знаніи нѣтъ ни какой пользы, ежели не будетъ собственной добро-

бродѣтели. Ибо почти и тѣ, которые грѣшатъ, хотя не совершенно, однако, что есть добро и зло, знаютъ: и сколько разъ что либо злое дѣлаютъ, знаютъ, что грѣшатъ, и того ради утаить тщатся. Но вѣдая добро и зло, вожделѣніемъ злымъ побѣждаемы бываютъ, дабы грѣшить, понеже не имѣютъ добродѣтели, то есть желанія доброе и честное дѣлать. Изъ сего видимъ, что иное есть знаніе добра и зла, иное добродѣтель: понеже можетъ быть знаніе безъ добродѣтели, какъ во многихъ Философахъ было. Въ чемъ понеже къ винѣ надлежитъ, не дѣлать того, что знаешь быть праведное, то воля злая, и порочная мысль, которая извиниться незнаніемъ не можетъ, казнима будетъ. Слѣдовательно какъ добродѣтель не есть добра и зла знаніе, такъ добродѣтель есть, добро дѣлать, зла не дѣлать. Однако знаніе столь съ добродѣтелію совокуплено, что знаніе предходитъ, добродѣтель послѣдуетъ знанію: понеже ничего не можетъ знаніе, ежели дѣланіе не послѣдуетъ. И такъ Горацій нѣсколько лучше описалъ. „Добродѣтель есть, убѣгать порока, „и мудрость первая„. Но непристойно: понеже ея противнымъ заключилъ, какъ бы сказалъ: доброе есть то, что не есть зло. Ибо когда не знаю, что есть добродѣтель, то не знаю, и что есть порокъ. И такъ обое сіе требуетъ описанія: понеже природа вещи такова есть, что обое или разумѣть, или не разумѣть должно. Но я здѣлаю, что ему должно было. Добродѣтель есть гнѣвъ удерживать, вожделѣніе

ніе укрощать, похоть обуздывать. Ибо что значитъ порока убѣгать. Понеже все, что неправедно и худо дѣлается, отъ сихъ происходитъ страстей. Ежели бо движенія того, которое гнѣвомъ называется, стремленіе удержано будетъ, то всѣ человѣческія злыя ссоры утишатся, никто не будетъ навѣтовать, никто не станетъ причинять вреда. Такъ же ежели сребролюбіе удержано будетъ, то никто по земли ни по морю грабить не будетъ, никто войска водить не станетъ, дабы похищать и опустошать чужое. Притомъ ежели пламень похоти угасится, то всякъ возрастъ и полъ удержитъ свою святость, никто ничего срамнаго не претерпитъ, ни здѣлаетъ. Слѣдовательно всѣ беззаконія и злодѣянія, когда сіи побужденія добродѣтелію укротятся, отъ человѣческаго житія и нравовъ истребятся. Сіе укрощеніе побужденій и страстей такую имѣетъ силу, что все праведно дѣлать будемъ. И такъ вся добродѣтели должность есть не грѣшить, и ея исполнять не знающій Бога подлинно не можетъ: понеже не знающій Бога, отъ котораго добро происходитъ, неосторожно въ падетъ въ пороки. Того ради дабы кратчае и яснѣе обоихъ вещей главную должность описать: знаніе есть, Бога познать; добродѣтель, Бога почитать. Въ знаніи мудрость, въ добродѣтели правда содержится.

ГЛАВА 6.

Что Философы не знали, что есть добро или зло, понеже прозрачнаго источника добра не знали, и не разумѣли, какій должень быть вещей и дѣль конець: и посему извѣстно, что Лукилій ложно описаль добродѣтели должности.

Сказал я (что было первое) что знаніе добра не есть и добродѣтель, потом что есть добродѣтель, в чем состоит; слѣдует кратко показать то самое, что Философы, что есть добро и зло, не знали: и сіе изъяснил я в третьей книгѣ, разсуждая о высочайшем добрѣ. А незнающіе какое есть высочайшее добро, и в прочем добрѣ и злѣ, которое высочайшее не есть, заблудили: ибо сего не может праведным судом испытать незнающій самаго источника, откуду добро и зло происходит. Добра источник Бог есть, а зла, оный Божію имени всегдашній противник, о котором часто говорил я. От сих двух начал добро и зло происходит. Что происходит от Бога, сію имѣет силу, что безмертіе готовит, которое есть высочайшим добром. А что происходит от онаго другаго, ту имѣет должность, дабы от неба отвратившіи, ввергнуть в вѣчную муку, что есть наивеличайшим злом. И так нѣт сумнительства, что всѣ ни Бога ни противника его не знающіе, что есть добро и зло, не зна-

ли. Того ради конецъ добра къ тѣлу и къ сему краткому житію отнесли, которое разрушиться и прейти должно. Не поступили они далѣе, но всѣ ихъ повелѣнія, и все ими приводимое добро къ земли прилѣпляется, и долѣ лежитъ: понеже купно съ тѣломъ, которое есть земля, умираетъ. Ибо надлежитъ не къ приобрѣтенію житія человѣку, но къ снисканію или умноженію богатства, чести, славы, власти, что все есть смертное, такъ какъ человѣкъ старающійся о полученіи онаго. Отсюда есть оное: добродѣтель есть въ сниканіи имѣнія знать конецъ и способъ. Ибо повелѣваютъ, какимъ способомъ, и какимъ искуствомъ имѣнія искать должно: понеже видятъ, что обыкновенно злымъ способомъ богатства ищутъ. Но сія добродѣтель не есть предложена мудрому. Не есть бо добродѣтель богатства искать: котораго и пріобрѣтеніе и владѣніе не въ нашей есть власти. Того ради и найти и получить его удобнѣе могутъ злые, нежели добрые. Слѣдовательно не можетъ добродѣтель быть въ исканіи тѣхъ вещей, въ которыхъ презрѣніи сила и состояніе добродѣтели показывается: и къ тѣмъ самымъ вещамъ не прейдетъ, которыя великимъ и высокимъ умомъ попирать тщится: и не прилично есть душѣ небеснымъ внимающей благимъ, отъ безсмертныхъ своихъ дѣлъ, къ пріобрѣтенію себѣ немощныхъ вещей отвращаться. Но наипаче въ пріобрѣтеніи тѣхъ вещей добродѣтели сила состоитъ, которыхъ у насъ никакой человѣкъ,

ни смерть самая не можетъ отнять. Когда сїе такъ, то оное слѣдующее истинно есть: добродѣтель есть знать, какъ богатство оцѣнять. Который стихъ тоже почти значитъ, что первые два. Но и самъ онъ, и ни какой Философъ знать не могъ, какая, самая цѣна или которая есть. Той бо стихотворецъ, и всѣ тѣ, которымъ онъ послѣдовалъ, думали, что доброе употребленїе богатства состоитъ въ умѣренности, не представлять пировъ богатыхъ, не дарить безразсудно, не расточать на вещи излишнїя или скверныя имѣнїя. Можетъ быть скажетъ ктолибо: опомнись: Не уже ли ты не признаваешь, что сїе есть добродѣтель? Признаваю подлинно: ибо противное буду утверждать, ежели не признаю. Но не признаваю истинною, понеже она не небесная, но вся земная: поелику ничего не дѣлаетъ, какъ только, что остается на земли. А какое есть праведное богатства употребленїе, и какой должно изъ богатства пользы искать, покажу яснѣе, когда о должности любви говорить начну. Прочее слѣдующее совсѣмъ не справедливо Ибо съ злыми въ вражду вступать, или защищать добрыхъ, сїе можетъ съ злыми быть общимъ: нѣкоторые бо притворяясь добрыми, путь себѣ къ власти устрояютъ, и дѣлаютъ много такого, что добрые дѣлаютъ, и тѣмъ охотнѣе, понеже для обмана дѣлаютъ. О когда бы такъ было легко дѣлать, какъ легко притворяться добрымъ. Но оные когда намѣреваемое и желаемое получатъ, и на высочай-

шій власти степень взойдутъ, тогда притворство отложивъ, нравы свои открываютъ: похищаютъ все, и насильствуютъ, и озлобляютъ, и тѣхъ самыхъ добрыхъ, которыхъ защищали, гонятъ, и степени, которыми взошли, пресѣкаютъ, дабы не могъ кто имъ противъ ихъ самихъ подражать. Но положимъ, что сія должность только добраго человѣка есть, дабы добрыхъ защищать. Но тое начать легко, исполнить трудно: понеже когда сойдешся и сразишся, то въ волѣ Божіей твоя побѣда состоитъ, и чаще злые и множествомъ и единомысліемъ сильнѣе, нежели добрые, что дабы ихъ побѣдить, не столько добродѣтели, сколько щастія потребно. Не знаемъ ли, сколько разъ лучшая и праведнѣйшая сторона побѣждена бываетъ? Отсюда всегда управленія народомъ тягостныя происходили. Полны примѣровъ всѣ исторіи, но мы однимъ примѣромъ довольны будемъ. Кней Помпей хотѣлъ добрыхъ защищать, понеже за общество, за сенатъ, за вольность вооружился. Однако онъ побѣжденъ, съ самою вольностію убитъ, и отъ Евнуховъ Египетскихъ обезглавленъ будучи, безъ погребенія брошенъ. Слѣдовательно не есть добродѣтель, или врагомъ быть злыхъ людей, или защищать добрыхъ: понеже добродѣтель не извѣстнымъ случаямъ не можетъ быть подвержена. Сверхъ сего за первое себѣ почитать пользу отечества. Ежели не будетъ въ людехъ согласія, то всенепремѣнно добродѣтель уничтожится. Ибо какая есть польза отечества,

ства, кромѣ вреда другаго города или народа? То есть границы разширять, у иныхъ насильно отнявши, умножать государство, дани лучшими дѣлать: а сіе все не есть добродѣтель, но добродѣтели разрушеніе. Ибо вопервыхъ истребляется человѣческаго дружества союзъ, истребляется невинность, истребляется воздержаніе отъ чужаго, истребляется наконецъ самая правда, которая несогласія рода человѣческаго снести не можетъ: и гдѣ только оружіе блеснетъ, оттуда она прогоняется и искореняется. Истинное бо есть оное Цицероново: „Которые хотятъ о согражданахъ „промышлять, и о чужихъ не хотятъ, тѣ „разрываютъ общее рода человѣческаго дру„жество, которое ежели истребится, то „благодѣтельство, щедрость, правда совсѣмъ „истребятся„. Ибо какъ можетъ праведнымъ быть, который причиняетъ вредъ, который ненавидитъ, который грабитъ, который убиваетъ? А сіе все дѣлаютъ, которые отечества пользы ищутъ. Того бо самаго, что есть польза, не знаютъ, которые ничего за полезное не почитаютъ, развѣ что рукою удержать можно, а того самаго удержать не можно, понеже можетъ быть отнято. И такъ сіе (какъ они говорятъ) добро, кто отечеству пріобрящетъ, то есть кто разоривши города, избивши народы, казну деньгами наполнитъ, поля возметъ, гражданъ своихъ обогатитъ, сего похвалами до неба возносятъ, въ семъ почитается наибольшая и совершенная добродѣтель. Въ семъ заблужденіи не только на-

родъ и невѣжи, но и Философы находятся: которые и правила предписываютъ къ неправдѣ, дабы безуміе и злоба важность имѣла. Того ради когда о должности къ дѣлу воинскому надлежащей разглагольствуютъ, то ни къ правдѣ, ни къ истинной добродѣтели не пользуетъ вся ихъ рѣчь, но къ сему житію, и обычаю гражданскому, который добродѣтелію не есть, какъ самая вещь показываетъ, и самъ Цицеронъ свидѣтельствуетъ. „Но мы, говоритъ, „истиннаго права, и истинной правды крѣп„каго и извѣстнаго подобія никакого не имѣ„емъ: тѣни и образовъ употребляемъ, и „тѣмъ самимъ образамъ о когда бы послѣ„довали! происходятъ бо отъ наилучшихъ „природы и истинны примѣровъ„. И такъ тѣнь есть и образъ правды, что они за правду почитали. Что мудрость? не Цицеронъ ли признаетъ, что въ Философахъ никакой мудрости не было? „А когда Фабрицій, „говоритъ, мужественнымъ, или Аристидъ „праведнымъ называется, то отъ Фабриція ли „мужества, или отъ Аристида правды воз„мемъ, какъ отъ мудраго, примѣръ? Ибо никто „изъ нихъ толь мудрымъ не былъ, какъ дол„жно мудрому быть И оные, которыхъ му„дрыми почитали и называли, Маркъ Ка„тонъ, и Кайй Лелій мудрыми не были, и „тѣ седьмь, отъ множества среднихъ „должностей подобіе нѣкоторое имѣли и видъ „мудрости„. И такъ ежели у Философовъ, по признанію ихъ самихъ, отнята мудрость, и у тѣхъ, которыхъ за праведныхъ почитали, от-

отнята правда: слѣдовательно всѣ оные добродѣтели описанія ложны суть; понеже что есть истинная добродѣтель, того знать никто не можетъ, кромѣ праведнаго и мудраго. А праведнымъ и мудрымъ тотъ только есть, котораго Богъ заповѣдемъ небеснымъ научилъ.

ГЛАВА 7.

Что на пути заблужденія есть видъ мудрости и добродѣтели, и что путь истинны и мудрости есть простый, и тѣсный, и трудный, и Бога имѣетъ вождя.

Ибо тѣ всѣ, которые по признанному иными безумію за мудрыхъ почитаются, видомъ добродѣтели прельщены будучи, никакой истинны не понимаютъ, а только тѣнь и образы. Сіе дѣлается для того, понеже путь оный ложный, который ведетъ къ западу, многія стези имѣетъ, ради разности хотѣній и ученій: которыя суть въ житіи человѣческомъ несходны и различны. Ибо какъ оный путь мудрости имѣетъ нѣчто подобное безумію, о чемъ въ предшедшей книгѣ я показалъ: такъ сей весь путь безумія имѣетъ нѣкоторое подобіе мудрости, которое принимаютъ общее безуміе разумѣющіе. И какъ имѣетъ явные пороки, такъ имѣетъ нѣкоторое подобіе добродѣтели: какъ имѣетъ явное беззаконіе, такъ имѣетъ образъ нѣкоторый и видъ прав-

ды. Понеже какЪ предтеча онаго пути, котораго вся сила и власть во льсти состоитЪ, могЪ бы всѣхЪ вЪ лесть ввести, ежели бы подобія правды людемЪ не показывалЪ? Ибо БогЪ дабы безсмертная его тайна была сокровенна, положилЪ на пути своемЪ то, чего люди какЪ злаго и мерзскаго гнушаются: дабы отвратившись отЪ мудрости и истинны, которой безЪ всякаго вождя искали, вЪ то самое впали, чего беречься и убѣгать желали. Того ради оный погибели и смерти путь много, виднымЪ показалЪ: или для того, понеже многія суть разности житія, или понеже многихЪ боговЪ почитаютЪ. Сего пути вождь противникЪ и льстецЪ, дабы была нѣкоторая разнь лжи и истинны, зла и добра, инымЪ путемЪ ведетЪ роскошныхЪ, инымЪ тѣхЪ, которые воздержными называются, инымЪ невѣжь, инымЪ ученыхЪ, инымЪ лѣнивыхЪ, инымЪ храбрыхЪ, инымЪ безумныхЪ, инымЪ ФилософовЪ. И оныхЪ не одною стезею. Ибо тѣхЪ, которые роскоши и богатства не удаляются, отЪ сего общаго и знатнаго пути мало отлучаетЪ. А тѣхЪ, которые или добродѣтели послѣдовать хотятЪ, или богатство презираютЪ, по каменистымЪ нѣкоторымЪ стреминамЪ влечетЪ. Но однако оные всѣ пути, которые видЪ добра показываютЪ, не суть иные пути, но распутія и тропины, которые по видимому отЪ онаго общаго пути на десно лежатЪ: однако кЪ томужь пути, и кЪ одному всѣ выходу при самомЪ концѣ сходятся. ТамЪ бо вождь оный совокупляетЪ всѣхЪ, гдѣ

дол-

должно было добрымъ отъ злыхъ, храбрымъ отъ лѣнивыхъ, мудрымъ отъ безумныхъ разлучаться, то есть въ почитанiи боговъ: въ которомъ онъ всѣхъ (понеже безъ всякаго различiя безумны были) однимъ мечемъ убиваешъ и низвергаешъ въ смерть. А путь истинны, и мудрости, и добродѣтели, и правды (котораго всего единъ источникъ есть, едина сила, едино основанiе) и простый есть, понеже равно и съ великимъ согласiемъ единому Богу послѣдуемъ, и почитаемъ: и тѣсный, понеже немногимъ дана есть добродѣтель: и трудный, понеже къ наивеличайшему и высокому добру безъ великой трудности и усилiя достигнуть не можно.

Глава 8.

Для чего Философы не могли найти истинны, и тѣ, которые земнымъ пещамъ предались, но избранные находятъ закономъ божiимъ, которому можетъ Цицероново описанiе приличествовать.

Сей есть путь, котораго Философы ищутъ, но того ради не находятъ, понеже на земли наипаче, гдѣ видимь быть не можетъ, ищутъ. И такъ заблуждаютъ какъ на великомъ морѣ, и куда идутъ, не разумѣютъ: понеже и пути не видятъ, и ни какого вождя не имѣютъ. Ибо такимъ образомъ

сего жизни пути искать должно, какимЪ на мори ищутЪ пути караблямЪ: которые ежели нѣкотораго небеснаго свѣтила наблюдать не будутЪ, то не извѣстнымЪ стремленіемЪ носимы будутЪ. А кто правый житія путь имѣть тщится, тотЪ не на землю долженЪ взирать, но на небо: и чтобы яснѣе сказать, не человѣку долженЪ послѣдовать, но Богу: не симЪ земнымЪ идоламЪ служить, но Богу небесному: не кЪ тѣлу все относить, но кЪ душѣ: не о семЪ житіи тщаться, но о вѣчномЪ. Того ради ежели очи на небо всегда будетЪ вперять, и кЪ востоку ка солнце взирать, иное имѣть житія какбы плаванія вождя, то легко ноги на путь направятся: и оное небесное свѣтило, которое здравому уму несравненно яснѣе, нежели солнце сіе, которое вЪ тѣлѣ смертномЪ видимЪ, такЪ управитЪ, что кЪ высочайшему мудрости и добродѣтели пристанищу безЪ всякаго заблужденія приведетЪ. И такЪ принять должно законЪ божій, оный святый, оный небесный, который насЪ кЪ сему пути наставитЪ, который МаркЪ Туллій вЪ книгѣ о обществѣ третіей почти божественными словами описалЪ. Его слова я немного говоря прилагаю. „ Есть „ подлинно истинный законЪ, правый разумЪ, „ естеству приличный, разліянный на всѣхЪ, „ постоянный, вѣчный, который призываетЪ „ кЪ должности повелѣвая, запрещая отЪ ле- „ сти устрашаетЪ: однако и добрымЪ не на- „ прасно повелѣваетЪ, или запрещаетЪ, и злыхЪ „ повелѣвая или запрещая побуждаетЪ. Сему

„ за-

„ закону ни прибавить, ничего ни убавить не „ можно. И весь законъ уничтожить не льзя. „ И отъ сего закона ни Сенатъ ни народъ „ уволить насъ не можетъ: и не потребно „ искать сему закону изъяснителя или истол„ кователя инаго. И не будетъ инаго закона „ въ Римѣ, инаго въ Аѳинахъ, инаго нынѣ, „ инаго послѣ: но всѣ народы и всегда, „ единъ законъ, и вѣчный, и непремѣнный со„ держать будутъ, и единъ будетъ общій „ какъ бы учитель и Царь всѣхъ Богъ: онъ сего „ закона изобрѣтатель, примиритель, полож„ никъ. Сему закону кто не повинется, самъ себе „ убѣгать будетъ, и природою человѣческою „ гнушаться станетъ, симъ самымъ понесетъ „ превеликія казни, хотя бы прочихъ мни„ мыхъ казней убѣжалъ „. Кто тайну божію знающій толь ясно законъ божіи описать могъ, какъ оный человѣкъ далеко отъ знанія истинны удаленный изобразилъ? Я такъ думаю, что тѣ, которые истинну незнаючи говорятъ, суть какъ бы божественнымъ духомъ наставлены. А ежели бы какъ закона святаго силу и состояніе позналъ, такъ и оное зналъ, или изъяснилъ, въ какихъ заповѣдехъ самый законъ состоитъ, то не Философомъ былъ бы, но пророкомъ. Но понеже онъ здѣлать сего не могъ, то мнѣ здѣлать должно: которому самый законъ преданъ отъ оного единаго учителя, и Царя всѣхъ Бога.

ГЛАВА 9.

Что глава вѣры и путь истинны есть Бога прямо знать, и вѣрно почитать: и для чего разные законы отъ народовъ уставлены. И кто не поврежденныя чувства имѣетъ, которыя наипаче благодать дарует нежели природа.

Сего закона первая глава есть единаго Бога знать, единому повиноваться, единаго почитать. Ибо не можетъ человѣческаго состоянія содержать, кто отца души своея Бога не знаетъ, и сіе есть превеликое беззаконіе. Сіе незнаніе дѣлаетъ, что богамъ чуждымъ служатъ, чего беззаконнѣе ничего здѣлать не можно. Отсюду уже склонный степень есть къ злобѣ по незнанію истиннаго и единаго добра: понеже Богъ, котораго познать не хощетъ, источникъ есть самъ благости, или ежели правдѣ Божіей послѣдовать захочетъ, а Божія закона не познаетъ, то народа своего законы, такъ какъ истинный законъ, пріиметъ, которыя подлинно не правда, но польза изобрѣла. Для чего бо у всѣхъ народовъ отмѣнныя и разныя права суть уставлены, естьли не для того, что всякой народъ то себѣ уставилъ, что за полезное себѣ почиталъ. Сколько же отъ правды отстоитъ польза, самъ народъ Римскій показываетъ: который чрезъ пословъ войны объявляя, и законно обиды дѣлая, и всегда чужаго желая, и похищая, владѣніе себѣ надъ всѣмъ свѣтомъ пріобрѣлъ:

од-

однако они себя праведными почитают, ежели против законов своих ничего не дѣлают: а сiе страху причитать должно, ежели за страх настоящих казней от беззаконiй воздерживаются. Но положим, что то по природѣ или (как говорят) самопроизвольно дѣлают, что закон дѣлать принуждает. Будут ли потому праведными повинуяся установленiям человѣческим, которые и сами или заблудить или неправедными быть могли? Как оные двенатцати законов сочинители, которые общей пользѣ по состоянiю времен служили. И так иное есть гражданское право, которое обыкновенно вездѣ премѣняется: иное есть истинная правда, которую одноличною и простою предложил всѣм Бог, котораго кто не знает, тот и самой правды не знает. Но положим будто можно статься, дабы кто по естественной и природной добротѣ истинные добродѣтели имѣл: каким по сказкам был в Аѳинах Цимон, который и просящим милостыню давал, и нищих призывал в дом, и нагих одѣвал: однако когда онаго единаго нѣт познанiя Божiя, что есть большее, то ужè оная вся благость излишняя есть и праздная, что напрасно в исполненiи ея трудился. Вся бо правда его подобна есть человѣческому тѣлу главы не имущему: в котором хотя члены всѣ и на своих мѣстах находятся и образом и положенiем, однако понеже нѣт того члена, который есть над всѣми начальнѣйший, то

и жизни и никакого чувства не имѣютъ. Того ради члены оные образъ только членовъ имѣютъ, употребленія же не имѣютъ: такъ тотъ есть, какъ глава безъ тѣла, которой Бога зная живетъ неправедно. Ибо то только имѣетъ, что есть наибольшее, но напрасно: понеже добродѣтелей, какъ бы членовъ не имѣетъ. Того ради дабы было живое и чувственное тѣло, и познаніе Божіе потребно, какъ бы глава, и всѣ добродѣтели, какъ бы тѣло. Такимъ образомъ будетъ человѣкъ совершенный и живый: но однако вся сила въ главѣ есть, которая хотя быть не можетъ безъ всѣхъ членовъ, однако безъ нѣкоторыхъ можетъ. И будетъ нѣкоторое животное поврежденное и немощное, но однако жить будетъ, какъ и той, который и Бога знаетъ, и въ нѣкоторой вещи согрѣшаетъ. Прощаетъ бо грѣхи Богъ. Того ради безъ нѣкоторыхъ членовъ жить можно, безъ главы ни какъ не льзя. Отъ сего происходитъ, что Философы хотя по природѣ добры, однако ничего не знаютъ, ничего не разумѣютъ, все ученіе и добродѣтель ихъ безъ главы есть. Понеже Бога не знаютъ, который есть добродѣтели и ученія глава: котораго кто не познаетъ, хотя видитъ, слѣпъ есть: хотя слыщитъ, глухъ: хотя говоритъ, безъязыченъ есть. А когда Создателя всѣхъ и отца познаетъ, тогда и увидитъ, и услышитъ, и говорить будетъ. Ибо начнетъ имѣть главу, въ которой всѣ чувства обрѣтаются, то есть очи, уши и языкъ.

Ибо подлинно тотъ видитъ, который истинну, въ которой Богъ есть, или Бога, въ которомъ истинна есть, сердечными очами видитъ: тотъ слышитъ, который божественныя слова, и заповѣди животныя въ сердцѣ своемъ впечатлѣваетъ: тотъ говоритъ, который о небесныхъ разглагольствуя, силу и величество Бога единаго исповѣдуетъ. По сему нѣтъ сумнительства, что нечестивъ тотъ, кто Бога не знаетъ, и всѣ добродѣтели его, которыя имѣть или содержать мнится, на ономъ смертоносномъ пути находятся, который есть весь тьмы. Того ради не для чего радоваться, ежели кто сіи суетныя добродѣтели получитъ: ибо не только бѣденъ онъ, понеже настоящаго добра не имѣетъ, но и безуменъ, понеже въ житіи своемъ труды превеликіе напрасно принимаетъ. Ибо безъ надежды безсмертія, которое Богъ обѣщаетъ въ вѣрѣ его пребывающимъ, для полученія котораго добродѣтели желать, и всякое случающееся зло сносить должно: превеликая подлинно будетъ суета, повиноваться добродѣтелемъ, которыя человѣку бѣды и труды напрасно приносятъ. Понеже ежели добродѣтель есть, нищету, изгнаніе, болѣзнь и смерть, чего боятся прочіе, мужественно терпѣть и сносить: то каково добро имѣетъ въ себѣ добродѣтель, по чему бы ея Философы для ея самой желали? То есть излишними и суетными казньми утѣшаются, которые могутъ жить спокойно. Ибо ежели души смертны суть, ежели добродѣтель по разрушеніи тѣла

въ

вЪ ничто обращается, то для чего будемЪ удалятся отЪ даннаго намЪ добра, будто бы не благодарны или недостойны БожiихЪ даровЪ наслаждаться? А оная благая дабы намЪ имѣть, беззаконно и нечестиво жить должно: понеже добродѣтели, то есть правдѣ, нищета слѣдуетЪ. ТакЪ неразуменЪ тотЪ, кто ни какой большей надежды не имѣя, труды и муки и бѣды почтетЪ паче тѣхЪ благихЪ, которыми прочiе на земли наслаждаются. А ежели добродѣтель (какЪ они весьма справедливо говорятЪ) принимать должно, понеже извѣстно, что для нея человѣкЪ раждается, то должна быть нѣкоторая надежда большая, которая бы за бѣды и труды добродѣтелiю понесенныя великое приносила и знатное утѣшенiе. И не инако добродѣтель сама по себѣ будучи жестокою, за доброе почитаться можетЪ, какЪ только ежели жестокость свою превеликимЪ добромЪ наградитЪ. Равно отЪ настоящихЪ благихЪ не инако воздерживатся должно, какЪ только ежели есть нѣкоторое большее добро, для котораго должно и роскошей убѣгать, и всякое зло сносить. А сiе добро не иное какое есть (какЪ вЪ третьей книгѣ я показалЪ) какЪ только вѣчная жизнь. А сiю жизнь кто можетЪ дать, какЪ только БогЪ, который добродѣтель самую предложилЪ? Слѣдовательно вЪ познанiи и почитанiи Бога все дѣло состоитЪ. ВЪ семЪ есть вся надежда и спасенiе человѣческое: сей есть первый степень мудрости, дабы знать намЪ, кто нашЪ есть истинный отецЪ, и его еди-

единаго должною честію почитать, ему повиноваться, ему со всякою набожностію служить, къ благоугожденію ему все стараніе и трудъ полагать.

Глава 10.

Что вѣрою Богу, человѣколюбіемъ человѣку должни. И какія причины созидать города, и жить дружно, и изобрѣтать слова, ложно вымыслили.

Сказалъ я, чемъ мы должны Богу, скажу теперь, что человѣку воздавать долженствуемъ: хотя то самое, что человѣку даешъ, Богу дается, понеже человѣкъ божій образъ есть. Но однако правая должность правды есть, соединиться съ богомъ, вторая съ человѣкомъ. Но оная первая должность называется вѣрою: а сія вторая, человѣколюбіемъ или людскостію именуется. Сія добродѣтель свойственная есть праведнымъ и почитающимъ Бога: понеже она одна общаго житія содержитъ состояніе. Богъ бо понеже прочимъ животнымъ мудрости не далъ, то природными ихъ защитами отъ нападенія и опасностей безопасными произвелъ: а человѣка понеже нагаго и немощнаго создалъ, дабы его паче мудрости научить, далъ ему кромѣ прочаго сію любви страсть, дабы человѣкъ человѣка защищалъ, любилъ, хранилъ, и противъ всякихъ опасностей, и предпринималъ и дѣлалъ

по-

помощь. И такъ наибольшій между людьми союзъ есть людскость: и кто его разорветъ, того беззаконнымъ и человѣкоубійцею почесть должно. Ибо ежели отъ единаго человѣка, котораго Богъ сотворилъ, всѣ происходимъ, то по истиннѣ сродники есмы: и того ради наивеличайшее беззаконіе есть ненавидѣть человѣка хотя вредъ причиняющаго. Того ради Богъ повелѣлъ намъ, дабы мы вражды никогда не дѣлали, и всегда оную истребляли: то есть дабы враговъ нашихъ о сродствѣ упоминая утоляли. Къ томужъ ежели отъ единаго Бога вдохновенны мы всѣ и одушевлены, то что иное мы, какъ только братія, да еще союзнѣйшіе по душѣ, нежели по тѣлу. Того ради не погрѣшилъ Лукрецій, когда сказалъ: къ „ томужъ всѣ мы отъ небеснаго сѣмени произош„ ли, всѣмъ онъ есть единъ отецъ „. Слѣдовательно за звѣрей безчеловѣчныхъ почитать должно тѣхъ, которые людемъ вредъ дѣлаютъ, которые противъ права людскости, и противъ всякаго закона обнажаютъ, мучатъ, убиваютъ, изгоняютъ. Для сего сродства учитъ насъ Богъ, зла никогда не дѣлать, доброе всегда творить. А что есть доброе дѣлать, онъ самъ предписываетъ: помогать утѣсняемымъ и труждающимся, надѣлять пищи неимущихъ. Богъ бо, понеже милостивъ есть, повелѣлъ намъ жить дружно. Того ради въ иныхъ людехъ насъ самихъ помышлять долженствуемъ. Не достойны мы въ бѣдствіи свобожденія, ежели не пособляемъ: не достойны помощи, ежели не

помо-

помогаемъ. На сїе овсѣмъ Философскихъ заповѣдей нѣтъ: понеже они видомъ ложной добродѣтели прельщены будучи, милосердїе отъ человѣка истребляютъ, и пороки желая исцѣлить, умножаютъ. И они же по большой части признавая, что дружество человѣческаго общества содержать должно, отъ онаго явственно себе самихъ жестокостїю безчеловѣчной своей добродѣтели отлучаютъ. И такъ обличить должно и сїе ихъ заблужденїе, которые думаютъ, что ничего ни кому давать не должно. Начало созиданїя градовъ и причину не одну предлагаютъ: но иные говорятъ, что тѣ люди, которые сперва отъ земли родились, по лѣсамъ и по полямъ блудя, и никакого между собою рѣчи или права союза не имѣя, но вѣтви и траву вмѣсто ложа, пещеры и норы вмѣсто домовъ имѣя, звѣрямъ и крѣпчайшимъ животнымъ пищею были. Потомъ тѣ, которые или уязвлены будучи убѣжали, или иныхъ растерзаныхъ видѣли, познавши опасность свою, къ инымъ людемъ прибѣгали, защиты просили, и вопервыхъ знаками желанїе свое объявляли: потомъ рѣчи начало вымышляли, и всѣмъ вещамъ имена налагая, помалу рѣчь привели въ совершенство. А когда примѣтили, что и самое множество противъ звѣрей не безопасно, то города начали укрѣплять, или дабы ночный покой безопаснымъ себѣ здѣлать, или дабы набѣги и нападенїя звѣрей, не боемъ, но здѣланными валами удерживать. О умы человѣковъ недостойные, которые сїи глупости произнес-

ли! Бѣдные и сожалѣнія достойные, которые безуміе свое писанію и памяти предали. Которые видя, что и безсловеснымъ животнымъ природный есть обычай, или сходиться, или взаимно желать, или опасности убѣгать, или зла беречься, или ложа и берлоги готовить: думали, что люди одни только изъ примѣровъ могли увѣдать и научиться, чего бояться, чего беречься, что дѣлать должны, или никогда бы не сошлися между собою, и способу говорить не нашли бы, ежели бы ихъ звѣри не ѣли. Сіе иные за безуміе почли (какъ и должно было) и говорили, что нерастерзаніе звѣрей причиною было совокупленія ихъ, но самая наипаче людскость: и того ради и между собою совокупилися, понеже природа человѣческая уединенія убѣгаетъ, и общества и дружества, желаетъ. Не великій между ими споръ находится: понеже причины неравны, дѣло одно: и такъ могло быть обое, понеже нѣтъ противности: но однако обое совсѣмъ ложно: понеже не по всей земли родились люди отъ земли, какъ бы изъ зубовъ нѣкотораго змія посѣянные (какъ стихотворцы вымышляютъ) но одинъ человѣкъ отъ Бога созданъ, и отъ него одного вся земля человѣческимъ родомъ наполнилась, такимъ то есть образомъ, какъ паки по потопѣ, чего истиннымъ не признать не могутъ. И такъ разумѣетъ всякъ, кто умъ имѣетъ, что не было въ началѣ таковаго собранія, и не было никогда такихъ людей на земли, которые бы ради младенчества не говорили. Положимъ однако

нако, что то истинно, что праздные и негодные старики брѣдятъ, дабы ихъ наипаче, ихъ же мнѣніями и доводами опровергнуть. Ежели для того люди собрались, дабы взаимною помощію немощь свою защищать: слѣдовательно пособствовать должно человѣку требующему помощи. Ибо какъ для защиты люди съ людьми дружество начали и уставили, то союзъ оный въ началѣ между людьми начатый или нарушать, или не сохранять превеликимъ есть беззаконіемъ. Ибо кто помощи не подаетъ, не долженъ помощи и принимать: понеже по своему мнѣнію ничьей помощи не требуетъ, кто другому своей помощи не подаетъ, а тому, кто самъ себе отлучаетъ и отдѣляетъ отъ общества, не по человѣчески но по звѣрски жить должно. Ежели же тому статься не можно, то непремѣнно должно содержать союзъ дружества человѣческаго: понеже человѣкъ безъ человѣка никакъ не можетъ жить. А содержаніе дружества есть общество: то есть инымъ помогать, дабы могъ помощь получать. А ежели (какъ иные изъ нихъ говорятъ) ради людскости самой люди въ одно собрались, то конечно человѣкъ человѣка познавать долженъ. И ежели то здѣлали оные грубые и притомъ дикіе люди, и здѣлали еще не имѣя способу говорить, то что должно людемъ ученымъ, говорить умѣющимъ, и всячески между собою соединеннымъ, которые къ людемъ пріобыкши, уединенно жить не могутъ?

ГЛАВА 11.

Кому наипаче должно людскость показывать: и въ какихъ мнимыхъ щедростяхъ погибаетъ трудъ и иждиценіе.

И такъ сохранять должно людскость, ежели поистиннѣ людми хочемъ называться. А сохранять людскость что иное есть, какъ любить человѣка, понеже человѣкъ есть, и такій же какъ мы? Почему несогласіе неприлично человѣку, и истинное есть оное Цицероново слово, что человѣкъ повинующійся природѣ, другому вреда причинить не можетъ: слѣдовательно ежели вредить человѣку есть противъ природы, то пользу приносить есть дѣломъ природы. Сего кто не дѣлаетъ, тотъ человѣческаго имени себе лишаетъ: понеже людскости должность есть, въ нуждѣ и въ опасности человѣку помогать. И такъ вопрошаю тѣхъ, которые склоняться и милосердствовать неприличнымъ почитаютъ мудрому: ежели бы человѣкъ отъ нѣкотораго звѣря пойманный помощи себѣ у вооруженнаго человѣка просилъ, должно ли ему пособить или нѣтъ? они не столь безразсудны, чтобъ не признались, что здѣлать то должно, чего требуетъ, чего желаетъ людскость. Такъ же ежели бы кто окруженъ былъ огнемъ, подавляемъ паденіемъ, утопалъ въ мори, уносимъ былъ быстриною рѣчною, приличнымъ ли почитаютъ человѣку не помочь? ежели они такъ думаютъ, то они сами не люди. Ибо

нѣтъ

нѣтъ ни одного, кто бы такимъ опасностямъ не былъ подверженъ, но наипаче скажутъ, что человѣка мужественнаго дѣломъ есть сохранить погибающаго. И такъ ежели въ такихъ случаяхъ, которые опасность житію человѣческому наносятъ, помогать дѣломъ человѣколюбія признаваютъ, то какая причина, для чего помогать не дозволяютъ, ежели человѣкъ алчетъ, жаждетъ, зябнетъ? Сіе хотя по природѣ равно есть съ оными случаями незапными, и единой и равной людскости требуетъ, однако оное раздѣляютъ: понеже не самымъ истиннымъ дѣломъ, но по настоящей выгодѣ о всемъ разсуждаютъ. Ибо надѣются, что тѣ, которыхъ отъ опасности исхитятъ, имъ возблагодарятъ: а понеже того отъ убогихъ не надѣются, то думаютъ, что погибаетъ все то, что такимъ людемъ удѣляютъ. Отсюду произошло оное Плавтово проклятое мнѣніе: „Худо дѣлаетъ, кто нищему даетъ „пищу: понеже и тое, что даетъ, погибаетъ, „и нищему продолжаетъ жизнь на бѣдность„ Но стихотворецъ можетъ быть въ чужомъ лицѣ сіе говоритъ. А Маркъ Туллій въ своихъ книгахъ о должностяхъ, не тожь ли самое совѣтуетъ, что совсѣмъ не должно ничего давать? Ибо такимъ образомъ говоритъ: „Даяніе, которое бываетъ отъ имѣнія, источ„никъ самаго благодѣянія истощаетъ, такимъ „образомъ благодѣяніе благодѣяніемъ истре„бляется, котораго чемъ на множайшихъ упо„требишь, тѣмъ меньше на множайшихъ упо„требить можешь„. Онъ же не много ниже:

„ Что же есть безумнѣе, какъ стараться, да-
„ бы того долговременнѣе дѣлать не могъ, что
„ охотно дѣлаешь. То есть учитель мудрости удерживаетъ людей отъ людскости, ихъ увѣщаваетъ, дабы имѣнія тщательно берегли: и наипаче бы сундукъ, нежели правду хранили. А когда наконецъ увидѣлъ, что то безчеловѣчно и беззаконно, то тотчасъ на иномъ мѣстѣ, какъ бы раскаявшись такъ говоритъ:
„ Однако иногда должно давать, и сего бла-
„ готворенія совсѣмъ не отвергать, и часто
„ годнымъ людемъ требующимъ отъ имѣ-
„ нія удѣлять „. Что есть годнымъ? То есть тѣмъ, которые воздать и возблагодарить могутъ. Ежели бы нынѣ Цицеронъ живъ былъ, воскликнулъ бы я подлинно: здѣсь, здѣсь Маркъ Туллій заблудилъ ты отъ истинной правды; и оную однимъ словомъ истребилъ, когда благочестія и людскости о должностяхъ по выгодѣ разсуждаешь. Ибо не способнымъ людемъ подавать должно, но сколько можно не угоднымъ. То бо праведно, то благочестно, то человѣколюбно дѣлается. Сія есть истинная оная и подлинная правда, о которой говоришь, что мы твердаго и извѣстнаго ея образа не знаемъ. Самъ на многихъ мѣстахъ кричишъ: добродѣтель не есть наемная: и признаешь въ книгахъ законовъ твоихъ, что щедрость есть дѣло не требующее возмездія, сими словами:
„ Нѣтъ сумнительства, что тотъ, который
„ щедрымъ и благотворительнымъ называет-
„ ся, должности, а не выгодѣ послѣдуетъ „.

Такъ

Такъ для чегожъ угоднымъ наипаче подаешъ? конечно не для чего, какъ только, дабы потомъ возмездіе получить? И такъ по твоему мнѣнію и ученію, кто не будетъ угоднымъ, тотъ наготою, жаждою, и алчьбою погибнетъ. И люди богатые и до избытка изобилующіе не помогутъ крайней нуждѣ. Ежели добродѣтель возмездія не требуетъ: ежели для ея самой (какъ говорите) желать ея должно: слѣдовательно правду начальницу и матерь добродѣтелей по ея цѣнѣ, а не по твоей выгодѣ цѣни, и тому наипаче дай, отъ кого ничего не надѣешся. Для чего лица разбираешъ? для чего члены разсматриваешъ? за человѣка всякаго просящаго почесть ты долженъ, для того, понеже онъ тебе за человѣка почитаетъ. Откинь тѣни оныя и образы правды, и самую истинную и прямую правду содержи. Дай слѣпымъ, немощнымъ, хромымъ, безъ призрѣнія оставленнымъ: которымъ, ежели не дашъ, умереть будутъ должни. Не полезны они людемъ, но полезны Богу, который ихъ содержитъ въ житіи, который духъ даруетъ, и свѣта удостоиваетъ. Благотвори сколько можешь, и души человѣческія, дабы не погибли, человѣколюбіемъ подкрѣпи. Кто погибающему помощь подать можетъ, но не помогаетъ, тотъ его убиваетъ. Но оные понеже и природы не содержатъ, и не знаютъ, какое въ семъ есть возмездіе, боясь потерять, теряютъ: и въ то, чего наипаче берегутся, впадаютъ, что все, что ни подаютъ, или совсѣмъ погибаетъ, или на

 крат-

кратчайшее время пользуетъ. Ибо которые малой милостыни бѣднымъ не даютъ, которые сохранить людскость безъ убытку своего хотятъ, тѣ имѣнія свои расточаютъ такъ, что или погибающее и тлѣнное себѣ пріобрѣтаютъ, или по справедливости съ великими своими убытками ничего не получаютъ. Ибо что должно сказать о тѣхъ, которые народнымъ легкомысліемъ водимы, богатства, которыми бы можно великія города удовольствовать, расточаютъ на подарки? не что другое, какъ только, что они безумны и сумасшедшіе, которые то даютъ народу, что и сами погубляютъ, и никто изъ тѣхъ, которымъ даютъ, не принимаетъ. И такъ, какъ всякое удовольствіе временно и кратко, особливо же очей и слуха, то, или забываютъ люди, и чужіе убытки непріятными почитаютъ; или и въ досаду себѣ вмѣняютъ, ежели ихъ прихоти удовлетворено не будетъ: такъ то пребезумные люди зло себѣ зломъ пріобрѣтаютъ: или ежели совершенно угодятъ людемъ, то ничего больше, какъ пустое пріятство, и на мало дней разглашеніе о себѣ суетное чувствуютъ. Такимъ образомъ по вся дни легкомысленныхъ людей имѣнія на вещи излишнія расточаются. И такъ благоразумнѣе ли тѣ дѣлаютъ, которые полезнѣйшія долговременно гражданомъ своимъ даютъ подарки? то есть тѣ, которые построивъ публичныя зданія, памяти имени своему ищутъ? по истиннѣ и тѣ имѣнія свои въ землю скрываютъ: понеже и память мертвымъ ничего не пользуетъ,

зуетъ, и дѣла ихъ не вѣчны: понеже или однимъ трясеніемъ земли разоряются, или незапнымъ пожаромъ погибаютъ, или нѣкоторымъ непріятельскимъ нападеніемъ разрушаются, или самою древностію разсѣдшись падаютъ. „Нѣтъ бо ничего (какъ „говоритъ Ораторъ) руками здѣланнаго, чего бы не разорила и не истребила древность„. А сія правда и снисхожденіе процвѣтетъ по вся дни наипаче. И такъ тѣ лучше, которые свойственниковъ и питомцовъ своихъ снабдѣваютъ. Ибо они даютъ нѣчто людемъ и дѣлаютъ пользу, но сіе не есть прямымъ и истиннымъ даяніемъ. Понеже нѣтъ тамъ никакого благодѣянія, гдѣ нѣтъ нужды. Слѣдовательно погибаетъ благодѣяніе, которое дается не требующимъ, или возвращается съ лихвою, и оное не будетъ благодѣяніемъ: и хотя оное пріятно пріемлющимъ, однако оно неправедно. Ибо хотя бы и недано было, то никакого зла не слѣдуетъ. Слѣдовательно едина извѣстная и истинная щедрости должность есть питать нищихъ и неполезныхъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 12.

Отъ кого должно надѣяться и желать награжденія: и какое и сколь великое есть истинной щедрости награжденіе, и сколь праздное и ничего несоставляющее ложной: и какіе суть степени людскости.

Сія есть оная истинная правда, которая хранитъ человѣческое общество, о которомъ Философы говорятъ. Сія богатствъ наибольшая и истиннѣйшая польза есть не употреблять богатствъ для собственнаго своего единственно удовольствія, но для многихъ спасенія, не для настоящей своей выгоды, но для правды, которая едина не погибаетъ. И такъ стараться всячески должно, дабы милосердіе дѣлать не надѣясь мздовоздаянія. За сіе бо дѣло и должность, награжденія отъ единаго Бога надлежитъ ожидать: ибо ежели отъ человѣка будешь желать онаго, то уже не людскость будетъ, но благодѣянія хвала, и не можно того называть благотворителемъ, который чтолибо дѣлая, не другому, но себѣ дѣлаетъ: но однако такъ выходитъ, что кто другому дѣлаетъ, никакой отъ него пользы не надѣясь, тотъ посправедливости себѣ дѣлаетъ: понеже награжденіе пріиметъ отъ Бога. Къ тому жъ Богъ повелѣваетъ, дабы ежели когда вечерю готовимъ, тѣхъ на вечерю призывали, которые равномѣрнаго здѣлать и воздать не могутъ, дабы всѣ дѣла житія нашего имѣли въ себѣ милосердіе. Однако пускай никто не думаетъ,

буд-

будтобы Богъ запретилъ или имѣть обращеніе съ пріятелями, или любовь съ ближними: но далъ намъ знать которое есть истинное и праведное дѣло, что такъ намъ должно съ ближними жить, что сіе до человѣка, а оное до Бога надлежитъ. И такъ первѣйшая добродѣтель есть страннопріимство, о которомъ и Философы говорятъ; но оное отвращаютъ отъ истинной правды, и къ выгодѣ наклоняютъ.,, Справедливо (говоритъ ,, Цицеронъ) Ѳеофрастъ похвалялъ странно-,, пріимство. Ибо (какъ мнѣ кажется) весьма ,, изряднымъ есть дѣломъ, дабы отверсты ,, были домы людей знаменитыхъ, для гостей ,, знаменитыхъ.,, Такимъ же образомъ заблудилъ, какъ и тогда, когда говорилъ, что годнымъ должно подавать. Домъ бо праведнаго и мудраго мужа не славнымъ долженъ отверстымъ быть, но подлымъ и лишеннымъ призрѣнія. Ибо славные оные и сильные ни въ чемъ не могутъ недостатка имѣть, которыхъ богатство ихъ и ограждаетъ, и почтенными дѣлаетъ. А праведный мужъ ничего не долженъ дѣлать, какъ только благодѣяніе. За благодѣяніе ежели награжденіе дано будетъ, то благодѣяніе погибаетъ и кончится: ибо не можетъ то быть при насъ, за что намъ заплачено. Слѣдовательно въ тѣхъ благодѣяніяхъ правда содержится, которыя цѣлы и неповрежденны пребываютъ. А пребываютъ не инако, какъ только, ежели дѣлаются тѣмъ людемъ, которые пользы намъ здѣлать никакъ не могутъ. А онъ въ приня-

тіи знаменитыхъ ни о чемъ другомъ не разсуждалъ, какъ только о выгодѣ: и не утаилъ мужъ разумный, какой изъ того выгоды надѣялся. Ибо говоритъ, что чрезъ то сильнымъ у иностранныхъ дѣлается по сообращенію съ вельможами, которыхъ гостепріимства и дружества знаками и правомъ обязалъ. О сколь многими доводами Цицероново непостоянство, ежели бы я то предпріялъ, обличиться могло бы! и не столь моими, сколько егожъ словами опроверженъ былъ бы. Ибо онъ же говоритъ: что всякъ, который свои дѣла наипаче къ своей выгодѣ обращаетъ, не есть добрымъ человѣкомъ: онъ же говоритъ: что не есть простаго и откровеннаго человѣка дѣломъ чести искать, притворяться, и показывать, будтобы одно дѣлаетъ, когда дѣлаетъ другое; вымышлять, будтобы другому дѣлаетъ, когда дѣлаетъ себѣ: но злобнаго, хитраго и лукаваго. Чемъ же защититъ онъ, что оное страннопріимство не зло. И такъ бѣгай ты пожалуй, по всѣмъ воротамъ, дабы пріѣжжающихъ вельможъ обладающихъ народами и городами въ домъ твой призывать, чтобъ чрезъ нихъ у гражданъ быть полномощнымъ: и желай показываться праведнымъ, и человѣколюбивымъ, и странннопріимнымъ, желаючи своей выгоды. И сіе выговорилъ онъ не по неосторожности, ибо ни что такъ Цицерону не приличествуетъ: но незнаючи истины, вѣдая и зная въ сіи сѣти попалъ. А сіе дабы ему было простительно, засвидѣтельствовалъ, что правила предписываетъ не для прямой

правды,

правды, но для тѣни и образа правды. И такъ простить должно тѣни и мечтѣ обучающему учителю: и отъ него истинны не требовать, который признается съ своемъ незнаніи. Плѣнныхъ искупленіе великимъ и знатнымъ правды дѣломъ есть, которое тойже самъ Туллій похвалилъ. „ И сіе добротвореніе, говоритъ, „ и обществу есть полезное: искуплять отъ „ плѣна плѣнныхъ, обогащать убогихъ. Сіе „ благотвореніе я дарамъ несравненно предпо„ читаю, сіе дѣломъ есть важныхъ людей и „ великихъ „. Слѣдовательно свойственнымъ дѣломъ есть праведныхъ, кормить нищихъ, и искуплять плѣнныхъ: понеже и у неправедныхъ, кто сіе здѣлаетъ, важнымъ и великимъ называется. Ибо тѣмъ благотворить наипаче похвально: отъ которыхъ благотворенія ни кто не надѣялся. Понеже кто добро дѣлаетъ или сроднику, или ближнему, или пріятелю, тотъ или никакой, или поистиннѣ не великую похвалу заслуживаетъ: понеже долженъ дѣлать, и былъ бы онъ нечестивымъ и проклятымъ, ежели бы не здѣлалъ того, чего отъ него и самая природа, и свойство требуетъ; и ежели дѣлаетъ, то не столь для полученія славы, сколько для избѣжанія осужденія дѣлаетъ. А кто дѣлаетъ чужому и незнаемому, тотъ посправедливости достоинъ похвалы: понеже дѣлаетъ сіе по единой людскости. Слѣдовательно тамъ правда находится, гдѣ къ добротворенію нѣтъ никакой нужды. И такъ сію благотворенія должность не предпочитать долженъ былъ дарамъ, ибо сіе дѣломъ есть тако-

кого

кого человѣка, который вещи сравниваетъ, и изъ двухъ благъ выбираетъ лучшее. Ибо оное даяніе людей, имѣнія своя въ море ввергающихъ, тщетно, и легкомысленно, и отъ всякой правды удалено. Того ради назваться дарами не могутъ, которыхъ ни кто не принимаетъ, какъ только кто принять недостоинъ. Не меньше важнымъ правды дѣломъ есть сиротъ и вдовъ оставленныхъ и помощи требующихъ снабдѣвать и защищать, что всѣмъ божественный оный законъ повелѣваетъ; понеже всѣ хорошо разсуждающіе за долгъ себѣ почитаютъ ихъ природною людскостію защищать и имъ помогать. Но сіи дѣла собственно суть нашими, которые законъ, которые слова Бога повелѣвающаго приняли. Ибо они хотя знаютъ, что по природѣ праведно есть защищать тѣхъ, которые защищенія не имѣютъ, но для чего такъ оно, не разумѣютъ. Богъ бо, котораго милосердіе есть вѣчное, того ради вдовъ и сиротъ защищать и охранять повелѣваетъ, дабы кто смотря и соболѣзнуя о дѣтяхъ своихъ, не удержался принять смерти за правду и вѣру, но дабы немедленно и мужественно принималъ: вѣдая, что своихъ любезныхъ Богу оставляетъ, которые никогда лишены не будутъ защиты. И больныхъ не имѣющихъ кто бы имъ послужилъ, врачевать и хранить превеликою людскостію и великимъ дѣломъ есть. Сіе кто здѣлаетъ, тотъ живую жертву Богу пріобрящетъ: и что другому даетъ на время, тотъ самъ отъ Бога пріиметъ на вѣки. Послѣдняя

оная и превеликая любви должность есть странныхъ и нищихъ погребеніе, котораго оные добродѣтели и правды учители совсѣмъ не знали. Ибо не могли видѣть того, которые по выгодѣ о всѣхъ должностяхъ своихъ разсуждали. Въ прочемъ бо вышереченномъ, хотя истиннаго предѣла не знали, однако поелику нѣкоторую пользу въ томъ постигали, какъ бы запахомъ нѣкоторымъ правды удержаны будучи, не столь далеко заблудили: а сіе понеже въ немъ никакой пользы не видѣли, оставили. Однако были и такіе, которые погребаніе за излишнее почитали, и говорили, что нѣтъ никакого зла лежать безъ погребенія поверженному. Сихъ нечестивую мудрость, какъ весь родъ человѣческій отвергаетъ, такъ и божественное писаніе, которое погребенію быть повелѣваетъ. Но они не смѣютъ говорить, будто бы того дѣлать не должно, но ежели когда здѣлано не будетъ, нѣтъ никакого убытку. И такъ въ семъ дѣлѣ не столь повелѣваютъ, что ежели когда мудрому не здѣлано будетъ погребеніе, дабы себе для того бѣднымъ не почиталъ. А мы говоримъ не о томъ, что мудрый сносить долженъ, но что долженъ самъ дѣлать. И того ради не вопрошаю нынѣ, погребеніе полезно ли есть или нѣтъ: но что хотя бы оное и тщетно было (какъ они думаютъ) однако дѣлать его должно для того самаго, понеже у людей за доброе и человѣческое дѣло почитается. Сердца бо Богъ ищетъ и намѣреніе цѣнитъ. Ибо не снесемъ, дабы Божій образъ и созданіе звѣ-

рямъ и птицамъ въ снѣдь лежало, но отдадимъ тое земли, откуда создано. И хотя человѣку незнаемому погребеніе всякому должное здѣлаемъ, и вмѣсто сродниковъ, которыхъ онъ не имѣетъ, будетъ людскость, и гдѣ нѣтъ, ктобы погреблъ, тамъ за должность нашу то почтемъ. Въ чемъ бо наипаче правда состоитъ, какъ не въ томъ, дабы, что дѣлаемъ сродникамъ по страсти, то дѣлать чужимъ по людскости? Которая есть несравненно праведнѣйшею, понеже уже не человѣку дѣлается, который ничего не чувствуетъ, но Богу, которому наипріятнѣйшею жертвою есть дѣло праведное. Скажетъ можетъ быть кто либо: ежели все сіе здѣлаю, то ничего не буду имѣть. Ибо что ежели великое число будетъ нищихъ, хладныхъ, плѣнныхъ, мертвыхъ, то сіе дѣлая сколько въ одинъ день имѣнія потерять должно будетъ? Потеряю ли имѣніе моимъ и моихъ предковъ трудомъ пріобрѣтенное, дабы уже самому мнѣ чужимъ милосердіемъ жить? По что ты столь малодушно нищеты боишся, которую ваши Философы хвалятъ, и свидѣтельствуютъ, что нѣтъ ничего спокойнѣйшаго? Сіе, чего ты боишся, отъ печалей есть пристанищемъ. Не знаешь ли, сколь многимъ опасностямъ, сколь многимъ случаямъ съ сими злыми богатствами подлежишь? Хорошо они съ тобою здѣлаютъ, ежели безъ твоея крови изъ рукъ твоихъ выйдутъ. А ты корыстью отягченъ будучи ходишь, и добычи носишь, которыя раздражаютъ сердца и самыхъ твоихъ ближнихъ.

нихъ. И такъ для чего сумнишся хорошо сохранить то, что у тебе можетъ статься похититъ, или одинъ разбой, или незапно здѣланное изгнаніе, или непріятельскій нѣкоторый грабежъ? Для чего опасаешся мимотекущее и тлѣнное добро здѣлать вѣчнымъ, или сокровища твои въ храненіе Богу отдать, гдѣ ни вора ни разбойника не будешь бояться ни ржи ни мучителя? Кто у Бога богатъ есть, тотъ убогимъ быть ни когда не можетъ. Ежели правду столько почитаешъ, то послѣдуй оной отвергши тяжести, которыя тебя обременяютъ. Свободи себе самаго отъ юковъ и цепей, дабы скоро къ Богу итти. Великаго и высокаго ума дѣломъ есть, презрѣть и попрать тлѣнное. Но ежели сей добродѣтели не вмѣщаешь, дабы богатство свое въ храненіе Богу отдать, дабы немощнымъ тебѣ пріобрѣсть крѣпкое, то свобожду тебе отъ страха. Всѣ сіи заповѣди не тебѣ одному предписываются, но всему народу, который мыслію совокупленъ и крѣпко соединенъ, какъ одинъ человѣкъ. Ежели одинъ великихъ дѣлъ дѣлать не въ состояніи, то по силѣ твоей дѣлай правду, однако такъ, дабы сколько богатствомъ прочихъ, столько и дѣломъ превосходилъ. И не думай, будтобы я тебѣ совѣтую, дабы ты имѣніе твое уменшилъ, или расточилъ: но, что на излишности имѣлъ ты употребить, дабы къ лучшему обратилъ: откуда скотовъ покупаешъ, оттуда плѣнныхъ искупи: откуда звѣрей питаешь, оттуда нищихъ накорми: откуда людей подъ мечь

нанимаешь оттуда невинныхъ мертвыхъ погребай. Какая польза по пагубному бездѣльничеству зверскихъ приставниковъ обогащать, и наставлять на беззаконія? то, что злѣ пропадать имѣетъ, принеси къ великой жертвѣ, дабы за сіи истинные дары имѣлъ ты отъ Бога даръ вѣчный. Великое есть милосердія награжденіе, которому Богъ обѣщаетъ всѣ грѣхи отпустить. „ Аще услышиши, глаголетъ, „ моленіе просящаго тя, и азъ услышу твое: „ аще помилуеши труждающихся, и азъ тя „ въ трудѣ твоемъ помилую. Аще же не при„ зриши, ни услышиши, и азъ таковъ тебѣ „ буду, и по твоему закону сужду тебѣ.

Глава 13.

О награжденіи, и что въ нуждѣ и прошеніи нищихъ всякъ искушается отъ Бога, и о трехъ степенехъ добродѣтели.

И такъ сколько разъ просятъ у тебе, вѣдай, что Богъ тебе искушаетъ, достоинъ ли ты услышанъ быть. Разсмотри совѣсть свою, и сколько можешъ, врачуй раны твои. И понеже грѣхи милостынею истребляются, то не думай, будтобы тебѣ дается позволеніе грѣшить. Истребляются бо, ежели Богу дашъ, понеже ты согрѣшилъ. А ежели надѣясь на милостыню, будешъ грѣшить, то не истребляются. Ибо Богъ хощетъ, дабы люди очисти-

стились отъ грѣховъ: и того ради повелѣваетъ каяться. А каяться не что иное есть, какъ только признать и утвердить, что больше грѣшить не будешь. Того ради прощается тѣмъ, которые по невѣдѣнію и неосторожности въ грѣхъ впадаютъ: прощенія не имѣетъ, кто зная грѣшитъ. Но однако ежели кто очистится отъ всякой скверны грѣховной, тотъ да не престаетъ милостыни дѣлать, понеже не имѣетъ грѣховъ, которые бы заглаждать. Паче же здѣлавшися праведнымъ, еще паче правду дѣлать долженъ: дабы что прежде для врачеванія ранъ дѣлалъ, потомъ дѣлать на славу и похвалу добродѣтели. Сюда надлежитъ, что никто быть безъ грѣха не можетъ, покуда въ тѣлѣ есть, котораго немощъ трояко подлежитъ грѣху: дѣлами, словами, помышленіями. Сими степеньми на самую высоту правда восходитъ. Первый есть добродѣтели степень, воздержаться отъ злыхъ дѣлъ: вторый и отъ злыхъ словъ, третіи и отъ помышленій о злыхъ вещахъ. Кто на первый степень взошолъ, тотъ довольно праведенъ: кто на вторый, тотъ уже совершенной есть добродѣтели, понеже ни словомъ ни дѣломъ не согрѣшаетъ: кто на третій, той истинно подобнымъ Богу кажется. Есть бо выше человѣческой мѣры, и помышленіемъ того не здѣлать, что или худо дѣлать, или худо говорить. Того ради и праведные люди, которые себе обуздать могутъ отъ всякаго дѣла неправеднаго, иногда самою слабостію побѣждаются: и, или въ гнѣвѣ зло

выговариваютъ, или взирая на вещи увеселительныя тайно оныхъ желаютъ. А ежели смертное состоянiе не попущаетъ человѣку быть отъ всякаго порока чистому, то должно всегдашнею милостынею грѣхи плотскiя очищать. Единымъ бо есть мудраго и праведнаго и добраго человѣка дѣломъ, богатство свое въ единой правдѣ полагать: которой ежели кто не имѣетъ, то хотя бы онъ Креза или Красса богатствомъ превосходилъ, тотъ нищъ, нагъ, убогъ. И такъ должно стараться, дабы одеждою правды и любви одѣяться, которой насъ никто не обнажитъ, и которая намъ вѣчное подаетъ украшенiе. Ибо ежели почитатели боговъ нечувственныя изображенiя украшаютъ, и, что только имѣютъ дорогое, имъ отдаютъ, чего ни употребить не могутъ, ни за принятое благодарить: то сколь праведнѣе и истиннѣе живыя божiи изображенiя украшать, да удостоимся обрѣсти живущаго? А какъ живыя изображенiя могутъ употребить то, что прiимутъ, и благодарятъ, такъ Богъ, предъ котораго очами доброе здѣлаешъ, и похвалитъ, и награжденiе за любовь воздастъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 14.

Что Философы не имѣли истинной людскости, которую съ Стоиками между недугами душевными положили.

И такъ ежели въ человѣкѣ изящнымъ и превосходнымъ добромъ есть милосердіе, и сіе божественными свидѣтельствами, и добрыхъ и злыхъ людей согласіемъ за наилучшее почитается: то видно, что Философы далеко отстоятъ отъ человѣческаго добра, которые ни учили о семъ ничего, ни сами не здѣлали: но сію добродѣтель, которая почти въ человѣкѣ есть отмѣнная, за порокъ всегда ставили. Прилично здѣсь положить одно изъ Философіи мѣсто, дабы обширнѣе и пространнѣе ихъ обличить заблужденіе, которые милосердіе, вожделѣніе, страхъ, недугами душевными называютъ. Тщатся они добродѣтели отъ пороковъ различить, что подлинно есть удобно. Кто бо не можетъ щедрости отъ расточенія раздѣлить (какъ они дѣлаютъ) или бережливости отъ скупости, или спокойства отъ лѣности, или осторожности отъ боязливости? Понеже то, что доброе есть, предѣлы свои имѣетъ, которые ежели прейдетъ, то въ порокъ обращается. Такъ постоянство, ежели не за истинну будетъ принято, есть неразуміе. Такъ же мужество, ежели безъ всякой нужды, или по безчестной причинѣ въ извѣстную опасность пріидетъ, то въ неразсудную дерзость обращается. И свобода,

ежели на иныхъ нападаетъ наипаче, нежели нападающымъ противится, то упрямство составляетъ. И строгость, ежели сверхъ приличія повинныхъ казнитъ, есть лютая свирѣпость. И такъ говорятъ, что тѣ, которые злыми кажутся, не своею волею грѣшатъ, и не злое наипаче избираютъ: но добра видомъ прельстившись, въ зло впадаютъ, понеже различать между добромъ и зломъ не знаютъ. Сіе хотя неложно, но къ тѣлу все надлежитъ. Ибо бережливость, или постоянство, или осторожность, или спокойность, или мужество, или строгость, хотя добродѣтели, но сего временнаго житія. А мы, которые сіе житіе презираемъ, иныя себѣ добродѣтели предложенныя имѣемъ: о которыхъ Философы и догадываться никакъ не могли. Того ради и добродѣтели нѣкоторыя за пороки, и пороки нѣкоторыя за добродѣтели поставляли. Ибо Стоики страсти всѣ, которыхъ побужденіемъ духъ возбуждается, въ человѣкѣ истребляютъ, вожделѣніе, веселіе, боязливость, печаль: изъ которыхъ двѣ первыя отъ добра происходятъ, или будущаго, или настоящаго, послѣднія отъ зла. Такимъ же образомъ сіи четыре недугами (какъ сказалъ я) называютъ, не столь по природѣ всѣянными, сколько злымъ мнѣніемъ принятыми: и того ради думаютъ, что ихъ искоренить можно совсѣмъ, ежели о добрѣ и злѣ ложное мнѣніе истребится. Ежели бо мудрый ни чего не будетъ почитать добрымъ, ни чего злымъ, то ни вожделѣніемъ не возпламенится,

ни

ни веселіемъ не пріидетъ въ разслабленіе, ни страхомъ ужаснется, ни печалію не смутится. Мы скоро увидимъ, дѣлаютъ ли они то, чего желаютъ, и что такое дѣлаютъ: между тѣмъ и намѣреніе сіе надменное и почти неистовое, которые думаютъ, будтобы могутъ уврачевать и побѣдить природу.

ГЛАВА 15.

Какъ Перипатетики побѣждаютъ Стоиковъ, и учатъ, что страстей природныхъ искоренить не можно, а укротить можно. И что то, что безсловеснымъ животнымъ дано порознь, человѣку дано все. И какъ Стоики душевныя страсти описываютъ.

Ибо что страсти душевныя суть природными и не самопроизвольными, оное всѣхъ животныхъ состояніе показываетъ, которыя всѣми сими возбуждаются страстьми. И такъ Перипатетики справедливѣе, которые говорятъ, что страстей искоренить не можно: понеже онѣ купно съ нами раждаются: и тщатся показать, сколь промыслительно, и сколь нужно Богъ или природа (ибо такъ они говорятъ) сими насъ вооружила страстьми: которыя однако, понеже по большой части порочны. Ежели излишними будутъ, то можетъ человѣкъ употребивши способъ, съ пользою ихъ укротить, дабы столько человѣку, сколько

природѣ потребно, оставалось. Разумное мнѣніе, ежели бы (какъ сказалъ я) все не къ сему житію относили. И такъ Стоики неистовы, которые страсти не укрощаютъ, но отсѣкаютъ: и вещи отъ природы данныя нѣкоторымъ способомъ отсѣчь отъ человѣка хотятъ. Сіе таково есть, какъ ежелибы хотѣли или страхъ отнять у оленей, или ядъ у зміевъ, или гнѣвъ у звѣрей, или ручность у скотовъ. Ибо что порознь безсловеснымъ животнымъ дано, то все человѣку вліяно совокупно. А ежели, какъ лѣкари говорятъ, веселія страсть въ селезенкѣ состоитъ, гнѣва въ желчи, похоти въ печени, страха въ сердцѣ: то удобнѣе убить самое животное, нежели отъ тѣла нѣчто отторгнуть, то есть животнаго природу премѣнить: но люди разумные не разумѣютъ, что истребляя отъ человѣка пороки, и добродѣтель тѣмъ самимъ истребляютъ, которой одной даютъ они мѣсто. Ибо ежели добродѣтель есть въ самомъ стремленіи гнѣва себе воздерживать и укрощать, чего не признать не могутъ: слѣдовательно тотъ не имѣетъ добродѣтели, кто гнѣва не имѣетъ. Ежели добродѣтель есть похоть плотскую утолять, то добродѣтели не имѣетъ, кто похоти, которую бы воздерживать, не имѣетъ. Ежели добродѣтель есть, вожделѣніе отъ желанія чужой вещи обуздывать, то по справедливости никакой добродѣтели не можетъ имѣть, кто не имѣетъ вожделѣнія, которое бы добродѣтелію воздерживать. И такъ гдѣ пороковъ нѣтъ, тамъ

и добродѣтели нѣтъ мѣста: такъ какъ нѣтъ мѣста побѣдѣ, гдѣ противника нѣтъ. Отъ сего происходитъ, что добро безъ зла быть въ семъ житіи не можетъ. И такъ страсти какъ бы изобиліе души есть природное. Ибо какъ поле по природѣ плодоносное, терніе произноситъ: такъ душа не воздѣланная, пороками самовольно усилившимися какъ бы терніемъ зарастаетъ. Но когда истинный дѣлатель пріидетъ, тотчасъ пороки уступаютъ, а добродѣтели вступаютъ на ихъ мѣсто. Того ради Богъ созидая человѣка, дивнымъ смотрѣніемъ вліялъ ему сперва оныя душевныя возбужденія, дабы могъ принять добродѣтель, такъ какъ земля дѣланіе: и положилъ матерію пороковъ въ страстяхъ, матерію добродѣтели въ порокахъ. Добродѣтель подлинно или не была бы, или въ употребленіи быть не моглабъ, ежели бы не было того, въ чемъ сила ея показывается или состоитъ. Посмотримъ теперь, тѣ самые, которые пороки совсѣмъ истребляютъ, сколь много они успѣли? четыре сіи страсти, о которыхъ думаютъ, что оныя происходятъ отъ мнѣнія о добрѣ и злѣ, которыхъ но истребленіи, разумнаго человѣка дѣломъ признаваютъ врачевать душу, поелику разумѣютъ, что оныя и отъ природы вліянны, и что безъ нихъ никто двигнуться, ни дѣлать не можетъ, то на ихъ мѣсто иныя нѣкоторыя поставляютъ. Вмѣсто вожделѣнія поставляютъ волю, будто бы не превосходнѣе несравненно добра желать, нежели зла хотѣть.

Такъ

Такъ же вмѣсто веселія радость, вмѣсто страха осторожность. А въ оной четвертой чемъ имя ея перемѣнить не имѣютъ. Того ради прискорбность, то есть печаль и болѣзнь духа, совсѣмъ истребили: чему быть ни какъ не можно. Ибо кто можетъ не болѣзновать, ежели отечество или зараза погубляетъ, или непріятель разоряетъ, или мучитель утѣсняетъ? Можетъ ли кто не печалиться, ежели увидитъ, что свободу истребляютъ, ежели ближнихъ, ежели друговъ, ежели добрыхъ мужей или изгоняютъ, или наилютѣйшимъ образомъ убиваютъ: развѣ чья мысль толь изумлена будетъ, что всего чувства лишится. Того ради или всѣ страсти истребить должно было, или дополнить краткое сіе и слабое разсужденіе: то есть и вмѣсто прискорбности нѣчто должно было положить, понеже вышеупомянутое такъ распорядивши, сіе слѣдовало. Ибо какъ настоящимъ добромъ веселимся; такъ зломъ мучимы бываемъ, и скорбимъ. И такъ ежели веселію, которое за порочное почитали, иное имя дали, такъ и прискорбности, понеже и оную за порочную поставляли, иное имя дать надлежало. Отсюда видимъ, что они вещь имѣли, но не имѣли слова, въ недостаткѣ котораго всю сію страсть, которая есть наибольшая, нежели чтобъ ея природа снесть могла, истребить хотѣли. Ибо оныя именъ премѣненія могу я довольно обличить: и показать, что или для украшенія рѣчи, и ради размноженія словъ многія имена однимъ

ве-

вещамъ даны, или истинно не много они между собою разнствуютъ. Ибо и вожделѣніе отъ воли начинается, и осторожность отъ страха происходитъ: и веселіе не что иное есть, какъ только великая радость. Но пускай, какъ они думаютъ, будетъ сіе различнымъ. Ибо скажутъ, что вожделѣніе есть постоянная и всегдашняя воля: а веселіе не обыкновенно возносящаяся радость: а страхъ излишняя и мѣру превосходящая осторожность. И такъ не истребляютъ того, что истребить хотятъ, но въ умѣренность приводятъ: понеже одни только имена премѣняютъ, а вещи самыя въ цѣлости оставляютъ. И такъ туда безразсудно обращаются, куда Перипатетики разумомъ достигаютъ: дабы пороки, понеже истребить ихъ не можно, въ умѣренность приводить. Слѣдовательно заблуждаютъ, понеже не доказываютъ того, что хотятъ, и долгимъ и труднымъ оборотомъ и извилиною на тойже путь возвращаются.

ГЛАВА 16.

Какъ Перипатетики заблудили, и что доброе употребленіе страстей добродѣтель есть, злое употребленіе порокъ. И что о самомъ употребленіи изъ дѣла разсуждать должно.

А я думаю, что и Перипатетики не поняли истинны. Понеже порокамъ быть позволя-

воляютъ, но оные въ умѣренность приводятъ. Не должно же имѣть пороковъ и умѣренныхъ: наипаче же должно было здѣлать вопервыхъ, дабы не были пороки. Ибо ничто порочное родиться не можетъ, но пороки бываютъ, когда на зло употребляемъ страсти; добродѣтели бываютъ, когда употребляемъ страстей на добро. Ктомужъ показать должно было, что не самыя страсти, но ихъ причины должно въ умѣренность приводить. Не должно говорятъ излишно веселиться, но мало и умѣренно. Сіе такое есть, какъ ежели бы кто сказалъ, не должно бѣгать скоро, но ходить умѣренно. Привсемъ томъ можетъ и тотъ заблудить, кто тихо ходитъ, и тотъ прямого держаться пути, кто бѣжитъ. Что ежели покажу, что есть нѣчто такое, гдѣ не токмо умѣренно, но и весьма мало радоваться порокъ есть: и другое напротивъ, въ чемъ хотя скакать отъ радости можно безъ порока. И такъ какая будетъ намъ изъ юной умѣренности польза? Вопрошаю, прилично ли мудрому радоваться, ежели увидитъ непріятелю своему нѣкоторое зло случившееся: или должно обуздать радость, ежели по побѣдѣ непріятелей, или по изгнаніи мучителя, свобода и благосостояніе и здравіе гражданомъ возвѣщено будетъ? Никто не сумнѣвается, что и въ ономъ мало радоваться, и въ семъ мало веселиться великимъ есть порокомъ. Тожъ и о всѣхъ страстяхъ можно сказать. Но (какъ я выше говорилъ) не въ умѣренности страстей мудрость состоитъ, но въ винахъ

нахъ ихъ: понеже извнѣ возбуждаются: и не страсти наипаче обуздывать надлежитъ: понеже и малыя страсти могутъ быть великимъ преступленіемъ, и наивеличайшія страсти могутъ не быть преступленіемъ, но означить должно было извѣстныя времена, и вещи, и мѣста, дабы не было то порокомъ, чего по справедливости употребить можно. Ибо какъ прямымъ путемъ ходить добро есть, а заблуждать зло: такъ возбуждаться страстьми на праведное, добро есть: на неправедное, зло. Ибо похоть ежели изъ предѣловъ правильнаго ложа не выходитъ, хотябы была сильная, однако порока не имѣетъ. А ежели желаетъ чужаго, хотя бы была умѣренная, однако порокомъ есть превеликимъ. Слѣдовательно не болѣзнь есть гнѣваться, нивожделѣть, ни похотію возбуждаться: но гнѣвливымъ быть, желательнымъ, похотливымъ. Ибо кто гнѣвливъ, тотъ на кого и не должно и не надлежитъ, гнѣвается; кто желателенъ, тотъ чего и не потребно желаетъ; кто похотливъ, тотъ что законами запрещается, желаетъ. Слѣдовательно вся сила въ томъ состоять должна, дабы поелику страстей природныхъ удержать не можно и не должно: понеже по необходимости вліяны къ защищенію должности житія: то управлять наипаче на путь правый должно, гдѣ теченіе преткновенія и опасности не имѣетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 17.

Что то, которое Философы за порокъ вмѣняютъ, добродѣтель есть, ежели относится къ должному концу, то есть къ Богу. И что безумны тѣ, которые человѣческую натуру природныхъ страстей лишить тщатся.

Но я желая обличить, зашелъ далеко; имѣя намѣреніе показать то, что Философы за пороки вмѣняли, не только не пороки, но и великія добродѣтели. Изъ иныхъ для показанія возму, что къ дѣлу наипаче надлежитъ. Страхъ или боязнь въ числѣ великихъ пороковъ полагаютъ, и за наивеличайшую немощь душевную поставляютъ, которой есть противное мужество: которое ежели будетъ въ человѣкѣ, то страху въ немъ нѣтъ никакого мѣста. И такъ вѣритъ ли кто, дабы самый страхъ наивеличайшимъ былъ мужествомъ? Никакъ. Ибо и природа не вмѣщаетъ, дабы что въ противное обратилось. Но я не хитростнымъ нѣкоторымъ заключеніемъ, какъ у Платона Сократъ дѣлаетъ: который тѣхъ, противъ которыхъ споритъ, принуждаетъ то признать, что прежде они отрицали: но просто покажу, что наивеличайшій страхъ, наивеличайшею есть добродѣтелію. Никто не сумнѣвается, что боязливаго и немощнаго есть духа, или печали боятся, или нищеты, или изгнанія, или темницы, или смерти: чего всего кто не убоится, тотъ за наимужественнѣйшаго

нѣйшаго почитается. А кто Бога боится, сего всего не убоится. Къ показанію сего доводовъ не потребно. Ибо видѣли всегда и нынѣ видимъ въ мірѣ казни почитателей Божіихъ: въ которыхъ мученія новыя и необычайныя вымышлены. Ибо о родахъ смерти боюсь воспомянуть: понеже безчеловѣчныхъ звѣрей мучительство больше самой смерти свирѣпѣетъ. Сіи однако проклятыя тѣлъ терзанія благополучное и непобѣдимое терпѣніе безъ всякаго воздыханія сносятъ. Сія добродѣтель всѣмъ народамъ, и странамъ, и самымъ мучителямъ чудо наивеличайшее показала: когда терпѣніемъ свирѣпость побѣждена была. Но сію добродѣтель ни что иное, какъ только страхъ Божій здѣлалъ. Того ради (какъ я сказалъ) не должно исторгать страха, какъ Стоики думаютъ, ни въ умѣренность приводить, какъ Перипатетики: но на правый путь направлять должно: и истреблять должно страхъ, но такъ, дабы сей одинъ оставался: который понеже правильный и истинный есть, то одинъ дѣлаетъ, дабы могли прочаго всего не бояться. И вожделѣніе между пороками счисляется. Но ежели вожделѣніе земнаго желаетъ, то порокъ есть: а добродѣтель есть, ежели желаетъ небеснаго. Кто бо правды, кто Бога, кто житія вѣчнаго, кто свѣта вѣчнаго, и того всего, что Богъ человѣку обѣщаетъ, получить желаетъ, тотъ богатства временныя, и чести, и власти, и царства самыя презритъ. Скажетъ, можетъ быть, Стоикъ: къ полученію сего

воли потребно, не вожделѣнія. Но не довольно воли. Многіе бо хотятъ, но когда болѣзнь внутренностямъ прикоснется, то воля уступаетъ, вожделѣніе пребываетъ, которое ежели дѣлаетъ то, дабы презрѣть все, чего прочіе желаютъ, то наивеличайшею есть добродѣтелію: понеже воздержанія есть матерію. И для того сіе наипаче дѣлать мы должны, дабы страсти, которыхъ на зло употребленіе порокомъ есть, управлять на правый путь. Ибо сіи возбужденія душевныя запряженной колесницѣ подобны: которой въ правомъ управленіи наибольшая возницы должность состоитъ, дабы путь знать: котораго пути ежели будетъ держаться, хотя бы крайне скоро ѣхалъ, то не поткнется. А ежели заблудитъ, то хотя бы тихо и легко ѣхалъ, или по буграмъ, или утесамъ и стремнинамъ скитаясь будетъ претерпѣвать огорченіе, и падать, или по крайнѣй мѣрѣ заѣдетъ туда, куда не надлежало. Такимъ образомъ сіе теченіе житія, которое страстьми какъ коньми быстро стремится, ежели праваго пути держаться будетъ, то отправитъ свою должность Слѣдовательно страхъ и вожделѣніе ежели устремлены будутъ на землю, то пороками будутъ: ежели отнесены будутъ къ Богу, то будутъ добродѣтельми. Бережливость напротивъ за добродѣтельми почитаютъ, которая ежели состоитъ въ желаніи богатства, то не можетъ быть добродѣтелію: понеже въ умноженіи или храненіи земнаго имѣнія вся обращается. А мы высочайшаго добра не относимъ

косимъ къ тѣлу, но всю должность по спасенію единой души разсуждаемъ. А ежели (какъ выше я показалъ) имѣнія не должно щадить, дабы людскость и правду сохранить, то бережливымъ быть не есть добродѣтель: которое имя добродѣтели видомъ льститъ и обманываетъ. Ибо бережливость есть воздержаніе отъ роскошей: но потому порокъ, понеже происходитъ отъ желанія имѣній: когда должно и отъ роскошей воздержаться, и денегъ не щадить. Ибо бережливо, то есть умѣренно употреблять деньги, есть какъ бы нѣкоторая нискость духа; или боящагося, дабы не притти въ недостатокъ: или отчаявающагося денегъ приобрѣсть: или не могущаго земныхъ вещей презрѣть. Но они паки того, который богатства своего не щадитъ, мотомъ называютъ. Ибо такое различіе между щедрымъ и мотомъ дѣлаютъ; что той щедрый есть, который и достойнымъ, и тогда, когда должно, и столько, сколько довольно, даетъ: а мотъ, который и недостойнымъ, и когда не должно, и безъ сообразности имѣнія, расточаетъ. Чтожъ? мотомъ ли назовемъ того, который ради милосердія даетъ убогимъ пищу? но великое есть различіе, блудницамъ ли ради похоти даешъ, или нищимъ ради людскости: деньги твои похитители ль къ любодѣянію твоему не согласныхъ лицъ, картежники, и сводники расхищаютъ; или оныя деньги благочестію и Богу поручаешъ: въ чрево ли оныя и въ гортань ввергаешь, или въ сокровище правды на сохраненіе полагаешъ. И такъ какъ порокомъ есть расточать на злое дѣло, такъ

расточать на доброе дѣло, добродѣтелію. Ежели добродѣтель есть не щадить богатства, которое можетъ возвратиться, дабы сохранить житіе человѣческое, которое возвратиться не можетъ, то бережливость порокъ есть. Того ради ни какъ инако не назову тѣхъ, какъ только безумными, которые человѣка кроткое и дружелюбное животное лишаютъ своего имени; которые исторгши страсти, въ коихъ вся людскость состоитъ, къ недвижимому ума нечувствію привести хотятъ, желая умъ отъ возмущеній свободить, и (какъ сами говорятъ) спокойнымъ и тихимъ здѣлать. Сему быть не только не можно, понеже сила и состояніе ума въ движеніи находится: но и не должно: понеже какъ вода всегда стоящая и спокойная не здрава и мутна: такъ духъ недвижимый и ослабѣлый неполезенъ и себѣ, и самаго житія сохранить не можетъ, понеже ни дѣлать ничего не будетъ, ни мыслить, поелику помышленіе самое не что иное есть, какъ только ума движеніе. Къ томужъ тѣ, которые сію непремѣнность духа утверждаютъ, лишить житія духъ хотятъ: понеже житіе дѣйственное есть, смерть спокойная. А иное справедливо за добродѣтели поставляютъ, но способу ихъ не знаютъ. Добродѣтель есть постоянство, не чтобъ наносящимъ обиду противиться: ибо симъ должно уступать, а для чего такъ быть должно, скоро покажу: но чтобъ повелѣвающихъ намъ дѣлать противъ закона божія, и противъ правды, никакими прещеніями, никакими муками не у-

спра-

страшаться; дабы божіе повелѣніе человѣческому повелѣнію предпочитать. Къ томужъ добродѣтель есть смерть презирать: но чтобъ смерти желать, и оную добровольно себѣ наносить, какъ Философы многіе и славные часто дѣлали: ибо сіе есть беззаконно и нечестиво: но чтобъ принуждаемы будучи Бога оставить, и вѣру премѣнить, смерть паче принять желали: и свободу защищали противъ насилія безумнаго, и глупой наглости: дабы всѣ временныя прещенія и страхи крѣпостію духа побѣждать. Такимъ образомъ то, чего иные боятся, высокимъ и непобѣдимымъ духомъ болѣзнь и смерть попираемъ. Сія есть добродѣтель, сіе истинное есть постоянство, которое въ семъ одномъ защищать и сохранять должно, дабы насъ никакій страхъ, никакое насиліе отъ Бога не могли отвратить. И такъ истинно оное Цицероново мнѣніе: „Никто, говоритъ, не можетъ быть праведнымъ, „кто смерти, кто болѣзни, кто изгнанія, кто „нищеты боится.„ Такъ же Сенекино, который въ книгахъ нравоучительной Философіи: „Сей „есть оный человѣкъ честный, не по шапкѣ и „Порфирѣ, не приставовъ знаменитымъ служеніемъ: но ни чемъ не менше, который „смерть въ близости видя, не столь смущается, какъ будтобы вещь новую увидѣлъ: „который, хотя по всему тѣлу мученія „терпѣть должно будетъ, или огнемъ сгорѣть, или распростерть на виселицѣ руки, „не вопрошаетъ, что будетъ терпѣть, но „сколь хорошо„. А кто Бога почитаетъ,

сіе терпитъ, и не боится. Слѣдовательно онъ праведенъ. А отсюда происходитъ, что ни добродѣтелей, ни добродѣтельныхъ наисовершеннѣйшихъ границъ знать или держаться не можетъ ни какъ, кто во единаго Бога не вѣруетъ.

ГЛАВА 18.

Какъ заповѣди Божія, которыя хранить должно, отъ Философскихъ разнствуютъ установленій, и какое есть терпѣнія описаніе.

Но оставимъ Философовъ, которые или совсѣмъ ни чего не знаютъ, и тое самое за навысочайшее знаніе почитаютъ: или которые не понимаютъ и того, что знаютъ: или которые думая, будтобы знаютъ то, чего не знаютъ, не прилично и надменно безумствуютъ. И такъ мы (дабы къ намѣренію возвратиться) которымъ однимъ отъ Бога истинна откровенна, и мудрость съ небеси послана есть, здѣлаемъ, что повелѣваетъ просвѣтитель нашъ Богъ: защитимъ другъ друга, и труды сего житія взаимною помощію понесемъ: однако, ежели какое доброе дѣло здѣлаемъ, славы изъ того да не ищемъ. Ибо повелѣваетъ Богъ дѣлателю правды не величаться: дабы не показался, что не столь повинуясь небеснымъ заповѣдямъ, сколько желая похвалъ, человѣколюбно поступаетъ, и имѣя уже мзду

сла-

славы, которой желалъ, не лишился мзды небеснаго онаго и божественнаго воздаянія. Впротчемъ все, что хранить почитающій Бога долженъ, легкимъ есть дѣломъ оныя добродѣтели имѣющему, дабы никогда не лгалъ ради обмана и причиненія вреда. Не прилично бо ищущему истинны, въ нѣкоторой вещи быть ложнымъ, и отъ самой истинны, которой послѣдуетъ, отступить. На семъ правды и всѣхъ добродѣтелей пути нѣтъ лжи никакого мѣста. Того ради путникъ оный истинный и праведный не скажетъ онаго Лукиліанова слова: „Человѣку пріятелю и другу не долженъ я лгать„. Но мыслить будетъ, что и непріятелю и незнаемому не долженъ лгать. И никогда не здѣлаетъ, дабы языкъ изъяснитель мыслей, съ мнѣніемъ и помышленіемъ не согласовалъ. Денги ежели когда взаймы дастъ, не возметъ росту: дабы и денги цѣлы были, которыми помогъ въ нуждѣ, и воздержался бы всячески отъ чужаго. Ибо въ семъ благодѣяніи, своимъ долженъ быть доволенъ, которому инако надлежитъ и собственнаго не щадить, дабы доброе дѣлать: а больше взять, нежели далъ, неправедно есть. Сіе кто дѣлаетъ, нѣкоторымъ образомъ навѣтуетъ, дабы изъ другаго нужды корыстоваться. А праведный никогда не пропуститъ, дабы чего милостиво не здѣлать: и не осквернитъ себя такою прибылью, но то здѣлаетъ, дабы безъ всякаго своего убытку, то, что взаймы дастъ, между добрыми дѣлами считалось, подарка отъ убогаго не возметъ, дабы ежели самъ что здѣлаетъ,

 по-

потому оное было добрымЪ, понеже было даровое. Злословящему добрымЪ словомЪ да отвѣтствуетЪ: самЪ никогда да не злословитЪ: и слово злое да не исходитЪ изЪ устЪ человѣка почитающаго слово доброе. И не только, но и да бережется прилѣжно, дабы непріятелемЪ кого своею виною не здѣлать: и ежели кто сыщется толь продерзливЪ, что доброму и праведному здѣлаетЪ обиду, то снисходительно и терпѣливно да сноситЪ: и отмщеніе за себе не себѣ да присвояетЪ, но до Божія суда да отлагаетЪ. Невинность всегда и вездѣ да хранитЪ: а сія заповѣдь не кЪ тому только служитЪ, дабы самЪ обиды не наносилЪ, но дабы нанесенной себѣ обиды не отмщевалЪ. СидитЪ бо наивеличайшій и наиправеднѣйшій Судія, разсмотритель и свидѣтель всякому. Сего человѣку да предпочитаетЪ, отЪ сего паче вЪ дѣлѣ своемЪ суда да проситЪ, котораго приговора никто убѣжать не можетЪ, ни защищеніемЪ чьимЪ либо, ни милостію ОтЪ сего происходитЪ, что человѣкЪ праведный вЪ презрѣніи будетЪ у всѣхЪ: и понеже подумаютЪ, что самЪ себя защитить не можетЪ, то имѣть будутЪ его за гнуснаго и негоднаго. А кто отмститЪ непріятелю ,сего за мужественнаго, сего за храбраго поставлять будутЪ: сего почитаютЪ, сего всѣ опасаются. А оный добрый хотя бы пользовать многимЪ моглЪ: однако того за велико ставятЪ, который вредЪ причиняетЪ, нежели который пользовать можетЪ. Но праведнаго злоба человѣческая повредить не можетЪ, дабы Богу не повиновался,

вался, и не паче бы желалъ въ презрѣніи быть, только бы быть всегда добрымъ, а злымъ никогда. Цицеронъ въ оныхъ же книгахъ своихъ о должностяхъ. „ Но ежели кто восхощетъ, говоритъ, своего ума тайное понятіе разсмотрѣть, то самъ себе да научитъ, „ что тотъ есть мужъ добрый, который пользу дѣлаетъ, кому можетъ, не вредитъ никому „ развѣ раздраженъ будучи обидою. О сколь простое и истинное мнѣніе прибавленіемъ двухъ словъ испортилъ. Ибо какова нужда была придавать, развѣ раздраженъ обидою? Дабы порокъ доброму мужу, какъ бы хвостъ гнусный пришить, и терпѣнія, которое всѣхъ добродѣтелей больше есть, лишить. Сказалъ что добрый человѣкъ вредъ причинять станетъ, ежели будетъ раздраженъ. Уже потому самому добрымъ не будетъ, ежели станетъ вредить. Не меньшее бо зло есть отмщать обиду, какъ и наносить. Ибо откуда сраженія между людьми, откуда войны и распри раждаются, какъ только, что злобѣ противоположенкая нетерпѣливость великія часто возбуждаетъ мятежи? А ежели терпѣніе, котораго ничего истиннѣе, ничего человѣка достойнѣе сыскаться не можетъ, злобѣ противоположишъ, то угаснетъ скоро, какъ бы огонь отъ возліянной воды. А ежели поощрительница оная злоба, нетерпѣливость себѣ равную получитъ, такъ какъ бы масломъ полита будучи, то такій произведетъ пожаръ, что оный, не рѣка нѣкоторая, но пролитіе крови только угаситъ. И такъ великая терпѣнія сила есть,

которую мудрый человѣкъ отнимаетъ у добраго мужа. Ибо дабы никакого зла не было, оное одно терпѣніе дѣлаетъ: и ежели бы терпѣніе всѣ имѣли, то никакого бы беззаконія, никакого обмана въ людехъ не было. Чтожъ доброму мужу можетъ быть столь бѣдственное и столь противное, какъ гнѣву дать волю: которой его не только не добрымъ человѣкомъ но и не человѣкомъ здѣлаетъ? Ибо вредъ дѣлать другому, какъ Цицеронъ весьма истинно говоритъ, не есть человѣку по природѣ. Ибо и скоты, ежели раздражишъ, или копытомъ, или рогомъ защищаются: и зміи, и звѣри, ежели не гонишся за ними, дабы убить, никакого затрудненія не дѣлаютъ, и (дабы къ человѣческимъ примѣрамъ возвратиться) невѣжи и безумные, ежели когда обижены будутъ, то слѣпо и несмысленно неистовятся, и тѣмъ, отъ которыхъ обиду имѣютъ, отмстить силятся. И такъ въ чемъ мудрый и добрый мужъ отъ злыхъ и безумныхъ разнствуетъ, какъ только что, имѣетъ непобѣдимое терпѣніе, котораго безумные не имѣютъ: что править собою, и укрощать гнѣвъ свой умѣетъ: котораго добродѣтели не имѣющіе обуздать не могутъ. Но сіе Цицерона обмануло, что когда о добродѣтели вопрошается, то дабы въ какомъ нибудь споръ побѣдить, подумалъ, что оное принадлежитъ къ добродѣтели: и видѣть ни какъ не могъ, что человѣкъ печали и гнѣву подлежащій, и тѣмъ страстямъ снисходящій, которымъ наипаче долженъ противиться, и стремящійся куда позоветъ

ветъ злоба, добродѣтели не имѣетъ. Кто бо отмстить будетъ силиться, тотъ тому самому желаетъ подражать, отъ котораго оскорбленъ. Того ради злому подражающій, добрымъ быть никакъ не можетъ. И такъ двумя словами двѣ добродѣтели величайшія у добраго и мудраго мужа, невинность и терпѣніе отнялъ. Но понеже онъ въ песіемъ ономъ красноречіи (какъ по свидѣтельству Салюстіеву Аппій сказалъ) упражнялся, то хотѣлъ, чтобъ и человѣкъ песіимъ образомъ жилъ, дабы будучи раздраженъ, отгрызался. Сіе отмщеніе безчестія сколь пагубно есть, и какія обыкновенно дѣлаетъ пораженія, откуда приличнѣйшій взять примѣръ, какъ изъ самаго Цицеронова наипечальнѣйшаго приключенія? который Философскимъ заповѣдямъ повинуясь, самъ себе погубилъ. А ежели бы обиженъ бывши терпѣнія держался, ежели бы снисходилъ, ежели бы сносить безчестіе добраго мужа дѣломъ быть почиталъ, и оныхъ знатныхъ рѣчей чужимъ именамъ надписанныхъ, нетерпѣливостію, и легкомысліемъ, и безуміемъ не говорилъ, то никогда бы главою своею того мѣста, на которомъ рѣчи говоря, славенъ прежде былъ, не окровавилъ: и общества до основанія изгнаніе оное не погубило бы. И такъ мудрый и добрый мужъ не восхочетъ сражаться, и себе въ опасность ввергать: понеже и побѣда не въ нашей есть власти, а притомъ и сраженіе всякое есть сумнительно: но мудрый и предобрый мужъ не противника восхочетъ истребить, ибо сіе быть

безъ

безъ беззаконія и опасности не можетъ, но сраженіе самое: ибо сіе быть и полезнымъ и праведнымъ можетъ. Слѣдовательно за наивеличайшую добродѣтель терпѣніе имѣть должно, которую дабы вмѣщалъ человѣкъ праведный, то восхотѣлъ Богъ (какъ выше сказано) дабы его какъ негоднаго презирали. Ибо ежели бы не былъ безчестимь, то какую имѣетъ онъ крѣпость въ укрощеніи себе самаго, не можно было бы знать. А ежели обиженъ, оскорбившему отмщевать станетъ, то уже онъ тѣмъ самимъ побѣжденъ. Ежели же возмущеніе оное умомъ укротитъ, сей подлинно владѣетъ собою, и сей править собою можетъ. Сіе воздержаніе себе самаго поистиннѣ терпѣніемъ имянуется, которая одна добродѣтель всѣмъ порокамъ и страстямъ есть противна. Сіе смущенный и волнующійся духъ къ тишинѣ возвращаетъ: сіе укрощаетъ, сіе человѣка въ чувство приводитъ. Слѣдовательно поелику природѣ противиться не возможно и не полезно, дабы не смутиться всячески, однако прежде нежели смущеніе оное на причиненіе вреда устремится, какъ возможно, благовременно да утишиться. Повелѣлъ Богъ, да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ нашемъ, дабы неистовства нашего не было свидѣтелемъ. Къ томужъ Маркъ Туллій противъ своея заповѣди, о которой мало прежде я сказалъ, забвеніе обидъ великими похвалами превознесъ: Надѣюсь, го„ворить, Цесарь, что ты ничего такъ обык„новенно не забываешъ, какъ только обиды.„ А ежели сіе дѣлалъ человѣкъ не только отъ небе-

небесной, но и отъ общей и гражданской правды весьма удаленный, то кольми паче мы сіе дѣлать должны, которые въ безсмертіе облеклись.

ГЛАВА 19.

Что Перипатетики Стоикамъ противятся въ защищеніи страстей. И какія суть три фуріи, которыхъ стихотворцы вымыслили, и какое ихъ есть употребленіе, или злоупотребленіе.

Стоикамъ желающимъ страсти изъ человѣка, такъ какъ бы недуги искоренить, Перипатетики противятся: и страсти не только удерживаютъ; но и защищаютъ: и говорятъ, что нѣтъ ничего въ человѣкѣ, чтобы не было великимъ разумомъ и провидѣніемъ врожденно. Истинна сіе есть, ежели бы всѣхъ вещей истинные предѣлы знали. И такъ говорятъ, что сей самый гнѣвъ есть поджегою и поощреніемъ добродѣтели: будто бы никто не можетъ противъ непріятелей мужественно сражаться, ежели не будетъ гнѣвомъ возбужденъ. Симъ ясно показываютъ, что не знаютъ, и что есть добродѣтель, и для чего человѣку далъ Богъ гнѣвъ. Ибо ежели для того данъ намъ гнѣвъ, дабы его употреблять къ убіенію людей, то что безчеловѣчнѣе человѣка, что подобнѣе дикимъ звѣрямъ будетъ, какъ то животное, которое къ обществу и невинности Богъ сотво-

творилЪ? И какЪ три суть страсти, которыя человѣка во вся беззаконія ввергаютЪ: гнѣвЪ, вожделѣніе, похоть. Того ради стихотворцы три фуріи допускали и утверждали, которыя человѣческія мысли возмущаютЪ: гнѣвЪ отмщенія желаетЪ, вожделѣнія богатства, похоть удовольствій. Но симЪ всѣмЪ БогЪ извѣстныя предѣлы положилЪ, которыя ежели прейдутЪ, и распространятЪ, то природу свою испортятЪ, и вЪ недуги и пороки обратятся. Которые же суть оные предѣлы, оное не трудно показать. Вожделѣніе дано намЪ кЪ пріобрѣтенію того, что есть кЪ житію потребно: похоть кЪ умноженію племени: гнѣва страсть кЪ воздержанію грѣховЪ тѣхЪ людей, которые суть вЪ нашей власти: то есть дабы тѣснѣйшимЪ ученіемЪ младенцы кЪ добродѣтели и правдѣ наставляемы были, которыхЪ ежели вЪ страхѣ содержать не будемЪ, то вольность породитЪ дерзость, которая ко всякому грѣху и беззаконію устремится. Того ради какЪ употреблять гнѣва противЪ меньшихЪ, и праведно есть и потребно, такЪ противЪ равныхЪ и пагубно и нечестиво. Нечестиво, понеже нарушается людскость: пагубно, понеже когда равные сражаться станутЪ, то или погубить должно или погибнуть. А что для сей причины, которую я сказалЪ, человѣку дана страсть гнѣва, изЪ заповѣдей самаго Бога уразумѣть можно, который повелѣваетЪ, дабы мы на злословящихЪ и оскорбляющихЪ не гнѣвались, а руки наши надЪ меньшими всегда имѣли: то есть,

дабы согрѣшающихъ ихъ всегдашнимъ наказанiемъ исправляли: дабы любовiю неполезною, и снисходительствомъ излишнимъ не воспитались къ злу, и къ порокамъ не воскормились. Но невѣжи и причины незнающiе, сiи страсти, которыя даны человѣку ради употребленiя добраго, искоренили, и далѣе нежели должно, забрели: потому неправедно и нечестиво живутъ. Употребляютъ гнѣва противъ равныхъ. Отсюду раздоры, отсюду изгнанiя, отсюда войны противъ правды произошли. Употребляютъ вожделѣнiя къ собранiю богатства. Отсюда лести, отсюда разбои, отсюда всѣ роды беззаконiя произтекли. Употребляютъ похоти къ полученiю только удовольствiя. Отсюда прелюбодѣянiя отсюда растлѣнiя всѣ начались. И такъ кто оныя страсти внутрь предѣловъ ихъ приведетъ, чего незнающiе Бога здѣлать не могутъ, то онъ терпѣливъ, крѣпокъ, и праведенъ.

ГЛАВА 20.

О удовольствiи пяти чувствъ: и для чего больше удовольствiя дала природа человѣку, нежели инымъ животнымъ. И наперьвыхъ о удовольствiи видѣнiя, и о удаленiи отъ позорищъ: и о изобрѣтателяхъ игръ и позорищъ.

Остается противъ удовольствiй пяти чувствъ поговорить вкратцѣ (ибо и самой книги

ги мѣра ужѐ конца требуетъ) которыя всѣ, понеже онѣ порочны и смертоносны, добродѣтелію побѣждать и укрощать должно: или (какъ мало выше говорилъ я о страстяхъ) въ свою мѣру приводить. Прочіе животные, кромѣ одного удовольствія, которое къ рожденію надлежитъ, никакого инаго не чувствуютъ. И такъ употребляютъ чувствъ къ своимъ природнымъ нуждамъ. Видятъ, дабы желать того, что потребно къ сохраненію житія. Слышалъ одно другаго, и себѣ распознаютъ, дабы могли совокупиться. Что полезное на пищу, оное или по запаху находятъ, или по вкусу признаютъ: неполезное презираютъ или оставляютъ. Пищею и питіемъ тогда бываютъ довольны, когда почувствуютъ полноту во чревѣ. А человѣку премудраго художника провидѣніе дало удовольствіе безконечное, и въ порокъ падающее: понеже предложило человѣку добродѣтель, которая бы съ удовольствіемъ всегда, такъ какъ бы съ домашнимъ врагомъ воевала. Цицеронъ въ Катонѣ меньшемъ: „ А блуды, говоритъ, „ и прелюбодѣянія, и всякъ грѣхъ никакими „ иными прелестьми не возбуждается, какъ „ только удовольствіемъ. И понеже человѣку „ или природа, или нѣкоторый Богъ ничего не далъ лучше ума, то сему Божественному дару нѣтъ ничего толь врожденнаго „ какъ удовольствіе. Ибо въ царствѣ похоти „ воздержанію нѣтъ мѣста: и въ царствѣ „ удовольствія добродѣтель состоять не „ можетъ „. Но напротивъ Богъ того ради добро-

добродѣтель далъ, дабы покорить и побѣдить удовольствіе: и оное изъ предѣловъ ему данныхъ стремящееся, внутрь предѣловъ содержать: дабы человѣка пріятностьми уловивъ и изнѣживъ, власти своей не покорило, и вѣчною смертію не умертвило. Удовольствіе различно и многовидно, которое происходитъ изъ зрѣнія вещей, въ употребленіи человѣческомъ или по природѣ или дѣйствіемъ увеселяющихъ. Оное Философы весьма справедливо истребили. Говорятъ бо, что несравненно лучше, и человѣка достойнѣе, на небо наипаче, нежели на позлащенныя вещи смотрѣть: и сему прекрасному дѣлу блистающими звѣздъ свѣтилами, такъ какъ бы цвѣтами украшенному, нежели дѣламъ живописнымъ, и новоизобрѣтеннаго художества, и драгоцѣнными камнями разпещреннымъ удивляться. Но краснорѣчиво къ презрѣнію земныхъ вещей насъ увѣщевая, и взирать на небо возбуждая, однако зрѣлищъ общественныхъ не презираютъ. Того ради оными и утѣшаются, и охотно на нихъ бываютъ: которыя позорища понеже сильными суть побужденіями къ порокамъ, и повреждать умы весьма могутъ, то истребить ихъ намъ должно: понеже не только къ блаженному житію нимало не пользуютъ, но и крайней причиняютъ вредъ. Ибо кто при очахъ своихъ убивать человѣка, пускай по достоянію осужденнаго, за удовольствіе поставляетъ, тотъ совѣсть свою оскверняетъ: то есть такъ, какъ бы человѣкоубійства тайнаго зрителемъ и участникомъ былъ. Однако то играми называютъ,

на которыхъ человѣческая кровь проливается. Толь далеко отъ людей отступила людскость, что человѣческія души убивая, думаютъ, будто бы играютъ, будучи виноватѣе тѣхъ всѣхъ, которыхъ кровь за удовольствіе поставляютъ. Вопрошаю нынѣ, могутъ ли благочестивыми и праведными людьми быть, которые на смерть выведенныхъ, и милосердія просящихъ, не только попущаютъ убивать, но и требуютъ: и произносятъ на смерть свирѣпыя и безчеловѣчныя приговоры, ни ранами не насыщаяся, ни кровію не довольствуяся: но убитыхъ уже и лежащихъ рубить повелѣваютъ, и трупы удареніемъ разсѣкать, дабы кто не притворился мертвымъ: гнѣваются и на сражающихся, ежели скоро одинъ изъ двухъ не будетъ убитъ, и какъ бы человѣческой крови жадая, ненавидятъ медленія, иныхъ имъ равныхъ въ сраженіи не утомившихся представить требуютъ, дабы какъ можно скоряе очи свои насытить. Въ семъ обычаѣ закоснѣвши, людскость погубили. Того ради не щадятъ невинныхъ, но то дѣлаютъ всѣмъ, чему во убіеніи злыхъ научились. Такъ сего публичнаго человѣкоубійства общниками и участниками быть не прилично тѣмъ, которые путемъ правды ходить тщатся. Ибо Богъ запрещая убивать, не только разбивать намъ запрещаетъ, чего и народные законы не позволяютъ: но и того не творить увѣщеваетъ, что у людей за позволенное почитается. Такъ и воинствовать праведному не позволяется, котораго воинствованіемъ есть

самая

самая правда:) ни доносить на кого вины смертной: понеже нѣтъ никакого различія, оружіемъ ли или словомъ кого умертвимъ: понеже убійство самое запрещается. Того ради, поелику въ сей Божіей заповѣди совсѣмъ ни какому изъятію быть не должно, но наипаче всегда беззаконіе есть убить человѣка, которому повелѣлъ Богъ быть святымъ животнымъ. Слѣдовательно и того никто за позволенное да не поставляетъ, дабы вновь родившихся вольно было убивать: Ибо сіе есть превеликое нечестіе. Къ жизни бо Богъ вдыхаетъ души а не на смерть. Но люди, дабы не было никакого злаго дѣла, которымъ бы рукъ своихъ не осквернили, у простыхъ еще душъ отнимаютъ свѣтъ, не отъ нихъ данный. И такъ пусть надѣется ктолибо, дабы пощадили они чужую кровь, которые не щадятъ своей. Но сіи безъ всякаго спору беззаконны и неправедны. Что тѣ, которыхъ ложная любовь принуждаетъ дѣтей подкидывать? Не могутъ невинными быть, которые утробу свою въ снѣдь псамъ повергаютъ; и сколько могутъ, свирѣпѣе убиваютъ, нежели когдабъ ихъ задушили. Кто усумнится, что нечестивъ есть тотъ, который чужому милосердію мѣсто даетъ? Который, ежели бы по желанію его случилось, что подкинутаго воспитаютъ, то вѣроятно, что воспитавшей назначитъ кровь воспитаннаго имъ или въ рабство или въ блудилище. Что же можетъ, или обыкновенно случается въ обоемъ полѣ, хотя по незнанію, кто не разумѣетъ? Кто

не знаешъ? Сіе и одного Едипода примѣръ показываешъ, двоякимъ беззаконіемъ смѣшенный. И шакъ столь же беззаконно есть подкидывашь, какъ убивашь. Но дѣшоубійцы на убожество жалуются, и говорятъ, что многихъ дѣтей воспитывать не могутъ. Будто бы или богатство во власти состоитъ владѣющихъ, или не ежеденно Богъ изъ богатыхъ убогими, и изъ убогихъ богатыми дѣлаетъ. Того ради ежели кто дѣтей ради убожества не можетъ воспитывать, то лучше отъ жены да воздержится, ежели беззаконными руками Божія дѣла повреждаетъ. Слѣдовательно ежели человѣкоубійство дѣлать ни какъ непозволяется, то и быть на человѣкоубійствахъ совсѣмъ не позволительно, дабы совѣсти не осквернила никакая кровь, понеже народу оная кровь вмѣнится. Въ Ѳеатральныхъ зрѣлищахъ сказать не могу, не большее ли находится поврежденіе. Ибо и Комическія басни о блудодѣяніи дѣвицъ говорятъ, или о любви блудницъ: и чемъ краснорѣчивѣе беззаконія оныя вымыслившіе, тѣмъ паче красотою словъ увѣщеваетъ, и удобнѣе въ памяти слышащихъ содержатся стихи искусно сочиненные и украшенные. Также трагическія исторіи представляютъ очамъ отцеубійства и кровосмѣшенія царей злыхъ, и ужасныя беззаконія показываютъ. Комедіантовъ также наибезстыднѣйшія движенія, чему иному, какъ только похотямъ учатъ, и побуждаютъ? Которыхъ растлѣнныя тѣла, и женской походки видъ, и убранство нѣжное, представляемыя безстыдныхъ

ныхъ женъ неблагопристойными движеніями изображаютъ. Что о шутахъ скажу растлѣнію учащихъ? которые вымыслами учатъ прелюбодѣяніямъ, и выдумками и мечтами наставляютъ на самое дѣло? Что юноши или дѣвицы будутъ дѣлать, видя, что и дѣлается безъ стыда, и всѣ со охотою смотрятъ? Подлинно получаютъ наставленіе, что они дѣлать могутъ, и воспаляются похотію, которая наипаче зрѣніемъ возбуждается: и всякъ себе по состоянію своего пола во оныхъ изображеніяхъ воображаетъ; и одобряютъ оное, когда смѣются; и научившись порокамъ, растлѣнными въ домы возвращаются: и не только отроки, которыхъ завременно порокамъ обучать не должно, но и старики, которымъ грѣшить уже непристойно. И конское ристаніе что иное въ себѣ заключаетъ, какъ легкомысліе, суету, безуміе? Толикимъ бо стремленіемъ возбуждаются сердца въ неистовство, коликимъ стремленіемъ тамъ бѣгаютъ. такъ, что большее зрѣлище представляютъ, которые смотрѣть приходятъ, когда громко кричатъ, и выдаваться и выскакивать начнутъ. И такъ удаляться должно позорищь всякихъ, не только дабы не вселился въ сердцахъ нѣкоторый порокъ, которыя должны быть тихими и спокойными, но дабы какое удовольствіе насъ не привело въ нѣжность, и отъ Бога, и отъ добрыхъ дѣлъ не отвратило. Ибо игръ отправленія боговъ суть праздниками: понеже ради дней рожденія ихъ, или ради новыхъ храмовъ посвященія оныя уставлены.

И сперва ловли звѣрей, которыя называются дарами, Сатурну назначены: а игры ѳеатральныя Либеру: конскія ристанія Нептуну. А помалу и прочимъ богамъ туюжъ честь воздавать стали, и особливые имъ игры посвящены, какъ Сисiнний Капито въ книгѣ о позорищахъ показываетъ. И такъ ежели кто на позорища ходитъ, на которыя ради набожности приходятъ, той отступилъ отъ почитанія божія, и къ богамъ приступилъ, которыхъ дни рожденія и праздники праздновалъ.

ГЛАВА 21.

О удовольствіи слуха. И для чего Священное Писаніе просто есть; которое паче всѣхъ стиховъ, красотъ и великолѣпій рѣчи почитать должно.

Удовольствіе слуха отъ голосовъ и пріятности пѣсней происходитъ, которое стольже порочно, какъ и удовольствіе очей, о которомъ выше я говорилъ. Кто бо не почтетъ того за невоздержнаго и бездѣльнаго, который комедіанскія представленія въ дому имѣетъ? Но нѣтъ никакого различія, одинъ ли въ дому невоздержно живешъ, или съ народомъ на позорищи? Но уже о позорищахъ сказалъ я. Одно еще остается намъ побѣдить, дабы не уловлены были тѣмъ, что до чувства внутренняго пронзаетъ. Ибо все

то, что словъ не имѣетъ, то есть воздуха и струнъ пріятныя гласы, можно легко презрѣть, понеже ихъ перенять и написать не можно. А стихъ сочиненный и рѣчь пріятностію прельщающая уловляетъ души, и куда захочетъ, наклоняетъ. Потому люди ученые, когда въ Бога увѣруютъ, то отъ нѣкотораго неискуснаго учителя научены бывши, не вѣрятъ. Ибо привыкши къ пріятнымъ и великолѣпнымъ или рѣчамъ или стихамъ, божественныхъ писаній простою и общенародною рѣчью какъ бы презрѣнною гнушаются. Того бо ищутъ, что чувства услаждаетъ, склоняетъ же все чувство услаждающее, и услаждая, въ памяти углубляется. И такъ Богъ и ума и гласа и языка художникъ не можетъ ли краснорѣчиво говорить? Никакъ. Но всевышній промыслъ восхотѣлъ Божію слову быть безъ украшенія, дабы всѣ разумѣли, что Богъ ко всѣмъ говоритъ. Слѣдовательно любящій правду, не хотящій себе самаго прельщать, пускай отринетъ враждебныя и вредныя удовольствія, которыя душу къ себѣ привязываютъ, какъ тѣло сладкая пища: пускай предпочитаетъ истинное ложному, вѣчное краткому, полезное пріятному. Пріятнымъ зрѣнію пускай ничего не почитаетъ, какъ только что благочестно, что праведно дѣлается: ничего сладкимъ слышанію, какъ только, что питаетъ душу, и тебе лучшимъ дѣлаетъ. И наипаче сего чувства не должно къ пороку наклонять, которое намъ для того дано, дабы ученіе Божіе могли понимать. Того ради ежели за удовольствіе ста-

ставимъ слышать пѣнія и стихи, то хвалы божія пѣніе и слышать за пріятное да почитаемъ. Сіе есть удовольствіе истинное, которое соединяется съ добродѣтелію. Сіе есть не непостоянное и краткое, какъ оныя, которыхъ желаютъ, тѣлу какъ скоты служащіе, но всегдашнее и безпрестанно увеселяющее. Сего предѣлы ежели кто преступитъ, и ничего иного изъ удовольствій желать не будетъ, какъ только одного увеселенія, сей смерти желаетъ: понеже какъ жизнь вѣчная въ добродѣтели состоитъ, такъ смерть въ роскоши. Ибо кто временнаго наипаче восхощетъ, тотъ не будетъ имѣть вѣчнаго: кто земное предпочтетъ, не будетъ имѣть небеснаго.

ГЛАВА 22.

О удовольствіи обонянія и вкуса, котораго мужъ разумный убѣгать долженъ, какъ сила и сѣти смертной.

Вразсужденіи удовольствія обонянія и вкуса, которыя два чувства къ единому тѣлу надлежатъ, не чего мнѣ говорить, развѣ только потребуетъ ктолибо, дабы сказалъ я, что мерзско есть мудрому и доброму мужу, чреву и объяденію раболѣпствовать, мастьми намазавшись, и цвѣтами увѣнчавшись ходить: сіе кто дѣлаетъ, тотъ подлинно безуменъ,

зуменъ, негоденъ, и презрѣнный, и который нимало добродѣтели не обонялъ. Можетъ быть скажетъ ктолибо: для чегожъ то сотворено, естьли не для того, дабы онаго употреблять? Но часто уже говорилъ я, что никакой бы добродѣтели не было, ежели бы не имѣла чего побѣждать. Того ради все сотворилъ Богъ, дабы поставить подвигъ двухъ вещей. Слѣдовательно прелести оныя, роскошей орудія, суть того, котораго одно дѣло есть, преодолѣвать добродѣтель, и правду отъ людей отдалять. Сими приманками и сладостьми услаждаетъ души. Знаетъ бо, что роскошъ виновницею есть смерти. Ибо какъ Богъ человѣка къ жизни только добродѣтелію и къ трудамъ призываетъ, такъ діяволъ къ смерти чрезъ удовольствія и роскоши: и какъ къ истинному добру мнимымъ зломъ, такъ къ истинному злу мнимымъ добромъ достигается. Слѣдовательно убѣгать должно оныхъ увеселеній, какъ силъ и тенетъ, дабы сладостей нѣжностію уловлены будучи не попались подъ власть смерти съ самымъ тѣломъ, которому себе поработили.

ГЛАВА 23.

О удовольствіи осязанія, и для чего въ человѣкѣ оно сильнѣе, нежели въ прочихъ животныхъ: и колики діяволъ чрезъ него мерзости вводитъ, и опасность геенны. И о позволенномъ совокупленіи и не позволенномъ. И для чего между всѣми животными, одна жена по зачатіи можетъ терпѣть мужа. И какій есть воздержанія или невоздержанія плодъ.

Приступаю теперь къ тому удовольствію, которое происходитъ отъ осязанія: которое чувство есть всего тѣла. Но я не о украшеніяхъ, или одеждахъ, но объ одной похоти говорить намѣреваю, которую наипаче воздерживать должно, понеже наипаче вредъ причиняетъ. Когда вообразилъ Богъ два пола, то далъ имъ свойство, дабы себя взаимно желали, и совокуплялись. Того ради тѣламъ всѣхъ животныхъ наигорячайшую страсть похоти присовокупилъ, дабы въ сіи страсти наиохотнѣйше падали, и симъ способомъ распложаться и умножаться роды могли. Сія похоть въ человѣкѣ сильнѣйшая и острѣйшая находится для того, что добродѣтель одному человѣку далъ, дабы была похвала и слава въ удержаніи роскошей, и воздержаніи себе самаго. И такъ знаетъ оный противникъ нашъ, коликая есть сила сея похоти, которую нѣкоторые нуждою назвали: и оную отъ праведнаго и добраго къ злому и неправедному преноситъ.

Непозволенныя бо желанія насылаетЪ, дабы чуждое сквернили, которымЪ имѣть собственное безгрѣшно можно. ПредставляетЪ также очамЪ побудительные виды, и прилагаетЪ подгнету, и порокамЪ пищу подаетЪ. ПотомЪ внутреннимЪ утробамЪ всѣ силы возмущаетЪ, и естественный оный возбуждаетЪ и воспламеняетЪ жарЪ: покуда уловивши человѣка и связавши, прельститЪ. А дабы кто страхомЪ казней не воздерживался отЪ чужаго, то и блудилища поставилЪ, и стыдЪ нещастливыхЪ женЪ продалЪ: дабы вЪ посмѣяніи имѣть какЪ мужей такЪ женЪ. ВЪ сихЪ мерзостяхЪ души кЪ святости рожденныя, какЪ бы вЪ грязи погрузилЪ, стыдЪ угасилЪ, чистоту погубилЪ. ОнЪ же и мужей смѣсилЪ сЪ мужами, и бесчестныя совокупленія противЪ природы и противЪ установленія Божія вымыслилЪ. ТакЪ научилЪ людей и вооружилЪ на всякое беззаконіе. Что бо могутЪ за святое почитать, которые возрастЪ слабый и безпомощный похотію своею растлѣваютЪ и сквернятЪ? Не можно сего дѣла по великости беззаконія выговорить. Ни чемЪ больше сихЪ назвать не могу, какЪ только нечестивыми и отцеубійцами: которые недовольствуются поломЪ отЪ Бога даннымЪ, ежели и своему полу мерзско и продерзостно не наругаются: однако сіе у нихЪ легкимЪ и какЪ бы честнымЪ считается. Что скажу о тѣхЪ, которые не похоть, но паче гнусное безуміе дѣлаютЪ? Жалѣю терять словЪ. Но что тѣмЪ будетЪ, которымЪ не жаль дѣлать.

Од-

Однако должно сказать, понеже дѣлаютъ. О тѣхъ говорю, которыхъ премерзская похоть, и проклятое неистовство и головы не щадитъ. Какими сiе словами, или какимъ негодованiемъ толикое беззаконiе изображу? Превосходитъ силу рѣчи беззаконiя великость. И такъ когда похоть сiи дѣла дѣлаетъ, и такiя беззаконiя производитъ, то вооружиться намъ противъ ея должно превеликою добродѣтелiю. Кто сихъ страстей обуздать не можетъ, да удерживаетъ ихъ внутрь предѣловъ законнаго ложа: дабы и то, чего сильно желаетъ, получилъ, и въ грѣхъ не впалъ. Ибо чего себѣ люди погибельные хотятъ? То есть честнымъ дѣламъ удовольствiе послѣдуетъ. Ежели удовольствiя для его самаго желаютъ, то праведнаго употреблять можно. А ежели нѣкоторая нужда препятствуетъ, тогда превеликой должно употребить добродѣтели, дабы вожделѣнiю воздержанiе противлялось. И не только отъ чужихъ ложей, которыхъ прикасатся не должно, но и отъ общихъ и народному употребленiю преданныхъ тѣлъ воздерживаться Богъ повелѣлъ: и учитъ насъ, что когда два тѣла будутъ между собою совокуплены, то одно тѣло составятъ. Того ради, ежели кто себе въ грязи погрузитъ, грязью непремѣнно замарается, и тѣло хотя скоро омыть можно, а души заразою безстыднаго тѣла оскверненной не можно: развѣ долгимъ временемъ, и многими добрыми дѣлами отъ прилипшей скверны очистится. И такъ долженъ всякъ себѣ предложить, что двоихъ половъ

лов҃ совокупленіе ради рожденія дано животнымъ, и симъ страстямъ такой законъ положенъ, дабы преемство и породу множили. И какъ Богъ далъ намъ очи, не съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть и увеселяться, но чтобъ видѣть, для тѣхъ дѣлъ, которыя надлежатъ къ житію: такъ дѣтородную тѣла часть, что самое имя показываетъ, не для какой иной причины, какъ только для произведенія потомства мы приняли. Сему божественному закону съ превеликимъ благоговѣніемъ повиноваться должно: да будутъ всѣ, которые Божіими учениками называются, такъ добронравны и наставлены, дабы владѣть собою могли. Ибо которые роскошамъ служатъ, и похоти повинуются, тѣ душу свою тѣлу порабощаютъ, и насмерть осуждаютъ, понеже себе тѣлу предали, надъ которымъ смерть власть имѣетъ. И такъ всякъ сколько можетъ, да наставляетъ себе къ воздержанію, стыдъ да почитаетъ, чистоту умомъ и совѣстію да хранитъ: и не только законамъ общимъ да повинуется, но да будетъ выше всѣхъ законовъ, который закону Божію послѣдуетъ. Къ сему ежели привыкнетъ, то уже стыдиться будетъ въ худшее нисходить: только да возлюбитъ правду и честность, которая добрымъ мужамъ пріятнѣе есть, нежели неправда и скверна злымъ. Не всю еще я чистоты должность представилъ, которую не только Богъ, но и право ложа хранить повелѣваетъ: дабы ежели кто имѣетъ жену, кромѣ ея ни рабы, ни свободной имѣть не желалъ, но супружескую

вѣру

вѣру дабы хранилъ. Ибо не какъ законъ народный гласитъ, одна жена прелюбодѣйца есть, которая имѣетъ многихъ, а мужъ хотя бы многихъ имѣлъ, однако не прелюбодѣй. Но законъ Божій такъ двухъ въ супружество, то есть во одно тѣло равно совокупляетъ, что прелюбодѣй будетъ, кто союзъ тѣла наразно раздѣлитъ. И для сея причины Богъ, когда восхотѣлъ, дабы протчіе животные принявши плодъ съ самцами не совокуплялись, одной женѣ съ мужемъ совокуплятся попустилъ: дабы мужи немогши совокупляться съ своими женами, не были принуждены чужихъ искать, и симъ дѣломъ чистоты не потеряли. Но и жена бы не могла чистою назваться, ежели бы не могла грѣшить. Ибо кто безсловесное животное чистымъ назоветъ, что по зачатіи плода самца не припущаетъ? Понеже сіе для того дѣлаетъ, поелику въ болѣзнь и опасность пріидетъ, ежели допуститъ. Слѣдовательно ни какой похвалы нѣтъ, не дѣлать того, чего дѣлать не можетъ. И того ради въ человѣкѣ чистота похваляется, понеже не природная она, но добровольная. И такъ должни оба хранить вѣрность между собою. И не только то, но наипаче примѣромъ воздержанія учить должно жену, дабы чисто жизнь препровождала: ибо не праведно того требовать отъ другаго, чего самъ дѣлать не можешъ. Сія несправедливость подлинно то здѣлала, что настали прелюбодѣянія, понеже жены за обиду себѣ почитаютъ вѣрными быть мужамъ нехранящимъ взаимной любви. Къ тому

мужъ

мужѣ нѣтѣ ни одной толь безстыдной прелюбодѣйцы, которая бы сею виною пороковѣ своихѣ не извиняла, что грѣша обиды не дѣлаетѣ, но отмщеваетѣ. И сіе весьма изрядно Квинтиліанѣ изобразилѣ: Человѣкѣ, говоритѣ, отѣ чужаго супружества не воздерживающійся и своего супружества не хранящій, которые супружества между собою природно совокуплены сутъ. Ибо и мужѣ упражняющійся вѣ прельщеніи чужихѣ женѣ не можетѣ хранить домашней святости. И жена ежели вѣ такое супружество впадетѣ, примѣромѣ возбужденная думаетѣ, что или послѣдуетѣ мужу, или отмщеваетѣ. И такѣ беречься должно, дабы нашимѣ невоздержаніемѣ не дать случая порокамѣ, но да привыкаютѣ взаимно нравы двоихѣ, и иго равнодушно да носятѣ. Насѣ самыхѣ вѣ другомѣ да воображаемѣ. Ибо вѣ семѣ почти сила правды состоитѣ: не дѣлай того другому, чего самѣ отѣ другаго терпѣть не хочешѣ. Сіе о воздержаніи Богѣ повелѣваетѣ, но дабы не подумалѣ кто, что Божія заповѣди обмануть можетѣ, придамѣ и сіе (дабы всякую клевету и лукавство отдалить) прелюбодѣй есть тотѣ, который пущенную отѣ мужа жену возметѣ, и той прелюбодѣй, который безѣ вины прелюбодѣянія жену отпуститѣ, дабы иную взять. Разлучать бо тѣло, и раздѣлять Богѣ не хочетѣ. Притомѣ не только прелюбодѣянія должно остерегаться, но и помышленія: дабы не смотрѣлѣ кто на чужую жену, и мыслію не пожелалѣ. Прелюбодѣйная бо есть мысль, ежели хотя образѣ удовольствія

ствія сама себѣ вообразитъ. Ибо мысль подлинно грѣшитъ, которая неумѣренной похоти плодъ помышленіемъ седержитъ: въ ней вина есть, въ ней все преступленіе. Ибо хотя бы тѣло никакимъ порокамъ не было осквернено, однако чисто не будетъ, ежели душа не чиста: и непорочная чистота быть не можетъ, ежели совѣсть похоть оскверничъ. Пускай же не думаетъ никто, будто бы трудно обуздать удовольствіе, и оное бродящее и заблуждающее въ предѣлахъ чистоты и стыда заключить: понеже дано человѣкомъ оную и побѣждать, и безчисленные блаженную и неповрежденную тѣла непорочность сохранили, и многіе нынѣ находятся, которые сіе небесное житіе наищасливо препровождаютъ. Сему не такъ Богъ быть повелѣлъ, какъ буттобы понуждая, понеже раждаться людемъ надлежитъ: но какъ бы попущая. Знаетъ бо, какую симъ страстямъ далъ силу. Ежели кто сіе, говоритъ, здѣлать можетъ, тотъ имѣть будетъ изрядное и безпримѣрное награжденіе. Сей воздержанія родъ какъ бы верьхъ и совершеніе всѣхъ добродѣтелей: до котораго ежели кто взойти возможетъ, то сего раба Господь, сего ученика Учитель познаетъ. Сей землю побѣдитъ, сей будетъ подобенъ Богу, который добродѣтель Божію вмѣстилъ. Сіи дѣла хотя трудными кажутся, но я о томъ говорю, который все земное презрѣвъ, путь на небо готовитъ. Ибо поелику добродѣтель въ познаніи Бога состоитъ, то все тяжкимъ считается, ежели Бога не знаешъ. А ежели позна-

знаешъ, то легкимъ. По самымъ трудностямъ намъ ходить должно, когда мы къ высочайщему шествуемъ добру.

ГЛАВА 24.

О покаянiи и плодѣ его, и о жалѣ совѣсти, и о страшномъ Божiемъ судѣ: и какими жертвами, и на какомъ олтарѣ можно его умолить.

Однако да не ослабѣваетъ ктолибо, или о себѣ самъ да не отчаявается, ежели или вожделѣнiемъ побѣжденъ, или похотiю возбужденъ, или заблужденiемъ прельщенъ, или силою принужденъ будучи уклонился на путь неправды. Ибо можетъ возвратиться и свободиться, ежели о злыхъ дѣлахъ каяться будетъ, и къ лучшимъ обратившись, Богу удовлетворитъ. Сiе Цицеронъ за не возможное почиталъ, котораго въ третiей академической книгѣ сiи слова находятся: „Ежелибъ возмо„жно было такъ какъ на пути заблудившимъ „житiе порочное имѣвшимъ, исправить за„блужденiе покаянiемъ, то легче былобъ „исправленiе неразсудной продерзости:„ Можно подлинно. Ибо ежели дѣтей нашихъ, когда они о преступленiяхъ своихъ каются, за исправленныхъ почитаемъ, и отрѣшенныхъ и изключенныхъ отъ наслѣдства, паки принимаемъ, хранимъ, объемлемъ: то

для чего отчаяваемся, что милость Бога отца покаяніемъ можемъ умолить? особливо когда онъ будучи Господемъ и Отцемъ всемилостивымъ обѣщаетъ кающимся грѣхи отпустить, и загладить всѣ неправды того, кто правду паки дѣлать начнетъ. Ибо какъ не пользуетъ худо живущему прежняго житія добродѣтель: понеже наступившая неправда, правды дѣла загладила: такъ не вредятъ прежніе грѣхи исправившемуся: понеже наступившая правда пороки прежняго житія истребила. Ибо кто о грѣхѣ своемъ кается, тотъ заблужденіе свое прежнее разумѣетъ. Того ради Греки лучше и знаменательнѣе, метаніанъ называютъ, что мы полатинѣ можемъ назвать (Ресипісценціею) раскаиваніемъ. Раскаивается бо, и умъ свой какъ бы отъ безумія воспріемлетъ, кто о заблужденіи жалеетъ, и наказываетъ самъ себе за безуміе, и утверждаетъ мысль свою къ лучшему житію: и того самаго наипаче бережется, дабы въ тѣжъ самыя сѣти паки не впасть. Притомъ и безсловесные животные, ежели хитростію уловлены будутъ, а наконецъ какимъ ниесть образомъ вырвутся и уйдутъ, бываютъ потомъ осторожнѣйшими, и стерегутся всегда всего того, въ чемъ хитрости и навѣты познали. Такимъ образомъ покаяніе дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, прилѣжнымъ во убѣжаніи грѣховъ, въ которыя однажды ошибкою впалъ. Нѣтъ бо никого толь разумнаго, толь осторожнаго, дабы нѣкогда не палъ. И того ради Богъ немощь нашу зная, по своей милости

лости открылЪ человѣку пристанище спасенія, дабы сей нуждѣ, которой немощь наша подвержена, врачевство покаянія помогло. Слѣдовательно ежели ктолибо заблудилЪ, тотЪ да возвратится, и вЪ себе да пріидетЪ и исправится. Но возвратиться и взойти на верхЪ, вЪ томЪ дѣло состоитЪ, вЪ томЪ трудЪ. Отвѣдавши бо непріятныхЪ роскошей, не могутЪ отЪ нихЪ отстать. Удобнѣе бы правдѣ послѣдовали, ежели бы роскошей сладости не вкусили. Но ежели свободятся отЪ злой неволи, прощено имЪ будетЪ все заблужденіе, ежели заблужденіе свое житіемЪ лучшимЪ исправятЪ. ВЪ пользу себѣ никто сего да не ставитЪ, ежели никто свидѣтелемЪ преступленія его не былЪ. Ибо знаетЪ тотЪ все, предЪ котораго очами живемЪ: и хотя бы предЪ всѣми людьми могли, но отЪ Бога утаить не можемЪ, предЪ которымЪ ни что сокровеннымЪ, ни что не можетЪ тайнымЪ быть. Сенека увѣщанія свои удивительнымЪ мнѣніемЪ окончилЪ: „Великое, говоритЪ, не „знаю что и большее нежели помыслить мо„жно, божество есть, которому живучи ра„ботаемЪ. Сему да угождаемЪ. Ибо нѣтЪ „никакой пользы заключенную имѣть совѣсть, „явны мы Богу.„ Что истиннѣе можетЪ сказать знающій Бога, какЪ сказалЪ человѣкЪ истинной вѣры не знающій? Ибо и величество Божіе изобразилЪ, большимЪ оное сказуетЪ, нежели дабы его помышленіе ума человѣческаго постигнуть могло: и самаго истины коснулся источника, разумѣя житіе человѣче-

ское не излишнимъ (какъ Епикуры думаютъ) но что живучи люди Богу работаютъ, ежели праведно и благочестно жить будутъ. Моглъ быть истиннымъ Божіимъ почитателемъ, ежели бы кто ему показалъ: и презрѣлъ бы подлинно Зинона, и учителя своего Соціона, ежели бы имѣлъ вождя истинной мудрости. Сему, говоритъ, да угождаемъ. Небесная совсѣмъ рѣчь, ежели бы не призналъ не знанія. Нѣтъ никакой пользы заключенную имѣть совѣсть: явны мы Богу. И такъ нѣтъ никакого мѣста лжи, никакого мѣста притворству. Ибо стѣнами отъ очей человѣческихъ укрываемся: а отъ Бога и утроба укрытися не можетъ, онъ всего человѣка разсмотряетъ и знаетъ. Онъ же Сенека въ первой книгѣ тогожъ содержанія: „ „Что дѣлаешъ, говоритъ? что затѣваешъ? „что укрываешъ? Страхъ твой за тобою „послѣдуетъ. Инаго у тебе странствованіе „похитило, инаго смерть, инаго немощь. Пре„бываетъ тотъ, котораго лишиться никогда „не можешъ. Для чего мѣста сокровеннаго „ищешъ, и отъ свидѣтелей удаляешься? По„мышляешъ ли, что отъ очей всѣхъ убѣжишъ „о безумный? Какая тебѣ польза не имѣть „свидѣтеля, имѣющему совѣсть „? Не меньше о совѣсти и о Богѣ Туллій: Да помнитъ, „говоритъ, что Бога себѣ имѣетъ свидѣте„ля, то есть (какъ я думаю) разумъ свой, „котораго ничего изряднѣйшаго не далъ Богъ „человѣку „. Такъ же о добромъ и праведномъ мужѣ говоря: Того ради таковый мужъ, сказываетъ, не только дѣлать, но и мыслить ни

чего

чего не осмѣлится, чего не посмѣетъ объявлять„. И такъ очистимъ совѣсть, которая предъ очами божіими откровенна, и (какъ Цицеронъ говоритъ) всегда такъ да живемъ, какъ бы намъ отвѣтъ отдавать должно: и да помышляемъ на всякую минуту, что не нѣкоторымъ (какъ онъ же говоритъ) земнаго круга позорищи люди, но съ высоты смотритъ на насъ тотъ, которыя судіею и свидѣтелемъ самъ имѣетъ быть: который когда отвѣта о житіи востребуетъ, то въ дѣлахъ своихъ запереться не можно. Слѣдовательно лучше есть или убѣжать совѣсти, или намъ самимъ добровольно открыть мысль, и смертоносность излить разрѣзавъ раны, которыхъ никто иный уврачевать не можетъ, какъ только единъ тотъ, который хожденіе хромымъ, видѣніе слѣпымъ даровалъ: прокаженныя тѣла очистилъ, мертвыхъ воскресилъ. Онъ огнь вожделѣнія угаситъ, искоренитъ похоти, зависть разрушитъ, гнѣвъ укротитъ. Онъ дастъ истинное и вѣчное здравіе. Желать должно всѣмъ сего врачевства, понеже большей опасности подлежитъ душа, нежели тѣло, и какъ возможно скорѣе тайныя недуги врачевать должно. Ибо хотя бы кто имѣлъ свѣтлые очи, цѣлые во всемъ члены, все тѣло во всемъ здравое, однако его не назову здравымъ, ежели свирѣпѣетъ гнѣвомъ, гордостію надымается, похоти служитъ, сребролюбіемъ воспламеняется: но того наипаче, который на чужее щастіе не взираетъ, богатствамъ не удивляется, на чужую жену свято смотритъ, ничего

совсѣмъ не желаетъ, ничего не хочетъ чужаго, не завидитъ никому, не гнушается никѣмъ: есть смиренъ, милосердъ, добротворителенъ, тихъ, человѣколюбивъ, въ котораго умѣ миръ вѣчный обрѣтается. Сей человѣкъ здравъ, сей праведенъ, сей совершенъ. И такъ кто всѣхъ сихъ небесныхъ заповѣдей послушаетъ, тотъ истиннаго Бога есть почитатель, котораго жертвы суть кротость духа, и житіе невинное, и дѣла добрые. Сіе все кто дѣлаетъ, столько разъ жертву приноситъ, сколько разъ доброе нѣчто и благочестивое дѣлаетъ. Богъ бо не желаетъ жертвы, ни безсловеснаго животнаго, ни смерти и крови, но житія человѣческаго. Къ сей жертвѣ непотребно ни желѣзника травы, ни веревокъ, ни дерну, что подлинно весьма суетно, но того потребно, что отъ внутренняго сердца произносится. Того ради на жертвенникѣ Божіемъ, который истинно превеликій, и который въ сердцѣ человѣческомъ поставленъ будучи, осквернится кровію не можетъ, полагается на немъ терпѣніе, вѣра, невинность, чистота воздержаніе. Сей есть наиистиннѣйшій обрядъ, сей есть оный законъ божій (какъ Цицеронъ сказалъ) преславный божественный, всегда праведное и честное повелѣвающій, и запрещающій неправедное и мерзское: сему наисвятѣйшему и наиистиннѣйшему закону повинующійся праведно и законно долженъ жить. Сего закона не многіе главы положилъ я, понеже обѣщался то только сказать, что добродѣтель и правду совершаетъ. Ежели кто восхощетъ протчее

все

все понять, тотЪ вЪ самомЪ источникѣ да ищетЪ, отЪ котораго кЪ намЪ потокЪ сей проистекЪ.

ГЛАВА 25.

О различіи дара и жертвы божественной, и о образѣ хваленія божія, и о образѣ и пользѣ молитвы.

НынѢ о жертвѢ самой мало поговорю. Слоновая кость (говоритЪ ПлатонЪ) не чистый дарЪ Богу. ЧтожЪ? Живопись ли и тканье дорогое? НикакЪ. Не чистЪ тотЪ дарЪ Богу, который можетЪ похищенЪ быть и испортиться. Но какЪ видѣлЪ сіе, что не надлежитЪ живущему приносить нѣчто дѣлаемое изЪ мертваго тѣла: то для чего того не видѣлЪ, что не должно безтѣлесному тѣлеснаго дара приносить? Несравненно лучше и истиннѣе Сенека: Хочетели вы, говоритЪ, помыслить, что Бога великаго, и милостиваго, и величествомЪ кроткимЪ почтеннаго, вожделѣннаго, и всегда близЪ сущаго, не убіеніями, и кровію многою должно почитать: каково бо изЪ убіенія невинныхЪ удовольствіе? Но умомЪ чистымЪ, добрымЪ и честнымЪ намѣреніемЪ. Не храмы ему высокіе каменные созидать должно; всякой долженЪ посвящать ему свое сердце,,: И такЪ одежды драгоцѣнныя, камни, и прочее за драгое почитаемое, ежели кто почитаетЪ

Богу пріятнымЪ, тотЪ прямо, что есть БогЪ, не знаетЪ, которому пріятными признаваетЪ тѣ вещи, которыя и человѣкЪ, ежели презритЪ, достойно таковаго похваляемЪ. ЧтожЪ чистое, что Богу достойное? То, что самЪ БогЪ во ономЪ божественномЪ законѣ своемЪ требуетЪ. Двѣ вещи должно приносить Богу, дарЪ и жертву: дарЪ на вѣки, жертву до времени. Но у тѣхЪ, которые Бога не знаютЪ, дарЪ составляетЪ то, что изЪ злата и сребра дѣлается: также что изЪ шелку и порфиры тчется: жертва есть заколеніе животныхЪ, и что на олтарѣ зжигается. Но обоихЪ сихЪ вещей не употребляетЪ БогЪ: понеже и БогЪ нетлѣненЪ, и оное все тлѣнно. Того ради Богу обое должно приносить безтѣлесное, чего употребляетЪ. ДарЪ есть непорочность духа; жертва, хвала и пѣснь. Ежели бо БогЪ невидимь есть, слѣдовательно его невидимыми вещми должно почитать. И такЪ нѣтЪ иной никакой истинной вѣры, какЪ только которая изЪ добродѣтели и правды состоитЪ. А какЪ БогЪ правды человѣческой употребляетЪ, оное уразумѣть удобно: ибо ежели праведенЪ будетЪ человѣкЪ, то получивЪ безсмертіе, на вѣки Богу будетЪ служить. А что люди только для правды раждаются, оное какЪ древніе Философы, такЪ и ЦицеронЪ примѣчаетЪ: разглагольствуя бо о законахЪ: Но отЪ всего, говоритЪ, что вЪ разглагольствіи ученыхЪ людей обрѣтается, подлинно нѣтЪ ничего лучшаго, какЪ разумѣть ясно, что мы кЪ

правдѣ

правдѣ рождены. „Слѣдовательно то одно воздавать и приносить Богу должны. Сей же двоякій жертвы родъ сколь истинный есть, Трисмегистъ Ермій достойно свидѣтельствуетъ, который съ нами, то есть съ Пророками, которымъ послѣдуемъ, такъ словами, какъ дѣломъ согласуетъ, и такъ о правдѣ говоритъ: Сему слову о сыне поклонись, и почитай. А почитаніе Божіе одно есть, не быть злымъ. Также во оной рѣчи совершенной, когда услышалъ, что Асклипій сына его вопрошаетъ, пріятно ли будетъ отцу его, принести кадило и иныя благовонія на жертву Богу, возгласилъ: „Хорошо, хорошо, сыне мой Асклипіе. „Есть бо превеликое нечестіе, такое нѣчто „объ ономъ единомъ и особливомъ добрѣ помышлять„. Сіе и сему подобное ему не прилично. Всего бо онъ исполненъ есть, и ничего не требуетъ, А мы благодаряще ему поклонимся. Его бо жертва едино благословеніе. И посправедливости: словомъ бо жертву приносить должно Богу: понеже Богъ Слово есть, какъ Трисмегистъ призналъ. Слѣдовательно величайшій почитанія Божія обрядъ есть, изъ устъ праведнаго человѣка къ Богу возсылаемое хваленіе, однако оное самое дабы было Богу пріятнымъ, то смиренія, и страха, и благоговѣнія превеликаго потребно, дабы кто по случаю уповая на добродѣтель и невинность свою, въ надменіе и гордость не впалъ, и тѣмъ добродѣтели не потерялъ, но дабы былъ Богу любезенъ, и никакого порока не имѣлъ, и милосердіе Божіе всегда

 при-

призывалъ въ помощь, и ничего иного не просилъ, какъ только грѣхамъ своимъ прощенія, хотя бы никакихъ грѣховъ не было. Ежели чего инаго будетъ желать, то не потребно говорить знающему, чего хощемъ: ежели ему что доброе случится, да благодаритъ, ежели что злое случится, да довлетворитъ, и да признаетъ, что оное ему за грѣхи случилось: однако и въ нещастіи да благодаритъ, и въ щастіи да довлетворитъ, да будетъ всегда и постояненъ, и непремѣненъ, и непоколебимъ. И нетолько сіе въ церкви да дѣлаетъ, но и въ дому и на самомъ ложи своемъ. Притомъ да имѣетъ всегда съ собою Бога въ сердцѣ своемъ посвященнаго: понеже самъ есть Божій храмъ. И ежели Богу Отцу симъ прилѣжаніемъ, симъ послушаніемъ, симъ благоговѣніемъ послужитъ, то совершенная правда есть, которую ежели кто сохранитъ, тотъ (какъ прежде я засвидѣтельствовалъ) Богу повинулся, тотъ вѣрѣ и должности своей удовлетворилъ.

Конецъ шестой книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА СЕДЬМАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ, О БОЖЕСТВЕННОМЪ НАГРАЖДЕНІИ, И ПОСЛѢДНЕМЪ БУДУЩЕМЪ СУДѢ.

ГЛАВА 1.

Что сказано въ прежнихъ книгахъ: что остается сказать въ послѣдней книгѣ: кто будетъ вѣровать истиннѣ, и кто не будетъ, и для чего.

Хорошо положено основаніе, какъ говоритъ изрядный ораторъ. Но я не только основаніе положилъ крѣпкое и способное къ удержанію дѣла: но великими и крѣпкими тяжестьми строеніе все мало не до конца привелъ. Остается то, что есть несравненно удобнѣйшее, или покрыть, или украсить: безъ чего однако первыя дѣла не полезны и не пріятны. Ибо какая польза, или отъ ложныхъ вѣръ свободиться, или уразумѣть истинную вѣру? Какая польза или суету ложной мудрости увидѣть, или истинную мудрость познать?

нать? Какая, говорю, польза, небесную оную правду защищать? Какая польза съ великими трудностьми почитаніе Божіе содержать? Что высочайшая добродѣтель, ежели оной Божественное блаженства вѣчнаго награжденіе не послѣдуетъ? О семъ въ сей книгѣ говорить я хочу, дабы первое все суетнымъ и не полезнымъ не показалось: ежели сіе, для котораго оное первое началъ, неизвѣстнымъ оставлю; дабы кто по случаю не подумалъ; что такіе труды вотще принимаетъ, когда за оные должнаго награжденія не надѣется, которое Богъ опредѣлилъ тому, кто сіе земное добро за одну и нагую добродѣтель презрѣлъ. Удовлетворю и сей части, то свидѣтельствомъ Божественныхъ писаній, то достовѣрными доводами, дабы всякому явно было, что и будущее настоящему, и Божественное земному и вѣчное временному предпочитать должно: понеже временныя суть награжденія пороковъ, вѣчныя добродѣтелей. И такъ изъясню состояніе міра, дабы удобно разумѣть можно было, когда, и для чего созданъ онъ отъ Бога: чего Платонъ, который о сотвореніи міра разсуждалъ, ни знать не могъ, ни изъяснить: понеже небесной тайны, которая отъ пророческаго и Божія ученія познавается, не зналъ: и того ради говорилъ, что міръ на вѣки сотворенъ. А сіе совсѣмъ инаково: понеже, что только состоитъ изъ твердаго и тяжкаго тѣла, оное какъ начало приняло нѣкогда, такъ конецъ имѣть должно. Ибо Аристотель,

когда

когда не вѣрилъ, какимъ образомъ могла толикая вещей огромность пропасть: и сего предписанія убѣгнуть хотѣлъ, говорилъ, что всегда былъ міръ, и всегда будетъ. Совсѣмъ ничего не видѣлъ: понеже все то, что имѣетъ бытіе, всеконечно нѣкогда имѣло начало, и конечно ни что быть не можетъ безъ начала. Ибо когда видимъ, что земля и вода и огонь погибаетъ, истребляется, угасаетъ, которыя суть міра части, то разумѣемъ, что весь міръ есть смертенъ, котораго члены суть смертны. Отъ сего происходитъ, что все то есть создано, что можетъ погибнуть. Но и очами видимое, и тѣлесное есть (какъ говоритъ Платонъ) и разрѣшиться можетъ. И такъ одинъ Епикуръ, какъ Демокритъ пишетъ, правду въ семъ дѣлѣ сказалъ: который говоритъ, что и начался міръ нѣкогда, и нѣкогда погибнетъ. Однако никакой не могъ дать причины, или для чего сіе толикое дѣло, или когда разрѣшится. Сіе послику намъ Богъ открылъ, и не догадкою оное постигаемъ, но преданіемъ небеснымъ, покажу тщательно, дабы желающимъ правды извѣстно было, что Философы ни видѣли, ни постигнули истинны: но столь легко догадывались, что откуда на нихъ оный запахъ мудрости, толь сладкій, толь пріятный повѣялъ, никакъ не чувствовали. Между тѣмъ за потребное почитаю припомнить слышателемъ, что сихъ моихъ писаній, злые и порочные умы или совсѣмъ не уразумѣютъ, (притупляется бо ихъ разумъ земными вожделѣніями, которыя

всѣ

всѣ чувства отягчаютъ, и въ безсиліе приводятъ) или хотя и уразумѣютъ, утаевать однако будутъ, и ихъ за истинныя признать не захотятъ: понеже послѣдуютъ порокамъ, и вѣдая злу своему наровятъ, котораго сладостію уловляются, и путь добродѣтели оставляютъ, котораго горестію оскорбляются. Ибо которые сребролюбіемъ и ненасытимою нѣкоторою богатства жаждою воспламеняются, понеже могутъ распродавши или раздавши любимое богатство, въ нищетѣ жить, безсумнѣнія почтутъ то за вымышленное, что понуждаетъ ихъ желаній своихъ отречься. Также которые жаломъ похоти возбуждены будучи (какъ стихотворецъ говоритъ) въ неистовство и въ огонь впадаютъ, невѣроятными слова мои почтутъ: понеже уязвляетъ уши ихъ заповѣдь воздержанія, имъ роскоши ихъ запрещающая, коимъ душу свою съ тѣломъ предали. А которые гордостію надменны, или властолюбіемъ воспламенены, все желаніе свое къ взысканію честей обратили: тѣ, хотя бы я солнце самое въ рукахъ носилъ, не будутъ вѣрить тому ученію, которое повелѣваетъ имъ всю власть и честь презрѣвши, смиренно жить, и толь смиренно, дабы и принять обиду могли, и принявши отмщевать не хотѣли. Сіи люди суть, которые противъ истинны закрывши очи, всякимъ образомъ лаютъ. А которые здравы будутъ, то есть, не столь въ порокахъ погружены, дабы уврачеваться не могли, и повѣрятъ симъ писаніямъ,

ніямъ, и охотно пріимутъ, и что ни говорю, за явное, и ясное, и простое, и чего наипаче требую, за истинное и непобѣдимое почтутъ. Никто добродѣтели не препятствуетъ, развѣ тотъ, кто послѣдовать можетъ: а послѣдовать не всѣмъ есть удобно. Тѣ могутъ, которыхъ нищета и недостатокъ научилъ, и способными къ добродѣтели здѣлалъ. Ибо ежели добродѣтель есть терпѣніе зла, то невмѣщаютъ добродѣтели, которые всегда въ щастіи были: понеже зла и не познали, и снести не могутъ, приобыкши и желая добра, которое познали. Отъ сего происходитъ, что нищіе и презрѣнные Богу вѣрятъ удобнѣе, понеже суть готовы, нежели богатые, понеже многими препятствіями связаны: или лучше сказать окованы и спутаны будучи служатъ повелѣніямъ госпожи похоти, которая ихъ неразрѣшимыми узами уловила: и не могутъ на небо смотрѣть, понеже мысль ихъ къ земли преклонена, и въ землю водружена. А добродѣтели путь не вмѣщаетъ великія бремена носящихъ. Тѣсная весьма стезя есть, которою правда ведетъ человѣка на небо. Итти тотъ не можетъ, кто не будетъ готовъ и нагъ. Ибо оные богатые многими и великими бременами отягченные, путемъ смерти ходятъ, который весьма широкъ: понеже пространно погибель владычествуетъ. Симъ горесть есть, симъ отрава, что Богъ ради правды повелѣлъ, и что я по Божію ученію о добродѣтели и истиннѣ говорю. Сему ежели они противиться посмѣютъ, то врагами

себе

себе добродѣтели и правды признаютъ. Приступаю теперь къ тому, что остается, дабы дѣло моглъ окончить. А остается то, дабы о судѣ Божіемъ сказать, который тогда будетъ, когда Господь нашъ пріидетъ на землю, всякому по достоинству или награжденіе воздать, или казнь. Того ради какъ въ четвертой книгѣ о первомъ его пришествіи говорилъ я, такъ въ сей книгѣ о второмъ пришествіи скажу, которое и Іудеи признаютъ и онаго надѣются, но напрасно: понеже возвратится тѣхъ утѣшить, которыхъ сперва пришелъ призвать. Ибо которые оскорбили злочестиво смиреннаго, тѣ почувствуютъ его во власти побѣдителемъ: и то все, что читаютъ, и не разумѣютъ, Божіимъ отмщеніемъ претерпятъ: понеже всѣми грѣхами осквернены, притомъ и святою кровію обагрены будучи, отъ того самаго на вѣчныя муки осудятся, на котораго скверныя руки возложили. Но будетъ мнѣ противъ Іудеевъ особливая матерія, въ которой ихъ о заблужденіи и беззаконіи обличу.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

Что златый вѣкъ, то есть наищастливѣйшее состояніе будетъ по судѣ. И для чего состоянія міра не можетъ человѣкъ понять: и для чего истинной мудрости не получаютъ по природѣ но по благодати.

Теперь незнающимъ истинны покажу. Устроеніемъ великаго Бога такъ учреждено, дабы неправедный сей вѣкъ, по прошествіи времени окончался: и когда потомъ угаснетъ вся злоба, и благочестивыя души къ блаженному житію возвратятся, дабы покойный, тихій, мирный, наконецъ золотый (какъ стихотворцы называютъ) вѣкъ при царствованіи самаго Бога процвѣталъ. Вопервыхъ причина заблужденій всѣмъ Философамъ сія была: что состоянія міра, которое всю мудрость содержитъ, не поняли. Онаго бо собственнымъ смысломъ и внутреннимъ разсудкомъ понять не можно: а сіе они безъ учителя сами собою здѣлать хотѣли. Того ради въ разныя и себѣ часто противныя мнѣнія впали, изъ которыхъ выйти не могли, и въ томъ же болотѣ (какъ Плавтъ говоритъ) увязли: понеже съ предложеніями ихъ не согласовала причина: ибо хотя предложенія истинныя имѣли, но утверждать ихъ и доводить не могли, не зная истинны и вещей небесныхъ, которыхъ (какъ часто я ужѐ говорилъ) не можетъ знать человѣкъ, ежели отъ ученія

Божія не познаетъ. Ибо ежели бы моглъ человѣкъ божественныя дѣла разумѣть, то моглъ бы и творить. Ибо разумѣть, есть, какъ бы въ слѣдъ послѣдовать. Но не можетъ того творить, что Богъ творитъ: понеже смертнымъ тѣломъ есть облеченъ. Слѣдовательно и разумѣть не можетъ, что сотворилъ Богъ. А что сему быть не можно, изъ неизмѣримыхъ вещей и дѣлъ божественныхъ удобно всякому разсудить. Ибо ежели на міръ со всѣми вещьми, которыя въ немъ находятся, посмотрѣть восхощешъ, то уразумѣешъ подлинно, сколь дѣло Божіе человѣческія дѣла превосходитъ. Такимъ образомъ сколько разнствуютъ дѣла Божія отъ дѣлъ человѣческихъ, столько разнствуетъ Божія мудрость, отъ человѣческой. Ибо поелику Богъ нетлѣненъ и безсмертенъ, и потому совершенъ, понеже вѣченъ: то и мудрость его, такъ какъ самъ онъ, совершенна и препятствовать ему ничто не можетъ: понеже никакой вещи Богъ самъ не подверженъ. А человѣкъ понеже подверженъ есть страсти, то подвержена и мудрость его заблужденію: и какъ человѣческому житію многія вещи препятствуютъ, дабы не могло быть вѣчнымъ: такъ и мудрости его многія вещи препятствуютъ, дабы въ разсмотрѣніи истинны не была совершенна. Слѣдовательно человѣческая мудрость есть ничто, ежели сама собою познать и знать истинну силится: понеже умъ человѣческій съ немощнымъ тѣломъ связанъ, и въ темномъ дому заключенъ, и свободно выйти, и ясно разсмотрѣть истинны

ны не можетъ, которой познаніе Богу свойственно. Богу бо единому дѣла Божія извѣстны: а человѣкъ не помышляя и разсуждая оныя понять можетъ, но учась и слушая у того, который единъ можетъ знать и научить. Того ради Маркъ Туллій толкуя мнѣніе Сократово о Платонѣ сказанное: Пришло время, говоритъ, дабы онъ отшелъ отъ житія, а тѣ которые его осудили, дабы жили: что лучше, говоритъ, Боги „ безсмертные знаютъ; а отъ человѣкъ ду„ маю, никто не знаетъ „. Того ради всѣ Философовъ ученія не имѣли въ себѣ истинны: понеже люди были, которые тѣ ученія ввели: и никакого основанія или крѣпости не могутъ имѣть, понеже никакими божественныхъ писаній не утверждаются свидѣтельствами.

ГЛАВА 3.

Какъ заблудили Стоики о состояніи міра, и Творцѣ всѣхъ Богѣ, и о человѣкѣ, для котораго сотворенъ міръ: и сколь явственно противъ Епикура доводами показуется, что міръ, и все, что въ немъ есть, Божіимъ провидѣніемъ управляется.

И понеже о заблужденіи Философовъ говорю: то Стоики природу на двѣ части раздѣляютъ: первую, которая дѣлаетъ: другую,

изъ которой что дѣлается. Въ оной первой, говорятъ, есть сила чувствительная, въ другой матерія: и одна безъ другой быть не можетъ. Какъ можетъ тѣмъ же быть, что дѣлаетъ, и изъ чего дѣлается? Ежели бы кто сказалъ, что одно есть горшешникъ, и глина: или глина одно есть, что и горшешникъ: не явно ли признали бы его сумасшедшимъ? А Стоики однимъ природы именемъ двѣ вещи весьма различныя называютъ, Бога, и міръ, художника, и дѣло: и говорятъ, что одно безъ другаго ничего не можетъ: такъ какъ бы природа была Богомъ съ міромъ смѣшаннымъ. Ибо иногда такъ смѣшиваютъ, будто бы Богъ самъ есть душею міра, и міръ есть тѣломъ Божіимъ. Будто бы совокупно быть начали міръ, и Богъ, а не Богъ міръ сотворилъ, что иногда и сами признаютъ, когда говорятъ, что ради людей созданъ міръ, и Богъ быть безъ міра моглъ бы, ежели бы хотѣлъ. Понеже Богъ есть божественный умъ, и вѣчный, безтѣлесный, и свободный: котораго силы и величества поелику уразумѣть не могли, то смѣшали его съ міромъ, то есть съ дѣломъ его. Откуда произошло оное Виргиліево: И весь разліянный по составамъ умъ движетъ громаду, и съ великимъ тѣломъ смѣшивается. Гдѣ же оное, что сами они говорятъ, что и созданъ міръ Божіимъ провидѣніемъ, и управляется? ежели бо Богъ создалъ міръ, слѣдовательно былъ безъ міра. Ежели управляетъ, то конечно не такъ какъ душа тѣломъ управляетъ, но такъ какъ господинъ домомъ, ко-

раблемъ кормщикъ, возница колесницею: однако сіи не смѣшаны съ тѣми вещами, которыя управляютъ. Ибо ежели все видимое Божіими суть членами, то ужѐ по ихъ мнѣнію Богъ будетъ нечувственнымъ: понеже члены его чувства не имѣютъ, и смертенъ будетъ, понеже видимъ члены смертными. Могу изчислить, сколько разъ внезапными трясеніями поколебавшись земля, или разсѣлась, или пала въ пропасть: сколько разъ погружены волнами города и острова опустились во глубину: плодородныя поля сталися болотами: рѣки и озера высохли: и горы или оторвались, или съ землею сравнились: многія страны и основанія многихъ горъ тайный и внутренній огонь истребилъ. И сіе еще мало, что членовъ своихъ не щадитъ Богъ, ежели бы и человѣкъ не имѣлъ власти надъ тѣломъ Божіимъ. На моряхъ строенія дѣлаютъ, горы раскопываютъ, и для пріобрѣтенія богатствъ земли утробу разрываютъ. Но что болѣе? ужѐ и земли плугомъ воздѣлывать не можно безъ оскорбленія Божія тѣла, такъ, что мы ужѐ и беззаконны и нечестивы, когда Божіимъ членамъ вредъ причиняемъ. И такъ терпитъ ли Богъ, дабы мы тѣло его оскорбляли, и немощнымъ себе, или самъ дѣлаетъ, или человѣку дѣлать попущаетъ? Развѣ можетъ быть божественное оное чувство, которое съ міромъ и совсѣми міра частьми смѣшано, поверхность земли оставляетъ, и себе внутрь погружаетъ, дабы какой болѣзни отъ всегдашняго терзанія не чувствовать. А ежели

ли еiе безумно и непристойно, слѣдовательно столькожъ Стоики не имѣли чувства, какъ мiръ сей, которые не усмотрѣли, что хотя божественный духъ есть вездѣ разлiянъ, и все содержитъ, однако не такъ, дабы Богъ самъ, который есть нетлѣнный, съ тяжелыми и тлѣнными стихiями смѣшался. И такъ оное справедливѣе, что отъ Платона взяли, что отъ Бога созданъ мiръ, и его провидѣнiемъ управляется. И такъ надлежало Платону, и его единомышленникамъ, показать и изъяснить, какая вина, какая причина была толикое дѣло дѣлать: для чего оное, или для кого сотворилъ? Но стоики говорятъ: ради людей сотворенъ есть мiръ. Слышу. Но Епикуръ не знаетъ, самыхъ людей для чего, или кто сотворилъ. Ибо Лукрецiй говоря, что не отъ боговъ созданъ есть мiръ, такъ сказываетъ: ради людей восхотѣла здѣлать знаменитая мiра природа. Потомъ прибавилъ: „ Безумiе есть: какую бо безсмертнымъ и блаженнымъ благодаренiе наше можетъ дать пользу, дабы для насъ что нибудь дѣлать начинали „. И подостоинству. Ибо стоики никакой причины не представляли, для чего человѣческiй родъ или созданъ, или уставленъ отъ Бога. Наша должность тайну мiра и человѣка изъяснить: которой они не знаючи, ни постигнуть ни видѣть истинны не могли. И такъ (какъ нѣсколько выше я сказалъ) взявши то, что истинно было, то есть, что мiръ отъ Бога ради людей сотворенъ: однако, понеже въ послѣдующемъ вины не имѣли, то не могли

защи-

защитить того, что предприняли. Притомъ Платонъ, дабы дѣла божія не здѣлать слабымъ и къ паденію склоннымъ, сказалъ, что міръ на вѣки пребывать имѣетъ. Ежели ради людей сотворенъ, и такъ сотворенъ, дабы былъ вѣчнымъ: то для чего тѣ самые, ради которыхъ сотворенъ не вѣчны? Ежели смертны тѣ, ради которыхъ сотворенъ: то и самъ смертенъ и разрушимый. Ибо самъ міръ не большей цѣны, нежели тѣ, ради которыхъ сотворенъ. А ежели бы Платонъ разумъ имѣлъ, то позналъ бы, что міръ погибнетъ, понеже онъ сотворенъ, и не можетъ ничто на вѣки пребывать, какъ только то, чего осязать не можно. А кто не признаваетъ, что ради людей сотворенъ міръ, тотъ никакого резона не имѣетъ. Ибо ежели скажетъ, что самъ художникъ для себе только сіи дѣла сотворилъ: то для чего мы рождены? для чего міра самаго употребляемъ? что значитъ человѣческаго рода и прочихъ животныхъ сотвореніе? для чего чужія пользы предвосхищаемъ? для чего наконецъ умножаемся, умаляемся, погибаемъ? какій имѣетъ резонъ самое рожденіе? какій всегдашнее преемство? подлинно видѣть Богъ хотѣлъ, и своимъ различнымъ образамъ какъ бы печати приложить: дабы тѣми утѣшаться: однако ежели бы и такъ было, то попеченіе бы имѣлъ о животныхъ, а наипаче о человѣкѣ, котораго власти все подчинилъ. А которые говорятъ, что всегда былъ міръ, оставляю то, что бытіе самое безъ нѣкотораго начала быть не

можетъ, откуда свободиться не могутъ: но сіе говорю, ежели всегда міръ былъ, то никакого не можетъ имѣть резона. Ибо что моглъ въ томъ резонъ здѣлать, что никогда не имѣло начала? Ибо прежде нежели что здѣлается, или состроится, потребно совѣта, дабы расположить, какъ быть должно: и не можно ничего начать безъ провидѣнія разума. Того ради всякому дѣлу предходитъ разумъ. Слѣдовательно не имѣетъ резона въ разумѣ, что не сотворено. Но міръ имѣетъ резонъ, по которому и состоитъ, и управляется. Слѣдовательно онъ и сотворенъ. И ежели сотворенъ, то разрушится. И такъ пускай Стоики дадутъ причину, ежели могутъ, или для чего сотворенъ въ началѣ міръ, или послѣ разрушится. Сего понеже показать не моглъ Епикуръ, или Демокритъ, то сказалъ, что самопроизвольно міръ произшелъ, когда сѣмена между собою соединились: которыя опять когда разрѣшатся, то разрушится міръ и погибнетъ. И такъ испортилъ то, что прямо видѣлъ, и вину незнаніемъ вины опроверглъ: и пришелъ міръ, и все въ немъ содержащееся къ подобію нѣкотораго сна наисуетнѣйшаго: особливо когда въ вещахъ человѣческихъ никогда разума нѣтъ. Но когда міръ, и всѣ части его, какъ видимъ, чудный разумъ управляетъ: когда воздуха благорастворенie, и равномѣрное въ самомъ различіи теченіе звѣздъ и свѣтилъ небесныхъ, временъ постоянное и дивное расположеніе, земли различное плодоносіе, равность поля, ограды и валы горъ,

горъ, зеленость и множество лѣсовъ, источниковъ здравое устремленіе, рѣкъ благовременное наводненіе, моря избыточное и довольное изліяніе, вѣтровъ разное и полезное дыханіе, и прочее все разумомъ великимъ состоитъ: то кто столь слѣпъ, дабы помыслилъ, что безъ причины сотворено то, въ чемъ дивное устроеніе наипредусмотрительнѣйшаго разума оказывается? И такъ ежели безъ вины и нѣтъ и не дѣлается совсѣмъ ничего, ежели и провидѣніе великаго Бога изъ устроенія вещей, и сила изъ великости, и власть изъ управленія явна, то невѣжи и безумны тѣ, которые говорили, что нѣтъ провидѣнія. Не осуждалъ бы я, когдабъ они говорили, что для того нѣтъ боговъ, дабы бытіе одного Бога утвердить: а понеже для того говорятъ, дабы никакого не признать, то кто ихъ за безумныхъ не почтетъ, тотъ самъ безуменъ.

ГЛАВА 4.

Что всякая вещь для нѣкотораго употребленія сотворена, и самая та, которая совсѣмъ кажется быть злою: и для чего человѣкъ созданъ изъ слабаго тѣла, и имѣющимъ разумъ.

Но о провидѣніи довольно въ первой книгѣ говорилъ я, которое ежели есть, какъ видимъ изъ чудныхъ дѣлъ его, то и человѣка и про-

прочіе животныя тожь самое провидѣніе создало. Посмотримъ же какая вина была создать родъ человѣческій. Понеже извѣстно то, что Стоики говорятъ, что ради людей сотворенъ міръ: хотя и въ семъ не мало погрѣшаютъ, что не ради человѣка говорятъ, но ради людей. Ибо одного названіе весь содержитъ человѣческій родъ: но сіе для того, понеже не знаютъ, что одинъ человѣкъ отъ Бога созданъ; и думаютъ, что люди по всей земли и полямъ, такъ какъ грибы родились. А Ермій зналъ, что человѣкъ и отъ Бога, и по подобію божію сотворенъ: но возвращаюсь къ предложенію. Нѣтъ ничего (какъ мнѣ кажется) чтобы было для себе самаго сотвореннымъ: но все что ни дѣлается, для нѣкотораго употребленія дѣлается. Ибо кто сыщется столь безразсудный, или праздный, дабы начиналъ дѣлать что напрасно, изъ чего бы никакой пользы, никакой прибыли не чаялъ? Кто домъ созидаетъ, тотъ не для того созидаетъ, дабы только онъ былъ домомъ, но дабы въ немъ можно было жить. Кто карабль дѣлаетъ, тотъ не для того принимаетъ трудъ, дабы только корабль видѣть, но дабы на немъ плавать. Также кто сосудъ нѣкоторый дѣлаетъ, тотъ не для того оный дѣлаетъ, дабы только здѣлать, но дабы оный сосудъ здѣланъ бывши вмѣщалъ нѣчто потребное. Подобно и прочее все что дѣлается, то дѣлается не напрасно, но для нѣкотораго употребленія. И такъ міръ отъ Бога сотворенъ не ради самаго міра. Ибо ни теплоты

сол-

солнечной, ни свѣтила, ни дыханія вѣтровъ, ни мокроты дождевной, ни пищи плодовъ, не имѣя чувства, не требуетъ. Но и сего сказать не можно, будтобы Богъ ради себя самаго сотворилъ: понеже можетъ быть безъ міра, какъ былъ прежде: и того всего, что въ мірѣ есть, и что раждается, Богъ самъ не употребляетъ. И такъ видно, что ради животныхъ міръ сотворенъ: понеже тѣхъ вещей, изъ которыхъ міръ состоитъ, животныя употребляютъ: которые дабы жить и быть могли, все имъ потребное въ извѣстныя времена подавается. Паки прочіе животные ради человѣка сотворенными познаваются потому, что человѣку служатъ, и въ защищеніе ему и въ употребленіе даны: понеже хотя они земные, хотя водные, не разумѣютъ вины міра, какъ человѣкъ. Отвѣтствовать должно на семъ мѣстѣ Философамъ, и наипаче Цицерону, который говоритъ: „Для чего Богъ, „когда ради насъ все творилъ, толикое множество змей и гадовъ сотворилъ? Для чего столь много вредительнѣйшихъ вещей на „земли и на мори разсѣялъ„. Великое къ стязанію мѣсто: но какъ бы мимоходомъ кратко коснуться его должно. Понеже человѣкъ изъ вещей различныхъ и противныхъ сотворенъ есть, изъ духа и тѣла, то есть, изъ неба и земли, тонкаго и осязаемаго, вѣчнаго и временнаго, смысленнаго и несмысленнаго, свѣтлаго и темнаго: то самый разумъ и нужда требовала, предложить человѣку добро и зло: добро, дабы употреблялъ,

зло,

зло, дабы оберегался и удалялся. Для того бо дана ему мудрость, дабы познавши добра и зла природу, въ желанiи добраго, и въ уклоненiи отъ злаго, силы разума своего употреблялъ. Ибо прочiе животные которымъ мудрость не дана, снабдѣны одеждами природными, и вооружены: а человѣку вмѣсто всего сего дана мудрость, что несравненно превосходнѣе. Того ради нагаго сотворилъ и безъоружнаго, дабы его мудрость и ограждала и управляла. Огражденiе и украшенiе его не наружное, но внутренное: не въ тѣлѣ, но въ сердцѣ положилъ. И такъ ежели бы не было зла, котораго бы убѣгалъ, которое бы отъ добраго и полезнаго отличалъ, то не была бы ему потребна мудрость. Пусть же знаетъ Маркъ Туллiй, что или того ради человѣку данъ разумъ, дабы и рыбы ловилъ для своего употребленiя, и змей и гадовъ оберегался для здравiя своего: или того ради добро ему и зло предложено, понеже мудрость принялъ, которой вся сила въ разсмотрѣнiи добра и зла состоитъ. И такъ великая и справедливая и дивная есть сила, и разумъ, и власть человѣка, ради котораго мiръ самый, и все что въ немъ находится, Богъ сотворилъ: и толикую ему честь далъ, что его поставилъ надъ всемъ: понеже одинъ моглъ Божiимъ дѣламъ удивляться. Почему изрядно Асклипiадъ нашъ о провидѣнiи великаго Бога разглагольствуя, въ той книгѣ которую писалъ ко мнѣ: „И того ради, говоритъ, праведно кто „подумаетъ, что близкое къ себѣ мѣсто Бо-

„жiе

„жіе провидѣніе дало тому, который могъ „разумѣть устроеніе. Ибо солнце оное есть: „кто видитъ такъ, дабы разумѣлъ, что „солнце есть, и сколько пользы приноситъ „прочимъ созданіямъ? Сіе небо есть: кто „на него смотритъ? Земля сія: кто ея дѣ„лаетъ? Сіе море: кто по немъ плаваетъ? „сей огонь: кто его употребляетъ„? И такъ сотворилъ великій Богъ не ради себя, понеже ничего не требуетъ, но ради человѣка, дабы его благопристойно употреблялъ.

ГЛАВА 5.

Для чего человѣкъ созданъ, и для чего изъ противныхъ вещей состоитъ: и что человѣку жилище поставлено на срединѣ: и двоякій путь предлагается, изъ которыхъ одинъ показуетъ природа, другій даруетъ благодать. И что значитъ, что человѣкъ сперва уподобляется четвероножнымъ, и потомъ исправляется, и напослѣдокъ употребляетъ разумъ.

Предложимъ теперь причину, для чего самаго человѣка Богъ сотворилъ? Сіе Философы ежели бы знали, то или защитили бы истинну, которую нашли, или въ превеликія заблужденія не впали бы. Ибо сія есть сила, сіе содержаніе вещей: котораго ежели кто не содержитъ, тотъ всю истинну теряетъ. Сіе есть, наконецъ, которое дѣлаетъ, что имъ

не

не согласуетъ разумъ, который ежели бы имъ возсіялъ, ежели бы всю тайну человѣка познали, то никогда бы разглагольствій ихъ, и всей Философіи напротивъ Академія не опровергла. И такъ какъ міръ не ради себя Богъ сотворилъ, понеже пользы его не требуетъ, но ради человѣка, который міра употребляетъ: такъ самаго человѣка ради себя: „Какая Богу польза, изъ человѣка, говоритъ „Епикуръ, дабы человѣка ради себя сотво-„рилъ„? То есть, дабы былъ, кто бы дѣла Божіи разумѣлъ, кто бы провидѣнію въ устроеніи, разуму въ твореніи, силѣ въ совершеніи, и смысломъ удивляться, и словомъ произнести моглъ: а сего всего сила сія есть, дабы Бога почиталъ. Ибо той почитаетъ, кто сіе разумѣетъ: той художника всѣхъ вещей, той истиннаго отца своего должнымъ почитаніемъ почитаетъ, который силу величества его отъ дѣлъ его, изобрѣтенія, начатія, и совершенія разсуждаетъ. Какій доводъ яснѣйшій представить можно, что и міръ ради человѣка, и человѣка ради себя Богъ сотворилъ, какъ что онъ изъ всѣхъ животныхъ одинъ такъ сотворенъ, что очи его къ небу устремлены, лице къ Богу взирающее, видъ съ отцемъ его есть общимъ: почему кажется, что Богъ человѣка какъ бы рукою своею воздвигши отъ земли, къ зрѣнію своему возвысилъ? „Какаяжъ, говоритъ, польза изъ почитанія „человѣческаго Богу блаженному и ничего не „требующему? Или ежели столько почтилъ „человѣка, что ради его міръ создалъ, и на-

„училъ

„ училъ его мудрости, и господиномъ надъ
„ животными поставилъ, и его возлюбилъ
„ такъ какъ сына: то для чего смертнымъ и
„ немощнымъ сотворилъ? Для чего всѣмъ не-
„ щастіямъ любимаго подвергль? Когда над-
„ лежало и блаженному быть человѣку, такъ
„ какъ совокупленному и ближнему къ Богу:
„ и вѣчному, какъ Богъ самъ есть, для ко-
„ тораго почитанія и размышленія онъ сотво-
„ ренъ.„ Хотя о семъ въ первыхъ книгахъ
по разнымъ мѣстамъ показалъ я, однако по-
неже свойственно матерія теперь сего тре-
буетъ, понеже о блаженной жизни разглаголь-
ствовать намѣреваю, то изъяснить сіе хочу
тщательнѣе и пространнѣе, дабы устроеніе
Божіе, и дѣло, и воля познана была. Хотя
могъ всегда духомъ своимъ безсмертнымъ
безчисленныя души произвесть, какъ Ангеловъ
сотворилъ, которымъ безсмертіе безъ всякой
зла опасности и страха далъ: изобрѣлъ одна-
ко несказанное дѣло, какъ бы безконечное
множество душъ: которыхъ вопервыхъ соеди-
нивъ немощнымъ и слабымъ тѣламъ, поста-
вилъ средними между добромъ и зломъ, дабы
состоящимъ изъ двухъ природъ добродѣтель
предложить, дабы безсмертіе не роскоши и
нѣжности наслѣдствами, но къ оному вѣчной
жизни несказанному награжденію съ превели-
кою трудностію и великими трудами дости-
гали: и такъ дабы ихъ тяжелыми и могущи-
ми претерпѣвать чтолибо членами одѣять,
понеже состоять въ срединѣ праздной не мог-
ли, понеже внизъ обременяла ихъ тяжесть

тѣ-

тѣла, то жилище имъ и домъ вопервыхъ создать благоволилъ. И такъ несказанною крѣпостію и силою изящнѣйшее дѣло міра сотворилъ, повѣсивши на высотѣ легкія стихіи, а тяжелыя нанизъ опустивъ: и небо укрѣпилъ, и землю поставилъ. Непотребно теперь изчислять всего: понеже во второй книгѣ все я исчислилъ. И такъ свѣтила водрузилъ на небѣ, которыхъ и свѣтлость и движеніе наиприличнѣйшее къ пользѣ живущихъ соразмѣрными учинены. А земли, которую въ жилище опредѣлилъ, плодоносіе различное раждать и произносить далъ: дабы изобиліе житъ, и травъ, и зелій, по природѣ и употребленію всякой породы пищу подавало. Потомъ совершивъ все, что къ творенію мира надлежало, человѣка сотворилъ изъ самой земли, которую ему въ началѣ въ жилище уготовилъ: то есть духа своего земнымъ тѣломъ одѣлъ, и облеклъ, дабы составленъ будучи изъ вещей различныхъ и противныхъ, добро и зло понималъ. И какъ земля самая плодоносна къ рожденію житъ: такъ тѣло человѣческое, которое взято отъ земли, рожденія силу, и способность раждать дѣтей приняло: дабы, поелику изъ немощной матеріи онъ созданъ, и вѣчно жить не моглъ, то совершивши временнаго житія теченіе отсюда преселился: и тѣло слабое и немощное, которое носилъ, всегдашнимъ преемствомъ потомства обновлялъ. „Для чегожъ его смертнымъ здѣлалъ и слабымъ, когда для его „міръ создалъ„? Вопервыхъ, дабы безконечное душъ множество родилось, и всю землю

мно-

множествомъ наполнило. Потомъ дабы предложить человѣку добродѣтель, то есть сношеніе бѣдъ и трудовъ, дабы могль награжденіе безсмертія получить. Ибо какъ человѣкъ изъ двухъ вещей состоитъ, изъ тѣла и души, изъ которыхъ одна земная, другая небесная: то два пути человѣку даны: одинъ временный, который тѣлу назначается, другій вѣчный, который душѣ предлежитъ. Первый раждаясь принимаемъ, вторый получаемъ трудомъ, дабы безсмертіе человѣку (какъ прежде я сказалъ) не безъ трудности досталось. Первый путь земный, какъ тѣло, и того ради кончится: а вторый небесный, какъ душа, и того ради конца не имѣетъ. Оный первый не знаючи приняли, сей вторый знаючи. Ибо добродѣтели, не природѣ онѣ дается, понеже благоволилъ Богъ, дабы мы житіе себѣ въ житіи пріобрѣтали. Того ради намъ настоящее житіе даровалъ, дабы оное истинное и вѣчное, или пороками потеряли, или добродѣтелію пріобрѣли. Въ семъ тѣлесномъ нѣтъ высочайшаго добра: понеже какъ волею Божіею намъ дано, такъ паки Божіею волею разрушится. Такъ что конецъ имѣетъ, а высочайшаго добра не имѣетъ. А въ ономъ духовномъ, которое сами себѣ пріобрѣтаемъ, высочайшее добро содержится: понеже ни зла не можетъ имѣть, ни конца: чему доводъ природа и состояніе тѣла подаетъ. Ибо прочіе животные и къ земли поникли, поелику земные, и не постигаютъ безсмертія, которое съ небеси есть. А чело-

вѣкъ прямо на небо смотритъ, понеже предложено ему безсмертіе: и оное однако не инако получается, какъ только ежели будетъ дано человѣку отъ Бога. Ибо никакого бы различія между праведнымъ и неправеднымъ не было: ежели бы всякъ человѣкъ рожденный безсмертнымъ былъ: слѣдовательно безсмертіе не послѣдуетъ естеству, но во мзду и награжденіе добродѣтели дается. Къ томужъ человѣкъ не тотчасъ какъ скоро родится, прямо ходитъ, но сперва на четырехъ ногахъ: понеже состояніе тѣла, и сіе нынѣшнее житіе общее есть намъ съ безсловесными животными, потомъ утвердившись въ силахъ поднимается, и языкъ его къ рѣчи разрѣшается, и безсловеснымъ животнымъ быть престаетъ. Сіе показываетъ, что смертенъ родится человѣкъ, а потомъ безсмертнымъ дѣлается, когда начнетъ по Богѣ жить, то есть правдѣ послѣдовать, которая содержится въ почитаніи Божіемъ, когда возбудитъ Богъ человѣка, дабы взиралъ на небо и на него. Сіе бываетъ тогда, когда человѣкъ небесною банею очищенъ, отлагаетъ младенчество совсѣмъ несовершенствомъ житія перваго: и приращеніе Божія силы принявши, бываетъ человѣкомъ совершеннымъ и полнымъ. Слѣдовательно поелику добродѣтель предложилъ Богъ человѣку, хотя душа и тѣло соединены, однако противны одно другому, и воюютъ взаимно: душевное добро зло естъ тѣлу: то есть убѣгать богатствѣ, воздержаться отъ роскошей, болѣзнь и смерть презирать. Также тѣлесное

добро

добро зло есть душѣ, то есть вожделѣнiе и похоть, которыя и богатствѣ желаютъ, и прiятностей различныхъ удовольствiй, которыми обезсиленъ будучи духъ угасаетъ. Того ради надлежитъ праведнымъ и мудрымъ во всѣхъ бѣдахъ быть, понеже побѣдителемъ бѣдъ есть мужество: а неправеднымъ въ богатствахъ, въ чести, во власти. Ибо сiе есть добро тѣлесное и земное: а которые земное житiе препровождаютъ, тѣ получить безсмертiя не могутъ: понеже предали себе роскошамъ, которыя добродѣтели суть врагами. Того ради житiе сiе временное оному вѣчному должно быть подчиненнымъ, какъ тѣло душѣ. И такъ кто душевнаго житiя восхощетъ, тотъ житiе тѣлесное презирать долженъ: и не инако на высоту взойти можетъ, какъ только ежели дольнее презритъ. А кто тѣлесное житiе возлюбитъ, и желанiя свои на землю вперитъ, тотъ онаго вышняго житiя получить не можетъ. Но кто хочетъ хорошо жить на вѣки, тотъ злѣ поживетъ до времени: и уязвится всѣми печальми и трудами, сколько будетъ на земли, дабы имѣть божественное и небесное утѣшенiе. И кто восхощетъ хорошо жить до времени, тотъ злѣ будетъ жить на вѣки: понеже осужденъ будетъ Божiимъ судомъ на казнь, кто земное добро паче небеснаго почелъ. Того ради требуетъ Богъ, дабы его почиталъ, и чествовалъ человѣкъ какъ Отца, дабы добродѣтель и мудрость сохранилъ, которая одна безсмертiе раждаетъ. Ибо поелику никто иный

кромѣ Бога даровать безсмертія не можетъ: понеже Богъ единъ безсмертіе имѣетъ: то благочестивый человѣкъ Бога почитающій сіе получитъ награжденіе, что будетъ на вѣки блаженнымъ, и будетъ у Бога и съ Богомъ всегда.

ГЛАВА 6.

Для чего міръ созданъ: для чего человѣкъ: сколь суетно есть почитаніе Боговъ.

Теперь все дѣло кратко опишу. Для того міръ сотворенъ, дабы мы раждались. Для того раждаемся, дабы познавать Творца міра и нашего Бога. Для того познаемъ, дабы почитать. Для того почитаемъ, дабы безсмертіе во мзду трудовъ получить: понеже въ превеликихъ трудахъ почитаніе Божіе состоитъ. Для того мзду безсмертія получаемъ, дабы подобни ангеламъ здѣлавшись, высочайшему Отцу и Богу на вѣки служить, и быть вѣчнымъ Богу царствомъ. Сія есть сила вещи, сія тайна Божія, сія тайна міра: сея тайны не знаютъ, которые послѣдуя нынѣшней роскоши, земному и немощному добру предались, и души ради неба рожденныя въ пріятностяхъ смертоносныхъ, такъ какъ бы въ блатѣ и грязи погрузили. Вопросимъ нынѣ взаимно, есть ли въ почитаніи Боговъ какій разумъ? ежели боги многи суть, ежели

для того только отъ людей почитаются, дабы подавали людемъ богатства, чести, побѣды, и все иное, что только до времени служитъ: ежели безъ причины раждаемся, ежели въ созиданіи людей никакого промысла нѣтъ: ежели случайно ради насъ самыхъ и ради роскоши нашей раждаемся: ежели въ ничто по смерти обращаемся: то что можетъ быть толь излишнимъ, толь тщетнымъ, толь суетнымъ, какъ человѣческое состояніе, и что міръ сей, который будучи невѣроятной величины, и чудно устроенъ, однако пустое собою составляетъ? Ибо для чего вѣтры движутъ облаки? для чего блистаютъ молніи? громы гремятъ? дожди падаютъ? дабы земля жита производила, дабы различные животные питать. для чего наконецъ вся природа вещей трудится, дабы были тѣ вещи, которыми житіе человѣческое содержится, ежели оно пустое, ежели въ ничто обращаемся, ежели нѣтъ никакой въ насъ большей Богу пользы? А ежели сіе говорить грѣшно, и не должно думать, дабы не ради нѣкоторой великой причины было уставлено, что высокимъ разумомъ составлено: то какій можетъ быть разумъ въ сихъ заблужденіяхъ развращенныхъ вѣръ, и въ семъ мнѣніи Философовъ, которые думаютъ, будто бы души погибаютъ? подлинно никакого. Ибо что имѣютъ сказать, для чего Боги людемъ толь тщательно все во время свое подаютъ? не уже ли для того, дабы мы имъ муку и віно давали, и куреніе ладану, и кровь скотовъ?

Ибо сіе безсмертнымъ и пріятно быть не можетъ, понеже есть тлѣнное: и безтѣлесные употребить сего не могутъ, понеже сіе въ употребленіе тѣлеснымъ дано: и однако ежели бы сего желали, то сами бы себѣ могли дать, когда бы ни захотѣли. И такъ погибаютъ ли души, или во вѣки пребываютъ, какую причину имѣетъ почитаніе боговъ? или отъ кого міръ сотворенъ? для чего, или когда, или до коихъ поръ, на какій конецъ или для чего люди созданы? для чего раждаются, умираютъ, преемствуютъ, обновляются? что Боги изъ почитанія ихъ получаютъ, ежели люди по смерти въ ничто обращаются? что дѣлаютъ, или что обѣщаютъ? чемъ претятъ, или человѣковъ или боговъ достойнымъ? или ежели души живутъ по смерти, что съ ними дѣлаютъ или дѣлать имѣютъ? къ чему имъ потребно сокровище душъ? сами Боги отъ какого источника происходятъ? какъ или для чего, или откуда произошли многіе? отсюда происходитъ, что ежели отъ онаго содержанія вещей, которое прежде изъяснилъ я, заблудишъ, то вся причина погибаетъ, и въ ничто все обращается.

ГЛАВА

ГЛАВА 7.

Для чего Философы не могли понять истинны совсѣмъ, которую однако, какъ примѣры показываютъ, по части поняли всю, но защитить не могли.

Сего содержанія понеже Философы не поняли, то и истинны понять не могли, хотя то, въ чемъ самая сила состоитъ, и видѣли и изъяснили: но всѣ различно, не совокупляя ни винъ вещей, ни послѣдованій, ни доводовъ, дабы главное дѣло, которое содержитъ все, и совокупить и дополнить. Не трудно же показать, что почти вся истинна по Философамъ и толкамъ раздѣлена. Ибо не столь мы философію превращаемъ, какъ академики дѣлаютъ обыкновенно, которые на все отвѣтствовать хотятъ, ибо сіе есть паче клеветать и насмѣхаться: но показываемъ, что никакого толку не было столь безпутнаго, и никакого Философа столь несмысленнаго, который бы не видѣлъ нѣсколько истинны. Но когда безумно противорѣчатъ, когда свое и ложное защищаютъ, чужее и истинное опровергаютъ, то не только истинна отъ нихъ удалилась, которой притворно искали, но сами оную наипаче своимъ безуміемъ потеряли. А ежели бы сыскался ктонибудь, который бы истинну разсѣянную порознь, и по толкамъ раздѣленную собралъ во едино, и расположилъ порядочно, тотъ воистинну согласовалъ бы съ нами. Но сего никто здѣлать

лать не можетъ, развѣ знающій истинну. А истинну знать тотъ можетъ, который наученъ отъ Бога. Ибо никто не можетъ инако ни отразить лжи, ни избрать и утверждать истинны: но ежели бы сіе хотя случаемъ здѣлалъ, то подлинно философствовалъ бы. И хотя бы не могъ божественными свидѣтельствами того защищать, однако истинна изъяснила бы себе самую своимъ свѣтомъ. По сему невѣроятнымъ есть заблужденіе тѣхъ, которые нѣкоторый толкъ утверждая, и оному предавшись, прочіе толки охуждаютъ какъ ложныя и тщетныя: и вооружаются на брань, не зная и того, что должно защищать, и что опровергать: и нападаютъ по всюду безъ разбору на все, что утверждаютъ съ ними не согласующіе. Ради сихъ ихъ упорныхъ стязаній никакой не было Философіи, которая бы къ истиннѣ ближе достигла. Ибо по частямъ истинну всю они поняли. Говорилъ Платонъ, что міръ отъ Бога сотворенъ. Тожъ Пророки говорятъ. Тожъ изъ стиховъ Сивиллиныхъ видно. И такъ заблуждаютъ тѣ, которые говорятъ, что или все самопроизвольно родилось или изъ наидробнѣйшихъ сѣменъ совокупившихся: понеже толикая вещь толь украшенная, толь великая ни быть, ни устроиться, ни въ порядокъ притти безъ нѣкотораго наиразумнѣйшаго творца не могла. И самый разумъ, который все содержитъ, и управляетъ все, о премудромъ создателѣ даетъ знать. Стоики говорятъ, что міръ, и все, что въ немъ находится, сотворено

ради

ради людей: тожъ намъ божественное писаніе показываетъ. И такъ заблудилъ Демокритъ, который думалъ, что по подобію червей родились люди отъ земли безъ всякаго творца, и безъ всякой причины. Ибо знать для чего человѣкъ созданъ, божія есть тайна, которой понеже знать онъ не могъ, то человѣческое житіе привелъ къ ничтожеству. Аристонъ утверждалъ, что люди раждаются ради добродѣтели. Тому же насъ научаютъ Пророки. Слѣдовательно лжетъ Аристиппъ, который человѣка роскоши, то есть злу, какъ скота покорилъ. Ферекидъ и Платонъ говорили, что души безсмертны; сіе ученіе свойственнымъ есть нашей вѣрѣ. Слѣдовательно Дицеархъ съ Демокритомъ заблудили, которые доказывали, что души съ тѣломъ погибаютъ и разрушаются. Зинонъ Стоикъ училъ, что есть адъ, и жилища благочестивыхъ суть отдѣленны: и благочестивые въ спокойныхъ и веселыхъ живутъ странахъ, а злочестивые терпятъ муки въ темныхъ мѣстахъ и въ пропастехъ блата страшныхъ. Тожъ намъ Пророки возвѣщаютъ. Слѣдовательно Епикуръ заблудилъ, который сіе за стихотворческій вымыслъ почиталъ, и оныя адскія казни, о которыхъ говорятъ, въ сей жизни признавалъ. И такъ всея истинны, и всея божественныя вѣры тайны Философы касались, но противъ возраженій иныхъ того, что постигли, защищать не могли: понеже всѣ вины не знали: и того, что за истинное почитали, въ порядокъ привести не могли, какъ выше мы учинили.

ГЛАВА 8.

О безсмертіи души, и какими доводами Платонъ оное силится утверждать.

И такъ одно есть высочайшее добро безсмертіе, ради котораго и созданы мы въ началѣ, и рождены къ безсмертію шествуемъ, къ безсмертію стремится человѣческая природа, къ безсмертію насъ приводитъ добродѣтель. Сіе добро поелику понимаемъ, то надлежитъ и о самомъ безсмертіи сказать. Платоновы доводы хотя къ дѣлу много пособствуютъ, однако мало имѣютъ силы къ утвержденію и дополненію истинны: понеже ни причины всея великія тайны не совершилъ, и въ едино не собралъ, и высочайшаго добра не понялъ. Ибо хотя истинно о безсмертіи души мудрствовалъ, однако не такъ объ немъ какъ о высочайшемъ добрѣ разсуждалъ. И такъ мы безсумнительнѣйшими знаками избрать можемъ истинну: понеже оную не неосновательною догадкою поняли, но изъ божественнаго преданія познали. А Платонъ такимъ образомъ доказывалъ: безсмертно то, что само собою и чувствуетъ, и всегда движется. Ибо что начала движенія не имѣетъ, оное и конца не можетъ имѣть: понеже оставить себе самаго не можетъ. Сей доводъ и безсловеснымъ животнымъ вѣчность присвоилъ бы, ежели бы слова мудрости не приложилъ. И такъ приложилъ, дабы избѣжать сего общества: статься тому не можно, дабы душа

чело-

человѣческая не была безсмертною, которыя разумъ въ изобрѣтеніи, и скорость въ помышленіи, и легкость въ понятіи и ученіи, и память о прошедшемъ, и провидѣніе о будущемъ, и наукъ почти безчисленнныхъ знаніе, котораго прочіе животные не имѣютъ, божественными и небесными показываются: понеже и начала духа, который столько понимаетъ, и столько содержитъ, не обрѣтается на земли. Ибо духъ съ землею не смѣшанъ, но что находится въ человѣкѣ тяжелое и разрушимое, оное въ землю разрѣшается: а что есть тонкое, то нераздѣльно, и отъ жилища тѣлеснаго такъ какъ отъ темницы свободившись, къ небу и къ природѣ своей возлетаетъ. Сіи Платоновы слова вкратцѣ собранныя, которыя у него пространно и довольно изъясняются. Въ семже мнѣніи былъ и Пиѳагоръ прежде и Пиѳагоровъ учитель Ферекидъ, который, какъ Цицеронъ признается, первый о вѣчности душъ разсуждалъ. Сіи всѣ хотя краснорѣчивы были, однако въ самомъ спорѣ не меньше важности имѣли тѣ, которые сіе мнѣніе опровергали: вопервыхъ Дицеархъ, потомъ Демокритъ, наконецъ Епикуръ: такъ что самая вещь, о которой между собою спорили, сумнительною осталась. Потомъ и Туллій изъяснивши всѣхъ сихъ о бесмертіи мнѣнія, сказалъ, не знаю, которое изъ нихъ справедливѣе: изъ сихъ, говоритъ, мнѣній которое истиннѣе, о томъ развѣ Богъ одинъ вѣдаетъ. И паки на другомъ мѣстѣ: понеже оба оныя мнѣнія, говоритъ, премуд-

рыхъ

рыхъ имѣли изобрѣтателей, то которое изъ нихъ справедливѣе, и угадать не можно. Но намъ угадывать не потребно, понеже намъ истинну Богъ самъ открылъ.

ГЛАВА 9.

Который есть истинный о безсмертіи души доводъ. И что трудовъ и добродѣтелей конецъ есть блаженная вѣчность.

И такъ сими доводами, которыхъ ни Платонъ, ни другой кто не нашолъ, вѣчность душъ утверждать и показать можно, которыя я кратко собралъ: понеже поспѣшаю говорить о великомъ божіемъ судѣ, который на земли при концѣ вѣка учененъ будетъ. Прежде всего, понеже Бога человѣкъ видѣть не можетъ, то дабы потому не подумалъ, будтобы Бога нѣтъ, понеже смертными очами его не видимъ, между прочими созданій своихъ чудесами сотворилъ многая, которыхъ силу хотя и видимъ, существа однако не видимъ, какъ то гласъ, запахъ, вѣтръ: дабы сихъ вещей доводомъ и примѣромъ, и Бога, хотя очами не видимъ, отъ силы однако его и дѣйства и дѣлъ видѣли. Что гласа яснѣе? Или вѣтра сильнѣе? Или запаху острѣе? Однако когда они по воздуху носятся, и къ нашимъ чувствамъ приходятъ, и ихъ силою своею трогаютъ, не видимъ ихъ очами, но

иными тѣла частьми чувствуемъ. Подобно Бога не зрѣніемъ намъ или инымъ немощнымъ чувствомъ понимать должно, но мысленными очами на него взирать: когда дѣла его преславныя и дивныя видимъ. Ибо тѣхъ, которые говорили, будтобы никакого нѣтъ Бога, не только Философами, но и людьми не назову: которые безсловеснымъ животнымъ уподобившись, совсѣмъ тѣлесны были, ничего не видя духомъ, и къ чувству тѣлесному все относя, которые думали, что то только бытіе имѣетъ, что очами видѣли. И поелику видѣли, что или добрымъ приключается нащастіе, или злымъ щастіе, то вѣрили, будто бы случайно все дѣлается, и будтобы міръ природою а не провидѣніемъ составленъ. Отсюда уже впали въ безумія, которыя такому мнѣнію по нуждѣ послѣдовали. А ежели есть Богъ, да притомъ и безтѣлесный, и невидимый, и вѣчный: слѣдовательно не должно вѣрить, будто бы погибаетъ душа потому, понеже ея не видимъ, когда отыидетъ отъ тѣла: понеже извѣстно, что есть нѣчто чувствующее и живущее, котораго не видимъ. Но трудно умомъ понять, какъ можетъ душа удержать чувство безъ тѣхъ частей тѣла, въ которыхъ находится чувство. Что о Богѣ? легко ли понять, какъ живетъ безъ тѣла? а ежели вѣрятъ, что боги бытіе имѣютъ, которые ежели подлинно находятся, то они конечно безтѣлесны: слѣдовательно должны и души человѣческія такимже образомъ имѣть бытіе; понеже изъ самаго разума и про-

провидѣнія показуется быть нѣкоторое въ человѣкѣ и въ Богѣ подобіе. Наконецъ оный доводъ, который и Маркъ Туллій видѣлъ, довольно силенъ: изъ того вѣчность души можно познать. Понеже нѣтъ никакого инаго животнаго, которое бы знало Бога: и благочестіе одно есть, которое человѣка отличаетъ отъ безсловесныхъ животныхъ: которое поелику одному человѣку приличествуетъ, подлинно свидѣтельствуетъ, что мы того желаемъ, того требуемъ, то почитаемъ, что намъ свойственнымъ, что роднымъ имѣетъ быть. Можетъ ли кто либо разсуждая прочихъ животныхъ о природѣ, которыхъ поникшими тѣлами, и къ землѣ наклонившимися всевышняго Бога провидѣніе сотворило, изъ сего не уразумѣть, что никакого оные общества съ небомъ не имѣютъ, что изъ всѣхъ одно небесное и божественное животное есть человѣкъ, котораго тѣло отъ земли возставленное, лице въ верхъ устремленное, состояніе прямое, начала своего ищетъ, и какъ бы презрѣвши низкость земли, къ высотѣ силится: понеже чувствуетъ, что высочайшаго добра на высотѣ ему искать должно, и помня состояніе свое, въ которомъ Богъ сотворилъ его изряднѣйшимъ, къ творцу своему взираетъ? Сіе взираніе Трисмегистъ, Θеоріанъ (богомысліемъ) весьма справедливо называлъ, котораго въ безсловесныхъ животныхъ нѣтъ. Когда же мудрость, которая одному человѣку дана, нечто иное есть, какъ знаніе Бога, то извѣстно, что душа не погибаетъ,

не разрушается, но живетъ во вѣки: понеже Бога вѣчнаго и ищетъ и любитъ по природѣ, вѣдая или откуда произошла, или куда возвратиться имѣетъ. Кромѣ сего немалый безсмертія доводъ есть, что человѣкъ одинъ небесной стихіи употребляетъ. Ибо поелику вещей природа въ сихъ двухъ стихіяхъ, которые противны между собою, состоитъ, въ огнѣ и водѣ: изъ которыхъ одна небесная, другая земная: прочіе животные земные и смертные, земной и тяжелой употребляютъ стихіи, человѣкъ одинъ огня употребляетъ, которая стихія есть легкая, высокая, небесная. А тяжелое къ смерти бременитъ и тяготитъ, и легкое къ житію возвышаетъ: понеже житіе на высотѣ есть, смерть на низу. И какъ свѣтъ быть безъ огня не можетъ, такъ житіе безъ свѣта. Слѣдовательно огонь есть стихія свѣта и житія, откуда видимъ, что человѣкъ огня употребляющій есть безсмертенъ: понеже то ему свойственно, что надлежитъ къ житію. И добродѣтель человѣку данная великимъ доводомъ есть, что души суть безсмертны: а сіе не будетъ по природѣ, ежели душа погибаетъ. Ибо сему нынѣшнему житію причиняетъ вредъ. Понеже житіе сіе земное, которое общее съ безсловесными животными имѣемъ, и роскоши желаетъ, которой разными плодами и пріятностьми веселится: и болѣзни убѣгаетъ, которой жестокость природу живущихъ жестоко оскорбляетъ, и къ смерти приводитъ, которая разрушаетъ животныхъ.

И такъ ежели добродѣтель и запрещаетъ человѣку то добро, котораго натурально желаетъ: и къ претерпѣнію зла понуждаетъ, котораго натурально удаляется; слѣдовательно зло есть добродѣтель, и непріязненная природѣ, и за безумнаго должно почитать, кто добродѣтели послѣдуетъ: понеже самъ себя оскорбляетъ, убѣгая нынѣшняго добра, и желая зла, безъ надежды плода большаго. Ибо когда можно намъ наипріятнѣйшими наслаждаться роскошами, то безчувственными будемъ, ежели захочемъ въ смиреніи, въ нищетѣ, въ презрѣніи, въ безчестіи жить, или не жить, но изнемогать, мучиться, и умирать, ежели изъ сего зла ничего больше не получимъ, чемъ бы можно потерянную роскошь вознаградить. А ежели добродѣтель не есть зло, и честно дѣлаетъ, кто роскоши порочныя и скверныя презираетъ и мужественно столь, что ни болѣзни, ни смерти не боится, дабы должность свою сохранить: слѣдовательно большее нѣкоторое добро должно получить, нежели было оное, которое презрѣла. А по смерти какого добра больше надѣяться должно, какъ только вѣчности.

ГЛАВА 10.

Также о безсмертіи душй: и что добродѣтель однажды начавшись всегда пребываеть, и потерять ея не можно. И что житіе двоякое есть, и также двѣ смерти человѣку предлагаются.

Приступимъ теперь къ тому, что добродѣтели противное есть, дабы и отъ того безсмертіе души познать. Всѣ пороки временны суть: понеже до времени возбуждаются. Стремленіе гнѣва получивши отмщеніе, укрощается. Похоти, удовольствіе тѣла конецъ составляетъ. Вожделѣніе, насыщеніе желаемыхъ вещей, или иныхъ страстей движенія угашаютъ: Самолюбіе получивши тѣ чести, которыхъ желало, престаетъ. Также прочіе пороки стоять и пребывать не могутъ, но съ самымъ плодомъ, котораго желаютъ, кончатся. И такъ отступаютъ и удалются. А добродѣтель безъ всякаго пресѣченія непрестанною есть, и не можетъ отступить отъ того, кто ея однажды началъ. Нбо ежели будетъ имѣть разстояніе, ежели можемъ когда ея не имѣть, возвратятся тотчасъ пороки, которые противъ добродѣтели всегда воюютъ. И такъ не вмѣщена добродѣтель, ежели оставляетъ, ежели нѣкогда удаляется. А когда себѣ домъ твердый созиждетъ, то во всякомъ дѣйствіи обращается: и не можетъ вѣрно удалить пороковъ, ежели сердца, въ которое вселилась, всегдашнимъ пребываніемъ

не укрѣпитъ. И такъ самая добродѣтель вѣчность показываетъ, что человѣческій духъ, ежели добродѣтель начнетъ, вѣчно пребываетъ: понеже и добродѣтель вѣчна есть, и единъ духъ человѣческій добродѣтель вмѣщаетъ. И такъ послику противны суть пороки добродѣтели, то все состояніе различное и противное должно быть. Понеже пороки возбужденіемъ духа суть, добродѣтель напротивъ тихостію и спокойствіемъ есть духа. Понеже пороки временны и кратки суть, добродѣтель вѣчна и постоянна, и всегда себѣ равна. Понеже пороковъ плоды, то есть, роскоши, такъ какъ и самые пороки кратки и временны суть: слѣдовательно добродѣтели плодъ и награжденіе вѣчное есть. И понеже пороковъ польза въ настоящемъ времени находится, то добродѣтели въ будущемъ. Отсюда происходитъ, что въ семъ житіи доородѣтели награжденія никакого нѣтъ: понеже добродѣтель еще сама есть. Ибо какъ пороки когда въ дѣйствіи своемъ кончатся, увеселеніе и награжденія ихъ послѣдуютъ: такъ добродѣтель когда окончится, награжденіе ея послѣдуетъ. А добродѣтель не инако какъ только смертію кончится: понеже и въ принятіи смерти наибольшая ея должность состоитъ: Слѣдовательно награжденіе добродѣтели есть по смерти. Наконецъ Цицеронъ въ Тускулянскихъ хотя сумнительно, однако думалъ, что высочайшее добро неинако, развѣ по смерти человѣкъ получаетъ: „Съ надежнымъ духомъ творитъ, „ежели того потребно будетъ, пойдетъ на

„ смерть,

„ смерть, въ которой или высочайшее добро „ находится, или никакого зла нѣтъ „. Слѣдовательно смерть не истребляетъ человѣка, но къ награжденію за добродѣтели преселяетъ. А кто себѣ (какъ онъ говоритъ) пороками и беззаконіями осквернилъ, и роскоши служилъ, тотъ осужденъ будучи вѣчную пріиметъ казнь, которую Божественное писаніе второю смертію именуетъ: которая есть вѣчная. Ибо какъ двѣ жизни предлежатъ человѣку, изъ которыхъ одна душевная, другая тѣлесная, такъ и двѣ смерти предлежатъ, одна надлежащая къ тѣлу, которую по природѣ всѣхъ претерпѣть должно, другая надлежащая къ души, которую беззаконіемъ пріобрѣтаемъ, а добродѣтелію удаляемся, и освобождаемся: к какъ сіе житіе временно есть, и извѣстныя предѣлы имѣетъ, понеже есть тѣлесно: такъ и смерть равно временна есть, и извѣстный имѣетъ конецъ, понеже къ тѣлу надлежитъ.

ГЛАВА II.

О воскресеніи мертвыхъ тѣлъ, и смерти и вѣчности душъ.

И такъ когда исполнятся времена, которыя Богъ смерти опредѣлилъ, тогда кончится и сама смерть. И понеже временному житію временная смерть слѣдуетъ, то востанутъ души къ житію вѣчному: понеже временная

смерть конецъ пріиметъ. Паки, какъ житіе души вѣчное есть, въ которомъ божественные и несказанные безсмертія своего получаетъ плоды: такъ и смерть ея вѣчна есть, въ которой вѣчныя казни, и безконечныя муки за грѣхи свои терпѣть будетъ. Слѣдовательно дѣло въ семъ состоитъ, что которые блаженны суть въ семъ житіи тѣлесномъ и земномъ, тогда на вѣки нещастными будутъ: понеже уже добро, котораго желали, получили: а сіе тѣмъ будетъ, которые идоловъ почитаютъ, о Богѣ не радятъ. Потомъ которые правдѣ послѣдуя, въ семъ житіи были нещастными и презрѣнными, и убогими, и ради самой правды часто безчещены и обижены, (понеже инако добродѣтели удержать не можно) тѣ всегда будутъ блаженными: дабы понеже зло уже претерпѣли, то бы добра насладились. Сіе подлинно тѣмъ будетъ, которые презрѣвши земныхъ боговъ и тлѣнное добро, небесной Божіей вѣрѣ послѣдуютъ, которыя добро, какъ самъ дающій, безсмертно есть, Что дѣла тѣлесныя и душевныя не показываютъ ли, что душа есть безсмертна? Ибо тѣло, понеже само тлѣнно есть и смертно, то и дѣла его равно временны. Ибо говоритъ Туллій, что нѣтъ ничего руками человѣческими здѣланнаго, дабы нѣкогда не погибло, или какимъ случаемъ, или все поядающею древностію. А дѣла душевныя вѣчными видимъ. Ибо которые временное презирая, память о умахъ и дѣлахъ великихъ оставили, тѣ явственно ума своего и добродѣтели имя не

загла-

загладимое получили. Слѣдовательно ежели тѣлесныя потому смертны, понеже самое тѣло смертно есть, то слѣдуетъ, что душа есть безсмертна, потому, понеже дѣла ея суть безсмертны. Симъ же образомъ желанія души и тѣла показываютъ, что одно изъ нихъ есть смертное, другое вѣчное. Ибо тѣло ничего какъ только временнаго желаетъ: то есть пищи, питія, одѣянія, покоя, роскоши: однако и сего самаго безъ силы и помощи душевной, ни желать ни получить не может: а душа собою много желаетъ, что къ тѣлу не принадлежитъ, и не тлѣнное, но вѣчное есть, какъ то слава о добродѣтели, память имени. Ибо почитанія Божія, которое состоитъ въ воздержаніи вожделѣній и похотей, въ терпѣніи болѣзни, въ презрѣніи смерти, и противъ тѣла душа желаетъ. Посему вѣроятно, что не погибаетъ душа, но разлучается отъ тѣла: понеже тѣло безъ души ничего не можетъ, а душа можетъ многія дѣла безъ тѣла. Но что болѣе? Когда все очами видимое, и осязаемое рукою, понеже внѣшнее насиліе терпѣть можетъ, то вѣчнымъ быть не можетъ: а неосязаемое и невидимое, но только силу свою и состояніе, и дѣйство являющее вѣчно есть, понеже никакому внѣшнему насилію не подлежитъ. Тѣло же ежели потому смертно есть, понеже видѣнію и осязанію подлежитъ: слѣдовательно и душа потому безсмертна, понеже ни осязать ни видѣть ея не можно.

ГЛАВА 12.

Также о безсмертіи души противъ Лукреція и Епикура. И о разности мысли и души, и о воскресеніи тѣлъ.

Теперь доводы тѣхъ, которые противо говорили, опровергнемъ, которыя Лукреций въ третіей книгѣ собралъ. „Понеже съ тѣ„ломъ, говоритъ, душа раждается, то съ тѣ„ломъ и погибаетъ„. Но неравное есть души и тѣла состояніе. Ибо твердое есть тѣло, видимое очами, и рукою осязаемое; а душа тонкая, неосязаемая и невидимая. Тѣло отъ земли созданно и укрѣплено: а душа въ себѣ никакого срастѣнія, никакой земной тяжести не имѣетъ, какъ Платонъ говорилъ. Ибо не могла бы имѣть толикаго разума, толикой силы, толикой скорости, ежелибы начало свое не отъ неба имѣла. Слѣдовательно тѣло, послику содѣлано изъ тяжелой и тлѣнной стихіи, и осязаемой, потому истлѣваетъ и погибаетъ, и насилія отразить не можетъ, понеже зрѣнію и осязанію подлежитъ: а душа понеже тонкостію своею всякаго осязанія свободна, то никакимъ удареніемъ разрушиться не можетъ. Слѣдовательно хотя между собою совокуплены и соединены раждаются: и одно, которое отъ земнаго срастѣнія сотворенно есть, какъ бы сосудомъ есть другаго, которое отъ небесной тонкости произведено: когда сила нѣкоторая ихъ раздѣлитъ, которое раздѣленіе смертію называется, тогда обое въ природу свою отходитъ: что изъ

земли было, то въ землю ризрѣшается: что изъ небеснаго духа, то пребываетъ, и живетъ всегда: понеже Божественный духъ есть вѣченъ. Потомъ тойже Лукрецій забывъ что утверждалъ, и какій догматъ защищалъ, сіи стихи положилъ: „ Что прежде было отъ зем-
„ ли: то возвращается обратно въ землю:
„ и что послано есть съ неба, то паки на
„ небо возвращается „. Сего не можетъ говорить тотъ, кто утверждаетъ, будтобы души съ тѣлами погибаютъ: но побѣжденъ онъ истинною, и не зная истинну нашелъ. Кромѣ сего то самое, что говоритъ, будтобы разрушается душа, то есть купно съ тѣломъ погибаетъ, понеже купно раждается, и ложно есть, и вопреки обращено быть можетъ. Ибо не купно погибаетъ, но по исходѣ души, тѣло въ цѣлости многіе дни пребываетъ, и часто лѣкарствомъ напоенное весьма долго неразрушимымъ бываетъ. Но ежели бы какъ купно раждаются, такъ купно погибали, то не отходила бы незапно душа, и тѣла бы не оставляла, но въ единомъ мгновеніи времени обое равно бы разсыпалось: и такъ бы скоро и тѣло имѣя еще въ себе духа, расплылося бы и погибло, какъ скоро душа отходитъ: паче же по разрушеніи тѣла душа исчезла бы, такъ какъ вода изъ разбитаго сосуда разліянная. Ибо ежели земное и тлѣнное тѣло по исходѣ души не скоро растлѣвается и въ землю согниваетъ, изъ которой оно начало получило: слѣдовательно душа, которая есть не тлѣнна, на вѣки пребываетъ: поелику начало ея вѣчно есть. По-

неже, говоритъ, растетъ чувство въ отрокахъ, и въ юношахъ становится крѣпче, и въ престарѣлыхъ умаляется: то видно, что душа есть смертна. Но во первыхъ не одно есть мысль и душа. Ибо иное есть, чемъ живемъ, иное, чемъ мыслимъ. Ибо у спящихъ мысль, не душа усыпляется, и у съ ума сшедшихъ мысль угасаетъ, душа пребываетъ: и того ради не бездушными, но несмысленными называются. Слѣдовательно мысль то есть разумѣнiе или умножается, или умаляется по возрасту. Душа въ состоянiи своемъ всегда пребываетъ, и отъ коихъ поръ дыхать начнетъ, въ одномъ состоянiи до послѣдняго времени одинакова бываетъ, покуда разрѣшившись отъ тѣла на мѣсто свое возвратится. Наконецъ душа хотя отъ Бога вдохновена, однако поелику въ темномъ земнаго тѣла жилищѣ заключена, знанiя не имѣетъ, ибо знанiе Богу прилично. И такъ наслышивается и учится всему, и мудрость учась и слыша получаетъ: и старость не умаляетъ мудрости, но умножаетъ, ежели только кто въ младомъ вѣкѣ добродѣтельно поживетъ. А ежели излишняя старость члены обезсилитъ, то не души порокъ: ежели зрѣнiе притупляется, ежели языкъ онѣмѣваетъ, ежели слухъ отымется, но тѣла. Но память оскудѣваетъ. Чтожъ дивно ли, ежели падающаго дому паденiемъ обременяется мысль, и прешедшее забываетъ, не инако имѣя быть божественною, какъ только ежели отъ темницы, въ которой содержится, избавится? Но душа, говоритъ,

воритЪ, болѣзни и рыданію, и вЪ пьянствѣ подлежитЪ безумію: почему тлѣнною и смертная показывается. Для того то добродѣтели и мудрости потребно, дабы печаль, которую имѣемЪ, терпя, и видя что недостойное, мужествомЪ отражать, и страсти не только пьянства, но и прочихЪ вещей воздержаніемЪ преодолѣвать. Ибо ежели не будетЪ имѣть добродѣтели, ежели роскошамЪ предавшись разлѣнится, то будетЪ повинна смерти: понеже и добродѣтель (какЪ показалЪ я) безсмертіе содѣловаетЪ, и роскошЪ смерть. А смерть (какЪ сказалЪ я) не совсѣмЪ убиваетЪ и истребляетЪ, но вѣчными казнитЪ муками. Ибо погибнуть совсѣмЪ душа не можетЪ, понеже она отЪ духа Божія, который вѣченЪ, начало имѣетЪ. Душа, говоритЪ, и недугЪ тѣла чувствуетЪ, и о себѣ забываетЪ. И какЪ болѣзнуетЪ, такЪ часто врачуется. Для сего то должно наипаче имѣть добродѣтель, дабы душа ни вЪ какой тѣла болѣзни не ослабѣвала, и дабы не душа, но мысль о себѣ не забывала: которая понеже вЪ извѣстной тѣла части состоитЪ, то когда ту часть нѣкоторый недугЪ повредитЪ, уступаетЪ отЪ мѣста, и какЪ бы поколебавшись отЪ жилища своего отходитЪ, имѣя возвратиться, когда врачевство иногда здравіемЪ домЪ ея возобновитЪ. Ибо поелику душа есть совокуплена сЪ тѣломЪ, ежели добродѣтели не имѣетЪ, то заразою тѣла разнемогается: и немощь отЪ тлѣнія переходитЪ кЪ мысли. А когда разлучится отЪ тѣла, тогда будетЪ

жить сама собою, и никакой уже немощи не постраждетъ: понеже одѣяніе тлѣнное покинетъ. Какъ око, говоритъ, избоденное и исторгнутое изъ тѣла и отдѣленное ничего не можетъ видѣть, такъ и душа разлученная отъ тѣла ничего не можетъ чувствовать: понеже и душа есть часть тѣла. Ложно сіе и неподобно есть. Ибо душа не часть тѣла, но въ тѣлѣ есть. Какъ то, что въ сосудѣ содержится, не часть есть сосуда, и то, что въ дому есть, частію дому не называется: такъ и душа не часть есть тѣла: понеже тѣло или сосудъ души есть, или обиталище. Оный же доводъ несравненно тщетнѣе, которымъ доказываетъ, будто бы душа, понеже не скоро испущается отъ тѣла, но помалу отъ всѣхъ составовъ разрѣшается, отъ ногъ начиная, смертною показуется: ибо ежели бы была вѣчною, то въ одномъ времени мгновеніи удалялась бы, какъ случается тѣмъ, которые отъ меча умираютъ, а которые отъ недуга умираютъ, оные духъ не скоро испускаютъ, дабы помалу, когда озябнутъ члены, душу послѣднимъ дыханіемъ извергнуть. Ибо душа понеже въ крови содержится такъ, какъ свѣтило въ елеи, когда та матерія огневичнымъ жаромъ истребится, всѣ нижнія части замерзнутъ, понеже жилы тончайшія въ нижнія тѣла части протягаются, и нижніе и тончайшіе проходы за оскудѣніемъ крови засыхаютъ. Однако потому, поелику чувство въ тѣлѣ оскудѣваетъ, чувство души не угасаетъ и не поиба-

гибаетъ. Ибо не душа за оскудѣніемъ тѣла, но тѣло по исхожденіи души согниваетъ: понеже душа все чувство влечетъ съ собою. А когда душа присутствіемъ своимъ чувство даетъ тѣлу, и оное оживляетъ, то не можетъ, дабы сама собою не жила и не чувствовала. понеже душа есть и чувство и жизнь. А что говоритъ: „ Ежели бы безсмертна была наша душа, то умирая о разрушеніи своемъ такбы не жаловалась, но наипаче бы исходила, и одѣяніе сложить какъ змій желала. „ Подлинно никогда я не видѣлъ, дабы кто умирая о разрушеніи своемъ жаловался: но онъ можетъ быть Епикура нѣкотораго видѣлъ и при самой смерти философствующаго, и о своемъ разрушеніи при послѣднѣмъ издыханіи разглагольствующаго. Какъ можно знать, мнѣніе умирающаго, разрушается ли онъ, или отъ тѣла свобождается, когда при исходѣ языкъ онѣмѣетъ? Ибо когда чувствуетъ, и говорить можетъ, то онъ еще не разрушился: а когда разрушится, то ни чувствовать ужѐ ни говорить не можетъ. Того ради о разрушеніи жаловаться или еще не можетъ, или ужѐ не въ состояніи. Но прежде нежели разрушится, знаетъ, что разрушится. Но что болѣе? большую часть умирающихъ видимъ, которые о разрушеніи не жалуются (какъ онъ говоритъ) но свидѣтельствуютъ, что исходятъ, отходятъ, и идутъ: и то или движеніемъ тѣла объявляютъ, или ежели еще могутъ, и языкомъ говорятъ. Отсюда видно, что не разрушеніе

ніе дѣлается, но разлученіе, которое объявляетъ, что душа пребываетъ. Прочіе Епикурскаго ученія доводы Пиѳагору не согласуютъ, который говоритъ, будто бы переходятъ души изъ тѣлъ состарѣвшихся и умершихъ, и входятъ въ новыя и новорожденныя: и оныяжъ часто отраждаются, иногда въ человѣкѣ, иногда въ скотѣ, иногда въ звѣрѣ, иногда въ птицѣ, и потому безсмертными суть, понеже часто различныхъ и неравныхъ тѣлъ жилища перемѣняютъ. Сіе мнѣніе безумнаго человѣка, понеже смѣшное, и шуту наипаче, нежели ученому человѣку приличное есть, и опровергать его съ важностію не должно: ибо оное опровергать, значитъ бояться, дабы кто оному не повѣрилъ. И такъ минуть должно намъ тое, что въ защищеніе лжи противъ неправды говорено. Довольно то опровергнуть, что противъ истинны говорено.

ГЛАВА 13.

Каками свидѣтельствами безсмертіе души утверждается, и будущій судъ Божій. И сколько Аристоксенъ иныхъ превзошелъ въ заблужденіи.

Изъяснилъ я (какъ надѣюсь) что душа есть неразрушима, осталось привесть свидѣтелей, дабы ихъ важностію доводы утвердить. И я теперь Пророковъ въ свидѣтели не поста-

ставлю: которыхъ писанія въ семъ одномъ состоятъ, дабы научить, что люди того ради созданы, дабы почитать Бога, и получить отъ него безсмертіе: но тѣхъ наипаче въ свидѣтели приведу, которымъ отвергающимъ истинну вѣрить должни. Ермій природу человѣческую описывая, дабы показать, какъ человѣкъ отъ Бога созданъ, сіе сказалъ: „(Богъ) изъ обѣихъ природъ безсмертной и „смертной одну создалъ природу человѣческую, „тогожъ (человѣка) отъ части безсмертнаго „творя, и его нося посредѣ божественной „и безсмертной природы, и посредѣ смерт„ной и премѣняемой положилъ, дабы все ви„дя, всему удивлялся„. Но сего можетъ быть ктолибо въ числѣ Философовъ считать будетъ, хотя онъ въ боги причтенъ бывши, подъ Меркуріевымъ именемъ отъ Египтянъ почитался, и не большую ему присвоить важность, какъ Платону, или Пиѳагору. И такъ большаго свидѣтельства поищемъ. Полигъ нѣкакій вопросилъ Аполлина Милетскаго: пребываетъ ли душа по смерти, или разрушается, и отвѣтствовалъ Аполлинъ сими стихами: „Душа пока во узахъ тѣлесныхъ „содержится, тлѣнныя страсти чувствуя, „смертнымъ уступаетъ болѣзнямъ. А какъ „скоро отъ тлѣннаго человѣческаго тѣла „разрѣшится, вся на воздухъ несется, ни„когда не старѣяся, и пребываетъ совсѣмъ „непобѣдимою. Первородное бо такъ божіе „устроило провидѣніе„. А стихи Сивиллины, не тожъ ли показываютъ, когда возвѣщаютъ,

щаютъ, что Богъ будетъ живымъ и мертвымъ судить. Сивиллины свидѣтельства нѣсколько ниже предложу: слѣдовательно ложно Демокритово, и Епикурово, и Дицеархово о разрушеніи душъ мнѣніе, которые подлинно не посмѣли бы о погибели душъ въ присутствіи какого либо волхва разговаривать, который бы зналъ извѣстными стихами возводить отъ ада души, и представлять очамъ человѣческимъ оныя, съ тѣмъ, чтобъ онѣ и говорили, и будущее предсказывали: и ежели бы осмѣлились, то самымъ дѣломъ и доводомъ побѣждены были бы. Но понеже не познавали состоянія душевнаго, которая столь тонка, что не подлежитъ очамъ человѣческимъ, то говорили, будтобы душа погибаетъ. Что Аристоксенъ? который говорилъ, будтобы совсѣмъ нѣтъ никакой души, и когда живетъ въ тѣлѣ, но какъ въ струнахъ изъ натягиванія дѣлается согласный звукъ, или пѣніе, которое музыканты согласіемъ называютъ: такъ въ тѣлахъ изъ совокупленія внутреностей, и напряженія членовъ сила чувства состоитъ. Ничего сего безумнѣе сказать не можно. Но онъ хотя очи имѣлъ здравые, сердце однако ослѣпленное: понеже не видѣлъ, что самъ живетъ, и имѣетъ мысль, которою сіе самое помышлялъ. Но многіе Философы думали, будтобы совсѣмъ нѣтъ того, чего не видѣли очами: когда око ума несравненно яснѣе быть должно, нежели око тѣлесное, дабы видѣть тѣ вещи, которыхъ силу и состояніе чувствовать наипаче можно, нежели видѣть.

ГЛАВА 14.

О кончинѣ міра, и заблужденіи Халдеевъ. О вѣкѣ міра, и что по шести вѣкахъ то есть по шести тысячахъ лѣтъ состояніе міра премѣнится и обновится, и что тысяча лѣтъ суть единъ день божій; и что тысячу лѣтъ царствовать будутъ избранные божіи на земли по судѣ.

Понеже о безсмертіи души сказалъ я, то слѣдуетъ показать, какъ и когда человѣку дается, дабы и въ семъ развращенія и безумія своего увидѣли заблужденіе, которые думаютъ, что нѣкоторые изъ смертныхъ здѣлались богами, или за то, что науки изобрѣли, или за то, что употреблять нѣкоторыхъ житъ научили, или за то, что пользу житію человѣческому учинили, или за то, что свирѣпыхъ звѣрей убили. Сіи заслуги сколь далеко отъ безсмертія отстоятъ, оное и въ первыхъ книгахъ показалъ, и теперь покажу, дабы увидѣть, что едина есть правда, которая человѣку житіе вѣчное раждаетъ: и единъ Богъ, который вѣчнаго житія награжденіе даетъ. Ибо оные, которые за свои заслуги безсмертными здѣлались: понеже ни правды, ни иной не было въ нихъ добродѣтели, то не безсмертіе себѣ, но смерть грѣхами приобрѣли, и не небесное награжденіе, но адскія муки заслужили: которые страждутъ купно со всѣми тѣми, кои ихъ почитали.

Покажу,

Покажу, что сего суда приближается время, вЪ которомЪ и праведнымЪ мзда и нечестивымЪ мука достойная наложится. ПлатонЪ и многіе иные Философы, понеже не знали начала вещей, и перваго онаго времени, вЪ которомЪ мірЪ сотворенЪ, говорили, будтобы многія тысячи вѣковЪ прошли, какЪ сей прекрасный мірЪ сотворенЪ, такЪ какЪ и Халдеи, которые (какЪ ЦицеронЪ вЪ первой книгѣ о угадываніи написалЪ) безумно говорили, будтобы четыреста седмдесятЪ тысячь лѣтЪ вЪ книгахЪ своихЪ содержатЪ. И понеже думали, что никто вЪ семЪ обличить ихЪ не можетЪ, то вѣрили, будто вольно имЪ лгать. А я отЪ божественнаго писанія истиннѣ научился, начало міра и конецЪ позналЪ: о которомЪ теперь вЪ окончаніи дѣла говорить буду: понеже о началѣ во второй книгѣ показалЪ. Пускай же знаютЪ Философы, которые отЪ начала міра тысячи вѣковЪ исчисляютЪ, что еще шести тысячь лѣтЪ не исполнилось: а когда сіе исполнится, то концу должно быть, и человѣческимЪ дѣламЪ вЪ лучшее состояніе обновиться. Но вопервыхЪ надлежитЪ сказать доводЪ дѣла сего, дабы причина извѣстна была. БогЪ мірЪ, и сіе природы дивное дѣло, (какЪ вЪ книгахЪ божественнаго писанія содержится) вЪ шесть дней совершилЪ, и день седмый, вЪ который отЪ дѣлЪ своихЪ почилЪ, освятилЪ. Сей же день есть субботный, который на ЕврейскомЪ языкѣ отЪ счисленія имя получилЪ: поелику седмое число законнымЪ и полнымЪ есть. Ибо и дни

седмь суть, которые взаимно обращаясь, круги лѣтъ совершаютъ: и седмь звѣздъ, которыя не заходятъ: и седмь звѣздъ, которыя называются бродящими: которыхъ различныя теченія и неравныя движенія вещей и временъ различіе дѣлаютъ. Слѣдовательно понеже въ шести дняхъ всѣ дѣла божіи совершились, то шесть вѣковъ, то есть шесть тысячь лѣтъ быть въ семъ состояніи міръ долженъ. Ибо день великій божій въ тысячи лѣтахъ содержится, какъ показываетъ Пророкъ говоря: предъ очами твоими господи, тысяща лѣтъ яко день единъ. И какъ Богъ шесть дней оныхъ въ твореніи толикихъ дѣлъ трудился; такъ и вѣра его и истина въ сихъ шести тысячахъ лѣтъ трудиться должна, понеже злоба одолѣваетъ и владѣетъ. И паки, понеже совершивши дѣла почилъ въ день седмый, и оный благословилъ, то должна въ концѣ шести тысячнаго лѣта злоба вся упраздниться отъ земли, и царствовать тысячу лѣтъ правда, и быть тишина и покой отъ трудовъ, которые міръ уже давно сноситъ. Однако какъ оное будетъ, изъясню надлежащимъ порядкомъ. Часто я говорилъ, что меншее и малое есть образъ и предпоказаніе великаго; и сей день нашъ, который восхожденіемъ и захожденіемъ солнца кончится, дня великаго видъ носитъ, который тысяча лѣтъ совершаетъ. Симъ же образомъ созданіе земнаго человѣка, предзнаменовало созданіе небеснаго народа. Ибо какъ совершивши все, что для человѣка сотворилъ Богъ, самаго человѣка въ день шестый послѣ

 сотво-

сотворилъ, и его ввелъ въ міръ сей такъ, какъ въ домъ уже тщательно устроенный: такъ нынѣ въ шестый день великій, истинный человѣкъ словомъ божіимъ созидается, то есть святый народъ ученіемъ и заповѣдми божіими къ правдѣ наставляется. И какъ тогда смертный и несовершенный отъ земли созданъ, дабы тысячу лѣтъ въ семъ мірѣ жилъ: такъ нынѣ изъ сего земнаго вѣка творится человѣкъ совершенный: дабы оживленъ отъ Бога въ семъ же самомъ мірѣ тысячу лѣтъ владѣлъ. А какъ сіе скончаніе будетъ, и какій конецъ дѣламъ человѣческимъ приближается, оное ежели кто божественное писаніе испытаетъ, найдетъ. Но свѣтскихъ Пророковъ слова согласующія съ небесными, конецъ вещей и погибель по краткомъ времени возвѣщаютъ, описывая какъ бы утрудившагося и изнемогшаго міра крайнюю старость. А что Пророки о будущемъ предсказываютъ, прежде нежели пріидетъ послѣдній оный конецъ, оное собравши отъ всѣхъ и совокупивши предложу.

ГЛАВА.

ГЛАВА 15.

Что потопленіе Фараона и Египтянъ, и свобожденіе Евреевъ отъ работы Египетской предзнаменовало свобожденіе избранныхъ, и отверженіе осужденныхъ, которое будетъ на концѣ міра. И что многія знаменія какъ предъ тѣмъ, такъ и предъ симъ будутъ свобожденіемъ. И что Римская Монархія прежде испразднится. И что въ Азію наивысочайшая власть возвратится. И какими нѣковъ степеньми Римъ возросъ и ослабѣетъ.

Пишется въ книгахъ Священнаго Писанія, что во время глада начальникъ Еврейскаго народа зашелъ въ Египетъ со всѣмъ домомъ и родствомъ: и когда его потомки долго въ Египтѣ пребывая крайне умножились, и тяжкимъ и несноснымъ работы игомъ утѣсняемы были, то поразилъ Богъ Египетъ неисцѣльною казнію, и народъ свой свободилъ проведши посредѣ моря, разсѣкши волны, и на двѣ части раздѣливши, дабы по суху народъ шелъ. И Царь Египетскій желая бѣжащихъ догнать, въ свое состояніе морю возвращающемуся, со всѣмъ воинствомъ погибъ. Сіе дѣло толь славное, толь дивное, хотя тогда силу Божію людемъ показывало, однако предзнаменованіемъ и образомъ было большей вещи, которую тойже Богъ въ послѣднее временъ окончаніе сотворить имѣетъ. Ибо свободитъ народъ свой отъ тяжкой работы

 міра.

міра. Но понеже тогда одинъ народъ Божій, и у одного народа былъ, то Египетъ тогда одинъ пораженъ былъ. А нынѣ понеже народъ Божій отъ всѣхъ языкъ собранный, у всѣхъ народовъ пребываетъ, и отъ ихъ владѣнія утѣсняется: то всѣ народы, то есть, міръ весь, небесными казньми казненъ будетъ, дабы праведный и почитающій Бога народъ свободился. И какъ тогда знаменія были, которыя будущее Египта пораженіе показывали, такъ въ послѣднемъ будутъ чудеса дивныя во всѣхъ стихіяхъ міра, дабы наступающій конецъ всѣ народы познали. И такъ когда пріидетъ сего вѣка конецъ, то человѣческихъ вещей состояніе премѣнится, и по причинѣ усилившейся злобы въ худшее пріидетъ: такъ что уже наши сіи времена, въ которыя не правда и злоба до высочайшаго степени возраста, въ уравненіи онаго неуврачуемаго зла щастливыми и почти златыми могутъ назваться. Ибо толь правда умалится, толь нечестіе, и сребролюбіе, и вожделѣніе, и похоть умножится, что ежели тогда будутъ нѣкоторые добрые, то и корыстью будутъ беззаконнымъ, и озлобляеми будутъ отвсюду отъ неправедныхъ; одни только злые богаты, а добрые во всякихъ безчестіяхъ и въ нищетѣ будутъ. Ничего тогда никто имѣти не будетъ, какъ только или нажитое или защищенное злѣ: наглость и насильство всѣмъ овладѣетъ. Не будетъ въ людехъ вѣрности, ни спокойствія, ни людскости, ни стыда, ни истинны, и

такъ

такъ ни безопасности, ни правленія, и спокойства никакого отъ злыхъ. Ибо вся земля возмятется, возгремятъ отсюда войны: всѣ народы въ оружіи будутъ, и съ собою, взаимно будутъ воевать. Города смѣжныя между собою сражаться станутъ. И первый изъ всѣхъ Египетъ за безумныя суевѣрія пріиметъ казнь, и кровію какъ рѣкою покрыется. Тогда мечь пройдетъ міръ, пожиная все, и такъ какъ сѣно, все постелетъ. Сему запустѣнію и смѣшенію та будетъ причина, что Римское имя, которымъ нынѣ управляется міръ (боюсь говорить, но скажу, понеже такъ имѣетъ быть) истребится отъ земли: и монархія въ Азію возвратится, и паки востокъ владѣть, и западъ въ подданствѣ будетъ. И никто не долженъ удивляться, что царство съ толикою трудностію основанное, и толь долго чрезъ толикихъ и толь великихъ мужей умноженное, послѣ того такими богатствами укрѣпленное, нѣкогда однако падетъ. Ибо нѣтъ ничего человѣческими руками созданнаго, дабы равно не могло отъ человѣческихъ силъ разориться: понеже смертныхъ смертныя суть дѣла. Такимъ образомъ и прежде другія государства долго процвѣтали, однако пали. Ибо писано есть, что Египтяне, и Персы, и Греки, и Ассиріане царствовали на земли: а какъ они всѣ разорились, и къ Римляномъ вся власть перешла, которые сколько прочія царства превосходятъ, столько большимъ паденіемъ падутъ: понеже больше тяжести имѣютъ къ паденію, которые

рые прочихъ выше. Искусно Сенека времена города Рима раздѣлилъ по вѣкамъ. Первый бо вѣкъ назвалъ младенчествомъ, какъ былъ подъ Царемъ Ромуломъ, отъ котораго рожденъ, и какъ бы воспитанъ есть Римъ. Потомъ отрочество подъ иными царями, отъ которыхъ и умноженъ, и ученіями многими и законами наставленъ. А въ царство Тарквиніево, когда уже какъ бы въ юношескій возрастъ пришолъ, не снесъ рабства: и отвергши гордаго владѣнія иго, восхотѣлъ наипаче законамъ повиноваться, нежели царямъ. И когда юношество его по скончаніи Пунической войны окончилось, тогда наконецъ укрѣпившись въ силахъ, началъ мужествовать. Разоривши бо Карѳагену, которая долго Римской имперіи противилась, руки свои на весь свѣтъ землею и моремъ простерлъ, пока всѣ цари и народы покоривши, когда уже не имѣлъ, съ кѣмъ воевать, силы свои на зло употребляя, самъ себя погубилъ. Сія была первая его старость, когда раздранъ войнами домашними, и внутреннимъ зломъ утѣсненъ, паки къ правленію монархическому пришолъ, какъ бы къ другому младенчеству возвратившись. Потерявши бо вольность, которую предводительствомъ и предпріятіемъ Брутовымъ защищалъ, такъ состарѣлся, что самъ себя содержать не можетъ, ежели вспомогательствомъ правителей не будетъ подкрѣпленъ. А ежели сіе такъ, то что остается какъ только, дабы старости послѣдовала погибель? И что такъ имѣетъ быть скоро,

про-

провозвѣстія пророковъ открываютъ подъ прикрытіемъ именъ иныхъ, дабы не легко кто уразумѣлъ. Однако Сивиллы явно говорятъ, что погибнетъ Римъ, и то судомъ Божіимъ, понеже имени Божія ненавидѣлъ, и враждуя противу правды, любящихъ правду людей умертвилъ. И Гидаспъ наидревнѣйшій Царь Мидскій, отъ котораго и рѣка Гидаспъ называемая имя получила, всѣхъ наидревнѣйшій, подъ истолкованіемъ прорицающаго отрока, для памяти потомству написалъ, что погибнетъ отъ земли монархія и имя Римское, а сіе прежде сказалъ, нежели оный Троянскій народъ начался.

ГЛАВА 16.

Какъ Римской монархіи пріидетъ разореніе, и какія предъ онымъ разореніемъ Знаменія будутъ, по предсказанію пророковъ и Сивиллы.

Какимъ же образомъ сіе имѣетъ быть, дабы кто не почелъ за невѣроятное, покажу. Вопервыхъ умножится царство, и наивысочайшая власть по многимъ расточенная и разсѣянная умалится. Тогда несогласія внутренні на вѣки возникнутъ: и никакого спокойства войнамъ погибельнымъ не будетъ, покуда и цари десять равно востанутъ, которые кругъ земный не къ управленію, но къ погубленію раздѣлятъ. Сіи цари воинство безмѣрно

но умноживши, и хлѣбопашество оставивши, что есть началомъ разоренія и пораженія, разорятъ все, и умалятъ, и пожрутъ. Тогда внезапно противъ ихъ непріятель наисильнѣйшій отъ послѣднихъ концевъ страны сѣверной востанетъ: который трехъ изъ того числа истребивши, которые тогда Азіею владѣть будутъ, принятъ будетъ отъ прочихъ въ дружество, и начальникомъ надъ всѣми поставленъ будетъ. Сей непреоборимымъ владѣніемъ озлобитъ міръ, Божественныя и человѣческія дѣла смѣшаетъ: несказанныя и проклятыя дѣла начнетъ: новыя совѣты въ сердцѣ своемъ помыслитъ, дабы собственную себѣ поставить монархію: и законы премѣнитъ, и свои поставитъ: осквернитъ, расхититъ, обножитъ, умертвитъ. Наконецъ по премѣненіи имени и монархіи, и по пренесеніи столицы, смѣшеніе и возмущеніе роду человѣческому послѣдуетъ. Тогда ненавистное и гнусное время настанетъ, что никакому человѣку не будетъ житіе пріятно. Разорятся совсѣмъ города, и погибнутъ, не только мечемъ и огнемъ, но и непрестаннымъ трясеніемъ земли, и наводненіемъ, и частыми недугами, и частымъ гладомъ. Воздухъ бо повредится, и вреднымъ и заразительнымъ будетъ· и иногда безвременными дождями, иногда неполезною сушею, иногда морозами, иногда жарами излишними повредившись земля человѣку не дастъ плода, ни трава, ни дерево, ни виноградъ ничего не принесетъ: но въ цвѣтѣ премного показавъ надежды, въ плодѣ обманетъ.

И источники съ рѣками изсохнутъ, что и питія довольнаго не будетъ: и воды въ кровь или горькость премѣнятся. Для чего умалятся на земли и четвероногіе, и на воздухѣ птицы, и въ мори рыбы. И чудеса на небѣ дивныя человѣческія сердца превеликимъ страхомъ ужасятъ, и кометы, и солнечныя затмѣнія, и видъ луны, и звѣздъ паденіе. Однако и сіе не обычнымъ образомъ будетъ, но покажутся внезапно, и незнаемыя и невидѣнныя очами звѣзды: солнце на вѣки потемнѣетъ, что едва между днемъ и нощію разобрать можешь. Луна ужѐ не на три часа умалится, но вѣчно кровію облившись теченіемъ необычнымъ шествовать будетъ: что не можно будетъ человѣку ни теченія звѣздъ, ни состоянія времени познать. Здѣлается бо или лѣто въ зимѣ, или зима въ лѣтѣ. Тогда годъ сократится, и мѣсяцъ уменшится, и день умалится. Звѣзды же весьма часто падать будутъ, такъ что все небо темнымъ безъ всякихъ свѣтилъ покажется. И горы наивысочайшіе падутъ, и съ гладкою землею сравнятся: море къ плаванію неспособнымъ здѣлается. И дабы какаялибо бѣда людей и земли не минула, то услышится съ небеси труба, что такимъ образомъ Сивилла обѣявляетъ: „ Труба съ небеси гласъ плачевный испуститъ „. Того ради задрожатъ всѣ, и на плачевный оный гласъ вострепещутъ. Тогда же гнѣвомъ Божіимъ противъ людей, которые правды Божія не познали, разсвирѣпѣетъ мечь, огнь, гладъ, недугъ: и сверхъ всего страхъ наступитъ.

питъ. Тогда будутъ молить Бога, и не услышитъ: будутъ желать смерти, и не пріидетъ: и нощь покоя страху не дастъ, и сонъ къ очамъ не прикоснется, но души человѣческія печаль и безсонница сокрушитъ: будутъ плакать и воздыхать, и зубами скрежетать, будутъ блаженными почитать мертвыхъ, и живыхъ оплакивать. Сими и иными множайшими злыми пустыня будетъ на земли, и будетъ обезображенъ міръ и пустъ: о чемъ въ стихахъ Сивиллиныхъ такъ пишется: „Будетъ міръ не красенъ, какъ по„гибнутъ люди„. Ибо такъ умалится человѣческій родъ, что едва десятая часть людей останется: и откуда тысяча выходила, едва выдетъ сто. И отъ почитающихъ Бога двѣ части погибнутъ: а третія, которая будетъ искушена, останется.

ГЛАВА 17.

О пришествіи великаго Пророка, который называется Илія, и какъ будетъ убитъ отъ Антихриста, и воставетъ въ третій день, и взыдетъ на небо. И о гоненіи церкви, которое нанесетъ Антихристъ, и о чудесахъ его.

Но какъ то будетъ, яснѣе покажу. Когда наступитъ уже окончаніе временъ, Пророкъ великій посланъ будетъ отъ Бога, дабы обращалъ людей къ познанію Бога, и принялъ

власть

власть чудеса творить. Гдѣ не послушаютъ его люди, заключитъ небо, и удержитъ дожди, и воду обратитъ въ кровь, и будетъ мучить ихъ жаждею и гладомъ. И кто захочетъ его оскорбить, изыдетъ огнь изъ устъ его, и сожжетъ того. Сими чудесами и силами обратитъ многихъ къ почитанію Божію. И когда свои дѣла здѣлаетъ, другій Царь востанетъ изъ Сиріи отъ злаго духа рожденный, разоритель, и губитель рода человѣческаго: дабы оставшихся людей и самого Пророка купно погубить. Сей воевать будетъ противъ Пророка Божія, и побѣдитъ, и убьетъ его, и безъ погребенія повержетъ. Но по трехъ днехъ оживетъ, и взятъ будетъ на небо, что всѣ видѣть будутъ и удивляться. А Царь оный хотя самъ будетъ наизлѣйшій, но Пророкъ лжи, и себе самого поставитъ и назоветъ богомъ, и повелитъ себе почитать какъ Божія сына. И дастся ему власть дѣлать знаменія и чудеса, которыми уловлять будетъ людей, дабы его почитали. Повелитъ огню снити съ небеси, и солнцу отъ теченія своего престать, и образу говорить, и будетъ сіе по слову его. Сими чудесами и мудрые многіе прельщены будутъ отъ него. Тогда пожелаетъ разорить храмъ Божій, и народъ праведный гнать будетъ: и будетъ утѣсненіе и сокрушеніе, какого никогда не было отъ начала міра: которые увѣрятъ и приступятъ къ нему, тѣхъ запечатывать или клеймить ихъ будетъ, какъ скотовъ. А которые не восхотятъ знака его,

или

или въ горы убѣжатъ, тѣхъ уловивши жестокими муками умучитъ. Онъ же праведныхъ людей обвертитъ книгами пророческими, и такимъ образомъ сожжетъ, и дастся ему опустошать кругъ земный мѣсяцей четыредесятъ два. Сіе будетъ время, въ которое правда повержена, и невинность ненавидима будетъ, въ которое злые добрыхъ непріятельски разграблять станутъ: ни законъ, ни чинъ, ни воинская наука храниться не будетъ: никто старости почитать не станетъ; ни должности любви не познаетъ, ни полу, ни младенчества никто жалѣть не восхощетъ: все смѣсится противъ закона, въ противность права природнаго, такъ какъ бы однимъ общественнымъ разбоемъ вся земля опустошится. Когда сіе такъ будетъ, тогда праведные и послѣдующіе истиннѣ отлучатся отъ злыхъ, и убѣжатъ въ пустыни. Сіе услышавши нечестивый царь, воспламенившись гнѣвомъ пріидетъ съ воинствомъ великимъ, и приступившии совсѣмъ воинствомъ окружитъ гору, на которой праведные пребывать имѣютъ, дабы ихъ поймать: а праведные когда увидятъ, что ихъ отвсюда окружили, возопіютъ къ Богу гласомъ великимъ, и помощи небесной просить будутъ: и услышитъ ихъ Богъ, и послетъ Царя великаго съ неба, дабы ихъ исхитилъ и свободилъ, и всѣхъ нечестивыхъ мечемъ и огнемъ погубилъ.

ГЛАВА 18.

Какъ сіе предвозвѣстили и предсказанія Пророковъ, и прорицанія язычниковъ, и стихи Сивиллины.

Что сіе такъ имѣетъ быть, какъ всѣ Пророки Божіимъ духомъ, такъ и всѣ прорицатели побужденіемъ демонскимъ предвозвѣстили. Гидаспъ бо, котораго прежде я воспомянулъ, описавши беззаконіе сего послѣдняго вѣка, говоритъ, что благочестивые и вѣрные отъ беззаконныхъ отлучатся, съ плачемъ и воздыханіемъ подъимутъ руки на небо, и будутъ просить помощи у Юпитера: Юпитеръ воззритъ на землю, и услышитъ гласы человѣческія, и нечестивыхъ погубитъ. Сіе все истинно кромѣ одного, что говоритъ, будто бы Юпитеръ сіе здѣлать имѣетъ, что Богъ здѣлаетъ. Но и то не безъ хитрости діавольской утаено, что пошлется тогда отъ Отца Сынъ Божій, который погубивши всѣхъ злыхъ, праведныхъ свободитъ. А Ермій сего не утаилъ. Ибо въ той книгѣ, которая Логосъ Теліосъ (слово совершенное) называется, исчисливши бѣды, о которыхъ я сказалъ, придалъ сіе: „Когда сіе такъ будетъ о Асклипіе, тогда Господь, и Отецъ, и Богъ, и „перваго, и единаго Бога родитель, смотря „что дѣлается, и своею волею благость напротивъ полагая дерзости, и заблужденіе „отвратившии, и злобы ючистившии, отъ части излишнею водою потопляя, отъ части „огнемъ

„ огнемъ скорымъ попаляя, иногда войнами и „ моромъ истребляя, въ первое состояніе при- „ ведетъ, и возобновитъ свой міръ „. И Сивиллы показываютъ, что Сынъ Божій отъ великаго Отца посланъ будетъ, дабы и праведныхъ свободить отъ руки нечестивыхъ, и неправедныхъ и жестокихъ мучителей погубить: изъ которыхъ одна такъ написала: „ Пріидетъ и блаженныхъ градъ хотя разо- „ рить, и нѣкоторый отъ Бога посланный Царь „ къ своимъ, всѣхъ погубитъ царей великихъ, „ и мужей наилучшихъ. И такимъ образомъ „ отъ безсмертныхъ людей судъ пріиметъ „. Также другая Сивилла: „ Тогда Богъ изъ солнца „ пошлетъ Царя, который всю землю успо- „ коитъ отъ злой войны „. И паки иная: „ Нашего рабства иго несносное на выю нало- „ женное упразднитъ, и законы нечестивые „ разрушитъ, и тяжкіе узы.

ГЛАВА

ГЛАВА 19.

Какія знаменія прежде будуть, и какъ Христосъ снидетъ съ неба, убить Антихриста и мучителей, и нечестивыхъ погубить отъ земли: и что утреннія молитвы у Христіанъ для того уставлены, понеже Христосъ въ нощи пріити имѣетъ: и что боги и почитающіе боговъ сожжены будутъ, какъ Сивилла предсказала.

И такъ по утѣсненіи круга земнаго, когда къ уничтоженію безмѣрно сильнаго мучительства человѣческой силы не станетъ (понеже плѣнивши міръ съ великими разбойниковъ воинствами содержать будетъ) божія помощи толикое оное бѣдствіе требовать будетъ. И такъ подвигнувшись Богъ и сумнительною опасностію, и сожалительнымъ плачемъ праведныхъ, послетъ скоро свободителя. Тогда отворится небо на двое въ нощи глубокой и темной, дабы во всемъ свѣтѣ свѣтило нисходящаго Бога такъ какъ молнія видимо было. Сіе Сивилла сими стихами предсказала: „Когда „пріидетъ, огнь будетъ и тма въ темной „полунощи„. Сія есть нощь, которую мы ради прихода царя и Бога нашего всенощными бдѣніями празднуемъ. Сея нощи двѣ суть причины, что въ оную и воскресъ по страданіи, и потомъ царство земное принять имѣетъ. Сихъ бо свободитель и судія, и отмститель, и Царь, и Богъ, котораго мы Христомъ называ-

зываемъ: который прежде нежели снидетъ, сей знакъ дастъ. Упадетъ внезапно мечь съ неба, дабы знали праведные, что вождь святаго воинства снидетъ: а снидетъ съ последующими ангелами на средину земли, и пойдетъ предъ нимъ огнь неугасаемый, и сила ангельская предастъ въ руки праведныхъ множество оное, которое гору окружило, и избивать будутъ его отъ часа третіяго даже до вечера, и потечетъ кровь потокомъ, и когда все множество избито будетъ, то беззаконникъ одинъ убѣжитъ, и погибнетъ отъ него сила его. А сей беззаконникъ есть Антихристъ, но себе самаго Христомъ ложно будетъ называть, и противъ истиннаго Христа воевать будетъ: и побѣжденъ будучи убѣжитъ, и войну часто обновлять будетъ, и всегда побѣжденъ останется, покуда на четвертомъ сраженіи, когда всѣ беззаконные избиты будутъ, побѣжденъ и плѣненъ, наконецъ за беззаконія свои казнь пріиметъ. Но и прочія начальники и мучители, которые сокрушали міръ, купно съ нимъ связанны будучи приведены будутъ къ Царю, который и укоритъ и обличитъ ихъ и укоритъ предними беззаконія ихъ, и осудитъ ихъ, и достойнымъ мукамъ предастъ. Такимъ образомъ когда угаснетъ злоба, и беззаконіе погибнетъ, почіетъ міръ, который чрезъ столько вѣковъ подчиненъ бывши заблужденію и беззаконію, жестокое понеслъ рабство. Не будутъ больше почитаемы боги рукотворенные, но отъ храмовъ и жилищъ своихъ извержены бывши идо-

идолы огню предадутся, и съ дивными дарами своими сгорятъ. Сїе и Сивилла согласно съ Пророками предсказала: „Сокрушатъ же „люди идоловъ, и всѣ богатства. И Еритрей„ская тоже обѣщаетъ: А идолы боговъ чело„вѣческими руками здѣланные сожжены бу„дутъ „.

ГЛАВА 20.

Какъ отворится адъ, и востанутъ мертвые: и которымъ Богъ будетъ судить, которымъ не будетъ. И какъ сїе Сивилла предсказала. И какъ душа безсмертная можетъ страдать по мнѣнїю Стоиковъ.

По семъ отворится адъ, и востанутъ мертвые: о которыхъ великїй судъ самъ тойже Царь и Богъ сотворитъ: которому всевышнїй Отецъ дастъ превеликую власть судить и царствовать. О семъ судѣ и царствѣ у Еритрейской Сивиллы сїе обрѣтается. „А когда „день оный конецъ необходимый прїиметъ, и „къ смертнымъ судъ безсмертнаго Бога при„ближится, постигнетъ людей великїй судъ „и начало. Потомъ у иной: Адское же смѣ„шенїе покажетъ земля отверзшаяся: прїи„дутъ же къ суду божїю всѣ Цари. И на „иномъ мѣстѣ у оной же: Небо обращая, „земли тайная мѣста открыю, и тогда воз„двигну мертвыхъ, смерть разрушая, и жало

„ смерти, а потомъ на судъ приведу, судя „ благочестивыхъ и нечестивыхъ мужей житіе „. Однако не всѣмъ тогда Богъ судить будетъ, но только тѣхъ, которые въ вѣрѣ Божіей пожили. Ибо непознавшіе Бога, понеже имъ спастися не можно, то они уже осуждены по свидѣтельству Священнаго Писанія, что не воскреснутъ нечестивіи на судъ. Слѣдовательно судиться будутъ знающіе Бога, и дѣла ихъ злыя и добрыя свѣсятся: и ежели больше и важнѣе будутъ добрыя и праведныя дѣла, то пойдутъ къ блаженному житію: а ежели злыя дѣла преодолѣютъ, то осудятся на казнь. Здѣсь можетъ быть скажетъ ктолибо: ежели безсмертна есть душа, то какъ она можетъ страдать, и казнь чувствовать? Ибо ежели за дѣла будетъ казнима, то подлинно будетъ чувствовать болѣзнь, и такъ и смерть. Ежели смерти не подлежитъ, то ни болѣзни. Слѣдовательно не можетъ страдать. На сей вопросъ или доводъ такъ Стоики отвѣтствуютъ: души человѣческія подлинно пребываютъ, и смертію въ ничто не обращаются: но души праведныхъ чистыя, и безстрастныя, и блаженныя, къ жилищу небесному, откуда имъ начало есть, преселяются, или на поля нѣкоторые благополучные преходятъ, гдѣ наслаждаются чуднымъ удовольствіемъ. А беззаконныя, которые себе злыми вожделѣніями осквернили, средину нѣкоторую носятъ между безсмертною и смертною природу, и имѣютъ нѣкоторую слабость отъ тлѣнія плотскаго, котораго вожделѣ-

деленіямъ и похотямъ предавшись, непростительный некоторый порокъ влекутъ, и скверну телесную: которая понеже чрезъ долгое время сильно прилипла, то ея природу принимаютъ души, что хотя совсемъ не погибаютъ, понеже отъ Бога суть, однако мучимы будутъ ради порока телеснаго, который грехамъ соединенъ будучи чувство болезни прибавляетъ. Сіе мненіе стихотворецъ такимъ образомъ изъяснилъ: „И въ последній день умираютъ, однако не все зло отъ „бедныхъ, и не совсемъ все телесныя уда„ляются язвы: и многіе пороки долговремен„но съ ними возрастши чуднымъ образомъ „прилипаютъ. Следовательно мучатся, и „за прежнія грехи наказаніе принимаютъ„. Сіе подлинно истинно есть. Ибо душа разлучившись отъ тела, (какъ той же стихотворецъ говоритъ) „равна легкимъ ветрамъ, и подобна скорому сну„. Понеже духъ есть, и самою тонкостію непостижимый, но намъ телеснымъ: а Богу всемогущему постижимый и осязаемый.

ГЛАВА 21.

О власти Божіей, который по достоинству всякаго может и людей и ангелов казнить. О безсмертіи тѣла по воскресеніи. О разности огня геенскаго и огня общаго. И что огнь геенскій в избранных, что в отверженных дѣйствует.

Вопервых утверждая, что Божія власть толика есть, что и безтѣлесныя вещи как бы осязает, и по своему изволенію наказует и налагает раны. Ибо и ангели Бога боятся, понеже может их наказывать несказанным нѣкоторым образом: и бѣси боятся, понеже мучит их и казнит. И так дивно ли, ежели безсмертныя души страдать могут от Бога? Ибо понеже ничего в себѣ не имѣют твердаго и осязаемаго, то от твердых и тѣлесных вещей никакого насилія терпѣть не могут: но понеже в одних духовных живут, то от единаго Бога страдать могут, который силу и существо духовное имѣет. Но однако учит нас Священное Писаніе, как беззаконники казнимы будут. Ибо поелику в тѣлѣ согрѣшили, паки в тѣло облекутся, дабы в тѣлѣ и казнь принять. Однако оное тѣло, в которое Бог человѣка облечет, не будет сему земному подобное, но неразрушимое, и пребывающее во вѣки, дабы снести могло муки и огнь вѣчный: котораго природа от-

отмѣнна есть отъ сего нашего, котораго для нуждъ житія употребляемъ, который ежели веществомъ не будетъ питаться, то угасаетъ. А оный божественный самъ собою всегда живетъ, и силенъ есть безъ всякой пищи, и не имѣетъ дыму, но есть чистый и важный, и по подобію воды разливающійся. Ибо никакою силою въ верхъ не стремится, какъ нашъ, котораго скверна земнаго тѣла, въ которомъ содержится, и дымъ смѣшанный, восходить понуждаетъ, и къ природѣ небесной съ зыбкостію и колебаніемъ возлетать. И такъ оный божественный огнь одною и тоюжъ силою, и сожигать будетъ беззаконныхъ и возобновлять, и сколько отъ тѣла снѣсть, столько опять приложитъ, и самъ себѣ вѣчную пищу подавать будетъ: какъ сіе стихотворцы о Коршунѣ и Тиціи повѣствуютъ. Такимъ образомъ безъ всякаго обновляющихся тѣлъ убытку опалять только будетъ, и чувство болѣзни дѣлать. Но когда и праведныхъ будетъ Богъ судить, то огнемъ и ихъ искуситъ. Тогда которыхъ грѣхи или тяжестію или числомъ будутъ превосходить, огнемъ уязвятся, и сожгутся: а который полную правду и совершенную добродѣтель имѣть будутъ, то огня онаго не будутъ чувствовать. Ибо будутъ имѣть въ себѣ нѣчто божественное, что силу пламени проженетъ и отразитъ. Толикая сила есть невинности, что отъ нея огнь оный, не причинивъ вреда, удаляется: который отъ Бога сію власть принялъ, дабы беззаконныхъ опалять, пра-

веднымъ повиноваться. Однако пускай не подумаетъ ктолибо, будто бы души по смерти тотчасъ судятся. Ибо всѣ въ одной и общей стражи содержатся, покуда время пріидетъ, въ которое великій Судія заслуги разсмотритъ. Тогда которыхъ будетъ прямою правда, тѣ награжденіе безсмертія пріимутъ. А которыхъ грѣхи и беззаконія откроются, тѣ не востанутъ, но съ беззаконными въ тужъ тьму на опредѣленныя муки осуждены будучи, ввержены быть имѣютъ.

ГЛАВА 22.

Что нѣкоторые сіе стихотворческимъ вымысломъ почитаютъ: и откуда стихотворцамъ къ знанію пришло; и для чего испортили истинну, и Летейскую рѣку, и иные мечтанія пели.

Нѣкоторые сіе за баснь стихотворческую почитаютъ, не зная, откуда оное стихотворцы взяли, и за невозможное сіе вмѣняютъ: и не дивно, что имъ такъ кажется. Инако бо, нежели какъ оно само въ себѣ есть, пишутъ стихотворцы; которые хотя несравненно древнѣе, нежели Историки, и Ораторы, и прочіе писатели, однако понеже тайны Божія не знали, и воспоминаніе будущаго воскресенія къ нимъ темно достигло, оное услышавши безразсудно и легкомысленно на подобіе

добіе вымышленной басни написали. И однако стихотворцы сами свидѣтельствуютъ, что они не изобрѣтатели извѣстному, но мнѣнію послѣдуютъ, какъ Маронъ, который говоритъ: „ Дозвольте мнѣ слышанное сказать „. И такъ хотя тайну истинны отъ части испортили, однако самая вещь тѣмъ истиннѣе есть, что съ Пророками нѣсколько согласуютъ: и сего намъ къ утвержденію вещи довольно. Однако заблужденію ихъ есть нѣкоторая причина. Ибо когда Пророки всегдашними проповѣдьми возвѣщали, что мертвымъ имѣетъ судить Сынъ Божій, и сіе проповѣданіе не тайно было: понеже правителя небеснаго иного не знали кромѣ Юпитера, то написали, будто бы во адѣ судитъ Юпитеровъ сынъ. Но однако не Аполлинъ, или Либеръ, или Меркурій, которые за небесныхъ почиталися, но той, который и смертенъ былъ, и праведенъ, какъ то или Миной, или Еакъ, или Радамантъ. И такъ испортили стихотворческою вольностію то, что слышали, или мнѣніе чрезъ разныя уста и рѣчи разсѣянное правду премѣнило. Ибо что говорили, будто бы во адѣ по прошествіи тысячи лѣтъ люди паки къ житію возвращаются, какъ Маронъ говоритъ: „ Сіи всѣ когда „ тысячу лѣтъ исполнятъ, къ Летейской рѣ„ кѣ ихъ Богъ въ великомъ множествѣ при„ зываетъ: то есть дабы не помня, на верхъ „ земли выходили: и желали паки въ тѣла возвра„ титься „. Сія вина ихъ обманула, понеже мертвые востанутъ не по тысячи лѣтъ смерти

своея, но возвратившися къ житію, тысячу лѣтъ съ Богомъ царствовать будутъ. Богъ бо пріидетъ, дабы міръ сей отъ всякой скверны очистивши, ожившія праведныхъ души, возобновивъ тѣла, къ вѣчному блаженству возбудить. Того ради кромѣ воды забвенія прочее истинно есть: которую воду для того вымыслили, дабы имъ напротивъ кто не сказалъ: для чегожъ не помнятъ, что нѣкогда жили, или каковы были, или что дѣлали? Но однако не надлежитъ всея вещи будто бы вольно и баснословно вымышленной отвергать. А когда я воскресеніе утверждаю и показываю, что души къ другому житію не забывши о себѣ, но въ томъ же чувствѣ и образѣ имѣютъ возвратиться, сіе мнѣ напротивъ говорятъ: столько уже вѣковъ прошло, кто когда хотя одинъ отъ ада воскреслъ, дабы примѣромъ его воскресеніе мы за возможное почли? Но воскресеніе быть не можетъ, когда владѣетъ еще неправда, а въ семъ вѣкѣ убиваеми бываютъ люди насиліемъ, оружіемъ, коварствами, ядомъ: терпятъ обиды, нищету, темницы, муки, изгнанія. Къ томужъ что правда ненавидима есть, что всѣ Богу послѣдующіе не только ненавидими, но и озлобляеми всякими безчестіями, и мучими разными казньми, и къ почитанію рукотворенныхъ боговъ не доводами и истинною, но проклятымъ тѣмъ терзаніемъ принуждаеми бываютъ. И такъ надлежитъ ли для сего самаго воскресать, и возвращаться людемъ къ житію, въ которомъ безопасными быть

не

не могутъ. И такъ когда праведныхъ толь за подлыхъ имѣютъ, толь удобно истребляютъ, то чтобы было, ежелибы кто отъ ада возвратившись ожилъ? Подлинно потребилибы его отъ очей человѣческихъ, дабы его видя или слыша, всѣхъ боговъ не оставили, и къ почитанію единаго Бога и вѣрѣ не обратились. Слѣдовательно однажды быть воскресенію должно, когда зло упразнится, ибо тѣ, которые воскреснутъ, ни умирать уже болѣе, ни насилія терпѣть никакъ не должни: дабы блаженное могли имѣть житіе. А стихотворцы вѣдая, что вѣкъ сей всякаго зла наполненъ, забвенія рѣку вымыслили, дабы души не помня трудовъ и бѣдъ, возвращаться къ житію не отрицалися. Откуда Виргилій: „О отче! идутъ ли „отсюда къ небу нѣкоторыя высоки души, и „паки ли возвращаются въ дебелыя тѣла? Для „чего такъ они жестоко жить желаютъ„. Не зналъ бо, когда или какъ сіе быть должно. Того ради думали, будто бы души отраждаются, и паки во чрево входятъ, и къ младенчеству возвращаются. Посему и Платонъ о душѣ разглагольствуя. Изъ сего, говоритъ, можно познать, что души суть безсмертны и Божественны, понеже въ отрокахъ движимые суть умы, и способныя къ переимчивости. Понеже чему учатся, такъ скоро понимаютъ, будто бы не тогда вопервыхъ тому учатся, но распознаютъ, и на память себѣ приводятъ. Въ семъ мужъ мудрый стихотворцамъ несмысленно вѣрилъ.

ГЛАВА 23.

О воскресеніи, и что Пиѳагоръ и иные Философы безумно говорили лгучи о воскресеніи, будто бы души въ разныя переходятъ тѣла.

И такъ не отродятся души, ибо сему быть не можно, но востанутъ, и отъ Бога въ тѣла облекутся: и первое житіе и всѣ дѣла помнить будутъ, и во благихъ небесныхъ пребывая, и наслаждаясь сладости безчисленнаго богатства, предстоя Богу благодарить будутъ, что зло всяко истребилъ, что ихъ къ царству и житію вѣчному возбудилъ. О семъ воскресеніи и Философы нѣчто говорить силились, только такъ развращенно, какъ стихотворцы: ибо Пиѳагоръ говорилъ, но безумно, будто бы переходятъ души въ новыя тѣла, изъ людей въ скотовъ, и изъ скотовъ въ людей, и будто бы самъ онъ изъ Евфорба переродился. Лучше Хрисиппъ, который по свидѣтельству Цицеронову, мнѣнію Стоиковъ послѣдовалъ, въ книгахъ о провидѣніи написанныхъ, о возобновленіи міра говоря, сіе приложилъ: „А ежели сіе „ такъ, то за возможное сіе почитаемъ, „что и мы кончивши житіе, по обращеніи „извѣстномъ временѣ, въ сіе состояніе, въ „ которомъ нынѣ находимся, возвратимся „. Но мы отъ человѣческаго свидѣтельства къ Божественному прейдемъ. Сивилла паки говоритъ: „Ибо не скоро вѣрящій весь человѣ-

„ ческій

„ческій родъ, но когда пріидетъ міру и лю-
„демъ судъ, который самъ Богъ здѣлаетъ,
„судя нечестивыхъ купно и благочестивыхъ,
„тогда напослѣдокъ нечестивыхъ во тму и
„огонь пошлетъ, а благочестивые паки бу-
„дутъ жить на земли, Богъ бо дастъ имъ
„духъ, честь, купно и жизнь.„ А ежели
не только пророки, но и прорицатели, и сти-
хотворцы, и Философы согласуютъ, что
будетъ воскресеніе мертвыхъ, то пускай ни
кто не вопрошаетъ, какъ оное воскресеніе
быть можетъ. Но ежели въ началѣ Богъ че-
ловѣка несказаннымъ образомъ сотворилъ,
то должни вѣрить, что тойже обновить вет-
хаго можетъ, который новаго сотворилъ.

Глава 24.

Какъ по предсказанію Сивиллы по судѣ тысячу лѣтъ царствовать будетъ на земли сынъ Божій съ избранными своими въ святомъ градѣ, который поставитъ. И что діаволъ связанъ будетъ тысячу лѣтъ, и все созданіе укротится, и въ пріятность послужитъ человѣку. И что Христосъ отъ всѣхъ почитаемъ будетъ какъ Богъ и Господь.

Теперь оставшееся приложу. Пріидетъ всевышняго и великаго Бога Сынъ живыхъ и мертвыхъ судить, какъ Сивилла свидѣтельству-

ствуетъ и говоритъ: „По всей земли смя-
„тение смертныхъ тогда будетъ, и самъ
„всемогущій тогда пріидетъ судить живыхъ
„и мертвыхъ души и весь міръ„. Но онъ
„истребивъ неправду и судъ превеликій сотво-
„ривъ, и праведныхъ, которые отъ начала
„были, къ житію обновивъ, тысячу лѣтъ
„между людьми обращаться будетъ, и ихъ
„наиправеднѣйшею властію будетъ править„.
Сіе иная Сивилла прорицая и неистовствуя,
возгласила: „Слышите мене люди, Царь вѣч-
„ный владѣетъ„. Тогда которые будутъ
„въ тѣлахъ живы, не умрутъ, но чрезъ тѣжъ
„тысячу лѣтъ безконечное множество родятъ,
„и будетъ плодъ ихъ святый и Богу любез-
„ный„. А которые отъ ада востанутъ, тѣ начальствовать будутъ надъ живыми, какъ судіи. А народы совсѣмъ не погибнутъ, но нѣкоторые останутся въ побѣду Богу, дабы надъ ними торжествовали праведные, и покорили въ вѣчное рабство. Въ то же время и начальникъ бѣсовъ, который есть изобрѣтатель всякаго зла, связанъ будетъ узами, и будетъ подъ стражею тысячу лѣтъ небесной власти, при которой правда въ мірѣ царствовать будетъ, дабы какого зла противъ народа Божія не подвиглъ. По семъ приходѣ соберутся праведные со всей земли, и по совершеніи суда градъ святый поставятъ посредѣ земли, въ которомъ самъ создатель Богъ съ праведными владѣющими пребывать будетъ. Сей градъ Сивилла означаетъ, говоря: „Градъ, который сотворилъ Богъ,

„оный

„ оный сотворилъ яснѣйшій звѣздъ и солнца „ и луны „. Тогда отнимется отъ міра тма оная, которою помрачалось и затмѣвалось небо: и луна свѣтлость солнечную пріиметъ, и не уменьшится болѣ. А солнце въ седмь кратъ нежели нынѣ, яснѣе будетъ. И земля открыетъ плодоносіе свое, и наизобильнѣйшіе плоды сама собою раждать будетъ: горы каменныя медъ источать будутъ: потоками вино течь станетъ, и рѣки медомъ наводнятся. Наконецъ самъ міръ возрадуется, и вся вещей природа возвеселится избавившись и свободившись отъ власти зла, и нечестія, и беззаконія, и заблужденія. И звѣри въ то время кровію питаться не будутъ, и птицы добычею: но спокойно и тихо будетъ все. Львы и телцы у яслей купно стоять будутъ, волкъ овецъ похищать не станетъ, песъ ловить не будетъ, ястребы и орлы вреда причинять не станутъ, отрокъ съ зміями играть будетъ. Наконецъ тогда будетъ то, что по сказкамъ стихотворцовъ въ златыя времена въ царство Сатурново дѣлалось: которыхъ заблужденіе оттуду произошло, понеже пророки по большой части о будущихъ вещахъ такъ говорятъ, какъ бы о прошедшихъ. Ибо очамъ ихъ представлялись видѣнія, и казалось будтобы то предъ ними дѣлается и кончится. А сіи когда пророчества ихъ помалу разгласились, то поелику незнающіе истинны, не разумѣли какимъ образомъ сіе говорится, подумали, будто бы уже все то въ древнія вѣки исполнилось, что подлинно быть и исполниться

не могло въ царство человѣческое. А когда по упраздненіи вѣръ нечестивыхъ, и по престашіи беззаконія покорится земля Богу, „Удалится отъ моря и самъ мореходецъ, „и корабли престанутъ купечествовать, вся„кая земля все производить будетъ, не бу„дутъ земли орать, ни виноградовъ обрѣзы„вать, и сильный земледѣлецъ отъ ярма сво„бодитъ воловъ. Тогда на поли созрѣютъ „нѣжныя класы, и на недѣланномъ терніи „будутъ красныя ягоды: и изъ твердаго ду„ба истечетъ медовая роса, и разными крас„ками красить волну престанутъ, но самыя „на поляхъ овцы то пріятною червленью, „то жолтымъ окрасятъ волну цвѣтомъ, самъ „собою красный цвѣтъ пасущихся одѣетъ „агнцовъ, сами козы пріидутъ въ домъ съ „наполненными млекомъ сосцами. И скоты „не будутъ бояться великихъ львовъ. Сіе „стихотворецъ послѣдуя стихамъ Кумейской „Сивиллы сказалъ. А Ерітрейская такъ го„воритъ: И тогда волки съ Агнцами на го„рахъ будутъ обращаться: и травою рыси „равно съ козлами питаться станутъ: медвѣ„ди съ тельцами купно и всѣми скотами: пло„тоядный левъ будетъ ѣсть плевы при яслѣхъ. „Съ младенцами драконы спать будутъ. И на иномъ мѣстѣ о изобиліи вещей: Тогда ра„дость великую Богъ дастъ людемъ: ибо и „земля и древеса, и безчисленные земные „скоты дадутъ плодъ истинный людемъ, ви„на, и меда наисладчайшаго, и бѣлаго млека, „и пшеницы, которая человѣку лучше всего„.

И иная такимъ же образомъ: „Однихъ бла-„гочестивыхъ земля все сіе произнесетъ, по-„течетъ медъ отъ камени и отъ источника: „и млеко безсмертія потечетъ всѣмъ правед-„нымъ„. И такъ будутъ препровождать люди наиспокойнѣйшую и изобилнѣйшую жизнь, и царствовать будутъ съ богомъ равно: и Цари народовъ пріидутъ отъ конецъ земли съ дарами, дабы поклониться и почтить Царя великаго: котораго имя будетъ славно и почитаемо всѣми народами находящимся подъ небомъ, и царями обладающими на земли.

ГЛАВА 25.

Что по нѣкоторымъ писаніямъ не остается больше какъ только двѣстѣ лѣтъ до позобноплeнія пещей. И что конецъ не будетъ развѣ по разореніи Рима.

Сіе имѣетъ быть по предсказанію Пророковъ, которыхъ свидѣтельства и слова приводить не нужно: ибо сіе было бы безконечнымъ, и толикаго вещей множества книга не вмѣстила бы, когда толь многіе единымъ духомъ подобное говорятъ, купно дабы и читающимъ не наскучитъ, ежели изо всѣхъ собравши и приведши предложу. Кромѣ сего дабы то самое, что говорю, не нашимъ, но чужими писаніями наипаче подтвердить, и показать, что не только у насъ, но и у тѣхъ

са-

самыхъ, которые насъ гонятъ, истинна описана находится, которой не хотятъ познать. А кто сіе лучше знать захочетъ, тотъ изъ самаго источника да почерпнетъ: и больше, нежели я въ сихъ книгахъ описалъ, дивнаго найдетъ. Можетъ быть теперь вопроситъ кто либо, когда сіе, что я говорю, быть имѣетъ. Уже прежде показалъ я, что по исполненіи шести тысячей лѣтъ премѣненію сему быть должно, и что уже приближается оный послѣдняго скончанія день, изъ знаменій предсказанныхъ Пророками познать можно. Предсказали бо намъ знаменія, по которымъ скончанія временъ по вся дни должно намъ ожидать и бояться. Когда однако исполнится сіе число, показуютъ тѣ, которые о временахъ писали, собирая то изъ Священнаго Писанія и изъ разныхъ исторій, коликое есть число лѣтъ отъ начала міра: которые хотя разно говорятъ, и нѣсколько числа ихъ содержаніе не согласуетъ, однако всего ожидать не больше кажется, какъ двѣстѣ лѣтъ, и вещь сама показуетъ, что паденіе вещей вскорѣ будетъ: только что покуда въ цѣлости стоитъ городъ Римъ, ничего сего бояться не должно. А когда глава оная міра упадетъ, и огнемъ згоритъ, какъ Сивиллы предсказываютъ, то кто усумнится, что пришелъ уже конецъ дѣламъ человѣческимъ и кругу земному? Оный бо есть городъ, который еще содержитъ все: и просить намъ надлежитъ, и молить Бога небеснаго, ежели только установленія и опредѣленія его отмѣнить

можно,

можно, дабы скорѣе нежели думаемъ мучитель оный проклятый не пришолъ, который толикое беззаконіе сотворитъ, и свѣтило оное разоритъ, по котораго погибели міръ самый пасть имѣетъ. Теперь къ показанію проччаго приступлю, которое потомъ слѣдовать имѣетъ.

ГЛАВА 26.

Что по тысячи лѣтъ златаго вѣка по судѣ разрѣшенъ будетъ паки діаполъ, и возбудитъ народы, дабы воевали на святый градъ и облягутъ его: и какъ народы совсѣмъ Богъ разоритъ и вѣчнымъ казнямъ предастъ, избранныхъ людей преселивши къ славѣ Ангельской, по воскресеніи второмъ.

Сказалъ я нѣсколько выше, что въ началѣ царства святаго начальникъ демоновъ отъ Бога связанъ будетъ. Но онъ же, когда тысяча лѣтъ царства, то есть седмь тысячь начнутъ кончиться, разрѣшенъ будетъ паки, и изъ стражи испущенъ будучи изыдетъ: и всѣ народы, которые тогда будутъ подъ владѣніемъ праведныхъ, возбудитъ, дабы воевали противъ святаго града. И соберется со всего круга земнаго безчисленный народъ, и обляжетъ, и окружитъ градъ: тогда пріидетъ послѣдній гнѣвъ божій на народы, и погубитъ ихъ до единаго: и первѣе потрясетъ землю

сильно и отъ трясенія ея разсядутся горы Сирскія, и опадутъ холмы въ пропасть, и стѣны всѣхъ градовъ обвалятся: и остановитъ Богъ солнце три дни, дабы не заходило, и воспламенитъ его, и снидетъ жаръ чрезмѣрный и опаленіе великое на бунтовщиковъ, и на беззаконныя народы, и дожди сѣверные и градъ каменный, и капли огненные, и растопится духъ въ жару, и тѣла сотрутся градомъ, и сами себе взаимно мечемъ убивать будутъ: наполнятся горы трупами, и поля покрыются костями. А народъ божій, въ три дни оные въ пещерахъ земныхъ скрываться будетъ, покуда гнѣвъ божій противъ народовъ, и послѣдній судъ окончится. Тогда изыдутъ праведные отъ убѣжищъ своихъ, и найдутъ всѣ поля трупами и костьми покрытыя, но и весь родъ беззаконныхъ совсѣмъ погибнетъ, и не будетъ въ семъ мірѣ никакого народа больше, кромѣ онаго народа божія, тогда цѣлыхъ седмь лѣтъ не прикоснутся лѣсамъ, и на горахъ дровъ рубить не будутъ, но оружія народныя палить будутъ, и уже не будетъ войны, но міръ, и покой вѣчный. А когда исполнится тысяча лѣтъ, обновитъ Богъ міръ, и небо свіется, и земля премѣнится, и премѣнитъ Богъ человѣковъ на подобіе Ангеловъ, и будутъ бѣлы какъ снѣгъ, и будутъ всегда предъ очами всемогущаго, и Господу своему жертву приносить и служить будутъ во вѣки. Въ то же время будетъ второе оное и общее всѣхъ воскресеніе, въ которомъ беззаконные воскреснутъ на муки

вѣч-

вѣчныя. Сіи суть, которые рукотворенныхъ почитали, которые Господа міра и отца или не знали, или отреклись. Но и господинъ ихъ съ слугами своими взятъ будетъ, и на казнь осудится, съ которымъ равно все множество беззаконныхъ за свои беззаконія предъ очами Ангеловъ и праведныхъ огнемъ вѣчнымъ сожигаемы будутъ во вѣки. Сіе есть ученіе святыхъ пророковъ, которому мы христіане послѣдуемъ. Сія мудрость наша, которой немощныхъ идоловъ почитающіе, или тщетную Философію защищающіе, такъ какъ бы безумію и суетѣ насмѣхаются: понеже мы сея нашея мудрости публично не защищаемъ и не утверждаемъ, ибо Богъ повелѣлъ въ тишинѣ и молчаніи тайну его въ тайнѣ, и внутрь совѣсти нашея содержать: и противъ оныхъ подлинно скверныхъ, которые не для того, чтобъ познать, но чтобъ обличить и насмѣяться, нещадно противъ Бога и вѣры его вооружаются, упрямо не спорить. Ибо укрывать тайну должно, наипаче намъ, которые вѣрными называемся. Но они сіе молчаніе наше такъ какъ бы явное беззаконіе обвиняютъ. Посему и нѣкоторыя проклятыя мнѣнія о честныхъ и невинныхъ вымышляютъ, и охотно вымысламъ своимъ вѣрятъ.

ГЛАВА 27.

Увѣщаніе, дабы всѣ спѣшили къ принятію вѣры и мудрости; которая приводитъ къ преблаженному вѣчнаго житія блаженству.

Понеже совершивъ предпріятаго дѣла седмь разстояній, къ концу я приближился, то остается увѣщать всѣхъ къ принятію истинной вѣры и мудрости: которой сила и должность въ томъ состоитъ, дабы презрѣвши земныя вещи, и отвергши заблужденія, въ которыхъ прежде мы находились, немощнымъ идоламъ служили, и немощныхъ вещей желая, къ вѣчному небеснаго сокровища награжденію обратились: которое дабы могли мы принять, вопервыхъ всего оставить должно сего нынѣшняго житія непозволенныя роскоши, которыя души человѣческія наипагубнѣйшею сладостію разслабляютъ. Какое щастіе есть, очистившись отъ сихъ скверн земныхъ пріити къ оному праведнѣйшему судіи, и отцу премилостивѣйшему, который за труды покой, за смерть житіе, за тьму свѣтлость, за земное и краткое добро, вѣчное и небесное даруетъ: съ которымъ награжденіемъ горести и бѣды, которыя терпимъ въ семъ мірѣ дѣлая дѣла правды, сравниться никакъ не могутъ. Того ради ежели мудрыми, ежели блаженными быть желаемъ, то помышлять себѣ должни не только оное Теренціево: Надобно сильно трудитися, біеніе терпѣть, узы носить,

но и сего несравненно жесточайшее: темницу, узы, муки терпѣть, сносить болѣзни, наконецъ смерть самую и принять и сносить, понеже извѣстно совѣсти нашей, что и тлѣнное сіе удовольствіе безъ муки, и добродѣтель безъ Божественнаго награжденія не останется. И такъ всѣмъ надлежитъ стараться, какъ можно скорѣе исправиться на прямый путь: дабы начавъ, и дѣлая добродѣтели, сего житія труды терпѣливно совершивъ, утѣшителемъ имѣли Бога. Ибо отецъ нашь и Господь, который сотворилъ и утвердилъ небо, который солнце съ прочими свѣтилами водрузилъ, который свѣсивши величину земную оградилъ горами, моремъ окружилъ и рѣками раздѣлилъ, и все что ниесть въ семъ мірѣ, сотворилъ и совершилъ изъ ничего: усмотрѣвши заблужденія человѣческія, послалъ вождя, дабы намъ путь правды отворить. Сему послѣдовать всѣ, сего слушать, сему съ благоговѣніемъ повиноваться должни: понеже онъ единъ, какъ говоритъ Лукрецій: „Истинными словами очистилъ „человѣческія сердца: и конецъ положилъ вож„деленію и страху: и изъяснилъ высочайшее „добро, къ которому стремимся всѣ, како„во оно есть, и путь показалъ стезею ма„лою: которою можемъ къ оному добру пря„мо достигнуть„. И не только показалъ, но и предшествовалъ, дабы кто ради трудности, пути добродѣтельнаго не убоялся. Оставимъ (ежели можно) погибели и лести, въ которыхъ смерть, роскошей сладостьми

прикрытая таится. И сколько кто лѣтами къ старости преклоняяся видитъ приближающійся оный день, въ который должно ему отъ сего житія преселиться, да помышляетъ, сколь чистъ отъидетъ: сколь невиненъ къ судіи пріидетъ: не какъ дѣлаютъ нѣкоторые полагающіеся на слѣпый свой разумъ, которые оскудѣвая въ тѣлесныхъ силахъ, когда настоитъ послѣдній часъ, охотнѣе и тщательнѣе похотямъ служатъ. Изъ сея пропасти да свободитъ себя всякъ, когда возможно, и къ Богу всемъ умомъ да обратится, дабы онаго дня спокойно ожидалъ, въ который начальникъ и Господь міра Богъ всѣхъ дѣла и помышленія судить будетъ. Все здѣсь желаемое не только да презираетъ, но и да удаляется, и лучшею свою душу да судитъ, нежели добро оное прелестное, котораго неизвѣстное и краткое есть владѣніе: преходитъ бо ежедневно, и несравненно скорѣе убѣгаетъ, нежели пришло. И хотя бы намъ до послѣдняго часа употреблять онаго можно было, однако инымъ подлинно оставлять должно. Ничего съ нами изнести не можемъ, какъ только житіе доброе и невинное. Тотъ къ Богу достаточнымъ, тотъ богатымъ пріидетъ, которому предстоять будутъ воздержаніе, милосердіе, терпѣніе, любовь, вѣра. Сіе есть наслѣдіе наше, которое ни у кого ни отнято быть, ни прейти къ иному не можетъ. И кто сего добра сыскать и пріобрѣсти себѣ не пожелаетъ? Да пріидутъ алчущіи, дабы небесною пищею насытившись,

вѣчнаго глада избѣгли. Да пріидутъ жаждущіи, да спасительную воду отъ вѣчнаго и небеснаго источника изобильно почерпнутъ. Сею пищею и симъ питіемъ Божественнымъ и слѣпые увидятъ, и глухіе услышатъ, и нѣмые возглаголютъ, и хромые ходить будутъ, и безумные уразумѣютъ, и немощные здравы будутъ, и мертвые оживутъ. Ибо кто тлѣнныя земныя вещи добродѣтелію поперетъ, сего Всевышній оный и небесный Судія къ свѣту и житію вѣчному воскреситъ. Никто на богатство, никто на достоинство, никто и на царскую власть да не уповаетъ, ибо безсмертнымъ сіе человѣка не дѣлаетъ. Понеже кто состояніе человѣческое отвержетъ, и нынѣшнимъ вещамъ послѣдуя на землю себя повержетъ, тотъ такъ какъ измѣнникъ Господа и Царя и отца своего казнимъ будетъ. И такъ да дѣлаемъ правду, которая одна неразлучно намъ послѣдуя къ Богу приведетъ: и покуда живемъ, неутружденнымъ воинствованіемъ Богу да воинствуемъ, стоянія и стражи да отправляемъ мужественно, да побѣдителями будучи, по преодолѣніи противника торжествуя, мзду добродѣтели обѣщанную отъ Бога пріимемъ.

Конецъ седьмой и послѣдней книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

О ГНѢВѢ БОЖІЕМЪ,

Къ Донату.

Книга одна.

ГЛАВА I.

Какая причина предпріятаго дѣла, и какимъ порядкомъ имѣемъ говорить.

Примѣтилъ я многократно, Донате! что многіе думаютъ (какъ и нѣкоторые Философы думали) будто бы не гнѣвается Богъ: или для того, понеже благотворительное только есть естество Божіе, и превосходная и наилучшая власть, не вредитъ никому: или понеже совсѣмъ Богъ ни о чемъ не радитъ, что ни изъ благотворенія ему никакого добра мы не получаемъ, ни изъ злотворенія никакого зла. Коихъ заблужденіе послику наивеличайшее, и превращаетъ житіе человѣческое, то обличить оное намѣреваю, дабы и ты не обманутъ былъ важностію тѣхъ людей, которые себе мудрыми почитаютъ. Я не хвалюся, будто бы я своимъ умомъ истинну понялъ, но ученію Божію послѣдую, который единъ можетъ знать, и открывать сокровенная, котораго ученія Философы не зная

ду-

думали, будто бы природу вещей догадкою понимать можно. Сіе никакъ статься не можетъ: понеже умъ человѣческій въ темномъ тѣлѣ заключенъ будучи, далече отъ познанія истинны отстоитъ: и симъ разнится отъ человѣка Богъ, понеже человѣкъ не знаетъ, Богъ знаетъ. Для сего потребно намъ нѣкотораго свѣта къ прогнанію тьмы, которою покрыто есть человѣческое помышленіе: понеже въ тѣлѣ смертномъ пребывая, своимъ чувствомъ отгадывать не можетъ. А свѣтъ ума человѣческаго Богъ есть, котораго ежели кто познаетъ, и въ сердце пріиметъ, тотъ просвѣщеннымъ сердцемъ тайну истинны познаетъ: а ежели удалится отъ Бога и отъ небеснаго ученія, то все заблужденія полно будетъ. И справедливо Сократъ будучи всѣхъ Философовъ мудрѣйшій, однако дабы прочихъ обличить не знаніе, которые думали, будто бы нѣчто знаютъ, говорилъ: „Я де ничего „ не знаю, а только то одно знаю, что ничего не „ знаю „. Ибо выразумѣлъ онъ, что ученіе Философическое не имѣетъ въ себѣ ничего извѣстнаго: ничего истиннаго: и не какъ думали нѣкоторые, утаилъ самое ученіе, дабы иныхъ опровергнуть: но видѣлъ нѣсколько истинну, и засвидѣтельствовалъ и на судѣ (какъ объявляетъ Платонъ) что нѣтъ никакой человѣческой мудрости: и того ради ученіе, которымъ тогда Философы величалися, презрѣлъ, поругалъ, отверглъ, дабы то самое за высочайшее ученіе признать, что ничего знать не научился. И такъ ежели ни-

никакой нѣтъ мудрости человѣческой, но Сократову ученію, какъ Платонъ призналъ, то видно, что есть ученіе божественное, и никто иный, какъ только Богъ истину знаетъ. Слѣдовательно Бога должно познать, въ которомъ единомъ истинна находится: онъ міра отецъ и создатель вещей, котораго очами не видимъ, умомъ едва видимъ, котораго вѣру многими способами опровергаютъ тѣ, кои и истинной мудрости не имѣютъ, и истинной и надобной тайны не понимаютъ.

ГЛАВА 2.

О степеняхъ, которыми къ истиннѣ посходятъ, и кто съ самыхъ степеней спадываетъ.

Ибо понеже многіе степени суть, которыми къ истиннѣ восходятъ, то не всякому легко на высоту взойти. Понеже блистаніе истины помрачаетъ очи, то которые постояннаго хожденія имѣть не могутъ, падаютъ нанизъ. Первый же степень есть познать ложныя вѣры, и отвергнуть нечестивое почитаніе человѣческою рукою сотворенныхъ: вторый разсмотрѣть умомъ, что единъ есть Богъ высочайшій, который властію и промысломъ сотворилъ въ началѣ міръ, и нынѣ управляетъ: третій степень, познать вѣстника его посланнаго на землю, котораго ученіемъ свободившись мы отъ прежняго заблуж-

блужденія, и научившись почитать истиннаго Бога, истинну познали. Съ сихъ всѣхъ степеней, какъ сказалъ я, легко и удобно пасть, ежели кто непоколебимымъ постоянствомъ не утвердится. Съ перваго степени тѣ падаютъ, которые хотя ложь разумѣютъ, однако истинны не находятъ, и презрѣвши земныхъ тлѣнныхъ идоловъ, не Бога почитаютъ, котораго не знаютъ, но стихіямъ міра удивляяся, небо, землю, море, солнце, луну, и прочія почитаютъ. Но невѣжество сихъ я уже обличилъ во второй книгѣ божественныхъ наставленій. Съ втораго степени тѣ падаютъ, которые согласуютъ, что единъ есть высочайшій Богъ, однако отъ Философовъ прельщены, и ложными доводами уловленны будучи, инако о единомъ ономъ величествѣ умствуютъ, нежели какъ есть въ самой вещи, которые или говорятъ, что образа никакого Богъ не имѣетъ, или думаютъ, что никакою не возбуждается страстію, понеже всякая страсть происходитъ отъ немощи, а немощи въ Богѣ нѣтъ никакой. А съ третіяго тѣ низвергаются, которые вѣдая вѣстника Божія, и онаго божественнаго и безсмертнаго храма создателя, однако или не принимаютъ его, или инако принимаютъ, нежели вѣра требуетъ. Сихъ отъ части опровергъ я въ четвертой вышереченнаго дѣла книгѣ, и опровергну ниже прилѣжнѣе, когда буду отвѣтствовать на всѣ толки, которые споря, истину потеряли. А нынѣ противъ тѣхъ говорить буду, которые съ втораго степени падши не

прямо о высочайшемЪ БогѢ умствуютЪ. Ибо говорятЪ нѢкоторые, что БогЪ ни пріятствуетЪ никому, ни гнѢвается, но тихо и спокойно безсмертныхЪ своихЪ благихЪ наслаждается. А иные гнѢвЪ истребляютЪ, милость оставляютЪ Богу. Всесильное бо естество какЪ не злотворительно, такЪ добротворительно быть должно. ТакЪ всѢ Философы о гнѢвѢ согласуютЪ, о милости не согласуютЪ. Но дабы кЪ предложенной матеріи порядочно текла рѢчь, такое должно здѢлать раздѢленіе. Понеже различныя и несогласныя суть гнѢвЪ и милость: то или гнѢвЪ должно причитать Богу, и милость отнимать, или обое равно отнимать: или гнѢвЪ должно отнимать и милость причитать, или обоего не отнимать. Иного больше кромѢ сего ничего не можетЪ вмѢстить природа: почему вЪ одномЪ нѢкоторомЪ изЪ сихЪ должна искомая истинна находиться. Разсудимъ всякое порознь, дабы насЪ кЪ скрывающейся истиннѢ и доводЪ и порядокЪ привелЪ.

ГЛАВА 3.

Что никто не утверждалЪ, будто бы БогЪ гнѢвается, и на милость не позбуждается.

Перваго онаго никто никогда о БогѢ не говорилЪ, будто бы БогЪ гнѢвается только, и на милость не преклоняется. Неприлично Богу такову власть имѢть, дабы вредилЪ толь-

только, а пользовать и добротворить не могл. И так каково состояніе, какова надежда спасенія людем останется, ежели только зла изобрѣтателем есть Бог? И ежели бы так было, то уже оное почтенное величество не судейскую бы власть имѣло, который может спасать и свобождать, но мучительскую должность. А когда видим, что не только зло есть в дѣлах человѣческих, но и добро: слѣдовательно ежели Бог есть изобрѣтателем зла, то должен быть изобрѣтателем другій, который противное Богу дѣлает, и дает нам добро. И ежели есть, то каким его именем назовем? для чего нам злотворящій извѣстнѣе, нежели добротворящій? А ежели ничто не может быть кромѣ Бога, то непристойно и тщетно думать, будтобы божественная власть, которой нѣт ничего болѣе, ничего лучше, вредить могла: и сего ради ни одного не было, который бы дерзнул сіе говорить, понеже и причины тому нѣт, и ни как тому вѣрить не можно. И поелику всѣ в сем согласуют, то прейдем, и истинны в другом мѣстѣ поищем.

ГЛАВА

ГЛАВА 4.

Против Епикура спорит, который говорил, будтобы Бог не гнѣвается, ни милосердствует, и ни о чем не промышляет.

Слѣдующее есть ученіе Епикурово: как гнѣва в Богѣ нѣт, так ни милости. Ибо Епикур думая, что не свойственно Богу зло творить и вредить, понеже сіе от страсти ярости по большей части происходит; отнял у Бога и добротвореніе: ибо видѣл слѣдующее, что ежели Бог имѣет гнѣв, то имѣет и милость. Того ради дабы не присвоить Богу гнѣва, отнял у него и добротвореніе. Потому, говорит, есть блаженный и нетлѣнный, понеже ни о чем нерадит, и сам не имѣет труда, и никому не причиняет. Слѣдовательно не есть Бог, ежели и не движется, что есть свойственно живущему: и не дѣлает ничего невозможнаго человѣку, что есть свойственно Богу: ежели совсѣм не имѣет никакой воли, никакого дѣйства, наконец никакого управленія приличнаго Богу. И какое большее, какое достойнѣйшее управленіе Богу назначить можно, как управленіе мира, как попеченіе о животных, а наипаче о родѣ человѣческом, которому все земное покорено? Какое же в Богѣ может быть блаженство, ежели всегда спокойный и недвижимый разслабѣвает, ежели для молящихся глух; ежели для почитающих слѣп?

слѣпъ? Что толь достойное, толь свойственное Богу, какъ промыслъ? Но ежели ни о чемъ нерадитъ, ни о чемъ не промышляетъ, то потерялъ все божество. И такъ кто всю силу, все существо Божіе истребляетъ, тотъ что иное говоритъ, какъ только что совсѣмъ нѣтъ Бога. Наконецъ какъ Маркъ Туллій признаетъ, Поссидоній говорилъ, что Епикуръ думалъ, что нѣтъ никакихъ Боговъ: но то, что о Богахъ говорилъ, для отвращенія зависти говорилъ: и такъ словами онъ Боговъ признавалъ, самою вещію истреблялъ, которымъ никакого движенія, никакой должности не причиталъ. А ежели оно такъ, то что его лживѣе? чего мудрому и важному мужу дѣлать не должно. А онъ ежели иное разумѣлъ, и иное говорилъ, то чемъ инымъ его назовемъ, какъ только обманщикомъ, двоязычнымъ, злымъ, и потому безумнымъ. Но не былъ столько лукавымъ Епикуръ, дабы для обмана то говорилъ, понеже сіе и писанію и вѣчной памяти предалъ, но не зная истины заблудилъ. Ибо приведенъ будучи въ началѣ вѣроятностію одного мнѣнія, по нуждѣ въ слѣдующее впалъ. Понеже первое мнѣніе было, что гнѣвъ Богу неприличенъ. А сіе когда ему истиннымъ и непобѣдимымъ показалось; то не моглъ слѣдующаго отвергнуть: понеже одну страсть отсѣкши, и другія страсти отнять у Бога нужда самая требовала. Такимъ образомъ кто не гнѣвается, тотъ и на милость непреклоняется, что есть гнѣву противно. А ежели въ Богѣ ни гнѣва ни милости нѣтъ,

то

то ни страха, ни веселія, ни милосердія. Одна бо есть причина всѣмъ страстемъ, одно возбужденіе, которое Богу приличествовать не можетъ. А ежели никакой страсти въ Богѣ нѣтъ, понеже что страждетъ, то немощно есть: слѣдовательно ни попеченія о какой вещи, ни промысла нѣтъ въ Богѣ. Досихъ мѣстъ дошелъ мудраго человѣка споръ, о прочемъ слѣдующемъ умолчалъ: то есть понеже ни попеченія нѣтъ въ Богѣ ни промысла, слѣдовательно и помышленія никакого, и чувства въ Богѣ нѣтъ никакого: изъ чего слѣдуетъ, что совсѣмъ нѣтъ Бога. Такимъ образомъ по степенямъ сходя, на послѣднемъ степени остановился, понеже уже стремнину видѣлъ. Но какая польза умолчать, и опасность утаить? Нужда его и нехотящаго пасть принудила. Ибо сказалъ, чего не хотѣлъ: понеже доводъ такъ расположилъ, что къ тому, чего убѣгалъ, по нуждѣ пришолъ. И такъ видишъ, куда приходитъ, гнѣвъ истребивши и отнявши у Бога. Ктомужъ или никто сему не вѣритъ, или весьма не многіе, и то беззаконные и злые, которые надѣются грѣхамъ своимъ свобожденія отъ казни. А ежели и сіе ложно, дабы въ Богѣ ни гнѣва не было ни милости, то приступимъ къ тому, что на третіемъ мѣстѣ положено:

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

Противъ Стоиковъ, которые говорятъ, что милость есть въ Богѣ, но нѣтъ гнѣва.

Кажется Стоики и иные нѣкоторые нѣсколько лучше о Богѣ умствовали, которые говорятъ, что милость въ Богѣ есть, но нѣтъ гнѣва. Пріятная и изрядная рѣчь, что не приличествуетъ Богу сіе малодушіе, дабы отъ кого почиталъ себе оскорбленнымъ, котораго оскорбить не можно, дабы спокойное оное и святое величество не возбуждалось, не возмущалось, не гнѣвалось: ибо сіе происходитъ отъ земной слабости, гнѣвъ бо есть возбужденіе и возмущеніе ума, которое Богу неприлично. И ежели человѣку мудрому и важному гнѣвъ неприличенъ, понеже на умъ чій найдетъ, такъ какъ лютая буря, такія воздвигаетъ волны, что состояніе ума премѣняетъ, пламенѣютъ очи, уста дрожатъ, языкъ колеблется, скрежещутъ зубы, лице по перемѣнкамъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ: то кольми паче Богу неприлично толь мерзкое премѣненіе? И ежели человѣкъ имѣющій начальство и власть много вредитъ гнѣвомъ, кровь проливаетъ, города разоряетъ, народы истребляетъ, страны опустошаетъ, то кольми паче Богъ владѣющій всѣмъ человѣческимъ родомъ и самымъ міромъ погубилъ бы все, ежели бы гнѣвался? Слѣдовательно не должно быть въ Богѣ толь великому, толь пагубному злу. И ежели нѣтъ въ Богѣ гнѣва и воз-

мущенія (понеже сіе и безобразно и вредно есть) и никому Богъ зла не дѣлаетъ, то ничего инаго не остается, какъ только, что онъ есть кроткій, тихій, милостивый, добротворительный, спаситель. Ибо такимъ образомъ наконецъ и общимъ всѣхъ отцемъ, и наилучшимъ назваться можешъ, чего требуетъ божественное и небесное естество. Ибо ежели между людьми похвально пользовать паче, нежели вредить: оживлять, нежели убивать, спасать нежели погублять: (и по достоинству невинность между добродѣтельми считается) и кто сіе творитъ, того любятъ, превозносятъ, прославляютъ, доброе о немъ говорятъ и доброхотствуютъ, къ томужъ за благодѣянія наиподобнѣйшимъ Богу поставляютъ: то кольми паче самому Богу, божественныя и совершенныя добродѣтели имѣющему, и никакого земнаго порока не причастному, прилично есть, божественныя и небесныя благодѣянія всему роду человѣческому творить? Хорошо сіе и пріятно слуху говорятъ, и многихъ привлекаютъ къ вѣрованію: но которые сіе умствуютъ, хотя къ правдѣ ближе приступаютъ, но отъ части заблуждаютъ, природы вещей не разсуждая. Ибо ежели Богъ не гнѣвается на нечестивыхъ и неправедныхъ, то и благочестивыхъ и праведныхъ не любитъ. Слѣдовательно постояннѣе есть заблужденіе тѣхъ, которые и гнѣвъ купно и милость истребляютъ. Ибо въ вещахъ различныхъ или на обѣ части возбуждаться должно, или ни на одну. Такъ кто

до-

добрыхъ любитъ, и злыхъ не ненавидитъ, то и добрыхъ не любитъ: понеже и любовь къ добрымъ отъ ненависти къ злымъ происходитъ, и ненависть къ злымъ отъ любви къ добрымъ раждается. Кто любитъ жизнь, тотъ ненавидитъ смерти: и кто желаетъ свѣта, тотъ убѣгаетъ тмы: такъ сіе по природѣ совокуплено, что одно безъ другаго быть не можетъ. Ежели который господинъ имѣетъ въ дому рабовъ, добраго и злаго, то конечно или не обоихъ ненавидитъ, или не обоимъ благотворитъ и почитаетъ (ибо ежелибы сіе дѣлалъ, то былъ бы неправеднымъ и безумнымъ) но съ добрымъ и говоритъ дружески, и похваляетъ, и надъ домомъ и рабами и всѣмъ своимъ имѣніемъ поставляетъ: а злаго бранитъ, бьетъ: наготою, гладомъ, жаждою, оковами наказываетъ: дабы и злый примѣромъ былъ прочимъ, дабы не грѣшили, и добрый, дабы заслуживали, дабы иныхъ страхъ воздерживалъ, иныхъ честь поощряла. И такъ кто любитъ, тотъ и ненавидитъ: кто ненавидитъ, тотъ и любитъ. Ибо находятся такіе, которыхъ любить должно: и такіе, которыхъ должно ненавидѣть. И какъ тотъ, который любитъ благодѣтельствуетъ тѣмъ, которыхъ любитъ: такъ кто ненавидитъ, казнитъ тѣхъ, которыхъ ненавидитъ. Сей доводъ понеже истиненъ, то разрушить его никакъ не можно. Слѣдовательно тщетное и ложное есть мнѣніе тѣхъ, которые одно отнимаютъ, не меньше какъ тѣхъ, которые отнимаютъ обое. Но которые одно отнимаютъ,

ютъ, тѣ нѣсколько не заблуждаютъ, какъ показалъ я, но то, что изъ двухъ лучше есть, удерживаютъ: а которые отнимаютъ обое, (къ чему ихъ причина и истинна довода сего привела,) тѣ ложное совсѣмъ мнѣніе принявши, въ наибольшее заблужденіе падаютъ. Ибо не такъ имъ надлежало доводить: понеже Богъ не гнѣвается, слѣдовательно и на милость не прекланяется: но такъ: понеже Богъ на милость прекланяется, слѣдовательно и не гнѣвается. Ибо ежели бы извѣстно и несуммнительно было, что гнѣвается Богъ; тогда должно бы было къ оному другому приступать: но какъ о гнѣвѣ гораздо болѣе сумнѣнія, и о милости явственнѣе, то непристойно изъ неизвѣстнаго извѣстное разрушать: понеже удобнѣе есть изъ извѣстнаго неизвѣстное утверждать.

ГЛАВА 6.

Что Богъ гнѣвается.

Сіи суть о Богѣ Философовъ мнѣнія. Иного кромѣ сего никто ничего не говорилъ. А ежели сіе, что они говорили, ложно: то одно оное послѣднее остается, въ которомъ одномъ истинна находится (чего Философы и не принимали никогда, и никогда не защищали) что гнѣвается Богъ, понеже на милость прекланяется. Сіе мнѣніе защищать и утверждать намъ должно. Въ семъ бо вся

сила

сила и состоянíе вѣры и благочестія обращается, и не должно никакъ почитать Бога, ежели не благодѣтельствуетъ почитающему: и не должно бояться, ежели не гнѣвается на непочитающаго.

Глава 7.

Для чего Философы заблуждаютъ: и что люди отъ иныхъ животныхъ наипаче разнятся вѣрою, которая человѣку есть свойственна.

Хотя всегда Философы не зная истинны отъ разума заблуждали, и въ заблужденія неразрѣшимыя впадали (то бо обыкновенно приключалось Философамъ, что путешественнику пути не знающему, и о своемъ незнанíи не признавающемуся, дабы заблуждать, когда вопрошать на встрѣчу идущихъ стыдится) сего одного ниединый Философъ никогда не утверждалъ, дабы между человѣкомъ и скотомъ никакой разности не было: и всякъ мудрый словеснаго животнаго съ нѣмыми и безсловесными совсѣмъ сравнялъ: какъ дѣлаютъ нѣкоторые невѣжи, и самымъ скотамъ подобные, которые чреву и роскошамъ себе предавши, говорятъ, будтобы въ такомъ состоянíи они рождены, въ какомъ всѣ дышущíе, чего человѣку говорить непристойно. Кто бо столь неискусенъ, дабы не зналъ? Кто

столь неразумень, дабы не чувствовалъ, что нѣчто въ человѣкѣ есть Божественное? Еще не приступаю къ силѣ духа и ума, по которымъ человѣку съ Богомъ явное свойство есть: не самого ли тѣла состояніе и лица образъ показываетъ, что мы съ безсловесными животными неравны? Оныхъ природа къ земли и къ пищи поникла, и не имѣетъ никакого общества съ небомъ, на которое не взираетъ. А человѣкъ стояніемъ прямымъ, лицемъ возвышеннымъ къ разсмотренію міра возбужденъ будучи, возноситъ лице къ Богу, и умомъ познаетъ. „Того ради нѣтъ никакого живот„наго, какъ Цицеронъ говоритъ, кромѣ чело„вѣка, которое нѣкоторымъ образомъ позна„вало бы Бога„. Единъ бо мудрость имѣетъ, дабы вѣру единъ разумѣлъ, и сія есть человѣка и безсловесныхъ или величайшая или единая разность. Ибо прочее, что кажется человѣку быть свойственнымъ, хотя не таково находится въ безсловесныхъ, однако подобнымъ быть кажется. Свойственна человѣку рѣчь, однако и въ безсловесныхъ есть нѣкоторое подобіе рѣчи. Ибо и разпознаютъ себе взаимно голосами: и когда сердятся, издаютъ гласъ ссорѣ подобный: и когда себе издалече видятъ, поздравляютъ гласомъ. Намъ голоса ихъ кажутся нескладными, какъ имъ можетъ быть наши, но для тѣхъ, которые себе разумѣютъ, слова суть. Ктомужъ во всякой страсти извѣстныя гласа знаки изображаютъ, которыми мысли показываютъ. И смѣхъ есть человѣку свойственный: однако ви-

видимъ и въ иныхъ животнымъ нѣкоторые знаки радости, когда играть хотятъ, уши опущаютъ, рыло сжимаютъ, глаза показываютъ веселые. Что столь человѣку свойственно, какъ умъ и промыслъ о будущемъ? Но находятся животные, которые берлогамъ своимъ разныя и многія выходы дѣлаютъ, дабы ежели какая случится опасность, убѣгать можно было захваченнымъ: а сего не дѣлали бы, ежели бы не имѣли разумѣнія и помышленія. „Иныя промышляютъ о будущемъ, какъ муравьи великую жита кучу сносятъ, для зимы, и въ жилищѣ своемъ полагаютъ. Какъ пчелы: которыя однѣ отечество и извѣстныя имѣютъ домы, и помня о будещей зимѣ, лѣтомъ трудятся, и собранное купно слагаютъ„. Много бо было, ежели бы я захотѣлъ изчислять, что всѣ животные обыкновенно дѣлаютъ человѣческому искуству подобное. А ежели всего того, что человѣку свойственно, и въ безсловесныхъ находится подобіе: то видно, что одна есть вѣра, которыя въ безсловесныхъ никакого слѣда, никакой тѣни не обрѣтается. Вѣрѣ свойственна есть правда, которыя ни въ одномъ животномъ нѣтъ. Человѣкъ бо единъ владѣетъ, прочія ему покорены. Правдѣ же почитаніе Божіе присвояется, котораго кто не почитаетъ, тотъ отъ природы человѣческой удаленъ, житіе скотское подъ человѣческимъ образомъ препровождаетъ. А когда отъ прочихъ животныхъ симъ почти однимъ разнимся, что изо всѣхъ

одни Божію силу и власть чувствуемъ, а прочіе животные о Богѣ ничего не понимаютъ: подлинно статься тому не можно, дабы въ семъ или безсловесные больше разумѣли, или человѣческая природа безумствовала: когда человѣку ради его мудрости, и всѣ дышущіе, и вся вещей природа подчинена. Того ради ежели состояніе, ежели право человѣческое симъ превосходитъ прочіе животные, понеже единъ человѣкъ Бога знаетъ, то видно, что вѣры разрушить никакъ не можно.

ГЛАВА 8.

Противъ Епикура вѣру разоряющаго, и что вѣру должно имѣть.

Разрушается же вѣра, ежели вѣримъ Епикуру, который говоритъ: „Все само собою „божественное естество въ безсмертной жи„зни высочайшимъ покоемъ наслаждается, „удаленное отъ нашихъ дѣлъ и отлученное „далече, не имѣющее никакой болѣзни, не „имѣющее опасности, само своимъ доволь„ствующееся богатствомъ, не требующее „ничего нашего, ни милуетъ ни за что, ни „гнѣвается„. Когда сіе говоритъ, думаетъ ли, что нѣкоторое почитаніе Богу воздавать должно, или разоряетъ всю вѣру? Ибо ежели Богъ никому накакого добра не дастъ: ежели почитающему не возблагодаряетъ: что толь тще-

тщетно, толь безумно, какъ храмы созидать, именіе терять, дабы ничего не получить? Но естество превосходное почитать должно. Какая честь должна ни о чемъ нерадящему и неблагодарному? И можемъ ли нѣкоторымъ образомъ обязаны быть тому, который никакого общества съ нами не имѣетъ? Цицеронъ говоритъ: „Богъ ежели таковъ есть, „что людей ни милуетъ, ни любитъ, то такой „Богъ не надобенъ. Ибо для чего стану говорить, „дабы онъ помиловалъ„: когда онъ милостивымъ никому быть не можетъ. Что презрительнѣе можно сказать на Бога? Не надобенъ. То есть пускай отъидетъ и отступитъ, понеже пользы дѣлать никому не можетъ. А ежели Богъ и самъ не дѣлаетъ, и труда никому не налагаетъ, то для чегожъ не грѣшимъ, сколько разъ людей обмануть можно, и законы народныя обольстить? Гдѣ только намъ утаиться можно будетъ, станемъ похищать чужее или безъ кровопролитія или и съ кровопролитіемъ, ежели кромѣ законовъ нѣтъ ничего болѣе, которое должно было бы почитать. Когда такъ умствуетъ Епикуръ, то вѣру вконецъ истребляетъ, которая когда истребится, то смѣшеніе и смятеніе житію слѣдуетъ. А ежели вѣры истребить не можно, дабы и мудрость, которою различаемся отъ звѣрей, и правду удержать, дабы общежительство было безопаснѣйшимъ: какъ вѣру самую безъ страха удержать и сохранить можно? Ибо чего не боимся, оное презираемъ, что презираемъ, то и не почитаемъ. Оттуда происходитъ,

 что

что вѣра и величество и честь основываетсся на страхѣ. А страха нѣтъ, гдѣ никто не гнѣвается. И такъ хотя милость у Бога, хотя гнѣвъ, хотя обое отъимешъ, вѣра упразднится, безъ которой житіе человѣческое безумія, беззаконія, безчеловѣчія исполнится. Ибо много обуздаваетъ людей совѣсть, ежели вѣримъ, что мы предъ лицемъ Божіимъ живемъ: ежели будемъ думать, что не только что дѣлаемъ, видитъ Богъ, но и что мыслимъ, или говоримъ, слышитъ. Но полезно сему вѣримъ, какъ нѣкоторые думаютъ, не ради правды, но ради пользы: понеже законы совѣсти казнить не могутъ, ежели нѣкоторый страхъ свыше наступать не будетъ къ удержанію грѣховъ. Слѣдовательно ложна вся вѣра, и божества никакого нѣтъ, но отъ мужей разумныхъ все сочинено, дабы правѣе и невиннѣе жить. Великій сей и къ предложенной матеріи не надлежащій вопросъ, но понеже по нуждѣ случился, то должно его хотя кратко коснуться.

ГЛАВА 9.

Разныя мнѣнія о сотвореніи и управленіи міра исчисляетъ.

Когда мнѣнія Философовъ перваго вѣка о промыслѣ согласовали, и не было никакого сумнительства, что міръ отъ Бога и разумомъ составленъ, и разумомъ управляет-

вляется: первый изъ всѣхъ Протагоръ явился во времена Сократовы, который говаривалъ: „Я де не знаю, естьли какое божество или нѣтъ„. Сіе его разглагольствіе толь за беззаконное и правдѣ и вѣрѣ почтено, что Аѳиняне и его самаго выгнали за свои границы, и книги его, въ которыхъ сіе содержалось, въ собраніи сожгли. О мнѣніи его нѣтъ намъ нужды спорить, понеже ничего извѣстнаго не предложилъ. Посемъ Сократъ и ученикъ его Платонъ, и которые отъ училища Платонова такъ какъ потоки на разныя части проистекли, Стоики и Перипатетики, въ томъ были мнѣніи, въ которомъ первые. А потомъ Епикуръ, хотя говорилъ, что есть Богъ, понеже должно быть въ мірѣ нѣчто превосходное, изящное и блаженное: промысла однако никакого нѣтъ; и такъ міръ самъ ни разумомъ ни какимъ, ни знаніемъ, ни дѣйствіемъ не составленъ, но природа вещей изъ нѣкоторыхъ малыхъ и несѣкомыхъ сѣменъ въ громаду совокупилась. Чего что несогласнѣе и само себѣ противнѣе выговорить можно, не знаю. Ибо ежели есть Богъ, то и промышляетъ какъ Богъ, и неикако можно ему божество причитать, какъ только ежели и прошедщее помнитъ, и настоящее знаетъ, и будущее предвидитъ. И такъ когда промыслъ истребилъ, то призналъ, что и Бога нѣтъ: а когда призналъ, что Богъ есть, то и промыслъ. Ибо одно безъ другаго ни быть ни познаваться совсѣмъ не можетъ. Но потомъ въ тѣ времена, когда уже Философія увяла, явился

иный

иный нѣкоторый Діагоръ, который говорилъ, что нѣтъ никакого Бога, и для сего мнѣнія названъ, Аѳеосъ, безбожникомъ: также Киринейскій Ѳеодоръ. Оба, понеже ничего новаго не могли найти, поелику все уже говорено и найдено прежде: то согласились противъ истинны то отрицать, въ чемъ прежнія всѣ безъ сумнѣнія согласовали. Сіи суть, которые на промыслъ чрезъ столько вѣковъ толикими умами утвержденный и защищенный клеветали. Чтожъ? сихъ мѣлкихъ и малосмысленныхъ Философовъ доводомъ ли, или свидѣтельствомъ знаменитыхъ мужей опревержемъ? или и тѣмъ и другимъ? Но поспѣшать должно, дабы рѣчь не удалилась крайне отъ матеріи.

ГЛАВА 10.

Что міръ Божіимъ промысломъ сотворенъ и управляется.

Которые не признаютъ, что промысломъ сотворенъ міръ, тѣ говорятъ, что міръ или изъ началъ между собою неразсудно соединившихся срасся, или незапно природою здѣлался: будтобы природа, какъ говоритъ Стратонъ, имѣетъ въ себѣ силу раждать и умалять: но не имѣетъ ни чувства никакого, ни вида: дабы разумѣть, будтобы все самовольно родилось, безъ всякаго зиждителя и творца. Обое тщетно и невозможно. Но сіе при-

приключилось незнающимъ истинны, которые лучше все вымышлять согласны, нежели думать то, что съ разумомъ сходственно. Вопервыхъ вопрошаю, малыя оныя сѣмена, изъ которыхъ весь міръ составленнымъ утверждаютъ, гдѣ находятся или откуда начались? кто ихъ видѣлъ когда? кто чувствовалъ? кто слышалъ? или одинъ Левциппъ очи имѣлъ? одинъ умѣлъ разумъ? который поистиннѣ одинъ изо всѣхъ слѣпымъ и безумнымъ былъ, который то говорилъ, чего ни больный не моглъ брѣдить, и сонному не могло присниться. Древніе Философы говорили, что изъ четырехъ стихій состоитъ все, онъ сего не признавалъ, дабы инымъ не послѣдовать, но самыхъ стихій иныя начала утверждалъ, которыхъ ни видѣть не можно, ни осязать, и никакою частію тѣла чувствовать. „ Толь „ малы, говоритъ, оныя, что никакой желѣза „ остроты толь тонкой нѣтъ, которою бы „ разсѣчь и раздѣлить ихъ было можно. „ Почему ихъ нѣсѣкомыми назвалъ. Но приходило ему на память, что ежели бы одна была у всѣхъ природа, то не могли бы разныхъ вещей произвесть съ толикимъ различіемъ, какое видимъ въ мірѣ. И такъ говорилъ, что оныя начала гладкія суть и жескія, и круглыя и подобныя удочкѣ. Сколь лучше было молчать, нежели для употребленія толь нещастнаго, толь тщетнаго имѣть языкъ! я опасаюсь, дабы не меньше показался безумнымъ, тотъ, кто сіе восхочетъ опровергать: отвѣчаю однако какъ бы нѣчто утверждающему. Ежели глад-

ки

ки они и круглы, то не могутъ взаимно соединиться, дабы нѣкоторое тѣло составить: какъ бы кто хотѣлъ просо въ одну глыбу смѣсить, гладкость сама зеренъ въ груду соединиться не попуститъ. „ Жески, говоритъ, и угловаты, удочкѣ подобны они „ такъ, что могутъ слѣпиться. „ Слѣдовательно раздѣлимы они и сѣкомы. Ибо крючки должны и углы выдаваться, дабы могли отсѣчены быть. Такимъ оразомъ то, что отсѣщися и разлучиться можетъ, оное и видѣть и осязать можно. „ Оныя, говоритъ, по воздуху непрестанно летаютъ, и сюда и туда носятся такъ, какъ мѣлкіе пылинки видимъ на солнцѣ, когда сквозь стекло въ окнахъ лучи и свѣтъ пущаетъ. Изъ нихъ древа и зелія и жита раждаются: изъ нихъ животныя и вода и огонь и все произходитъ, и паки въ оныяжъ разрѣшается. „ Можно сіе снести, когда о вещахъ малыхъ говорятъ. „ Изъ нихъ то и міръ составленъ „. Исполнилъ число совершеннаго безумія, что ничего далѣе прибавить не можно: но однако онъ нашелъ, что прибавить. „ Понеже говоритъ все есть безконечно, и не можетъ „ ничто быть празднымъ: то должны безконечные быть міры „. Какая толь великая сила была несѣкомыхъ, что огромности толь неоцѣненныя изъ такихъ мѣлочей могли составиться. Но вопервыхъ вопрошаю, какое есть сѣменъ тѣхъ или состояніе или начало? Ибо ежели изъ нихъ все состоитъ, то сами они откуда? Какая природа толикое множество

ство къ совершенію безчисленныхъ міровъ подала? Но дозволимъ свободно о мірахъ безумствовать: о семъ поговоримъ, въ которомъ мы живемъ, и который видимъ. „Все изъ „нераздѣлимыхъ тѣлесъ дѣлается„. Ежели бы такъ было, то никакая вещь никогда бы своего рода сѣмени не требовала: птицы бы безъ яицъ раждались, или яица безъ рожденія: также прочіе животныя безъ совокупленія: древо и все раждающееся отъ земли свойственныхъ сѣменъ не имѣло бы, которыя мы ежедневно дѣлаемъ и сѣемъ. Для чего изъ жита класы раждаются, и паки изъ класовъ жито? Ктомужъ ежели бы несѣкомыхъ совокупленіе и составленіе дѣлало все, то на воздухъ все бы составляло, понеже по воздуху несѣкомые летаютъ. Для чего безъ земли, безъ корени, безъ влаги, безъ сѣмени, ни трава, ни дерево, ни жито восходить и родиться не могутъ? Почему видно, что ничто изъ несѣкомыхъ не составляется, понеже всякая вещь имѣетъ свойственную и извѣстную природу, свое сѣмя, свой законъ отъ начала данный. Притомъ Лукрецій какъ бы забывъ о несѣкомыхъ имъ утверждаемыхъ, дабы возразить тѣмъ, которые говорятъ, что все изъ ничего составляется; сихъ доводовъ употребилъ, которые противъ его самаго служатъ. Ибо такъ сказалъ: „Ежели бы „изъ ничего дѣлалось все, то изо всѣхъ вещей „всякій родъ моглъ бы раждаться, ничто сѣ„мени не требовало бы. Также ниже: слѣдо„вательно должно признать, что изъ ничего

„ни-

„ ничто здѣлаться не можетъ, понеже всякая „ вещь требуетъ сѣмени, изъ котораго соз- „ дана будучи на мягкій воздухъ можетъ про- „ изойти „. Кто подумаетъ, что онъ имѣлъ умъ, когда сіе говорилъ, и не видѣлъ, что сіе ему противно? Ибо изъ того видно, что изъ несѣкомыхъ ничто не дѣлается, понеже всякой вещи извѣстное есть сѣмя: развѣ повѣримъ, что и огнь и вода сотворены изъ несѣкомыхъ. Что болѣе? Когда наитвердѣйшія вещества, ежели сильнымъ удареніемъ поражены будутъ, то огнь появляется. Въ железѣ ли или въ кремнѣ несѣкомые крыются? Кто заключилъ? Или для чего самопроизвольно не являются? Или какъ семѣна огня въ веществѣ наихолоднѣйшемъ пребывать могли? Оставляю кремень и желѣзо. Кругъ стеклянный наполненный водою ежели будешь держать на солнцѣ, то отъ свѣта, который отъ воды отсвѣчиваетъ, огнь запалиется и вовремя самаго наижесточайшаго мороза. Будемъ ли вѣрить, что и въ водѣ находится огнь? Но отъ солнца огнь и лѣтомъ зажечься не можетъ. Ежели на воскъ надышешь, или ежели легкая пара чего коснется, или обломка мрамора, или бляхи, то помалу самыми малѣйшими каплями, росы вода появляется. Тожъ отъ пары земной, или отъ морской мглы бываетъ: которая или разсѣявшись мочитъ все, что ни покроетъ, или собравшись на высокія горы въ верхъ вѣтромъ восхищена будучи, въ облакъ збирается, и дожди сильные испущаетъ. Гдѣ оныя влажности родились?

дились? Въ паръ ли? Или въ дыханіи? Или вѣтрѣ? Но ничто не можетъ содержаться въ томъ, чего ни коснуться ни видѣть не можно. Что же о животныхъ скажу, въ которыхъ тѣлѣ ничего безъ разума, безъ порядка, безъ пользы, безъ красоты не изображено? такъ что наиискуснѣйшее и наитщательнѣйшее всѣхъ частей и членовъ расположеніе случай и фортуну отвергаютъ. Но положимъ, что члены и кости, и жилы и кровь изъ несѣкомыхъ могли составиться: что? чувство, помышленіе, память, умъ, изъ которыхъ сѣменъ срастись могли? Изъ наидробнѣйшихъ, говоритъ. Слѣдовательно находятся нѣкоторыя и большія. какимъ же образомъ оныя несѣкомы? Ктомужъ ежели изъ невидимыхъ суть невидимая, то слѣдуетъ, что изъ видимыхъ суть видимая. Для чегожъ никто не видитъ? Но хотя невидимая сущая въ человѣкѣ кто разсудитъ, хотя осязаемая и видимая, то кто не видитъ, что обое разумомъ состоитъ? Какъ же безъ разума совокупляющіяся могутъ здѣлать нѣчто разумное? Ибо видимъ, что ничего нѣтъ во всемъ мірѣ, которое бы не являло въ себѣ превеликаго и дивнаго разума: который понеже человѣческое чувство и разумъ превосходитъ, то кому лучше, какъ Божію промыслу причитать должно? Или подумаемъ, что изображенія и ваянія человѣческія и статуи разумъ и искуство дѣлаетъ, а самъ человѣкъ изъ частей безразсудно совокупляющихся дѣлается? И какое подобіе правды въ здѣланномъ,

когда наивысочайшее и превосходное художество ничего иного, какъ только тѣнь и внѣшнія тѣла начертанія можетъ подражать? Могло ли человѣческое искуство дать дѣлу своему или движеніе нѣкоторое или чувство? Я уже оставляю видѣніе, слышаніе, обоняніе, и прочихъ членовъ или видимыхъ или крыющихся дивную пользу: какій художникъ моглъ или сердце человѣческое, или гласъ, или самую создать мудрость? И такъ подумаемъ ли ктó разумный, дабы то совокупленіемъ несѣкомыхъ часто соединяющихся здѣлаться могло, чего человѣкъ разумомъ и совѣтомъ здѣлать не можетъ? Видишь, въ какое безуміе впали, которые не хотятъ сотворенія и попеченія о вещахъ Богу причитать. Но пускай такъ, пускай изъ несѣкомыхъ земное бытіе получаетъ, то не уже ли и небесное. Говорятъ, что боги суть нетлѣнны, вѣчны, блаженны, и они одни не изъ совокупленія несѣкомыхъ составлены. Ибо ежели бы и боги изъ несѣкомыхъ состояли, то разсыпалися бы, когда сѣмена разрушатся, и въ природу свою возвратятся. Слѣдовательно ежели есть нѣчто, чего несѣкомыя не здѣлали, то для чего о прочемъ такимъ же образомъ не разсуждаемъ? Но вопрошаю, прежде нежели міръ начала оныя составили, для чего себѣ боги жилища не создали? Подлинно, ежели бы несѣкомыя не совокупилися, и неба не здѣлали, еще бы боги на воздухѣ висѣли. Какимъ же совѣтомъ, какимъ же образомъ изъ смѣшанной громады несѣкомые собрались, что

что изъ нихъ внизу земля составилась, выше небо разпростерлося, такихъ звѣздъ различіемъ украшенное, что ничего краснѣйшаго никогда вымыслить не можно. Такія и толикія дѣла кто видитъ, тотъ можетъ ли подумать, что оныя здѣланы безъ всякаго совѣта, безъ всякаго промысла, безъ всякаго разума Божественнаго, но изъ малыхъ тонкихъ несѣкомыхъ сраслися такія чудеса? Не подобно ли чуду, что или родился человѣкъ, который сіе говорилъ, или что были такіе, которые сему вѣрили? какъ то Демокритъ, который ученикомъ его былъ, или Епикуръ, къ которому вся тщетность отъ Левциппа проистекла. „ Но (какъ иные говорятъ) природа „ міръ сотворила, которая чувства и образа „ не имѣетъ „. Но сіе уже гораздо безразсуднѣе. Ежели природа міръ сотворила, то совѣтомъ и разумомъ сотворила. Ибо тотъ нѣчто дѣлаетъ, кто или хочетъ дѣлать, или умѣетъ. Ежели не имѣетъ чувства и образа, то какъ могла сотворить имѣющее чувство и образъ? Развѣ подумаетъ кто, что животныя толь дивные отъ не чувственнаго сотворены и одушевлены: или оный видъ неба толь промыслительно къ пользѣ животныхъ растворенный, не знаю, какимъ случаемъ безъ Создателя, безъ художника незапно явился. „ Ежели что есть, говоритъ Хрисиппъ, что „ дѣлаетъ такія дѣла, какихъ человѣкъ „ разумъ имѣющій дѣлать не может, оное подлинно есть больше и сильнѣе и разумнѣе человѣка „. А человѣкъ

не можетъ дѣлать небесныхъ: слѣдовательно оное, что небесная творитъ или сотворило, превосходитъ человѣка искуствомъ, совѣтомъ, разумомъ, властiю. А сiе что можетъ быть иное, какъ только Богъ? природа же, которую матерiю вещей поставляютъ, ежели ума не имѣетъ, то ничего никогда не здѣлаетъ, ничего не начнетъ. Ибо гдѣ нѣтъ помышленiя, тамъ нѣтъ никакого ни движенiя ни дѣиства. А ежели совѣта употребляетъ къ начинанiю, разума къ распоряженiю, искуства къ дѣланiю, силы къ совершенiю, власти къ управленiю и содержанiю: то для чего природою наипаче, нежели Богомъ именуется? ежели же совокупленiе несѣкомыхъ, или неимѣющая ума природа все видимое здѣлала, то вопрошаю, для чего небо здѣлать могла, а города или дому не могла? для чего горы мраморныя сотворила, столповъ и образовъ не содѣлала? но могли несѣкомые и къ сотворенiю сихъ совокупиться, понеже никакого положенiя не оставляютъ, котораго бы не предпринимали. Ибо о природѣ ума неимѣющей не дивно, что сiе здѣлать позабыла. Что же оно такое? конечно Богъ когда начиналъ сiе дѣло мiра, котораго ничто не можетъ быть ни порядочнѣе въ разсужденiи стройности, ни способнѣе въ разсужденiи пользы ни краснѣе въ разсужденiи благолѣпiя, ни больше въ разсужденiи огромности, чего человѣкъ здѣлать не могъ, самъ сотворилъ: а между тѣмъ и человѣка самаго, которому частицу отъ своея мудрости сообщилъ,

щилъ, и даровалъ ему разумъ, сколько немощь земная вмѣщала, дабы самъ себѣ дѣлалъ, что для употребленія его было нужно. А ежели, чтобъ такъ сказать, въ обществѣ міра сего никакого промысла нѣтъ, который бы управлялъ: никакого Бога, который бы устроялъ: и совсѣмъ нѣтъ никакого чувства въ сей природѣ вещей: то откуда умъ человѣческій толь искусный, толь разумѣвающій произошелъ? ежели бо тѣло человѣческое отъ земли (humo) сотворено есть, почему человѣкъ (homo) называется: то душа разумная, которая тѣломъ управляетъ, которой члены повинуются какъ Царицѣ и повелительницѣ, которой ни видѣть ни осязать не можно, не отъинуду къ человѣку, какъ только отъ мудрой природы пришла. Но какъ все тѣло умъ и душа управляетъ, такъ и міръ Богъ. И невѣроятно, дабы меньшіе и низшіе правленіе имѣли, большіе же и наивысочайшіе не имѣли. Притомъ Маркъ Туллій въ Тускуланскихъ и въ утѣшеніи: Душъ, говоритъ, никакого на„чала на земли сыскать не можно. Ибо нѣтъ „никакого въ душахъ смѣшенія и сраст ѣнія, „или чтобы отъ земли рождено или сотво„рено было: ничего или влажнаго, или вѣт„реннаго, или огненнаго. въ сихъ бо приро„дахъ нѣтъ ничего, чтобы память, умъ, „помышленіе имѣло, которымъ бы о буду„щемъ промышляло, и прошедшее помнило, „и постизало настоящее, что только Богу „возможно, и не можно никогда доискаться, „откудабы къ людемъ приходили, ежели не

 „отъ

„ отъ Бога.„ И такъ выключивъ двухъ или трехъ клеветниковъ тщетныхъ, понеже извѣстно, что Божіимъ промысломъ міръ управляется, какъ и сотворенъ и нѣтъ никого, ктобы Діагорово и Θеодорово мнѣніе, или Левципповъ пустый вымыслъ, или Демокритово и Епикурово легкомысліе, смѣлъ предпочесть свидѣтельству или оныхъ первыхъ мудрецовъ, или Пиθагорову, или Сократову, или Платонову, или прочихъ Философовъ, которые утверждали и признавали промыслъ. Слѣдовательно ложно и оное мнѣніе, когда думаютъ, будтобы ради страха и боязни вѣра отъ мудрыхъ уставлена, дабы простые люди отъ грѣховъ воздержалися. Ежели оно такъ, то поруганы мы отъ древнихъ мудрецовъ. А ежели вымыслили вѣру, дабы обманывать насъ, и весь человѣческій родъ, слѣдовательно они мудрыми не были: понеже мудрому быть непристойно лживцемъ. Но пускай были мудрыми: то откуда толикое щастіе лжи, что не только невѣжъ, но и Платона и Сократа обманули: и Пиθагора, Зинона, Аристотеля, превеликихъ толковъ начальниковъ легко обольстили? И такъ есть Божій промыслъ, какъ усматривали тѣ люди, которыхъ я именовалъ, котораго силою и властію все видимое и сотворено и управляется. Ибо толикая вещей огромность, толикое расположеніе, толикое въ сохраненіи чина и временъ постоянство, и прежде не могло безъ промыслительнаго художника произойти, и состоять столько вѣковъ безъ Владыки сильнаго,

наго, и вѣчно управляемо быть безъ искуснаго и мудраго управителя, что разумъ самъ показываетъ. Ибо что являетъ разумъ, то разумомъ и произошло. А разумъ есть чувственнаго и мудраго естества: мудрымъ же и чувственнымъ естествомъ ничто иное не можетъ быть, какъ только Богъ. А міръ понеже разумъ являетъ, которымъ управляется и состоитъ, слѣдовательно онъ отъ Бога сотворенъ. Ежели же создателемъ и правителемъ міра есть Богъ, слѣдовательно справедливо и праведно вѣра уставлена. Ибо творцу вещей и отцу общему честь и почитаніе принадлежатъ.

ГЛАВА II.

Единаго ли Бога, или многихъ богоръ промысломъ міръ упрапляется и состоитъ.

Понеже о промыслѣ сумнѣнія нѣтъ, то слѣдуетъ показать, единъ ли промышляетъ или многіе. Довольно, какъ надѣюсь, показалъ я въ моихъ наставленіяхъ, что многіе богами быть не могутъ: понеже божественная сила и власть, ежели раздѣлится на многихъ, то умаляется, и бываетъ смертною: а ежели она не смертна, то ни умаляться, ни раздѣляться не можетъ. Слѣдовательно Богъ единъ есть, въ которомъ сила и власть совершенная состоитъ, ни умалиться не мо-

жетъ ни умножиться. А ежели находятся многіе, когда имѣютъ всѣ нѣкоторую власть и божество, то сила вся умаляется, и не могутъ всѣ имѣть всего, что имъ общимъ есть съ многими. Всякому бо столько умалится, сколько прочіе имѣть будутъ. Слѣдовательно не могутъ въ семъ мірѣ многіе быть управителями, и въ одномъ дому многіе господами, и въ кораблѣ одномъ многіе кормщиками, и въ стадѣ многіе пастырями, и въ одномъ роѣ пчелъ многіе царями или матками. Но и на небѣ многіе солнца быть не могутъ, такъ какъ и души многіе въ одномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ въ единствѣ вся природа согласуетъ. А ежели міръ „ духъ внутрь оживляетъ, и всю разлившись по членамъ умъ „ оживляетъ громаду, и съ великимъ тѣломъ „ смѣшивается „, то видно изъ свидѣтельства стихотворца, что единъ есть міра обладатель Богъ: понеже въ одномъ тѣлѣ многія души жить и управлять не могутъ. И такъ вся божественная власть въ единомъ содержится, котораго хотѣніемъ и властію управляется все: и потому толикій есть, что человѣкъ его ни словомъ не можетъ изобразить, ни чувствомъ понять. Откуда же мнѣніе о многихъ богахъ къ людемъ пришло? Подлинно всякъ знаетъ, что тѣ всѣ, которыхъ почитаютъ какъ боговъ, люди были, и они же первые и великіе государи. Но они за добродѣтель, которою пользу принесли человѣческому роду, божественными честьми почтенны по смерти, или за благодѣянія, или

изо-

изобрѣтенія, которыми человѣческое житіе украсили, безсмертную память пріобрѣли, и не только мужи но и жены. Сіе какъ наидревнѣйшіе Греческіе писатели, которыхъ они богословами называютъ, такъ и Римскіе Греческимъ послѣдуя и подражая показываютъ: изъ которыхъ наипаче Евгемеръ, и нашъ Енній, которые ихъ всѣхъ дни рожденія, супружества, поколѣнія, государствованія, дѣла содѣланныя, кончины, ваянія показываютъ. И онымъ послѣдуя Туллій въ третіей о естествѣ боговъ книгѣ разрушаетъ общія вѣры: по однако истинной вѣры, которой не зналъ, ни онъ ни другой кто, не моглъ ввести. Онъ засвидѣтельствовалъ, что хотя ложъ видитъ, истинны однако не видитъ. „О когда бы я, „говоритъ, такъ удобно истинну найти „моглъ, какъ ложъ обличить„. И сіе онъ не утаевая, какъ академикъ, но поистиннѣ и справедливо призналъ: понеже истинны человѣческимъ умомъ найти не можно. Что можно было человѣческимъ разумомъ понять, то понялъ, дабы ложъ открыть. Ибо все ложное и вымышленное, понеже никакимъ доводомъ не утверждается, то удобно разрушается. И такъ единъ есть начальникъ и начало вещей Богъ, какъ Платонъ въ Тимеи и умствовалъ и училъ, котораго величество таковымъ показываетъ, что ни умомъ понять, ни языкомъ выразить не можно. Тоже свидѣтельствуетъ Ермій, который по свидѣтельству Цицеронову въ числѣ боговъ у Египтянъ поставляется, онъ то есть, который за до-

бродѣтель и многихъ наукъ знанiе Трисмегистомъ названъ: и былъ гораздо древнѣе не только Платона, но и Пиѳагора, и седьми оныхъ мудрецовъ. У Ксенофонта Сократъ разсуждая говоритъ, „что о образѣ „Божiемъ не потребно испытывать„. И Платонъ въ книгахъ о законахъ: „что все„непремѣнно есть Богъ, не должно испыты„вать: понеже ни найти не можно, ни язы„комъ изрещи„. И Пиѳагоръ единаго Бога признаетъ сказуя, что онъ безтѣлесный умъ, который по всей вещей природѣ разлившись и простершись, жизненное чувство всѣмъ животнымъ даетъ. А Антисѳенъ въ книгѣ о вещахъ природныхъ единаго признаетъ естественнаго Бога, хотя народы и города имѣютъ своихъ собственныхъ боговъ. Тоже почти и Аристотель съ своими Перипатетиками, и Зинонъ съ своими Стоиками. Много бы было всѣхъ мнѣнiя приводить, которые хотя разныхъ именъ употребляли, къ одной однако власти мiръ управляющей пришли. Но хотя высочайшаго Бога и Философы и стихотворцы, къ томужъ и самые тѣ, которые идоловъ почитаютъ, часто признавали, однако о почитанiи и чести его никто никогда не изыскивалъ, никто не говорилъ, потому что есть мнѣнiю, которымъ всегда его благотворительнымъ и нетлѣннымъ признавая думали, что онъ и не гнѣвается ни на кого, и никакого почитанiя не требуетъ. Такимъ образомъ вѣра быть не можетъ, гдѣ нѣтъ никакого страха.

ГЛАВА 12.

Что вера есть, и къ человѣку надлежитъ.

Теперь понеже отвѣщалъ я на нечестивое нѣкоторыхъ и проклятое неразуміе, или лучше сказать безуміе, возвращаюсь къ намѣренію. Сказалъ я, что истребивши вѣру, ни мудрости не можно удержать ни правды: когда разумѣніе божества, которымъ разнимся отъ звѣрей, въ одномъ человѣкѣ обрѣтается: и ежели бы Богъ, котораго обмануть не можно, вожделѣній нашихъ не воздерживалъ, то беззаконно бы и нечестиво мы жизнь препровождали. И такъ смотритъ на дѣла наши Богъ, и сіе не только къ пользѣ общаго житія надлежитъ, но и къ правдѣ: понеже вѣру и правду отнявши, или въ безуміе скотское, потерявши разумъ, приходимъ, или въ лютость звѣрскую, и не только но еще и въ горшее: понеже звѣри своего рода животныхъ щадятъ. Что будетъ человѣка лютѣе, что свирѣпѣе, ежели отнявши страхъ вышшій, силу законовъ или обмануть возможетъ или презрѣть? И такъ единъ страхъ Божій хранитъ человѣческое между собою дружество, которымъ житіе самое содержится, ограждается, управляется. Сей же страхъ отнимается, ежели люди будутъ вѣрить, что гнѣва не имѣетъ Богъ: а что Богъ гнѣвается, когда неправедно дѣлаемъ, не только общая польза, но и разумъ самый и истинна показываетъ. Паки мнѣ къ прошедшему возвратиться должно,

дабы показавши, что отъ Бога сотворенъ есть міръ, показать, для чего онъ сотворенъ.

ГЛАВА 13.

Что все какъ доброе такъ злое ради человѣка сотворено.

Ежели разсудитъ кто все міра управленіе, тотъ подлинно уразумѣетъ, сколь истинно мнѣніе Стоиковъ, которые говорятъ, что міръ ради насъ созданъ. Ибо все, изъ чего состоитъ, и что раждаетъ отъ себе міръ, къ пользѣ человѣческой принадлежитъ. Человѣкъ употребляетъ огня ради согрѣянія, и свѣта, и ради варенія пищи, и кованія желѣза: употребляетъ источниковъ къ питію и умыванію, рѣкъ къ поливанію полей, и къ ограниченію странъ: употребляетъ земли ради собиранія изобильныхъ плодовъ, холмовъ къ насажденію винoградовъ, горъ къ употребленію древъ: употребляетъ моря не только ради купечества и привезенія изъ далекихъ странъ богатства, но и къ изобилію всякаго рода рыбъ, а ежели сихъ стихій употребляетъ, которыя суть близки, то нѣтъ сумнительства, что употребляетъ и неба, понеже и небесныя вещи къ плодородію земли, изъ которой живемъ, устроены. Солнце непрестанными теченіями и неравными разстояніями круги годовыя совершаетъ, и или восходя

ходя день подаетъ ради труда, или заходя нощь наводитъ ради покоя, и какъ отходя далѣе къ полудню, такъ приходя ближе къ сѣверу, лѣто и зиму по перемѣнно дѣлаетъ, дабы и зимними мокротами и инеемъ къ плодородію земля тучнѣла, и лѣтними теплотами или жита созрѣвали и матерели, или на мокрыхъ мѣстахъ твердые плоды въ зрѣлость пришедъ умягчалися. И луна нощнаго времени управительница, попеременно и теряя и принимая свѣтъ, мѣсяцы управляетъ, и темныя нощи сіяніемъ своимъ просвѣщаетъ, дабы годовые пути, походы и дѣла безъ труда и скуки можно было отправлять: „ Понеже лучше „ и легкія класы въ ночи, и сухія луга косить„. И прочія звѣзды или восхожденіемъ или захожденіемъ своимъ извѣстными стояніями способныя времена дѣлаютъ. Но и кораблямъ, дабы по морю не заблуждали, путь показуетъ, когда звѣзды порядочно кормщикъ наблюдая, въ намѣренное пристанище приходитъ. Дыханіемъ вѣтровъ привлекаются облаки, дабы поливать пашни, дабы виноградная лоза гроздами, древа плодами изобиловали. И сіе въ мірѣ приличными временами дѣлается, дабы не оскудѣло когда то, чемъ житіе человѣческое содержится. Но и прочіе животные тажъ земля питаетъ, и ея плодами и безсловесные пасутся. И ради безсловесныхъ ли Богъ трудился? Никакъ. Понеже разума не имѣютъ. Но познаемъ, что и самые животные такимъ образомъ ради употребленія человѣческаго отъ Бога созданы, иные на пищу, иные на одежду,

жду, иные на помощь въ дѣлахъ, дабы извѣстно было, что промыслъ Божій благоволилъ изобиліемъ вещей и богатствъ человѣческое житіе исполнить и украсить, и для сея причины и воздухъ птицами, и море рыбами, и землю четвероногими наполнилъ. Но академики противъ Стоиковъ споря обыкновенно вопрошаютъ, для чего, ежели Богъ все ради человѣка сотворилъ, многія вещи намъ противныя и враждебныя и пагубныя обрѣтаются на морѣ и на земли. Сіе Стоики не взирая на истинну, наинепристойно отвергаютъ. Ибо говорятъ, что много есть въ раждающихся, и въ числѣ животныхъ, которыхъ польза крыется: но оную по времени находятъ, такъ какъ уже многія прежними временами незнаемыя вещи нужда и употребленіе изобрѣли: но какая польза можетъ найтись въ мышахъ, въ моляхъ, въ змѣяхъ, которые человѣку досадны и пагубны? Лѣкарство ли въ нихъ нѣкоторое крыется? которое ежели есть, найдется нѣкогда, то есть противъ зла. И когда Академики жалуются, что есть зло, говорятъ, что змѣя сожженная, и въ пепелъ обращенная составляетъ лѣкарство противъ змѣинага угрызенія. Сколь лучше было бы, ежели бы змѣи совсѣмъ не было, нежели отъ змѣи лѣкарства противъ змѣи искать! И такъ короче и истиннѣе отвѣчать могли такъ: Богъ когда сотворилъ человѣка какъ образъ свой, (что было наивеличайшимъ дѣломъ) вдохнулъ ему единому мудрость, дабы все власти своей покорилъ,

и

и всѣми міра выгодами наслаждался. Предложилъ однако ему и добро и зло: понеже мудрость далъ, которой вся сила въ разбирательствѣ добра и зла состоитъ. Ибо не можетъ ничто избирать лучшаго, и знать, что есть доброе, ежели не будетъ купно знать, отвергать, и убѣгать, что есть злое. Взаимно себѣ обое сіе соединено такъ, что истребивши одно изъ нихъ, обое истребится. И такъ когда предложено будетъ добро и зло, тогда уже дѣло свое дѣлаетъ мудрость, и добраго желаетъ ради пользы, злое отвергаетъ ради здравія. Слѣдовательно какъ добро безчисленное представлено, котораго бъ могъ употреблять, такъ и зло, котораго бы берется. Ибо ежели бы зла никакого не было, никакой опасности, ничего наконецъ, чтобы вредить человѣку могло: то истребляется вся матерія мудрости, и не будетъ человѣку нужна. Ибо положивши только предъ лицемъ доброе, къ чему потребно будетъ помышленіе, умъ, знаніе, разумъ, когда куда только простретъ руку, то природѣ сходственнымъ и полезнымъ будетъ. Такъ, ежели бы кто захотѣлъ наивеликолѣпнѣйшую вечерю младенцамъ, въ разумъ еще непришедшимъ, представить, то подлинно всѣ того захотятъ, куда всякаго или стремленіе, или гладъ или и случай повлечетъ, и все что ни возмутъ, то имъ будетъ полезно и здраво. И такъ какій вредъ будетъ, пребывать имъ таковыми, каковыми они въ самомъ дѣлѣ, и всегда младенцами и незнающими вещей? А ежели примѣшаешъ или горь-

горькое, или неполезное, или и ядовитое, то обманутся подлинно по незнанію добра и зла, ежели не будут имѣть мудрости, которою бы зло отвергать, доброе избирать. И так видиш, что ради зла наипаче потребна нам мудрость: которая ежели бы не была предложена, то разумными животными не были бы мы. А ежели сей довод, который Стоики положили, истинен, то разрушается и довод оный Епикуров: „ Бог, говорит, „ или хочет истребить зло, но не может; „ или может, но не хочет; или и не мо„ жет, и не хочет; или и хочет, и мо„ жет. Ежели хочет, но не может, то „ он немощен, что Богу неприлично. Еже„ ли может, но не хочет, то завистлив, „ что равно несвойственно Богу. Ежели не „ хочет, и не может, то и завистлив и „ немощен, а потому и не Бог. Ежели и „ хочет, и может, что едино Богу прили„ чествует, то откуда есть зло? Или для „ чего зла не истребляет „. Знаю, что многіе Философы, которые промысл защищают, сим доводом обыкновенно смущаются, и почти не хотя принуждены бывают, признать, что Бог ни очем не радит, чего наипаче ищет Епикур. Но я причину разсмотрѣвши, страшный сей довод легко разрушу. Ибо Бог может, что восхочет, и немощи или зависти в Богѣ никакой нѣт. И так может зло истребить, но не хочет: однако для сего он не завистлив. Ибо для того не истребляет, понеже мудрость (как

пока-

показалъ я) купно далъ и болѣе добра и пріятности въ мудрости, нежели въ злѣ скуки. Понеже мудросшь дѣлаетъ, что и Бога познаемъ, и тѣмъ познаніемъ безсмертіе получаемъ, что есть высочайшее добро. И такъ ежели бы прежде зла мы не познавали, не могли бы и добра познать. Но сего не видѣлъ ни Епикуръ, ни другой кто, что ежели бы истребилось зло, равно истребилася бы мудрость, и никакого бы въ человѣкѣ слѣда добродѣтели не осталось, которой вся сила въ понесеніи и побѣжденіи зла состоитъ. Такимъ образомъ ради малой выгоды въ истребленіи зла, превеликаго и истиннаго и свойственнаго намъ добра лишилися бы мы. И такъ извѣстно, что все ради человѣка предложено, какъ зло, такъ и добро.

ГЛАВА 14.

Для чего Богъ сотворилъ человѣка.

Слѣдуетъ показать, для чего Богъ самаго человѣка сотворилъ. Какъ міръ ради человѣка сотворилъ, такъ человѣка ради себя такъ какъ Божественнаго храма настоятеля, смотрителя дѣлъ и вещей небесныхъ. Единъ бо человѣкъ есть, который имѣя чувство и разумъ, познавать можетъ Бога, дѣламъ Божіимъ удивляться, силу и власть разсматривать. Ибо для того совѣтъ, мысль, разумъ,

имѣетъ: для того единъ отъ прочихъ животныхъ прямымъ тѣломъ и состояніемъ сотворенъ, дабы къ взиранію на Отца своего возбужденъ былъ: для того единъ принялъ рѣчь, и языкъ въ изъясненіе, дабы моглъ говорить о величествѣ Господа своего: наконецъ для того все ему покорено, дабы творцу и создателю Богу самъ покоренъ былъ. И такъ ежели восхотѣлъ, дабы человѣкъ его почиталъ, и для того столько человѣка почтилъ, что надъ всѣми вещьми господиномъ поставилъ, то весьма праведно Бога толикая сотворившаго почитать, и любить человѣка, который намъ Божественнымъ закономъ совокупленъ. Ибо не пристойно, дабы почитатель Божій отъ почитателя Божія обижденъ былъ. Посему разумѣемъ, что ради вѣры и правды человѣкъ сотворенъ. Свидѣтельствуетъ сіе Маркъ Туллій въ книгахъ о законахъ такъ пиша: „Изъ всего, что въ разглагольствіи „ученыхъ людей обрѣтается, подлинно нѣтъ „ничего лучшаго, какъ разумѣть, что мы „къ правдѣ рождены„. А ежели сіе справедливо, то хощетъ Богъ, дабы всѣ люди праведны были, то есть, дабы Бога и человѣка любили: Бога, то есть, почитали какъ Отца, человѣка любили какъ брата. Ибо въ сихъ двухъ вся правда состоитъ. Слѣдовательно кто или Бога не познаетъ, или человѣку вредъ причиняетъ, тотъ жизнь препровождаетъ неправедно и противъ природы своей, и симъ образомъ разоряетъ установленіе и законъ Божій.

ГЛАВА 15.

Откуду къ человѣку грѣхи приходятъ.

Здѣсь можетъ быть вопроситъ ктолибо, откуду къ человѣку грѣхи пришли, или какая злоба Божественнаго установленія правило къ худшему уклонила, что человѣкъ рожденъ къ правдѣ, дѣла однако неправедныя дѣлаетъ? Уже прежде изъяснилъ я, что Богъ предложилъ купно добро и зло: добро, дабы любили; а зло, которое добру противно, ненавидѣли: но того ради злу быть попустилъ, дабы и добро извѣстно было: понеже одно безъ другаго (какъ часто я показывалъ) быть не можетъ. Ктомужъ самый міръ изъ двухъ стихій противныхъ и взаимно совокупленныхъ сотворенъ, огненной и мокрой: и не моглъ свѣтъ быть, ежели бы и тьмы не было: понеже и вышнее не можетъ быть безъ нижняго, ни востокъ безъ запада, ни теплое безъ хладнаго, ни мягкое безъ твердаго. Такъ и мы изъ двухъ равно противныхъ сотворены, изъ души и тѣла, изъ которыхъ одно небу приписывается, понеже тонко есть и не осязаемо: другое земли, понеже есть осязаемо: одно крѣпко и вѣчно, другое слабо и смертно. Слѣдовательно одному добро прилѣпляется, другому зло: одному свѣтъ, животъ, правда: другому тьма, смерть, неправда. Отсюду произошло въ людехъ естества человѣческаго поврежденіе, что потребно стало установить законъ, дабы онымъ и поро-

ки запретить, и добродѣтелемъ быть повелѣть. И такъ когда есть въ вещахъ человѣческихъ добро и зло, которыхъ причину изъяснилъ я, надлежитъ на обѣ части преклоняться Богу, и на милость, когда правду творимую видитъ: и на гнѣвъ, когда видитъ неправду. Но срѣтаетъ насъ Епикуръ и говоритъ: „ Ежели есть въ Богѣ радости страсть „ на милость, и ненависти на гнѣвъ: то „ долженъ имѣть и страхъ, и похоть и вож„ делѣніе, и прочія страсти, которыя свой„ ственны немощи человѣческой „. Не долженъ бояться, кто гнѣвается, или скорбѣть, кто радуется: ктомужъ гнѣвливые небоязливы суть, и по природѣ веселые не скорбятъ. Какая нужда о человѣческихъ страстяхъ говорить, которымъ немощь наша подлежитъ. Разсудимъ Божественную нужду. Не хочу говорить природу, понеже Богъ нашъ никогда нерожденъ. Страха страсть имѣетъ въ человѣкѣ матерію, въ Богѣ не имѣетъ. Человѣкъ понеже многимъ случаямъ и опасностямъ подверженъ, то боится, дабы нѣкоторая боль шая сила его не поразила, не обнажила, не терзала, не озлобила, не умертвила: а Богъ которому ни нищета, ни обида, ни болѣзнь, ни смерть неприлична, бояться никакъ не можетъ, понеже нѣтъ ничего, чтобы ему насиліе могло нанести. Также похоти причина въ человѣкѣ явна есть. Ибо поелику немощнымъ и смертнымъ онъ сотворенъ, то, потребно было другій полъ и различный сотворить, котораго смѣшеніемъ преемство и по-

потомство моглобы раждаться къ продолженію вѣчности рода. Но сія похоть въ Богѣ мѣста не имѣетъ, понеже и немощь и смерть отъ Бога удалена: и нѣтъ у него никакой жены, съ которою бы онъ совокуплялся, и преемства не требуетъ, понеже всегда быть имѣетъ. Тожъ о зависти и вожделѣніи сказать можно, которыя ради извѣстныхъ и явныхъ причинъ человѣку приличествуютъ, а Богу не приличествуютъ. Милость же, и гнѣвъ, и милосердіе имѣютъ въ Богѣ матерію, и справедливо оныхъ употребляетъ высочайшая оная и единая власть ради сохраненія вещей.

ГЛАВА 16.

Какая матерія есть въ Богѣ милосердія, милости, или гнѣва.

Вопроситъ ктолибо, какая есть оная матерія? Вопервыхъ приключающимися напастьми озлобляеми будучи люди къ Богу почти всегда прибѣгаютъ, утоляютъ, умоляютъ, вѣруя, что можетъ онъ отъ тѣхъ напастей свободить. Слѣдовательно имѣетъ вину милосердія. Ибо не столь есть не милосердымъ презирателемъ людей, дабы помощи бѣдствующимъ не подалъ. Ктомужъ многіе вѣдая, что Богъ любитъ правду, его Господемъ и Отцемъ общимъ почитаютъ и молитвами

всегдашними и частыми обѣтами, дары и жертвы приносятъ, имя его похваляютъ, праведными и добрыми дѣлами угодить ему тщася. И такъ есть причина, для чего Богъ и можетъ и долженъ миловать. Ибо ежели ничего нѣтъ толь приличнаго Богу, какъ благотвореніе; ничего нѣтъ толь не приличнаго, какъ неблагодарность: то долженъ добрымъ людемъ и свято живущимъ здѣлать нѣчто, и воздать, дабы не здѣлаться неблаблагодарнымъ, что и человѣку въ вину поставляется. Напротивъ же находятся иные беззаконные и нечестивые, которые похотьми все скверняmъ, убійствами озлобляютъ, обманываютъ, похищаютъ, клятву преступаютъ ни сродниковъ ни родителей не щадятъ, о законахъ и о самомъ Богѣ нерадятъ. Слѣдовательно имѣетъ гнѣвъ въ Богѣ матерію. Не пристойно Богу таковыя дѣла видя не возбуждаться, и не воставать на мщеніе беззаконныхъ, и пагубныхъ и вредныхъ не погублять, дабы добрыхъ всѣхъ сохранить. Такимъ образомъ въ самомъ гнѣвѣ находится и милость. Слѣдовательно тщетны и ложны доводы и тѣхъ, которые не приписуя Богу гнѣву, приписываютъ милость: понеже и милость безъ гнѣва быть не можеж: и тѣхъ, которые думаютъ, будто бы въ Богѣ никакого духовнаго движенія нѣтъ. И понеже суть нѣкоторыя страсти, которыя не приличествуютъ Богу, какъ то похоть, страхъ, скупость, печаль, зависть, то говорили, будто бы совсѣмъ въ Богѣ никакой страсти нѣтъ.

нѣтъ. Ибо тѣхъ страстей не имѣетъ, понеже пороки суть, а тѣ, которыя составляютъ добродѣтели, то есть гнѣвъ на злыхъ, милость на добрыхъ, любовь къ озлобляемымъ, понеже Божественной власти суть достойны, свойственныя и праведныя и истинныя имѣетъ. Сихъ страстей ежели бы не имѣлъ, то человѣческое житіе смутилося бы, и въ такое смѣшеніе пришло состояніе человѣческое, что презрѣвши и поправши законы, едина бы царствовала дерзость, что никто бы не былъ безопасенъ, развѣ кто силами превосходитъ. Такимъ образомъ какъ бы общимъ разбоемъ вся бы земля разорилась. А нынѣ понеже и злые казни, и добрые милости, и озлобляемые помощи надѣются: то и добродѣтелемъ мѣсто есть, и беззаконія рѣдки. Но по большей части и беззаконные щастливѣйшими находятся, и добрые бѣднѣйшими, и неправедные праведныхъ озлобляютъ безъ мщенія за оное. Разсудимъ потомъ, для чего сіе бываетъ. Между тѣмъ о гнѣвѣ изъясню, естьли нѣкоторый гнѣвъ въ Богѣ, или совсѣмъ ни о чемъ не печется, и не возбуждается противъ нечестивыхъ дѣлъ.

ГЛАВА 17.

Что Богъ управляетъ міръ, и дѣла человѣческія, и слѣдовательно гнѣвается.

Говоритъ Епикуръ: „Что Богъ ни о чемъ „нерадитъ„. Слѣдовательно никакой не имѣетъ власти. Ибо долженъ радѣть, кто имѣетъ власть: или ежели имѣетъ, и не употребляетъ, то какая толь великая находится причина, что Богъ не говорю родъ нашъ, но и міръ самый презираетъ? „Потому, го„воритъ, нетлѣненъ онъ и блаженъ, понеже „всегда спокоенъ„: Кому же управленіе толикихъ вещей досталось, ежели о нихъ Богъ не брежетъ, которыя, какъ видимъ, разумомъ высочайшимъ управляются? Или какъ можетъ быть спокоенъ, который живетъ и чувствуетъ? Ибо спокойство знакомъ есть или сна или смерти. Но и сонъ не имѣетъ спокойства. Ибо когда заснемъ, хотя тѣло покоится, но душа безпокойна будучи движется, образы себѣ къ зрѣнію вымышляетъ, дабы естественное свое движеніе отправлять различными зрѣніями, и возвращается отъ ложныхъ, когда члены насытятся, и бодрость воспріимутъ. Ктомужъ спокойство всегдашнее одной смерти свойственно: а ежели смерть Бога не касается, то Богъ никогда не есть спокоенъ. Божіе же дѣйствіе какое можетъ быть, ежели не управленіе міромъ? ежели же о мірѣ печется Богъ, то печется Богъ о жи-

тіи человѣческомъ, и всякаго человѣка дѣла примѣчаетъ, и дабы всѣ мудрыми и добрыми были, желаетъ. Сія есть воля Божія, сей Божественный законъ, которому кто послѣдуетъ, кто сохраняетъ, тотъ Богу любезенъ. И такъ долженъ Богъ гнѣваться на того, кто сей вѣчный и Божественный законъ или разоритъ или презритъ. „Ежели „вредъ кому причиняетъ Богъ, то онъ уже не благъ„. Немалымъ прельщаются заблужденіемъ, которые строгость или человѣческую или божественную жестокостію порочатъ, называя того виновнымъ, кто винныхъ казнитъ: и ежели оно такъ, то вредныя мы законы имѣемъ, которыя на согрѣшающихъ казни уставили: вредныхъ судей, которые въ беззаконіи обличенныхъ смертію казнятъ. А ежели и законъ праведенъ, который виновному воздаетъ, что онъ заслужилъ, и судія непорочнымъ и добрымъ называется, когда за злодѣянія отмщеваетъ (добрыхъ бо здравіе бережетъ, кто злыхъ казнитъ) слѣдовательно и Богъ, когда злыхъ казнитъ, неповиненъ, но тотъ виновенъ, который или невинному вредитъ, или виновнаго щадитъ, дабы онъ многимъ вредъ причинялъ. Хочу вопросить тѣхъ, которые Бога дѣлаютъ недвижимымъ: ежели бы кто имѣлъ имѣніе, домъ, и рабы его презирая терпѣніе господина, всѣмъ бы завладѣли: сами бы добромъ его наслаждались, ихъ бы рабы его почитали, а господина всѣ бы презирали, насмѣхались, оставили: могъ ли бы мудрымъ быть тотъ, который бы за без-

честіе не отмщевалъ, и попустилъ бы тѣмъ имѣніямъ своимъ наслаждаться, надъ которымъ власть имѣетъ? Какимъ образомъ толикое въ комъ нибудь можетъ терпѣніе найтись? Ежели только терпѣніемъ именовать его должно, а не сумозбродствомъ нѣкоторымъ нечувственнымъ? Но легко сносить презрѣніе. Что ежели бы то здѣлалось, что Цицеронъ говоритъ: „Ибо вопрошаю, ежели бы чій „рабъ дѣтей господина своего и жену убилъ, „домъ сжегъ, а господинъ бы раба того жестоко не наказалъ, милостивымъ ли онъ и милосердымъ, или безчеловѣчнымъ и наисвирѣпѣйшимъ бы казался„. А ежели за такія злодѣянія прощать свирѣпостію почитается наипаче, нежели милостію: слѣдовательно не есть добродѣтель въ Богѣ за дѣла неправедныя не возбуждаться гнѣвомъ. Ибо міръ какъ божій домъ есть, и люди какъ рабы. которые ежели имени его насмѣхаются, то какое или коликое терпѣніе есть, дабы честь свою уступилъ, злыя и неправедныя дѣла видѣлъ, и не гнѣвался? что свойственно и естественно есть тому, который грѣховъ не любитъ. Слѣдовательно гнѣвъ по разуму есть. Прекращаются бо грѣхи, и укрощается самовольство, что подлинно праведно и мудро дѣлается. Но Стоики не видѣли, въ чемъ состоитъ разность прямаго и непрямаго: есть гнѣвъ праведный, есть и неправедный: и понеже врачевства вещи не находили, то хотѣли гнѣвъ совсѣмъ отвергнуть. А Перипатетики говорили, что гнѣвъ не отсѣкать,

но

но въ умѣренность приводить должно: которымъ въ шестой книгѣ наставленій довольно я отвѣтствовалъ. А что Философы не знали, какая причина есть гнѣва, то видно изъ описаній ихъ, которыя Сенека исчислилъ въ книгахъ о гнѣвѣ написанныхъ. „Гнѣвъ есть „ говоритъ, желаніе отмстить обиду „. Иные (какъ говоритъ Поссидоній) желаніе казнить того, который тебе неправедно оскорбилъ. Нѣкоторые такимъ образомъ описали: гнѣвъ есть возбужденіе духа на вредъ тому, который или вредъ причинилъ, или вредить хотѣлъ. Аристотелево описаніе не много отъ нашего разнится. Ибо говоритъ: гнѣвъ есть желаніе воздать оскорбленіе. Сей есть гнѣвъ, о которомъ прежде говорилъ я, который и въ безсловесныхъ находится: а въ человѣкѣ воздерживать его должно, дабы къ нѣкоторому превеликому злу не пришелъ чрезъ ярость. Сей гнѣвъ въ Богѣ быть не можетъ, понеже есть неоскорбляемь, а въ человѣкѣ, понеже немощенъ есть, находится. Оскорбленіе бо причиняетъ болѣзнь, и болѣзнь дѣлаетъ желаніе отмщевать. Гдѣ же есть оный гнѣвъ противъ согрѣшающихъ, который не есть желаніе отмщевать, понеже не предварила обида. Не говорю о тѣхъ, которые противъ законовъ грѣшатъ, на которыхъ и судія безъ преступленія гнѣваться можетъ. Положимъ однако, что судія спокойный духомъ быть долженъ, когда виновному налагаетъ казнь, понеже законовъ есть слуга, не духа или власти своея. Ибо такъ говорятъ, которые

гнѣвъ

гнѣвъ силятся истребить. Но о тѣхъ наипаче говорю, которые суть въ нашей власти, какъ то рабы, дѣти, какъ то жены, ученики, которыхъ когда согрѣшающихъ видимъ, возбуждаемся ихъ удерживать. Ибо долженъ всякъ добрый и праведный ненавидѣть зла, и кто ненавидитъ зла, тотъ возбуждается, когда зло дѣющееся видитъ. Слѣдовательно отмщеваемъ, не для того, будтобы мы оскорблены, но дабы порядокъ сохранился, нравы исправились, самовольство пресѣкалось. Сей гнѣвъ есть праведный, который какъ въ человѣкѣ потребенъ къ исправленію злобы, такъ и въ Богѣ, отъ котораго къ человѣку взятъ примѣръ. Ибо какъ мы подчиненныхъ нашихъ воздерживать должны, такъ и Богъ всѣхъ грѣхи воздерживать долженъ: а сіе дабы здѣлать, то долженъ гнѣваться, ибо естественно есть доброму за грѣхъ другаго подвигаться и возбуждаться. Слѣдовательно опредѣлить должны были: „Гнѣвъ есть движеніе духа, „къ воздержанію грѣховъ возбуждающагося. Ибо опредѣленіе Цицероново: Гнѣвъ есть желаніе отмщенія: не много отъ вышепомянутыхъ разнствуетъ. Гнѣвъ, который можемъ или яростію или враждою именовать, н въ человѣкѣ не долженъ быть, понеже онъ совсѣмъ порочен; а гнѣвъ, который къ исправленію пороковъ служитъ, и у человѣка отнимать не должно, и у Бога не можно, понеже онъ и полезенъ дѣламъ человѣческимъ и необходимо потребенъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 18.

Что безъ гнѣва грѣхи не исправляются.

Къ чему потребенъ гнѣвъ, говорятъ, когда безъ сея страсти грѣхи исправить можно? Но нѣтъ ни одного, кто бы грѣшника могъ видѣть спокойно. Моглъ бы можетъ быть Судія, понеже злодѣяніе не предъ очами его дѣлается, но доносится отъинуду какъ сумнительное. И никогда не можетъ быть беззаконіе толь явнымъ, дабы защищать его было не можно. И того ради можетъ судія не возбуждаться противъ того, который можетъ невиновнымъ показаться: а когда открывшись злодѣяніе явится, то уже не своего мнѣнія употребляетъ, но законовъ. Можно дозволить, дабы безъ гнѣва дѣлалъ, ибо имѣетъ чему послѣдовать. Мы подлинно, когда въ дому грѣшатъ наши домашніе, хотя то видимъ, хотя чувствуемъ, гнѣваться должны. Ибо самое взираніе на грѣхъ недостойно есть. Ибо кто не возбуждается совсѣмъ, или дозволяетъ грѣшить, того что есть мерзостнѣе и неправеднѣе, или убѣгаетъ въ наказаніи скуки, которой тихій духъ и спокойная мысль гнушается и удаляется, ежели не поощритъ и невозбудитъ гнѣвъ. А кто возбуждается, однако безвременною тихостію, или чаще нежели должно, или и всегда прощаетъ, той явно и тѣхъ житіе погубляетъ, которыхъ дерзновенность питаетъ къ злодѣяніямъ большимъ, и себѣ самому вѣчную скуки

ки матерію подаетъ. Слѣдовательно порокъ есть къ грѣхамъ гнѣвъ свой воздерживать. Хвалятъ Архита Тарентскаго, который когда увѣдалъ, что на поляхъ все повреждено, приказчика своего браня, сказалъ: „ Нещастный „ ты человѣкъ, я бы тебе убилъ до смерти, „ ежели бы не разгнѣвался „. За особливый воздержанія примѣръ сіе поставляютъ: но на важность смотря, не видятъ, сколь непристойно и сказалъ и здѣлалъ. Ибо какъ говорить Платонъ, ни одинъ изъ благоразумныхъ не казнитъ за то, что уже согрѣшено, но дабы не было согрѣшаемо: видимъ сколь худый примѣръ мужъ мудрый предложилъ. Ибо ежели узнаютъ рабы, что господинъ ихъ неистовствуетъ, когда не гнѣвается: и тогда прощаетъ, когда гнѣвается: то подлинножъ не будутъ дѣлать легкихъ преступленіевъ, дабы не билъ ихъ: но сколько могутъ великія станутъ дѣлать, дабы гнѣвъ его возбудить, и такимъ образомъ безъ наказанія остаться. А я похвалилъ бы, ежели бы разгнѣвавшись, далъ гнѣву своему время, дабы по времени утишивши стремленіе духа, сохранить мѣру въ наказаніи. Слѣдовательно ради великости гнѣва не отпустить должно было наказаніе, но отложить: дабы или согрѣшившаго больше, нежели пристойно, не наказать, или самому не неистовствовать. А здѣсь наконецъ какая правда, или какая мудрость, дабы кого за малое преступленіе наказывать, за наивеличайшее не наказывать? А ежелибы природу вещей и причины позналъ, то никогдабы о такомъ безвременномъ воздер-

жаніи

жанiи не признался, дабы негодный рабъ радовался, что на него господинъ разгнѣвался. Ибо Богъ какъ тѣлу человѣческому ради употребленiй житiю нужныхъ многiя и различныя чувства далъ, такъ и душѣ различныя далъ страсти, которыми житiе состоитъ. Какъ похоть ради произведенiя потомковъ далъ, такъ гнѣвъ ради воздержанiя грѣховъ. Но тѣ, которые не знаютъ концевъ добра и зла, какъ похоти употребляютъ къ растлѣнiямъ и роскошамъ, такъ и гнѣва страсти къ вреду, когда на тѣхъ, которыхъ ненавидятъ, гнѣваются, и на равныхъ, или и на большихъ. Отсюда ежедневно превеликiя злодѣянiя происходятъ: отсюду трагедiи часто раждаются. Должно бы похвалить Архита, ежели бы разгнѣвавшись на нѣкотораго гражданина и равнаго дѣлающаго ему обиду, воздержался однако, и терпѣнiемъ неистовство укротилъ. Сiе воздержанiе себе самаго, славно есть, которымъ воздерживается нѣкоторое наступающее великое зло. А рабовъ и дѣтей отъ грѣховъ не воздерживать, грѣхъ есть. Чрезъ свобожденiе отъ казни устремятся къ большему злу. Здѣсь не воздерживать гнѣвъ, но (ежели онъ не трогается,) и возбуждать должно. А что о человѣкѣ говорю, сiе и о Богѣ, который человѣка подобнымъ себѣ сотворилъ. Не говорю о образѣ Божiемъ, понеже Стоики говорятъ, что никакого образа Богъ не имѣетъ: и великая иная матерiя предлежитъ, ежели бы ихъ обличать восхотѣлъ, о душѣ только говорю. Богъ помышляетъ,

мудрствуетъ, разумѣетъ, промышляетъ, дѣлаетъ: а изо всѣхъ животныхъ единъ человѣкъ сіе имѣетъ: слѣдовательно по подобію Божію сотворенъ: но впадаетъ въ порокъ, понеже съ земною немощію смѣшенъ будучи, не можетъ того, что отъ Бога принялъ, непорочно и цѣло сохранить, ежели отъ того же Бога правдѣ не научится.

ГЛАВА 19.

Что человѣкъ отъ тѣла пороки, отъ души добродѣтели имѣетъ. И что Богъ когда хощетъ, дабы люди добрыми были, за грѣхи ихъ гнѣвается.

Но понеже, какъ сказалъ я, сотворенъ онъ изъ двухъ, изъ души и тѣла: въ одномъ добродѣтели, въ другомъ пороки содержатся, и борются взаимно. Ибо добро духовное, которое есть въ воздержаніи похотей, противно тѣлу: и тѣлесное добро, которое состоитъ во всякомъ родѣ удовольствій, противно духу. Но ежели добродѣтель духа воспротивится роскошамъ, и оныя укротитъ, то будетъ воистинну Богу подобнымъ. Отсюду видно, что душа человѣческая, понеже добродѣтель Божію вмѣщаетъ, есть безсмертная. Но разность въ томъ состоитъ, что поелику добродѣтель имѣетъ горесть, и сладка есть прелесть роскошей, то побѣждаются многіе

тїе и отвлекаются къ сладости: а оные, которые себя тѣлу и вещамъ земнымъ предали, поникшими становятся къ земли, и не могутъ получить Божественныя благодати, понеже пороками осквернилися. А которые Богу послѣдуя, и ему повинуяся, тѣлесная вожделѣнія презрѣли, и добродѣтель паче роскоши почитая, невинность и правду сохранили, сихъ Богъ какъ себѣ подобныхъ познаетъ. И такъ когда наисвятѣйшій законъ положилъ, и хощетъ, дабы всѣ невинными были: то можетъ ли не гнѣваться, когда видитъ, что законъ его презираютъ, добродѣтель отвергаютъ, желаютъ роскоши? А ежели есть міра управитель, какъ быть долженъ, то не презираетъ того, что есть во всемъ мірѣ наивеличайшее: ежели есть промышляющій, какъ надлежитъ Богу, то промышляетъ о родѣ человѣческомъ, дабы было житіе наше и довольнѣе, и лучше и безопаснѣе: ежели есть Отецъ и Богъ всѣхъ, то воистинну и добродѣтельми человѣческими утѣшается, и пороками возбуждается къ гнѣву: и слѣдовательно и праведныхъ любитъ, и нечестивыхъ ненавидитъ. Скажетъ ктолибо: не потребно ненависти. Ибо уставилъ однажды добрымъ награжденіе, и злымъ казнь. Но ежелибы нѣкто праведно и невинно жилъ, а Бога не почиталъ, и нерадилъ совсѣмъ какъ Аристотель и прочіе Философы: то будетъ ли онъ безъ наказанія, что закону Божію повинуяся, самаго однако презрѣлъ? Слѣдовательно есть нѣчто, для чего Богъ мо-

жетъ гнѣваться, такъ какъ на согрѣшающаго противъ его въ надеждѣ своей невинности. Ежели на сего можетъ гнѣваться за гордость, то для чего не на грѣшника наипаче, который законъ равно и самаго законоположника презрѣлъ? Судія простить грѣховъ не можетъ, понеже воли служитъ чужой: а Богъ можетъ, понеже есть закона своего самъ примирителемъ и судіею: который когда законъ полагалъ, то не отнялъ у себя всея власти, но имѣетъ власть прощать.

ГЛАВА 20.

Что злыхъ щастіе гнѣва Божія не уничтожаетъ. И что Богъ есть долготерпѣливъ.

Ежели можетъ прощать, то можетъ гнѣваться. Для чегожъ, скажетъ ктолибо, и которые грѣшатъ, часто щастливыми бываютъ, и которые благочестиво живутъ, часто нещастными? Понеже бѣглые и отчужденные свободно живутъ, и которые въ наставленіи отца или господина состоятъ, умѣреннѣе. Ибо добродѣтель напастми и искушается и состоитъ: пороки роскошью. Однако тотъ, кто грѣшитъ, не долженъ надѣяться всегдашняго отъ казни свобожденія, понеже нѣтъ никакого вѣчнаго щастія, „ Но послѣдняго всег„ да должно ожидать дня человѣку, и назы„ ваться блаженнымъ прежде смерти и послѣ-

„ дняго

„дняго гроба никто не долженъ „ какъ говоритъ изрядный стихотворецъ: кончина показываетъ щастіе: и никто не можетъ убѣжать суда ни живый ни мертвый. Ибо имѣетъ власть и живыхъ съ высоты низвергать, и мертвыхъ вѣчными казнить муками. „ Но „ еще говорятъ, ежели гнѣвается Богъ, тот„часъ долженъ бы отмщевать, и по достоин„ству всякаго казнить „. Но ежели бы то дѣлалъ, то ни одного бы не осталось. Ибо нѣтъ ни одного, кто бы не согрѣшилъ, и многія вещи къ грѣху побуждаютъ, возрастъ, піянство, нищета, приключеніе, награжденіе. Столь подвержена есть грѣху немощь тѣла, которое мы носимъ, что ежели бы сей нуждѣ Богъ не прощалъ, то совсѣмъ мало было живыхъ. Для сея причины долготерпѣливъ онъ, и гнѣвъ свой воздерживаетъ. Ибо поелику совершенная есть въ немъ сила, то совершенно и терпѣніе его, которое и само добродѣтель есть. Сколь многіе изъ грѣшниковъ праведными послѣ здѣлалися, изъ злыхъ добрыми, изъ невоздержныхъ воздержными? сколь многіе въ младомъ возрастѣ скверные, и всѣхъ судомъ осужденные, потомъ однако похвальными стали? а сего бы не было, ежели бы всякому грѣху казнь послѣдовала. Законы народные явныхъ виноватыхъ осуждаютъ: но многіе находятся, которыхъ грѣхи утаеваются: многіе, которые суды обманываютъ, или по милости чьей или власти: а ежели бы тѣхъ всѣхъ, которые человѣческой казни убѣгаютъ, судъ Божій осуждалъ, то мало бы

 людей

людей на земли, или совсѣмъ не было. Ктому и сія одна причина къ погубленію рода человѣческаго праведна быть бы могла, что люди презрѣвши Бога живаго, земнымъ тлѣннымъ ваяніямъ честь Божественную какъ небеснымъ отдаютъ, покланяяся дѣламъ руками человѣческими содѣланнымъ: и когда творецъ Богъ лице высокое, состояніе прямое имъ давши къ зрѣнію на небо, и къ познанію Бога возвысилъ, наклонять себя на землю поскотски восхотѣли. Низокъ бо и не прямъ и наклоненъ тотъ, который отъ зрѣнія неба и Бога Отца отвратившись земная, которая попирать долженъ былъ, то есть отъ земли сотворенная и изваянная почитаетъ. И такъ въ толикомъ беззаконіи людей и толикихъ грѣхахъ то получаетъ терпѣніе Божіе, что люди отвергши житія перваго заблужденіе исправляются. Къ томужъ многіе бываютъ и добрыми и праведными, и отвергши земная почитанія, величество Бога единаго познаютъ. Но хотя превеликое и полное есть Божіе терпѣніе, однако хотя поздно виновныхъ казнитъ, и не терпитъ имъ далѣе простираться, когда ихъ неисправленными увидитъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 21.

Ежели Богъ гнѣвается, то для чего человѣку гнѣваться запретилъ.

Остается одинъ и послѣднiй вопросъ. Ибо скажетъ можетъ быть ктолибо не только не гнѣвается Богъ, но и человѣку гнѣваться запрещаетъ. Моглъ бы я сказать, что человѣческiй гнѣвъ воздерживать должно, понеже часто неправедно гнѣвается, и скорое имѣетъ движенiе, понеже временный есть. Того ради дабы не здѣлалъ того, что дѣлаютъ во гнѣвѣ и малые, и среднiе, и великiе цари: то укрощать должно ярость его и удерживать, дабы внѣ ума, нѣкотораго непростительнаго злодѣянiя не здѣлалъ. А Богъ и не скоро гнѣвается, понеже вѣченъ есть и совершенныя силы, и всегда не инако развѣ праведно гнѣвается. Но не такъ оно. Ибо ежели бы совсѣмъ запрещалъ гнѣваться, то самъ бы нѣкоторымъ образомъ дѣло свое охуждалъ, ибо въ началѣ гнѣвъ въ печень человѣческую влiялъ. Понеже говорятъ, что причина сего возбужденiя въ мокротѣ желчной содержится. Слѣдовательно не совсѣмъ запретилъ гнѣваться: понеже сiя страсть по необходимости дана: но запретилъ во гнѣвѣ пребывать. Гнѣвъ бо смертныхъ долженъ быть смертнымъ. Ибо ежели будетъ вродолжаться, то утвердятся вражды къ вѣчной погибели.Ктомужъ паки когда гнѣваться, но однако не согрѣшать повелѣваетъ, то не совсѣмъ исторгаетъ гнѣвъ,

 но

но растворяетъ: дабы во всякомъ наказанія мѣру и правду наблюдали. И такъ который гнѣваться намъ повелѣваетъ, то и самъ гнѣвается, который утоляться скорѣе повелѣваетъ, тотъ и самъ утоляемый. То бо повелѣваетъ, что есть праведно, и обществу полезно. Однако когда сказалъ я, что гнѣвъ божій не есть временный, какъ человѣческій, который скорымъ возбужденіемъ кипитъ, и по немощи управлять себе не можетъ: не должно намъ думать, что поелику Богъ вѣченъ есть, то и гнѣвъ его во вѣки пребываетъ: но паки, понеже силу превеликую имѣетъ, то во власти имѣетъ гнѣвъ свой, и не гнѣвомъ управляемъ бываетъ, но гнѣвъ свой, какъ хощетъ, управляетъ. И сіе вышереченному непротивно. Ибо ежели бы совсѣмъ гнѣвъ его неизмѣненъ былъ, то не было бы довлетворенію или милости по грѣхѣ мѣста: когда самъ людемъ прежде захожденія солнца примиряться повелѣваетъ. Но гнѣвъ Божій во вѣки пребываетъ противъ тѣхъ, которые грѣшатъ во вѣки. Того ради Бога не кадиломъ, не жертвою, не драгими дарами, которые всѣ тлѣнны, но исправленіемъ нравовъ умилостивлять должно: и кто грѣшить преставетъ, тотъ гнѣвъ Божій премѣняемымъ дѣлаетъ. Того бо ради не скоро всякаго виноватаго наказываетъ, дабы человѣкъ могъ раскаяться.

ГЛАВА

ГЛАВА 22.

О грѣхахъ, и объ оныхъ предложены стихи Сивиллины.

Сїе имѣлъ я о гнѣвѣ Божїемъ сказать, любезный Донатъ, дабы ты зналъ, какимъ образомъ отражать тѣхъ, кои Бога дѣлаютъ недвижимымъ; теперь остается по обычаю Цицеронову употребить заключенїе, такъ какъ онъ въ Тускуланскихъ о смерти разсуждая учинилъ. Такимъ образомъ мы въ семъ сочиненїи свидѣтельства Божественныя, которымъ бы вѣрить было можно, приложить должны, дабы мнѣнїе тѣхъ опровергнуть, которые Бога негнѣвающимся признаваютъ, разрушаютъ всякое благочестїе, безъ котораго, какъ изъяснилъ я, или лютостїю и свирѣпствомъ звѣрямъ, или безумїемъ скотамъ бываемъ равны. Ибо въ одномъ благочестїи то есть въ познанїи всевышняго Бога премудрость состоитъ. Всѣ Пророки духомъ Божїимъ исполненные ни о чемъ другомъ, какъ о милости Божїей къ праведникамъ, и гнѣвѣ его противъ нечестивыхъ говорятъ: коихъ свидѣтельства для насъ хотя и довольны, однако тѣхъ, которые онымъ не вѣрятъ, которые премудрость въ волосахъ и одеждахъ заключаютъ, и разсужденїемъ и доводами опровегнуть надлежало. Ибо такимъ образомъ не пристойно дѣлается, дабы человѣческими свидѣтельствами Божественныя подкрѣплять, когда наипаче человѣческїя разсужденїя Божественными под-

твердаемы быть долженствуютъ: которыя однако теперь оставимъ; дабы не остаться намъ предъ ними ничего неучинившими, и матерія крайне не продолжилась. И такъ поищемъ такихъ свидѣтельствъ, которымъ они могутъ вѣрить, или по крайней мѣрѣ не прекословить. О Сивиллахъ многіе и важные писатели упоминаютъ, изъ грековъ Аристонъ Хійской, и Аполлодоръ Ериѳрійской; изъ нашихъ, Варронъ и Фенестеллъ. Сіи всѣ о главной и знаменитой сверхъ прочихъ Ериѳрійской упоминаютъ. Аполлодоръ ею, какъ согражданкою своею хвалится: Фенестеллъ же пишетъ, что и послы посланы были въ Ериѳру, дабы сея Севиллы стихи въ Римъ они привезли, и дабы оныя консулы Курій и Октавій въ капитоліи, которая тогда стараніемъ К: Катула возобновлена, положили. У ней ѡ всевышнѣмъ Богѣ, Создателѣ всѣхъ вещей такого содержанія стихи находятся: Нетлѣнный и вѣчный Создатель на небеси живущій, добрымъ добрая воздающій, и великое возмездіе: на злыхъ же и неправедныхъ гнѣвающійся. И на другомъ мѣстѣ исчисляя, какими наипаче дѣлами побуждается Богъ, сіе написала: Удаляйся отъ развращенныхъ богопочитаній: Бога живаго почитай: отъ прелюбодѣянія и нечистаго совокупленія съ мужескимъ поломъ воздержись: собственныхъ воспитывай дѣтей, и не умерщляй. Ибо безсмертный гнѣвается на того, который согрѣшаетъ. Слѣдовательно гнѣвается Богъ на грѣшниковъ.

ГЛАВА 23.

О гнѣвѣ Божіемъ, и казни за грѣхи, о которой предложены Сивиллины стихи, и притомъ наставленіе и увѣщаніе.

Но какъ показалъ я, что многія Сивиллы отъ ученыхъ писателей упоминаются; то одной свидѣтельства не довольно для подкрѣпленія, какъ я предпріялъ, истинны: Кумейской Сивиллы книги правда въ тайнѣ хранятся, въ коихъ Римлянъ судьбы описаны: однако прочихъ почти всѣхъ Сивиллъ книги невозбранно ходятъ по рукамъ. Изъ коихъ одна предвозвѣщая всѣмъ народамъ гнѣвъ Божій за нечестіе людское, такимъ образомъ начала: Великій гнѣвъ живаго Бога на міръ непокоривый въ послѣднія времена: Божія знаменія показую всѣмъ вездѣ людемъ пророчествуя. И другая сказала, что гнѣвъ Божій на неправедныхъ навелъ въ прежнія времена потопъ, дабы злоба рода человѣческаго погибла: за что гнѣваяся небесный Богъ самыя города и всѣхъ людей и землю покрылъ моремъ. Подобнымъ образомъ о томъ что сгорѣть имѣетъ нѣкогда міръ, пророчествовала, которое также приключится для потребленія нечестія людскаго. И нѣкогда Богъ гнѣва своего удерживать не будетъ, но отягчитъ оный, и погубитъ весь родъ человѣческій, и истребитъ огнемъ. Откуда у Назона о Юпитерѣ такимъ образомъ пишется: Сказываютъ, что приближается судьбы время, въ которое море, и небо сго-

ритъ, и громада міра изнеможетъ. Чему тогда быть должно, когда честь и почтеніе всевышнему Богу должное истребится. Тажъ Сивилла прилагаетъ, что Богъ покаяніемъ умилостивляется, и жизни исправленіемъ: Но милосердіемъ обратитеся нынѣ люди, и неприводите въ крайній гнѣвъ великаго Бога. Наконецъ другая Сивилла научаетъ, что небесныхъ и земныхъ родителя любить должно, дабы не вооружился гнѣвъ его на погубленіе людей, дабы разгнѣванъ будучи Богъ нетлѣнный не погубилъ всего человѣческаго рода, жизнь и потомство срама неимущее: должно любить Бога Отца, присно премудраго. Изъ сего видно, что тщетны доводы Философовъ, которые думаютъ, что Богъ гнѣва не имѣетъ, и сіе между хвалами его поставляютъ, что противъ есть самаго величества: царство сіе и власть земную, ежели бы не охранялъ страхъ, то оно разрушилось бы. Отними у Царя гнѣвъ, то не только никто повиноваться не станетъ, но и съ высоты престола его низринутъ. Да и у всякаго честнаго человѣка отними сію страсть, то кто его не обнажитъ, кто не осмѣетъ, кто не обидитъ? Такимъ образомъ ни одежды, ни дома, ни пропитанія имѣть ие будетъ при расхищеніи всего его имѣнія другими; не только, чтобъ думать, что небеснаго царствія величество могло пребывать безъ гнѣва и страха. Аполлонъ Милетскій о Іудейскомъ благочестіи вопрошенъ бывши въ отвѣтѣ своемъ сіе включилъ: И Бога Царя и родителя всѣхъ, которaго

раго земля боится и небо, и жилища адская, и демоны страшатся. Ежели онъ столь снисходителенъ и кротокъ, какъ Философы мечтаютъ, то какимъ образомъ мановенiемъ его не только демоны и рабы толикой силы и власти, но и небо и земля и вся вещей природа содрогаютъ? Ибо ежели ни одинъ другому не раболѣпствуетъ безъ принужденiя. Слѣдовательно всякая власть состоитъ изъ страха. Страхъ же происходитъ отъ гнѣва. Ибо ежели не возбуждается на гнѣвъ противъ нехотящаго повиноваться, то онъ не можетъ того принудить и къ повиновенiю. Пускай разсмотритъ всякъ свои страсти, то увидитъ, что никакого не можно покорить безъ гнѣва и наказанiя своей власти. И такъ гдѣ нѣтъ страха, тамъ не можетъ устоять и власть. Богъ же имѣетъ власть: слѣдовательно долженъ имѣть и гнѣвъ, которымъ крѣпится власть. Чего для пускай никто тщетными словами Философовъ обманутъ будучи не поучается презирать Бога, которое есть крайнимъ беззаконiемъ. Должни сего всѣ и любить, поелику онъ есть Отецъ, и бояться, поелику онъ Господь, и почитать, поелику онъ Благодѣтель, и бояться, поелику онъ строгъ: оба лица въ немъ почтенiя достойны. Кто не возлюбитъ родителя своей души? Или кто безъ наказанiя можетъ презрѣть Владыку вещей, который надъ всѣми имѣетъ истинную и вѣчную власть? Ежели разсудишь о Отцѣ, то онъ насъ произвелъ въ свѣтъ, которымъ наслаждаемся;

имъ

имъ живемъ, имъ въ гостинницу сего міра мы введены. Ежели помыслишь о Богѣ, то онъ насъ безчисленнымъ обиліемъ питаетъ, онъ содержитъ, въ его домѣ мы живемъ, его мы родъ, хотя не столь послушный, какъ надлежало, и не столь благодарный, сколько безсмертныя благодѣянія Господа и Отца требовали: однако много поспѣшествуетъ къ полученію прощенія, ежели почитаніе его и знаніе содержать будемъ: ежели отринувши всѣ презрѣнныя и земныя вещи и добро, станемъ размышлять о небесныхъ и божественныхъ и вѣчныхъ. Что дабы дѣлать мы могли, то должны послѣдовать Богу, ему покланяться: понеже въ немъ заключается матерія вещей, и добродѣтели, и источникъ благъ. Ибо что Бога или всемогуществомъ болѣе, или разумомъ совершеннѣе, или сіяніемъ блистательнѣе? Который поелику насъ къ премудрости родилъ, къ правдѣ произвелъ, то не надлежитъ человѣку оставивъ Бога дателя чувствъ и жизни, раболѣпствовать земнымъ и тлѣннымъ; или сисканію временныхъ благъ прилѣпляясь отъ невинности и благоговѣнія отступить: не дѣлаютъ блаженнымъ порочныя и смертносныя удовольствія, ниже богатство роскошей поджега, ниже суетное тщеславіе: ниже тщетныя чести: которыми уловленъ будучи человѣческій разумъ и покоренъ и порабощенъ плоти, на вѣчную смерть осуждается, но одна непорочность, одна правда. Которой законнымъ и достойнымъ возмездіемъ есть безсмертіе; которое вначалѣ опредѣлилъ

Богъ

Богъ святымъ и неразтлѣннымъ душамъ, которыя себя отъ пороковъ и отъ всякой нечистоты земной непорочными и цѣломудренными хранятъ. Сея награды и мзды небесной участниками быть не могутъ тѣ, кои лжами, хищеніями, обидами совѣсть свою осквернили, и которые оскорбленіемъ людей, гнусными преступленіями, незагладимыя пороковъ знаки себѣ впечатлѣли. Потому должно всѣмъ, которые мудрыми, которые людьми достойно желаютъ именоваться, тлѣнное презирать, земное попирать, ничего не стоящее пренебрегать, дабы возмогли съ богомъ въ наиблаженнѣйшій союзъ вступить. Надлежитъ отринуть всякое нечестіе, раздоры и распри возмутительныя, и вредныя, коими общество человѣческое и общественнаго завѣта, божественный союзъ разрѣшается, разрушается, разоряется: сколько можемъ добрыми и благотворительными себя покажемъ. Ежели имѣемъ достатокъ, ежели изобилуемъ богатствомъ, то должно употреблять оное не на частное удовольствіе, но на пользу многихъ расточать. Ибо удовольствіе столь же временно, какъ и самое тѣло, которому оно служитъ. Правда же и благотвореніе столь же безсмертны, какъ души, которыя добрыми дѣлами подобны бываютъ Богу, да будетъ Богъ у насъ не во храмахъ, но въ сердцахъ нашихъ обожаемъ. Тлѣнны суть всѣ руками человѣческими сотворенные. Очистимъ сей храмъ, который не отъ дыму не отъ пыли бываетъ нечистымъ, но отъ злыхъ помышленій: который

рый не восковыми свѣщами, возжженными, но сіяніемъ и свѣтомъ премудрости освѣщается. Въ которомъ, ежели мы будемъ вѣрить, что Богъ всегда присутствуетъ, то силою его божества такъ жизнь препровождать станемъ, что и милостивымъ всегда его къ себѣ имѣть будемъ, и никогда гнѣвающагося его ужасаться не станемъ.

Конецъ книги о гнѣвѣ Божіемъ.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

О СОЗДАНІИ БОЖІЕМЪ.

Книга, одна.

КЪ Димитріану, его ученику.

ГЛАВА 1.

Предисловіе къ Димитріану.

Сколь я безпокоюсь и въ самыхъ моихъ крайнихъ недосугахъ, оное можешь ты выразумѣть изъ сей книги, которую я для тебя, Димитріанъ, почти простыми по мѣрѣ скудоумія моего словами написалъ съ тѣмъ, чтобъ тебѣ и повседневная моя забота извѣстна была, и чтобы мнѣ и нынѣ твоимъ быть наставникомъ, но въ честнѣйшемъ уже дѣлѣ, и лучшемъ ученіи. Ибо когда ты наставленія, одному только языку обучающія, съ довольнымъ прилѣжаніемъ слушалъ, то кольми паче отъ сихъ наставленій, касающихся до жизни внимателнѣйшимъ быть долженъ? Признаюсь, теперь предъ тобою, что мнѣ никакой или дѣла или времени недосугъ препятствовать не можетъ, къ изданію чеголибо въ свѣтъ, или къ сочиненію чеголибо, отъ чего бъ Философы

софы нашей Секты, которую мы защищаемъ, разумнѣйшими и ученѣйшими наконецъ учинились; хотя теперь и худо о нихъ говорятъ въ народѣ, и ихъ порочатъ за то, что иначе, нежели какъ надлежало, жизнь препровождаютъ, и подъ прикрытіемъ имени пороки утаеваютъ, отъ которыхъ бы имъ или отстать надлежало, или совсѣмъ отъ оныхъ удаляться, дабы тѣмъ самимъ святое и непорочное премудрости имя самою жизнію, сходственною съ правилами показать, однако я, чтобъ и самаго себя и прочихъ наставить, ни отъ какого труда не отказываюсь. И ниже могу самаго себя забыть, а особливо тогда, когда наиболѣе памятовать о себѣ долженъ; какъ и ты самаго себя помнишъ, какъ надѣюсь, и чего желаю. Ибо хотя тебя общественныхъ дѣлъ нужда отъ истинныхъ и праведныхъ дѣлъ и отвлекаетъ, однако тому статься не льзя, чтобъ притомъ мысль свѣдущая истинну и правоту не взирала на небо. Радуюсь подлинно я о томъ, что все то, что добромъ или благополучіемъ считаютъ, благоуспѣшно для тебя бываетъ: но естьли притомъ ничего въ расположеніи мысли или разума не перемѣнено. Ибо я опасаюсь того, чтобъ помалу привычка, и пріятность такихъ вещей, въ твою душу, (какъ то обыкновенно бываетъ) не вкрались, чего для увѣщеваю тебя, и съ повтореніемъ, паки и паки увѣщеваю, чтобъ ты такія услажденія земныя, за великое и истинное благо не считалъ, которыя не только обманчи-

вы, поелику неизвѣстны, но прелестны со вредомъ по причинѣ своего удовольствія и пріятности. Ибо извѣстно тебѣ, сколь лукавъ врагъ и супостатъ нашъ, и сколь силенъ, какъ нынѣ видимъ. Онъ все сіе, что прельстить можетъ, имѣетъ вмѣсто сѣтей столь тонкихъ, что мысленныя очи оныхъ усмотрѣть не въ состояніи, дабы не можно было осторожностію человѣческою отъ оныхъ избавиться. Слѣдовательно весьма великое благоразуміе есть, полегоньку ступать, поелику вездѣ ковы разставливаетъ, и претыканія подъ ноги скрытно подлагаетъ. Чего для совѣтую тебѣ собственныя твои дѣла, въ которыхъ теперь упражняешся, ради твоей добродѣтели или презрѣть, естьли можешъ; или не очень оными уважать. Помни и истиннаго твоего Родителя, и въ какое гражданство ты вписался, и въ какомъ находишся достоинствѣ. Понимаешь, о чемъ я говорю. И я не обличаю тебя въ гордости, которой въ тебѣ совсѣмъ не примѣчается: но то, что я говорю, къ душѣ относить должно, которая такъ устроена чтобъ тѣло, какъ господину ей служило, и управляемо было ея изволеніемъ. Ибо сосудъ есть скудельный, въ которомъ душа, то есть, самый истинный человѣкъ содержится, и не отъ Промиѳея (какъ говорятъ стихотворцы) сотворенный, но отъ всевышняго тварей Творца, и создателя Бога; коего бежественный промыслъ, и всесовершенное могущество, ни чувствомъ постигнуть, ни словомъ изъяснить не можно. Покушусь

 одна-

однако, поелику о тѣлѣ и о душѣ упомянуто, обоихъ причину, сколько малость понятія моего познаваетъ, изъяснить, а за таковое дѣло для сей наиболѣе причины приняться намѣреваю, что М. Туллій, мужъ отмѣнно разумный, въ четвертой о обществѣ книгѣ, покусившись учинить, пространную матерію сократилъ, помалу однихъ поверхностей касаясь. И дабы ни единаго въ томъ не имѣлъ извиненія, для чего бы онъ того мѣста не изслѣдовалъ, самъ засвидѣтельствовалъ, что и желалъ онъ того, и старался о томъ. Ибо въ книгѣ о законахъ первой, сіе самое вообще сокративъ, такъ говоритъ: сіе мѣсто довольно, какъ думаю, въ тѣхъ книгахъ, которыя вы читали, Сципіономъ изъяснено. Однако послѣ въ книгѣ о естествѣ боговъ второй, сіе самое пространнѣе изъяснить потщился. Но поелику онъ ниже во оной довольно сіе изъяснилъ; то я примусь за таковое дѣло, и начну смѣло изъяснять, что наикраснорѣчивѣйшій человѣкъ почти и не коснулся. Можетъ быть ты станешъ порицать, что я тщуся въ темныхъ вещахъ о нѣкоторомъ дѣлѣ спорить; когда видишъ что были столь безразсудные люди, которые просто называются Философами, что они и то, чему Богъ совсѣмъ сокровенному и тайному быть благоизволилъ, испытываютъ, и изслѣдываютъ естество небесныхъ и земныхъ вещей, которыя отъ насъ гораздо будучи удалены, ни очами усмотряемы, ни рукою осязаемы,

ни

ни чувствами постигаемы быть не могутъ. И однако о винѣ всѣхъ тѣхъ такъ спорятъ, что желаютъ того, дабы представляемое ими безсумнительнымъ было почтено. Чтожъ? для чего бы намъ каждый въ томъ позавидовалъ, что мы вину тѣла нашего разсмотрѣть желаемъ? которая не совсѣмъ темновата, поелику оную отъ самыхъ членовныхъ должностей и употребленій каждыхъ частей, коликою то промысла силою все сотворено, понимать намъ можно.

ГЛАВА 2.

О рожденіи безсловесныхъ и человѣка.

Ибо творецъ оный нашъ и Отецъ Богъ одарилъ человѣка чувствомъ и разумомъ, дабы видно было изъ того, что онъ насъ на свѣтъ произвелъ, поелику самъ и умъ, и чувство, и разумъ есть. Прочимъ животнымъ, поелику разумной такой жизни не далъ, то, дабы жизнь оныхъ была безопаснѣйшею, прежде о томъ промыслилъ. Ибо всѣхъ собственными одѣлъ кожами, дабы тѣмъ самимъ удобнѣе могли сильную слоту и морозы сносить. Каждому же роду для отвращенія внѣшнихъ нападеній свою собственную защиту далъ; дабы или природною обороною защищались отъ сильнѣйшихъ; или малосильныя избавлялись отъ оныхъ бы-

быстрымъ своимъ бѣгомъ; или неимѣющія изъ нихъ ни силы, ни быстроты, хитростію себя защищали, или скрывались въ норахъ. Чего для иныя изъ нихъ или легкими перьями, на воздухъ ихъ поднимающими, или копытами, или рогами снабдѣны; у нѣкоторыхъ вмѣсто оружія зубы, или на ногахъ кривые ногти находятся; и ни одно изъ нихъ обороны, или защиты не лишено. А ежели которыя въ добычу большимъ попадаются, дабы родъ оныхъ совсѣмъ не погибъ, то оныя или въ такой сторонѣ живутъ, въ которой большія животныя быть не могутъ; или снабдѣны многочисленнымъ приплодомъ, чтобъ и звѣрямъ, питающимся кровію, прокормленіе довольное было; и притомъ бы причиненное пораженіе, для сохраненія рода, множество самое преодолѣвало. Человѣка же, по снабдѣніи его разумомъ, силою чувства и слова, того всего, чемъ прочихъ животныхъ снабдилъ, лишилъ. Поелику недостатокъ естественный могъ дополняемъ быть разумомъ, то сотворилъ его нагимъ и безоружнымъ. Ибо онъ и разумомъ могъ вооружаемъ быть, и разсужденіемъ одѣваемъ. То же самое, что безсловеснымъ дано, и что отъ человѣка отнято, сколь удивительную для человѣка дѣлаетъ красоту, сказать не можно. Ибо ежели бы человѣка звѣриными зубами, или рогами, или ногтями, или копытами, или хвостомъ, или разноцвѣтною шерстью снабдилъ, то кто не чувствуетъ, сколь бы гнусное животное имѣло быть, такъ,

какъ и безсловесныхъ, естьли бы нагими и безоружными сотворены были? Съ коихъ естьли снять или естественную тѣла ихъ одежду, или лишить ихъ того, чѣмъ онѣ вооружаются; то ни миловидными, ни безопасными быть не могутъ; такъ, что естьли ты подумаешь о пользѣ, то удивительно сотворенными, а естьли о видѣ, то украшенными покажутся. Столько то чудно польза соединена съ красотою. А человѣка, поелику вѣчнымъ животнымъ и безсмертнымъ сотворилъ, не по внѣшности, какъ прочихъ, но внутренно вооружилъ; и оборону его не въ тѣлѣ, но въ душѣ заключилъ; поелику излишнимъ дѣломъ было, по снабдѣніи его наивеличайшимъ, тѣлесными прикрывать защитами, когда особливо таковыя красоту человѣческаго тѣла отнимали бы. Почему я Философовъ, которые послѣдуютъ Епикуру, безумію обыкновенно удивляюсь, которые естественныя дѣла охуждаютъ, дабы показать, что міръ промысла не имѣетъ и онымъ не управляется: но начало вещей несѣкомымъ и твердымъ тѣламъ приписываютъ, коихъ изъ случайныхъ стеченій все раждается, и рождено. Не упоминаю о томъ, что они до самаго міра касающееся порочатъ, въ чемъ смѣха достойнымъ образомъ безумствуютъ: а говорю о томъ, что до настоящей матеріи касается.

ГЛАВА 3.

О сложеніи звѣрей и человѣка.

Жалуются, что человѣкъ крайнѣ слабой и безсильной родится, нежели прочія животныя раждаются; которыя какъ скоро родятся, тотчасъ становятся на ноги свои, бѣгаютъ, и къ сношенію воздуха бываютъ способными, поелику естественною защитою будучи ограждены, на свѣтъ выходятъ: напротивъ того человѣкъ нагой и безоружной какъ бы изъ кораблекрушенія, на бѣдности сея жизни бываетъ извергаемь и выгоняемь; которой ниже двигнуться съ того мѣста, на которомъ родился, можетъ; нижѐ пищи просить; нижѐ перемѣны временъ снести въ состояніи. И такъ природу, не матерью рода человѣческаго, но мачихою называютъ, которая съ безсловесными столь щедро поступаетъ; а человѣка такъ извергаетъ, что онъ будучи нагъ, и слабъ, и всякой помощи лишенъ, ничего инаго не можетъ дѣлать, какъ только слабое свое состояніе оплакивать, то́ есть, *что ему предлежитъ столько претерпѣвать золъ.* О чемъ когда говорятъ, то думаютъ, что они весьма разумны, потому, что каждой изъ нихъ по своему безразсудству не доволенъ своимъ состояніемъ: а я утверждаю, что они никогда болѣе не безумствуютъ, какъ когда о семъ говорятъ. Ибо разсуждая о твореніи вещей, понимаю, что ничему иначе сотворену быть не надлежало,

не

не говорю, не возможно было, поелику Богъ всемощенъ; но надобно, чтобъ всепромыслительное оное величество сотворило то, что было лучшее и исправнѣйшее. И такъ смѣю вопросить таковыхъ Божескихъ дѣлъ хулителей, чегобъ въ человѣкѣ не доставало? что онъ раждается слабѣйшимъ? пусть такъ будетъ; но не ужѐ ли для того менѣе воспитывается людей; не ужѐ ли менѣе въ совершенную крѣпость возраста приходитъ, не ужѐ ли слабость или приращенію, или здравію была препятствіемъ, когда недостатокъ дополняемь бываетъ разумомъ. Но, говорятъ, что человѣческое воспитаніе великихъ стоитъ трудовъ. И такъ скотское состояніе гораздо лучшее, потому, что всѣ скоты, по рожденіи плода, кромѣ пажити, ни о чемъ для онаго не пекутся. Отъ чего происходитъ то, что по непринудительномъ наполненіи сосцовъ, молочная пища для дѣтей, готова бываетъ, да и на то они по побужденію природы сами стремятся. Что птицы? коихъ состояніе различно; не превеликіе ли въ воспитаніи подъемлютъ труды? дабы между тѣмъ видно было то, что онѣ нѣсколько человѣческаго имѣютъ разумѣнія. Ибо вьютъ гнѣзда или изъ блата или изъ прутьевъ и вѣтвей; притомъ голодныя сидятъ на яицахъ; и поелику дѣтей своими тѣлами питать не могутъ, то пищу собираютъ, и цѣлые дни за оною въ летаніи препровождаютъ; а по ночамъ защищаютъ, согрѣваютъ, покрываютъ. Что болѣе дѣлать могутъ люди? развѣ

звѣ только то, что возраст шихъ не выгоняютъ, но повседневною неразрывностью, и союзомъ любви связанныхъ при себѣ имѣютъ. Что? развѣ птичій плодъ не слабѣе гораздо, нежели человѣческій, поелику не изъ матерняго тѣла самое животное производятъ; но насиживаніемъ и согрѣваніемъ онаго, которое потомъ оживотворяется. Однако оное будучи младое и неоперившееся, не только летать, но и ходить не въ состояніи. И такъ не глупъ ли тотъ, который думаетъ такъ, акибы естество худо поступило съ птицами, во первыхъ, что дважды родятся, во вторыхъ, что столь онѣ слабы, что снисканною чрезъ отеческій трудъ пищею должны воспитываемы быть? Но они избирая крѣпчайшее, обходятъ слабѣйшее. И такъ вопрошаю я тѣхъ, которые состояніе скотское предпочитаютъ своему, чтобы онѣ тогда выбрали для себя, ежели бы далъ имъ Богъ на волю чегобъ они пожелали: человѣческой ли мудрости съ немощію, или скотской крѣпости съ ихъ природою? Но они вѣть не скоты, чтобъ не пожелали хотя гораздо слабѣйшей, нежели какова она нынѣ, однако человѣческой, нежели оной безсловесной крѣпости. Но они какъ разумные люди ниже человѣческаго разума желаютъ съ слабостію, ниже безсловесныхъ крѣпости безъ разума, чего ничего нѣтъ столь несогласнаго и противнаго. Но каждое животное должно имѣть или разумъ или состояніе природы. Естьли естественною обороною снабдѣно будетъ, то излишнимъ былъ бы разумъ. Ибо что онѣ выду-

выдумаетъ? что здѣлаетъ? что предпріиметъ? или въ чемъ бы свѣтъ оный разума показалъ, когда то, что свойственно разуму, сама природа подаетъ? А когда же одарено разумомъ; то какая ему будетъ нужда въ защитѣ тѣлесной? когда однажды данный ему разумъ, можетъ дополнять естественный долгъ, которой столь поистиннѣ силенъ ко украшенію и защищенію, или храненію человѣка; что Богъ ничего большаго или лучшаго не благоизволилъ ему даровать. Наконецъ человѣкъ хотя бы былъ и не великовозрастенъ, слабосиленъ, и нездоровъ; однако, поелику то, что есть большее, получилъ, того для и разумнѣе животныхъ, и красивѣе. Ибо хотя и слабымъ и безсильнымъ раждается, однако отъ всѣхъ животныхъ находится безопаснымъ; и все раждающееся крѣпчайшее, хотя дѣйствіе воздушное и сноситъ, однако отъ человѣка уберечься не можетъ. Слѣдовательно человѣку болѣе способствуетъ разумъ, нежели безсловеснымъ природа; поелику во оныхъ ни великая сила, ни крѣпость тѣлесная того учинить не можетъ, чтобъ онѣ отъ насъ или не были убиты, или подъ нашею не находились властію. И такъ можетъ ли ктолибо, видя и самыхъ дикихъ слоновъ пресвирѣпыхъ служащихъ человѣку, жаловаться на создателя тварей Бога, что малыя силы, и малое тѣло отъ него получилъ? И не почтитъ ли подостоинству благодѣянія Божія, къ нему оказанныя? что есть знакомъ неблагодарнаго, или справедливѣе сказать, безумнаго че-

ловѣка. Платонъ, дабы таковыхъ неблагодарными изъявить, благодарилъ природу за то, что онъ родился человѣкомъ; что самое каково въ себѣ ни есть, нѣтъ нужды при сей матеріи разсуждать о томъ. Сколь лучшій и разумнѣйшій тотъ, кто чувствуетъ, что состояніе человѣческое гораздо лучшее есть, нежели тѣ, которые желаютъ, чтобъ они родились скотами. Коихъ естьли бы Богъ паче чаянія превратилъ во оныя животныя, коихъ жребій они предпочитаютъ своему; то бы подлинно ужѐ пожелали паки превратиться, и съ великимъ бы воплемъ о первобытномъ состояніи стали просить. Не стоитъ бо того сила и крѣпость тѣлесная, чего не имѣніе языка, и употребленіе онаго въ разглагольствіи; или свободное птицъ по воздуху летаніе, какъ лишеніе рукъ. Ибо руки гораздо превосходнѣе легкихъ перьевъ и употребленія оныхъ; превосходнѣе языкъ крѣпости всего тѣла. Какоежъ безуміе есть предпочитать то, котораго бы ты, естьли бы дано было, принять не согласился.

ГЛАВА 4.

О слабости человѣческой.

Жалуются тѣ же, что человѣкъ подверженъ болѣзнямъ и безвременной смерти. Негодуютъ, то есть, на то, что они не рожде-

ждены богами. Ни мало, говорятЪ; но симЪ мы показываемЪ, что человѣкЪ безЪ всякаго промысла сотворенЪ, и оному иначе сотворену быть надлежало. Что естьли я докажу, что и о томЪ самомЪ сЪ великимЪ благоразуміемЪ промышлено, чтобЪ человѣкЪ болѣзнями озлобляемь быть могЪ, и сЪ жизнію своею часто среди теченія оной разставался? Ибо БогЪ при созданіи животнаго, зная то, что оное самовольно дойдетЪ до смерти, то чтобЪ понять могло самую смерть, которая есть разрушеніе естества, далЪ ему слабость, которая бы смерти приступЪ кЪ разрушенію животнаго изобрѣла. Ибо естьли бы отЪ его силы зависѣло то, чтобЪ кЪ нему болѣзнь и скорбь приступить не могла; то бы и смерть также притти не могла, поелику оная слѣдствіемЪ есть болѣзней. БезвременнаяжЪ смерть какимЪ бы образомЪ удалена была отЪ того, которой имѣетЪ сложную природу: то есть, не хотятЪ они ни одному человѣку до совершенія ста лѣтЪ умирать. КакимЪ бы образомЪ вЪ толикомЪ вещей несогласіи они о семЪ разсуждать могли? Ибо, дабы прежде ста лѣтЪ никто умирать не могЪ, то бы надлежало присовокупить кЪ нему нѣкоторую силу такую, которая бы была безсмертная. А по дарованіи ему таковой, надобно и смерти исключеной быть. А то самое, что бы человѣка противЪ болѣзней и наружныхЪ приражений крѣпкимЪ и непреоборимымЪ учинило, какое быть можетЪ? Когда онЪ сложенЪ

изЪ

изъ костей, и жилъ, и внутреннихъ частей и крови; а изъ сихъ что можетъ быть столь крѣпкое, котороебъ слабость и смерть отразило? Слѣдовательно, чтобъ человѣкъ былъ неразрушимымъ до того времени, о учрежденіи котораго они думаютъ; то изъ какой бы матеріи они тѣло ему здѣлали? Сокрушительно все, что видимо и осязаемо быть можетъ. Остается нѣчто просить отъ неба, понеже на земли нѣтъ ничего крѣпкаго. Когдажъ человѣкъ такимъ образомъ отъ Бога сотворяемь былъ, чтобъ нѣкогда былъ и смертнымъ; то самое дѣло требовало того, чтобъ изъ земнаго и тлѣннаго тѣла былъ онъ сотворенъ. Слѣдовательно надобно ему и умереть, когда потребно, поелику онъ тѣлесенъ: всякое бо тѣло тлѣнно и смертно есть. Слѣдовательно весьма безумны жалующіеся на безвременную смерть; когда естественное состояніе опредѣляетъ ей мѣсто, а потому должно ему подвержену быть такъ же и болѣзнямъ. Не терпитъ бо естество того, чтобъ удалена была слабость отъ того тѣла, которому нѣкогда разсыпану быть надлежитъ. Но положимъ, по желанію ихъ, возможность таковую, чтобъ человѣкъ не въ такомъ состояніи раждался, въ которомъ бы болѣзни и смерти подверженъ былъ прежде совершенія теченія своего вѣка, и достиженія да глубокой старости. Не видятъ, естьли бы такъ определено было, слѣдствія! вѣть уже во всякое другое время умирать никакъ не можно. Но естьли можно у него

отнять

отнять пропитаніе, то можетъ умереть. И такъ надобно, чтобъ человѣку, который прежде извѣстнаго дня умереть не можетъ, въ пищи, которая отнята быть можетъ, нужды не было никакой. Естьли же въ пищѣ нужды не будетъ; то уже онъ не человѣкомъ, но Богомъ будетъ. Слѣдовательно, какъ выше я сказалъ, жалующіеся на тлѣнность человѣческую, на то болѣе жалуются, что они не сотворены безсмертными и вѣчными. Никому прежде старости умирать не надлежитъ, то есть, для того умирать долженъ, что онъ не Богъ. Но смертность съ безсмертіемъ соединена быть не можетъ. Ибо ежели онъ смертенъ въ старости, то безсмертнымъ быть въ юности не можетъ; и сила смерти не удалена отъ того, которой нѣкогда имѣетъ умереть; и нѣтъ ни единаго безсмертія, коему бы предѣлъ былъ положенъ. Отъ чего бываетъ то, что и безсмертіе выключенное изъ сего на всегда, и принятая на время смертность, человѣка поставляетъ въ такомъ состояніи, чтобъ онъ былъ во всякомъ возрастѣ смертнымъ. Слѣдовательно необходимо такъ потребно было, и что инако ни надлежало, ни приличествовало. Но они не взираютъ на слѣдствія, поелику однажды погрѣшили въ самой силѣ. Ибо по выключеніи о дѣлахъ человѣческихъ Божіяго промысла, непремѣнно слѣдовало быть тому, чтобъ все раждаемо было послучаю. Почему они нашли оныя самомалѣйшихъ сѣменъ страны и случайныя стеченія; поелику нача-

ла вещей не усмотрѣли. А ввергнувши себя въ таковыя тѣсноты, принуждены были и поневолѣ думать о томъ, что аки бы души раждались съ тѣлами, и аки бы съ тѣлами же и погибали. ибо предпринимали доказывать то, что будто бы ничего Божіею премудростію не дѣлается. Что самое не иначе доказывать могли, какъ показаніемъ того, въ которомъ повидимому не доставало промысла. И такъ опорочили то, въ чемъ наиболѣе Божество свой промыслъ удивительно оказало; какъ то оное, что отъ меня включено о болѣзняхъ и безвременной смерти; когда надлежало подумать о нужномъ, по принятіи сихъ слѣдствій. Слѣдуетъ же то, о чемъ я говорилъ. Естьли бы человѣкъ не страдалъ болѣзньми; то бы ни домовъ, ни одеждъ не требовалъ. За чемъ бы ему бояться вѣтровъ, или дождей, или морозовъ, коихъ сила въ томъ состоитъ, дабы причинить болѣзни? Для того бо и разумъ получилъ, чтобъ противъ вредовъ слабость свою защищалъ. И такъ непремѣнно слѣдуетъ, дабы получая болѣзни для удержанія при себѣ разсудка, и смерть такъ же всегда получалъ; ибо тому, къ кому не приходитъ смерть, или кого не объемлетъ болѣзнь, надобно быть крѣпкому; слабость же имѣетъ въ себѣ вину смерти; а крѣпость находится тамъ, гдѣ ни старость имѣть мѣста не можетъ, ни смерть слѣдующая за старостію. Сверхъ того, естьли бы смерть извѣстному опредѣлена была возрасту; то бы человѣкъ былъ весьма необузданнымъ и

со-

совсѣмъ безчеловѣчнымъ. Ибо почти всѣ права людскости, связывающія насъ между собою, отъ страха и чувствія слабости произходятъ. Наконецъ каждыя животныя слабѣйшія и боязливѣйшія собираются въ одно мѣсто для того, чтобъ когда силами защищаться не могутъ, то бы множествомъ обороняться; сильнѣйшія же ищутъ уединенія надѣясь на свою крѣпость и силы. И человѣкъ естьли бы такъ же имѣлъ ко отвращенію бѣдствій довольную силу; то бы ни одинъ не требовалъ отъ другаго помощи. Какой бы былъ союзъ? и какое разсужденіе? какая людскость? и чтобы гнуснѣе было человѣка? кто свирѣпѣе? и что безчеловѣчнѣе? Но поелику есть слабъ, и не можетъ самъ собою безъ людей жить; того для ищетъ союза; дабы общественная жизнь была и красивѣйшею и безопаснѣйшею. Смотрижъ, что все состояніе человѣческое въ томъ наиболѣ состоитъ; что онъ нагимъ и слабымъ раждается, что уязвляемъ бываетъ болѣзнями, что безвременною поражаемъ бываетъ смертію. Что естьли отъ человѣка отнять, то надобно такъ же разуму и премудрости отнятой быть. Но крайнѣ долго я разговариваю о явныхъ вещахъ; когда уже извѣстно то, что никогда ничего безъ промысла не было сотворено, и не могло создано быть безъ онаго. Коего о всѣхъ дѣлахъ естьли бы теперь говорить по порядку восхотѣлъ, то бы безконечная была матерія. Но я объ одномъ тѣлѣ человѣческомъ только намѣренъ здѣсь гово-

говоритъ; дабы на немъ показать величественное промысла Божіяго могущество, въ тѣхъ наиболѣе вещахъ, которыя суть осязаемы и видимы: ибо касающіяся до души, ни видимы, ни осязаемы быть не могутъ. Теперь мы говоримъ о самомъ вмѣстилищѣ человѣческомъ, нами видимомъ.

ГЛАВА. 5.

О образѣ животныхъ и членахъ.

Въ началѣ, когда Богъ сотворилъ животныхъ, то не благоволилъ въ разсужденіи образа кругловидными оныя сотворить, дабы и двигаться ради хожденія, и оборачивать самихъ себя на всѣ стороны удобно могли: но голову ихъ съ самимъ тѣломъ соединилъ: такъ же члены нѣкоторыя сотворилъ длиннѣе, какъ то ноги, чтобъ утвердившись на землѣ, попеременно движеніями доводили животнаго до того, куда мысль повлечетъ, или куда нужда для сысканія пищи позоветъ. Изъ самаго же туловища четыре сотворилъ ноги, двѣ заднія, и двѣ близъ головы при шеѣ, къ разнымъ у животныхъ служащія употребленіямъ. Ибо у скотовъ и звѣрей ноги переднія сходны съ задними; а у человѣка руки не такъ, которыя не для хожденія, но для дѣланія сотворены. Находится и третій родъ, въ коемъ переднія оныя ни руки, ни ноги суть, но крылья; въ ко-

ихъ перья порядочно расположенныя употребляются на летаніе. И такимъ образомъ одно твореніе разныя имѣетъ виды и потребы. Но дабы самую тѣла толстоту крѣпко соединить, то большія и малыя кости собравши въ одно мѣсто, какъ бы киль у мореходнаго судна составилъ, которое мы называемъ позвонками, чтобъ ступать и наклоняться животное могло. По бокамъ онаго ребры, то есть, кривыя и плоскія кости расположилъ порознь; коими бы нѣсколько искривленными, и на подобіе круга почти соединенными прикрывались утробы, дабы нѣжныя и слабыя, оныя крѣпкія решетки окруженіемъ могли быть защищаемы. На верху же состава онаго, которое мы назвали подобнымъ корабельному килю, устроилъ голову, которая бы управляла всѣмъ животнымъ, а ей имя сіе дано, какъ Варронъ пишетъ къ Цицерону, отъ того, что отъ нее начинаются чувствія и жилы. А тому, что, какъ сказано о тѣлѣ, или для хожденія, или дѣланія, или летанія сотворено, ни крайнѣ изъ длинныхъ, для скораго движенія; ни крайнѣ изъ короткихъ, для крѣпости, но изъ малочисленныхъ и великихъ костей составлену быть благоволилъ. Ибо или по двѣ ихъ находится, какъ въ человѣкѣ, или по четыре, какъ въ четвероногихъ, однако не здѣлалъ цѣльными, дабы въ хожденіи лѣность и тягость не дѣлали непроворства; но скважистыми, и для сохраненія силы тѣлесной мозгомъ внутрь наполненными; и оныя паки не равнопротяженными совершилъ, но

верхнія оныхЪ части толстѣйшими узлами связалЪ, дабы и удобнѣе жилами связуемы, и безопаснѣе поворачиваемы быть могли; отЪ чего и названы вертлугами. Оныя узлы связавЪ крѣпко, тонкимЪ нѣкоторымЪ покровомЪ, который называется хрящемЪ, облекЪ, дабы другЪ обЪ друга не стирались, и безЪ чувствительной каковойлибо боли изгибались. Однако и оныя не одинакимЪ образомЪ сотворилЪ. Ибо иныя сдѣлалЪ простыми и круглыми, наиболѣе вЪ тѣхЪ составахЪ, вЪ коихЪ членамЪ на всѣ стороны обращаемымЪ быть долженствовало, какЪ то вЪ лопаткахЪ, поелику рукамЪ всюду обращаться и изгибаться надобно: иныя же широкими и равными, и сЪ одной стороны круглыми, единственно вЪ тѣхЪ мѣстахЪ, гдѣ только членамЪ изгибаемымЪ быть надлежало, какЪ то вЪ коленахЪ, вЪ лактяхЪ, и вЪ самыхЪ рукахЪ. Ибо какЪ рукамЪ вЪ томЪ мѣстѣ, отЪ коего онѣ начинаются, всюду обращеннымЪ быть и миловидно купно и полезно было: такЪ подлинно естьли бы сіе самое дѣлалось такЪ же сЪ лактями; тобЪ и излишнимЪ было таковое движеніе и не пригожимЪ. Ибо рука, по лишеніи достойнства, ею теперь имѣемаго, излишнимЪ движеніемЪ подобною показалась бы хоботу, и былЪ бы человѣкЪ почти змѣиноручнымЪ, каковый видЪ вЪ ономЪ ужасномЪ звѣрѣ удивительнымЪ образомЪ представленЪ. Ибо БогЪ, благоволившій промыслЪ и могущество свое удивительнымЪ многихЪ вещей различіемЪ показать, поелику голову онаго животнаго не

столь

столь длинну сдѣлалъ, чтобъ онъ могъ до земли ртомъ касаться, что имѣлобы быть страшнымъ и гнуснымъ; и поелику самый ротъ длинными клыками такъ вооружилъ, что, естьлибы инако былъ устроенъ, то клыки лишилибы его способности употреблять пищу. Чего для между оными отъ самаго лба протянулъ нѣжный и сгибчивый членъ; коимъ бы брать, и всячину держать моглъ, дабы ко взиманію пищи или выставленная наружу клыковъ великость, или короткая шея не препятствовала.

ГЛАВА 6.

О заблужденіи Епикуропомъ, и о членахъ и ихъ употребленіи.

Не могу я въ семъ мѣстѣ удержаться отъ того, чтобъ паки Епикурово безуміе не изобличить. Ибо отъ него все то произошло, въ чемъ Лукрецій безумствуетъ, который, дабы показать, что животныя не искуствомъ нѣкоторымъ Божія премудрости, но какъ думалъ, послучаю сотворены, сказалъ, что въ началѣ міра другія нѣкоторыя безчисленныя животныя удивительнаго вида и величины были рождены; но оныя бытія своего продолжать не могли потому, что имъ, или во употребленіи пищи способности, или въ совокупленіи и дѣторожденіи

деній смысла не доставало. То есть, чтобы помѣстить несѣкомыя свои частицы, хотѣлъ тѣмъ самимъ промыслъ Божій отвергнуть. Но увидѣвши во всякомъ дыханіи удивительный промысла разумъ, какое суетное зло изблевалъ, сказавъ, что будто бы были чудныя животныя, въ коихъ не доставало смысла. Поелику же все нами видимое, съ разумомъ сотворено; ибо творенію безъ онаго быть не можно: то явно, что ничему безъ разума раждаемому быть не льзя. Но уже примышлено о всемъ и о каждомъ твореніи, какъ во употребленіи членовъ и служеніи оныхъ къ надобностямъ житейскимъ; такъ и въ соблюденіи всѣхъ вообще животныхъ, по рожденіи ихъ рода чрезъ совокупленія тѣлесныя. Ибо ежели разумный Архитекторъ, вздумавшій великое нѣкое зданіе соорудить, прежде всего разсуждаетъ о томъ, во сколько все зданіе коштовать имѣетъ; и сперва закупаетъ къ тому потребное, на какомъ мѣстѣ поставить легчайшее; на какомъ тежелое строеніе, какое между толпами должно быть разстояніе; какія, и гдѣ теченія водъ, изшествіе оныхъ и хранилища. Сіе сперва разсматриваетъ, а потомъ уже за нужное къ совершенію дѣла съ самыми основаніями принимается: для чегожъ каждый думаетъ, что будтобы Богъ о имѣющихъ создатися животныхъ не прежде предусмотрѣлъ, что имъ къ житію нужно, пока самую жизнь не даровалъ? которая устоять не могла бы, ежели сперва не сотворено было то, изъ чего она состоитъ. И такъ видѣлъ

Епи-

Епикуръ Божіяго разума о тѣлахъ животныхъ попеченіе, но чтобъ произвесть въ дѣйство прежнее свое неразумное предпріятіе, то присовокупилъ къ тому и иное безуміе, сходственное съ вышеупомянутымъ. Ибо сказалъ, что ниже глаза для зрѣнія сотворены, ниже уши для слышанія, ниже ноги для хожденія: поелику сіи члены прежде сдѣланы, нежели было употребленіе зрѣнія, и слышанія, и хожденія; а всѣ сихъ должности произошли уже отъ творенія. Я опасаюсь, чтобъ таковыя чудовища и вздоры отражать, не показалось дѣломъ безумнаго. Но дозволяется и безумствовать; понеже съ безумнымъ у насъ дѣло идетъ, дабы онъ не считалъ себя за крайнѣ разумнаго. Что ты говоришъ Епикуръ? что глаза для зрѣнія не сотворены? для чегожъ видятъ? Говоритъ онъ, что употребленіе оныхъ открылось послѣ. Слѣдовательно для зрѣнія сотворены; ибо ничего инаго не могутъ дѣлать, какъ только видѣть. Такъ же и прочыя члены для чего бы были сотворены, самое оныхъ употребленіе доказываетъ. Которому ни коимъ бы образомъ не можно было быть, естьли бы всѣ члены не были столь порядочно, и столь промыслительно сотворены, чтобъ имѣть могли употребленіе. Естьлижъ ты скажешъ, что птицы не для летанія созданы; то ниже звѣри для свирѣпствованія, ниже рыбы для плаванія, ниже люди для умствованія; когда видно, что животныя оной природѣ и должности служатъ, къ которой каждое рождено. Но потерявшему

 самую

самую силу истинны, всегда надобно заблуждать. Ибо ежели не промысломъ, но отъ случайныхъ несѣкомыхъ стеченій все творимо бываетъ; для чегожь никогда не случается такому у оныхъ началъ быть совокупленію, чтобъ оныя такое произвели животное, которое бы ноздрями болѣе слышало, обоняло глазами, и смотрѣло ушами? Ибо когда оныя начала всякаго вида положенія касаются; то надлежало бы повседневно такимъ раждаться чудовищамъ, въ коихъ бы и порядокъ составовъ превратный, и употребленіе оныхъ гораздо отмѣнное было. А когда всѣ виды и всѣ такъ же составы, узаконенія свои, и порядки, и употребленія имъ данныя, соблюдаютъ: то явно, что нѣтъ ничего по случаю сотвореннаго; поелику Божескія премудрости разположеніе непрестанно наблюдается. Но я инако опровергну мнѣніе Епикурово: а теперь о промыслѣ начатомъ нами поговоримъ.

ГЛАВА 7.

О всѣхъ тѣла частяхъ

И такъ Богъ укрѣпленія тѣлесныя, которыя костьми, узлами связанныя, и взаимно жилами переплетенныя сотворилъ, кои бы разумъ, естьли устремиться куда, или противиться пожелаетъ, какъ бы тверди какія упо-

употреблялъ; а притомъ безъ всякаго труда, и безъ всякаго усилія, и какъ бы самымъ малѣйшимъ мановеніемъ всего тѣла тяжесть умѣрялъ, и на свою сторону преклонялъ. И сіи прикрылъ внутренностями по приличности каждаго мѣста, дабы онѣ такъ какъ твердыя кости во внутренностяхъ скрывались. А ковнутренностямъ самымъ присовокупилъ жилы, какъ бы какіе ручьи по всему тѣлу раздѣленные; по коимъ бы разливающаяся мокрота и кровь всѣ составы жизненными соками напаяла, и оныя внутренности, или утробы сдѣланныя такимъ образомъ, которой каждому виду и мѣсту пристоинъ былъ, поверхнею прикрылъ кожею: которую или однѣмъ пригожствомъ украсилъ, или щетинами прикрылъ, или чешуею облеклъ, или удивительными перьями прикрасилъ. Оное же вымышленіе Божіе тѣмъ удивительно, что одинаковое расположеніе, и одинаковый видъ безчисленныя животныхъ представляетъ различія. Ибо почти во всѣхъ дышущихъ тотъ же порядокъ и расположеніе членовъ находится. Во первыхъ голова, и присовокупленная къ ней шея: а къ шеи грудь присоединена, а изъ той выдавшіяся плеча, прицѣпляющееся къ груди чрево; къ чреву же присовокуплены дѣтородные уды; въ послѣднемъ мѣстѣ бедры, или лядвеи и ноги. Не толькожъ члены свой видъ и положеніе во всѣхъ хранятъ, но притомъ и части составовъ. Ибо въ одной самой головѣ извѣстное положеніе занимаютъ уши, извѣстное глаза, также ноздри, и ротъ, а во

 ономъ

ономѣ зубы и языкѣ. Что все хотя и одинаковымѣ примѣчается во всѣхѣ животныхѣ; однако безчисленное и безмѣрное различіе находится вѣ видопроизводствахѣ, поелику сказанное мною, или продолговатѣе, или сокращеннѣе прикрытіями различными ограничено. Чтожѣ оное? не божественное ли, что вѣ толикомѣ животныхѣ множествѣ всякое животное вѣ своемѣ родѣ и видѣ прекраснымѣ кажется? такѣ что естьли бы что обратно отѣ одного другому присвоить; то бы ничего препятственнѣе кѣ пользѣ, ничего бы безобразнѣе кѣ зрѣнію не было: какѣ то, ежели кѣ слону продолговатую приставить шею, или кѣ верблюду короткую; или змѣямѣ ноги или волосы приложить, вѣ коихѣ равнопротяженнаго тѣла долгота ничего бы инаго не представляла, какѣ только то, что онѣ пятнами по хребтамѣ будучи разпещренны, и тонкою чешуею одѣты будучи, изгибистымѣ образомѣ ползали. Вѣ четвероногихѣ же той же Творецѣ соединенные позвонки отѣ самой головы протяженные длиннѣе тѣла выдавшимися устроилѣ, и обѣостривѣ здѣлалѣ хвостѣ, дабы гнусныя тѣла части, или по гнусности своей, или по причинѣ нѣжности прикрываемы были, чтобѣ нѣкоторыхѣ малыхѣ и вредительныхѣ животныхѣ движеніемѣ онаго отѣ тѣла отгонять. Который составѣ естьли отнять; то животному не совершенному и слабому быть должно. А гдѣ разумѣ и рука находится; тамѣ столь оное не нужно, сколь прикрытіе волосовѣ. Такѣ, что

каж-

каждое къ своему роду весьма пристойно, и что ничего гнуснѣе нагаго четвероногаго, и человѣка чемъ либо прикрытаго выдумать не можно: когда самая нагота человѣческая удивительно красива; однако онаяжъ непристойна была головѣ. И такъ прикрылъ оную волосами: и поелику на верху имѣла быть, то какъ самый состава верхъ оными украсилъ. Каковое украшенiе не здѣлано на подобiе кружка, или на подобiе шапки, дабы по нѣкоторымъ частямъ голымъ не казался безобразнымъ, но на иномъ мѣстѣ продолговатое, на иномъ же короткое, по пристойности каждаго мѣста. И такъ лобъ круглый по окружiю, и изъ висковъ выпущенные предъ ушми волосы, и оныхъ верхнiя части наподобiе вѣнца окруженныя, и весь затылокъ прикровенный удивительныя красоты видъ представляютъ. А о бородѣ ужè не чего говорить, сколь прилична она къ разпознанiю тѣлесныхъ зрѣлостей, или совершенствъ, или къ различiю пола, или ко украшенiю мужества и крѣпости; такъ что по видимому не имѣло бы устоять всего тѣла расположенiе, естьли бы нѣчто инако было сотворено.

ГЛАВА 8.

О членахъ человѣческихъ, очахъ и ушахъ.

Теперь разсуждать начну о цѣломъ человѣкѣ, и каждыхъ составовъ, на тѣлѣ открытыхъ или во ономъ сокровенныхъ пользы и способности изъясню. Когда благоизволилъ Богъ изо всѣхъ животныхъ одного человѣка сотворить небеснымъ, а прочїя всѣ земными; то его ко взиранїю на небо прямо поставилъ, и здѣлалъ двуногимъ, то есть, чтобъ онъ взиралъ на то, отъ чего начало его происходитъ; а оныя поникльми учинилъ къ землѣ, дабы поелику имъ никакого чаянїя не остается къ безсмертїю, всѣмъ тѣломъ повергнувшись на землю, чреву и прокормленїю своему работали. И такъ одного человѣка справедливое разсужденїе, и высокое состоянїе, или достоинство, и лице Богу Отцу подобное, о началѣ его и Создателѣ свидѣтельствуютъ. Его почти божественный разумъ, не только надъ животными находящимися на землѣ, но также и надъ собственнымъ своимъ тѣломъ получившїй владычество, будучи въ самой головѣ поселенъ, какъ бы съ высокой крѣпости на все взираетъ, и все разсматриваетъ. Сїе его обиталище Богъ не прикровеннымъ и продолговатымъ, какъ въ безсловесныхъ животныхъ, сотворилъ; но наподобїе круга и шара; поелику круглота таковая до совершеннаго касается разума, и изображенїя онаго. Симъ убо разумъ и огнь

оный божественный какъ бы небомъ прикрывается. Коего самый верхъ какъ только естественною прикрылъ одеждою; то первую его часть, называемую лицемъ, нужными составовъ надобностями и снабдилъ и украсилъ. И вопервыхъ круги глазъ во вдавшихся скважинахъ заключилъ, отъ которой скважни наименованіе лицу полагаетъ Варронъ; и онымъ ни болѣе ни менѣе двухъ быть благоволилъ, поелику для взиранія никакого нѣтъ совершеннѣе числа какъ двойственнаго, такъ, какъ и два уха, коихъ двойственность, сказать не можно, сколь въ себѣ красива, какъ тѣмъ, что одна часть другой подобна, такъ входящія снаружи во оныя гласы удобнѣе въ одно мѣсто сбираются. А притомъ и самый образецъ удивительный здѣланъ, что скважины оныхъ оставлены голыя и незагражденныя; что и некрасиво бы и неполезно было, потому, что мимо бы тѣсноты простыхъ скважинъ летать голосъ могъ и разсѣваться, естьли бы чрезъ вдавшіяся мѣста понятаго, и отъ обратнаго ударенія удержаннаго онаго, самыя скважины не привлекали къ себѣ, подобно онымъ сосудцамъ, по вложеніи коихъ обыкновенно тѣснѣйшіе сосуды бываютъ наполняемы. И оныя уши, кои такъ названы отъ почерпаемыхъ голосовъ, по слову Виргиліеву сему: *И голосъ я сими ушами почерпнулъ*; или поелику голосъ самый Греки (αὐδὴν) называютъ отъ слуха, перемѣнивъ букву, уши какъ бы отъ audes слышанія наименованы: не восхотѣлъ Создатель Богъ нѣжными кожицами прикрыть,

крыть, которыя будучи обвислыми и вялыми отнимали бы красоту; ниже изъ крѣпкихъ и цѣльныхъ костей создать, дабы будучи недвижимыя, ко употребленію не были неспособными; но посредственность во оныхъ вымыслилъ, дабы ихъ нѣжнѣйшій хрящъ связывалъ, и онѣбъ имѣли способную купно и гибкую крѣпость. И имъ опредѣлена должность только слышать, какъ и глазамъ видѣть. Коихъ особливо несказанна и удивительна есть тонкость потому, что круги оныхъ, подобныя жемчугамъ, съ той стороны, съ которой надобно было видѣть, пресвѣтлыми перепонками прикрылъ; дабы изображенія вещей противоположенныхъ, какъ бы въ зеркалѣ блестящіяся, до внутренняго доходили чувствія. Сквозь оныя убо перепонки чувство оное, которое называется умомъ, разсматриваетъ наружности: дабы ты не подумалъ, что мы или отъ натеченія изображеній, какъ Философы говорятъ, видимъ, понеже должности видѣнія въ томъ, что видитъ, надлежитъ быть, а не въ томъ, что бываетъ видимо: или отъ напряженія воздуха со остротою, или отъ разсѣянія лучей; ибо ежели бы такъ дѣлалось, то бы мы не столь скоро примѣчаемое глазами видѣли; но покамѣстъ бы напряженный воздухъ съ остротою, или разсыпанные лучи до того, чтобы надлежало видѣть, не достигли. А когда мы видимъ въ одномъ мгновеніи времени; и по большой части будучи заняты инымъ дѣломъ, однако все противоположенное намъ усматриваемъ: то справедливѣе и явственнѣе

то,

то, что есть въ насъ разумъ, которой сквозь глаза, какъ бы сквозь стекло прозрачное или сквозь зеркальный камень противъ его положенное усматриваетъ. И потому то намѣреніе и хотѣніе наше изъ глазъ почасту познаваемы бываютъ. Во отраженіе чего Лукрецій весьма непристойное употребилъ доказательство. Ежели, говоритъ, разумъ видитъ чрезъ глаза; то бы по избоденіи и исторженіи оныхъ лучше видѣлъ, понеже исторгнутые врата съ вѣреями болѣе придаютъ свѣта, нежели затворенныя. Видно, что ему, или лучше сказать, Епикуру, ево учителю, выколоты были глаза, дабы не видѣли выколотыхъ круговъ, и разорванныхъ очныхъ жилокъ, и текущей изъ жилъ крови, и прирастающей отъ ранъ плоти, и наконецъ заволоченныхъ рубцевъ, остающихся отъ ранъ, не могущихъ никакаго въ себя принять свѣта: развѣ можетъ быть ему хотѣлось того, дабы очи ушамъ были подобны, дабы мы не столь глазами, сколько скважинами оныхъ видѣли: чего для зрѣнія ничего гнуснѣе и ко употребленію безполезнѣе быть не можетъ. Ибо сколько бы мы видѣть могли, ежели бы разумъ внутренними проницаніями главы сквозь ускія скважины на что либо вникалъ; подобно какъ бы кому похотѣлось смотрѣть сквозь тростникъ, которой не болѣе того видитъ, сколь пространенъ есть тростникъ. Слѣдовательно для видѣнія составы болѣе потребны были круглые, чтобъ видѣніе распространялось въ ширину, и всѣ первые встрѣ-

встрѣчающїеся съ нимъ предмѣты безпрепятственно разсматривать могло. Чего для неизреченная Божїяго промысла сила сотворила два весьма сходныя съ собою круга, и оные такъ связала, чтобъ не совсѣмъ переворачиваться, но только двигаться, подниматься въ верхъ, и опускаться въ низъ способно могли: и благоволила оные круги мокротою чистою и жидкою наполнить, посредѣ коихъ бы искры свѣта, коихъ мы зѣницами называемъ, заключенныя содержались, а во оныхъ бы чистотѣ и тонкости чувство зрѣнїя и разумъ заключаемъ былъ. Сквозь оные убо круги разумъ напрягается къ видѣнїю; и удивительнымъ образомъ обоихъ оковъ употребленїе въ одно мѣсто смѣшивается и соединяется.

Глава 9.

О чувствахъ и ихъ силѣ.

Пристойно въ семъ мѣстѣ обличить глупость тѣхъ, которые желая показать обманчивость чувствъ, много представляютъ, въ чемъ глаза обманываются, между чемъ и то, что у лишенныхъ ума и пьяныхъ все въ глазахъ двоится, аки бы таковыхъ поврежденїй неизвѣстна была причина, и будто бы сїе дѣлалось для того, что два ока имѣются. Но какимъ образомъ то бываетъ? Вотъ какимъ. Зрѣнїе очей состоитъ въ напряженїи, или намѣре-

мѣреніи ума: и такъ поелику разумъ, какъ выше сказано, глазами какъ оконцами дѣйствуетъ; то не только сіе съ пьяными, или безумными случается, но притомъ и съ разумными и трезвыми. Ибо естьли ты нѣчто крайнѣ блиско къ нимъ приложишъ, то въ двойнѣ оное покажется. Извѣстное бо пространство и междуразстояніе имѣется, на которое острота очей совокупляется, или устремляется. Также, ежели ты назадъ отвлечешъ умъ, какъ бы на помышленіе, и напряженіе мысли послабишъ, когда острота обоего ока разводится и разбродится, тогда каждой начинаетъ видѣть порознь. А ежели умъ паки напряжешь и зрѣніе поправишь; то все видѣнное вдвойнѣ, совокупляется въ одно. Какоежъ удивленіе когда разумъ ядомъ, и силою вина будучи разслабленъ, не можетъ направиться къ видѣнію, какъ и ноги къ хожденію разслабившіяся въ жилахъ? или когда сила бѣшенства, свирѣпѣющая на мозгѣ, союзъ очей обезсиливаетъ и разслабляетъ? Что столь справедливо, что кривые люди, пьяные ли они, или лишенные ума будутъ, никоимъ образомъ ничего видѣть въ двойнѣ не могутъ. Чего для, когда уже извѣстна причина, для чего глаза обманываются, то извѣстно и то, что чувствія не суть обманчивы, естьли только они чисты и не повреждены; а хотя иногда и обманываются, однако разумъ, знающій оныхъ погрѣшность, не обманывается.

ГЛАВА 10.

О наружныхъ человѣческихъ членахъ и ихъ употребленіи.

Но обратимся на дѣла Божія. Чтобъ глаза охранены были отъ вреда, вѣками оные, прикрылъ, отъ прикровенія котораго Варронъ оныя назвалъ, oculos, глазами. Ибо и самыя вѣжди движимыя, порядочными волосами окруженныя, защиту глазамъ наиприличную дѣлаютъ, коихъ безпрестанное движеніе, и весьма скорое, и видѣнія силѣ не препятствуетъ, и обновляетъ, ежели оная притупится. Острота бо, то есть свѣтлая оная перепонка, которой изсыхать не должно, естьли безпрестанною влагою очищаема будучи не будетъ чиста, то повреждается. Чтожъ самая высота бровей, коротким и власами украшенная? Не на подобіе ли плотинъ, и защиты глазамъ, чтобъ чего въ нихъ сверху не попало, и купно украшеніе оныхъ представляетъ? Между коими начинающійся носъ, и какъ бы равнымъ протянутый холмомъ, обое зрѣніе и раздѣляетъ купно и ограждаетъ. Снизу такъ же щекъ не непригожая надмѣнность, на подобіе холмовъ по малу поднимающаяся; со всѣхъ сторонъ глаза предохраняетъ, и всевышняго Творца промыслъ для ихъ учинилъ то, что естьли паче чаянія какой жестокой воспослѣдуетъ ударъ, то бы выпуклостію оныхъ былъ отражаемъ. Носа же верхняя часть даже до половины сдѣлана крѣпкою;

ниж-

нижняяжъ смягчена хрящемъ за тѣмъ, чтобъ способенъ былъ дабы перстами до оной касаться. А въ семъ хотя и простомъ составѣ, или членѣ три находятся должности; первая для пріятія въ себя дыханія; вторая для обонянія; третія чтобъ изъ его скважинъ нечистоты мозговыя истекали, кои Богъ сколь удивительнымъ и сколь Божественнымъ разумомъ сотворилъ, однако такъ, чтобъ самое отверстіе носа, не безобразило красоты лица. Что точно бы имѣло быть, ежели бы скважина просто открыта, или одна сдѣлана была. Но оную какъ бы стѣною по срединѣ проведенною преградилъ и раздѣлилъ, и самымъ раздвоеніемъ, учинилъ прекрасною. Отъ чего понимаемъ то, что сколь двойственное число одною и простою связью укрѣпленное сильно къ совершенію вещей. Ибо тѣло хотя и одно; однако все изъ простыхъ составовъ состоять не могло, естьли бы не было частей правыхъ и лѣвыхъ. Чего для какъ двѣ ноги, и двѣ руки, не только къ пользѣ каковойлибо и употребленію, или ходьбы, или дѣла сильны, но и видъ, и удивительную придаютъ красоту: такъ и въ головѣ, которая Божескаго дѣла аки верхъ есть, и слышаніе на два уха, и видѣніе на два ока, и обоняніе на двѣ ноздри всевышнимъ создателемъ раздѣлены; поелику мозгъ, въ коемъ сила чувствія находится, хотя и одинъ, однако на двѣ части прегражденіемъ перепонки раздѣленъ. Но и сердце, которое за жилище премудрости считается, хотя и одно,

однако два лона внутри имѣетъ, въ коихъ источники чистыя крови содержатся, раздѣленныя преградою. Какъ и въ самомъ мірѣ сила вещей, или изъ простаго двоякая, или изъ двоякаго простая и управляетъ и содержитъ цѣлое; такъ и въ тѣлѣ все изъ двухъ сложенное не разрывное содержитъ единство. Устъ такъ же видъ и отверстіе оныхъ сколь полезно, сколь прилично, сказать не можно. Коего употребленіе въ двухъ состоитъ должностяхъ, въ принятіи пищи, и разговорѣ. Языкъ внутри заключенный, голосъ движеніемъ своимъ на слова распредѣляющій, есть истолкователемъ разума, однако не можетъ одинъ исполнить должность разглагольствія, естьли концемъ своимъ не коснется до неба, или приражeніемъ онаго къ зубамъ, или сжиманіемъ устъ, однако зубы болѣе способствуютъ къ разговору. Ибо и младенцы не прежде начинаютъ говорить, покуды не будутъ имѣть зубовъ; и старики, по лишеніи зубовъ, такъ пришепетываютъ, что кажется снова премѣнились въ младенцевъ. Но сіе касается до одного человѣка, или до птицъ; у коихъ острый и поворотливый языкъ, безчисленныя пѣсней перемѣны, и звуковъ различныя виды произноситъ. Притомъ имѣетъ онъ и другую должность, которую во всѣхъ, однако только въ безсловесныхъ употребляетъ: поелику сжеванную пищу зубами, собираетъ, и собравъ оную вкупѣ, своею силою сжимаетъ, и управляетъ въ желудокъ.

По

По чему Варронъ думаетъ, что наименованіе языку дано отъ, ligando cibo, совокупленія пищи. Оной скотамъ такъ же вспомоществуетъ къ питію. Ибо протяженъ онъ будучи и въ срединѣ вогнутый служитъ вмѣсто почерпала воды, которую онъ почерпнувъ, дабы за умѣдленіемъ не вытекла, скорымъ движеніемъ онаго къ небу мещетъ. И самый языкъ вдавшимся небомъ, какъ бы черепомъ покрывается, который какъ бы стѣною частыми зубами Богъ оградилъ. Самые же зубы, дабы обнажены они и наружу выставлены будучи не страшилище наипаче, нежели украшеніе составляли, мягкими деснами, gingivis, называемыми такъ, отъ gignendo, раждающихся во оныхъ зубовъ, а потомъ губами украсилъ, въ коихъ (зубахъ) крѣпость, какъ въ жерновахъ, большая находится, нежели въ прочихъ костяхъ, дабы къ пережевыванію пищи были способны. Губы самыя, которыя какъ бы совокупленными прежде были, сколь пристойно раздѣлилъ на двое? Коихъ верхъ подъ самою срединою ноздрей, малую нѣкоторую какъ бы долину устроилъ; краи же, дабы не было гнусно, наружи нѣжно распростеръ. Чтожъ касается до чувствія вкуса, то обманывается тотъ, кто сіе чувство небу во ртѣ находящемуся присвояетъ. На сіе сотворенъ языкъ, на коемъ чувствительны бываютъ вкусы, однако не на всемъ. Ибо стороны его, находящіяся со обоего бока, нѣжнѣйшій вкусъ самыми тонкими чувствами къ себѣ привлекаютъ. И хотя ни изъ пищи

чего, ни изъ питія не уменшается; однако несказаннымъ образомъ вкусъ касается до чувства, такимъ же способомъ, какъ ничего изъ какой нибудь матеріи запаху не уменшается. Прочее сколь пристойно, едва изъяснено быть можетъ. Какъ то спущенный отъ щекъ помалу подбородокъ, и такъ въ низу заключенный, что наружную его остроту показываетъ малое раздѣленіе: крѣпкая и долгая и круглая шея; лопатки какъ бы нежными связьми отъ зашейка спущенныя: сильныя, и укрѣпленныя жилами для крѣпости плеча: мясистыхъ и выпуклыхъ плечь великая сила, полезная и пристойная. Что сказать о рукахъ, разума и мудрости служителяхъ? которыя наиищаливѣйшій творецъ гладкими и нѣсколько вдавшимися сдѣлавъ для способнаго удержанія во оныхъ чеголибо, раздѣлилъ на пальцы, въ коихъ трудно распознать, видъ ли оныхъ, или польза больше. Ибо и число въ нихъ совершенное и полное, и порядокъ и степень весьма пристойный и равныхъ составовъ гибкое наклоненіе; и видъ ногтей кругловатый, чреповиднымъ покровомъ поверхности перстовъ объемлющій и укрѣпляющій, дабы мягкость тѣла въ держаніи не слабѣла; великую придаетъ красоту. Оноежъ ко употребленію удивительно способно, что одинъ отъ прочихъ отдѣленный, съ самою начинается рукою, и прежде другихъ раздѣляется, который какъ бы встрѣчаясь съ прочими, всю въ держаніи и дѣланіи способность или одинъ, или болѣе оныхъ имѣетъ, какъ бы управитель всѣхъ и рас-

распоряжатель. Почему и, pollex, большимъ пальцемъ называется, поелику предъ прочими, pollet, сильнѣе. Два онъ имѣетъ состава, а не три, какъ иные; но одинъ связывается съ рукою тѣломъ для красоты. Ибо ежели бы былъ и онъ трехъ составнымъ, то бы гнусный и неприличный видъ отнималъ у рукъ красоту. Широта груди высокая, и глазами видимая, удивительное расположенія своего представляетъ достоинство: коего причина есть сія, что Богъ, кажется, какъ бы одного человѣка навзничь лежащимъ сотворилъ, (ибо ни одно почти животное на спину ложиться не можетъ) безсловесныхъ же животныхъ какъ бы попеременно на бокахъ лежащими устроилъ, и къ землѣ пониклыми. Чего для у оныхъ стѣсненная грудь, и отъ взора удаленная, и къ землѣ преклоненная, человѣческой же открытою и плоскою, и какъ исполненной отъ небесъ разума, низкою, или не красивою быть не надлежало. Груди, или титки, нѣсколько къ верьху поднимающіяся, и смуглыми и малыми сосцами увѣнчанныя, не мало придаютъ красоты, женщинамъ для питанія дѣтей данныя, мущинамъ для одного украшенія, дабы грудь безобразною и какъ бы отесанною не казалась. Къ сей присовокуплена гладкость, или плоскость чрева, коего средину пупъ, на то сдѣланный, чтобъ чрезъ его плодъ, покамѣстъ находится во чревѣ, питаемь былъ, пристойно означаетъ.

ГЛАВА 11.

О внутреннихъ частяхъ человѣческихъ и ихъ употребленіи.

Слѣдуетъ непремѣнно, чтобъ я и о внутреннихъ частяхъ началъ говорить, кои не красотою, поелику скрыты, но неизреченною пользою снабдѣны. Понеже надобно было, чтобъ земное сіе тѣло сокомъ нѣкоторымъ, отъ пищей и питія происходящимъ питаемо было, какъ и самая земля дождями и росами, то всепромыслительный творецъ посредѣ онаго сотворилъ вмѣстилище для пищи; по свареніи бы коей и по распущеніи, жизненные соки оное всѣмъ составамъ раздѣляло. Но поелику человѣкъ составленъ изъ души и тѣла; то вышереченное вмѣстилище одному только тѣлу подаетъ пищу; душѣ же онъ иное обиталище опредѣлилъ. Ибо сотворилъ нѣкоторый родъ внутреннихъ частей нѣжный и ноздреватый, называемый легкимъ, и оное не на подобіе чрева сдѣлалъ, дабы ни вдругъ изливалось дыханіе, ни вдругъ надмѣвалось. Чего для полною таковую внутренность правда сотворилъ, но надмѣваемою, и воздуха вмѣщательною, дабы по малу вмѣщала въ себя дыханіе, покамѣстъ жизненный вѣтръ по оной ноздреватости разходится; и паки бы оное по малу испускала, пока имъ бываетъ наполняемо. Самая бо перемѣна, и испущеніе и пріятіе дыханія, жизнь содержитъ въ тѣлѣ. Поелику же въ человѣкѣ два таковыя находятся

дящся вмѣстилища, одно воздуха, питающее душу, другое пищи, питающее тѣло: то надобно быть и двумъ чрезъ горло проходамъ пищи и воздуху; изъ коихъ бы верхній отъ рта протягался до чрева, нижній отъ ноздрей до легкаго. И ихъ вина и природа различны. Находящійся бо отъ рта проходъ сдѣланъ нѣжнымъ, и такимъ, которой бы всегда находился закрытымъ, какъ и самый ротъ; поелику пища и питіе отъ отверстія горла, поелику оныя густы, времени къ прохожденію своему требуютъ. Дыханіе напротивъ того, какъ тонкое, поелику нѣтъ ему нужды въ продолженіи времени, то получило отверстіе пути или прохода, называемаго глоткою. Оной составленъ изъ костей изгибныхъ и нѣжныхъ, какъ бы изъ колцевъ соединенныхъ; и всегда бываетъ отверстымъ, Ибо никакого отдохновенія въ проходѣ дыханіе имѣть не можетъ, поелику оно, какъ всегда проходящее, опущенною не безъ пользы отъ мозга малою частію, называемою, ягодою, какъ бы нѣкоею стрѣчею удерживаемо бываетъ, дабы или нѣжности обиталища, съ стремленіемъ входящій зараженный воздукъ не повредилъ, или дабы вся вредная сила во внутреннія вмѣстилища не попала. Для того то и ноздри не глубоко отверсты, которыя потому такъ нарицаются, nares, что по онымъ или запахъ, или дыханіе, nare, тещи не перестаетъ. Однако сія трубочка духовая не только до ноздрей, но и до рта простирается и видима въ крайнихъ неба частяхъ, гдѣ

 холмы

холмы неба одинъ противъ другаго нах..ясь, ягоду начинаютъ надмѣвать. Коего прич..на и способъ ужѐ извѣстенъ. Ибо мы не имѣли бы способности говорить, естьли бы какъ проходъ горла только до рта, такъ и глодка до ноздрей только были отверсты. Слѣдовательно Божественное тщаніе отверзло голосу стезю изъ оной трубки духовой, дабы языкъ могъ свою исправлять должность, и самаго голоса силу удареніями своими превращать въ слова. Которой проходъ естьли хотя мало перехваченъ будетъ, то надобно быть человѣку нѣмымъ. И такъ не справедливо говоритъ тотъ, кто иную причину кладетъ тому, по чему люди бываютъ нѣмыми. Ибо у нихъ, какъ невѣжи думаютъ, языкъ не связанъ; но они гласное оное дыханіе чрезъ ноздри какъ бы мичащіе издаютъ, поелику у нихъ прохода гласнаго въ ротъ, или совсѣмъ никакого нѣтъ, или и есть, но не столь отверстый, чтобъ полный голосъ испускать могли. Что по большой части отъ природы бываетъ; а иногда бываетъ и по случаю, такъ, что каковою либо болѣзнію таковый проходъ будучи загражденъ, не сообщаетъ голоса языку, и дѣлаетъ говорливыхъ нѣмыми. Что естьли случится; то надобно и слышанію заложену быть, чтобъ, поелику гласа испускать не можетъ, и слухъ такъ же не могъ быть отверстымъ. Слѣдовательно таковой проходъ для говоренія отверстъ. Такъ же и то явно есть, что въ баняхъ, поелику ноздри жара терпѣть не могутъ, горячій воз-

духъ

духъ проходитъ ртомъ. Такъ же ежели дыханіе ноздрей холодная займетъ мокрота; то чрезъ ротъ можемъ мы воздухъ въ себя принимать, дабы по затвореніи свободности проходной, дыханіе не задушило. По принятіи же пищи желудкомъ, и по смѣшеніи оной съ влагою питія, и по свареніи ея, сокъ оныхъ удивительнымъ образомъ по составамъ разлившійся, все тѣло напаяетъ, и дѣлаетъ здоровымъ. Такъ же и кишокъ многочисленныя круги и долгота изверченная, и однимъ только концемъ привязанная, сколь удивительнымъ дѣломъ Божіимъ есть? Ибо по изверженіи въ нихъ желудкомъ лишенной питательныхъ соковъ пищи, по малу извилистымъ путемъ оная извергается, дабы весь сокъ, кримъ питается тѣло, на всѣ члены раздѣленъ былъ. А чтобъ паче чаянія гдѣ не прилѣпились и не остановились, чему быть можно бы было отъ ихъ изверченій, почасту внутрь себя входящихъ, и быть безъ бѣдственно не могло бы; то въ нутри наполнилъ оныя густѣйшимъ сокомъ, дабы изверженія оныя чревныя удобнѣе чрезъ проходы свои слизкія стремились. И оное такъ же показываетъ непостижимый разумъ, что пузырь, коего употребленія птицы не имѣютъ, поелику отдѣленъ отъ кишокъ, и никакой не имѣетъ трубочки, коею бы изъ оныхъ извлекалъ урину; однако наполняется, и отъ влаги разтягивается. А какимъ образомъ то бываетъ, не трудно познать. Ибо части кишокъ, которыя отъ желудка пищу и питіе себѣ пріемлютъ, про-

страннѣйшія суть, и гораздо тончайшія, нежели прочія. Сіи около пузырька кругомъ обвиты, и оной содержатъ, къ коимъ частямъ когда питіе и пища смѣшавшись дойдутъ, то испражненіе дѣлается твердѣйщимъ, и вонъ исходитъ, а мокрота вся чрезъ оную нѣжность очищается, и оную пузырь, котораго такъ же тонкая и нѣжная перепонка, поглощаетъ и вбираетъ въ себя, чтобъ вонъ чрезъ отверстый природою проходъ испустить.

ГЛАВА 12.

О чревѣ и зачатіи, и полахъ.

О чревѣ такъ же, и о зачатіи, поелику пишемъ о внутренности, поговорить надобно, дабы чего не опустить. Которыя хотя и сокровенны, однако отъ чувствія и понятія утаиться не могутъ. Жила у мущинъ, содержащая въ себѣ сѣмя, двояка: та, которая внутрь углублена далѣе, вмѣстилищемъ есть оной срамной мокроты. Ибо какъ почки находятся двѣ, и двѣ наружныхъ, testes, почекъ, такъ и сѣмянныя жилы находятся двѣ, одною содержимыя связью: что мы видимъ въ тѣлахъ животныхъ, убитыхъ и разнятыхъ. Но правая изъ оныхъ содержитъ въ себѣ мужеское сѣмя, а лѣвая женское; и непремѣнно во всемъ тѣлѣ правая сторона есть муже-

мужеская, а лѣвая женская. Нѣкоторые говорятъ, что самое сѣмя изо всего тѣла въ дѣтородную жилу стекается, и въ оной сгущается. Но сіе какимъ бы образомъ дѣлалось, человѣческій разумъ того понять не можетъ. И у женщинъ такъ же чрево на двѣ раздѣляется части, которыя будучи врознь раздѣлены, обвиваются, какъ бараньи рога. Которая часть въ правую подалась сторону, оная есть мужеская, а которая въ лѣвую, та женская. О зачатіи же такимъ образомъ догадываются Варронъ и Аристотель. Говорятъ они, что сѣмя не только находится въ мущинахъ, но притомъ и въ женщинахъ; и отъ того то по большей части родятся похожіе на мущинъ; но только де сѣмя оныхъ не что иное есть, какъ чистая кровь: которое есть ли порядочно смѣшается съ мужескимъ, то по совокупномъ оныхъ згущеніи бываетъ зачатіе, и сперва изображается человѣческое сердце, потому, что въ немъ находится и жизнь вся, и премудрость; наконецъ все дѣло въ сороковый день совершается. Сіе можетъ быть познано отъ безвременно рожденныхъ. А что у птенцовъ голубиныхъ сперва изображаются глаза, въ томъ нѣтъ сумнѣнія: поелику сіе въ яицахъ находимъ. Семужъ быть за невозможное щитаю, чтобъ зачатіе начиналось съ главы. А что въ тѣлахъ дѣтскихъ подобіе бываетъ, о томъ такъ думаютъ: когда сѣмена смѣшавшись съ собою, згущаются, и ежели мужеское преодолѣетъ, то похожій на отца раждается, или мущина,

на, или женщина: а естьли женское переси-литъ, то младенецъ обоего пола похожій на мать раждается. А оное преодоленіе зависитъ отъ двухъ изобилій. Ибо одно изъ нихъ нѣсколько захватываетъ и заключаетъ въ себѣ. Отъ чего по большей части бываетъ то, что одного котораго либо черты изображаетъ. Естьли же равное будетъ изъ равнаго сѣмени смѣшеніе; то и виды такъ же смѣшиваются, такъ что дѣти оные похожими на обѣихъ, или ни на того, ни на другаго кажутся, понеже цѣлаго изъ другаго не имѣютъ; или имѣютъ и обое, поелику по частицѣ отъ обоихъ заняли. Ибо мы видимъ, что въ тѣлахъ животныхъ, или смѣшены бываютъ цвѣты, и бываетъ третій ни на одинъ изъ оныхъ непохожій у родящихся; или обое такъ представляется, что отъ пестрыхъ, или разноцвѣтныхъ членовъ по всему тѣлу сходное смѣшеніе бываетъ различное. Непохожія естества такимъ образомъ бываютъ: когда можетъ быть въ лѣвую чрева сторону мужескаго поколѣнія сѣмя попадетъ; то думается, что родится мущина; но поелику бываетъ зачатъ въ сторонѣ женской, то и имѣетъ нѣчто въ себѣ женское, превосходящее красоту мужескую, а имянно: или лице пригожее, или чрезмѣрную бѣлизну, или мягкость тѣла, или нѣжные члены, или коротькой станъ, или тонкой голосъ, или слабый духъ, или что большее изъ сихъ. Такъ же ежели въ правую сторону женскаго пола сѣмя попадетъ; то хотя и женщина родится, но по-

посли́ку зачалась въ сторонѣ мужеской, то и имѣетъ въ себѣ нѣкоторое мужество превосходнѣйшее своего пола; т. е. или крѣпкіе члены, или неумѣренную долготу, или смуглый цвѣтъ, или волосатое лице, или оноежъ некрасивое, или голосъ грубый, или громкой, или смѣлый духъ, или иное чтолибо изъ таковыхъ. А естьли мужеское въ правую, женскоежъ въ лѣвую попадетъ; то обои полы родятся порядочно; такъ, что и у женщинъ во всемъ естества ихъ составѣ остается красота, или пригожство, и у мущинъ какъ разумная, такъ и тѣлесная мужеская сила хранится. А оное самое распредѣленіе Божіе сколь дивно, что для соблюденія обоихъ родовъ, два пола, мужескій, т. е. и женскій создалъ; по соединеніи бы коихъ между собою чрезъ вожделѣніе плотское по порядку родились дѣти, дабы всего живущихъ рода смертное состояніе не истребило. Но болѣе силы дано мущинамъ для удобнѣйшаго къ сношенію мужескаго предъ женскимъ ига поощренія. И такъ, vir, мужъ названъ такъ потому, что въ немъ большая находится, vis, сила, нежели въ женщинѣ; и отъ сего то мужество наименованіе свое получило: такъ же и жена, mulier, какъ толкуетъ Варронъ отъ, mollitie, нѣжности названа женою, съ перемѣненіемъ и отнятіемъ нѣкоторыхъ буквъ, какъ на примѣръ *mollier*. У которой по зачатіи плода, когда уже приближается къ родамъ, то надмѣвающіеся сосцы сладкими соками бываютъ наполняемы, и для про-

питанія раждающагося пола источниками млека изобилуетъ грудь наполняемая. Ниже бо прилично было что иное, какъ то, чтобъ разумное животное пищу себѣ занимало отъ сердца. И оное самое наитщаливѣйше учинено, чтобъ бѣлая и тучная влажность нѣжность новаго тѣла питала до тѣхъ поръ, покуда для принятія крѣпчайшихъ пищей не будетъ имѣть зубовъ, и не укрѣпится въ силахъ. Но обратимся на предложенное, для краткаго изъясненія того, что остается.

ГЛАВА 13.

О нижнихъ членахъ.

Могъ бы я тебѣ теперь самыхъ такъ же дѣтородныхъ удовъ удивительное расположеніе изъяснить, естьли бы стыдъ меня не отвлекалъ отъ таковыхъ рѣчей. И такъ мы должны прикрыть одеждою стыда то, что срамно. Что касается до сей вещи, довольно сожалѣнія достойно, что нечестивые и безумные люди крайнее дѣлаютъ преступленіе, которые Божеское и удивительное дѣйствіе для произведенія потомства неизреченнымъ разумомъ промышленное и сотворенное, или на скверное пріобрѣтеніе, или гнусныя похоти, и на студныя дѣла превращаютъ, такъ, что ни на что святой вещи не употребляютъ, какъ только на тщетное и безплодное удовольствіе. Чтожъ прочіе тѣла части, не

уже

уже ли безъ разума и красоты сотворены? Кругловатая ниже поясницы плоть, сколь для сидѣнія способна; да онажъ и крѣпчае, нежели прочіе составы, дабы давленіемъ тягости тѣлесной не портилась отъ костей. Притомъ внизъ сведенная, и широчайшими мясистыми мѣстами укрѣпленная долгота для того сдѣлана, чтобъ тѣмъ самимъ удобнѣе тягота тѣлесная поддержима была; которую по малу оскудѣвающую колѣни дѣлаютъ узкою; коихъ приличные узлы изгибаніе для ногъ и хожденія оныхъ, и для сидѣнія весьма способное производятъ. Такъ же голени не равнымъ образомъ протянутыя, дабы не приличная способность не обезобразила ногъ, но продолговатыми икрами нѣжно выпуклыми, и по малу утонченными, и укрѣплены, и украшены. А въ ступняхъ то же правда, однако гораздо различное, нежели въ рукахъ расположеніе. Которыя поелику всего дѣла аки основаніемъ суть, то чудный Творецъ оныя не кругловидными, дабы человѣкъ падать не могъ, или бы другихъ для стоянія ногъ не требовалъ, какъ четвероногіе, но плосковатыми и продолговатыми устроилъ; чтобъ тѣло на нихъ по причинѣ ихъ плоскости стоять могло, почему имъ и имя, plantæ, дано. Пальцовъ на оныхъ столькожъ, сколько и на рукахъ, видъ наипаче, нежели вящшее употребленіе представляющіе, для тогожъ и соединены, и коротки, и по степенямъ, расположены. Изъ коихъ большой, поелику его такъ, какъ на рукахъ, отдѣлять отъ

про-

прочихъ нужды не было, такъ по порядку расположенъ, что отъ другихъ величиною и малымъ своимъ разстояніемъ отдѣляемымъ быть кажется. Сіе ихъ миловидное сродство, не легкимъ вспоможеніемъ усиліе ногъ укрѣпляетъ. Ибо мы къ бѣганію безъ прижиманія пальцовъ оныхъ къ землѣ, и безъ пригибанія ихъ къ оной, стремиться и прыгать не въ состояніи. Кажется, что я все протолковалъ, что уму понятно быть можетъ. Теперь приступаю къ тому, что или сумнительнымъ или не яснымъ кажется.

ГЛАВА 14.

О внутреннихъ частяхъ, коихъ вина не извѣстна.

Много имѣется въ тѣлѣ, котораго силу и причины знать ни кто, кромѣ Создателя, не можетъ. Не уже ли кто изрещи о томъ въ состояніи себя находитъ, какую пользу, и какое дѣйствіе имѣетъ оная свѣтлая перепонка, которою вокругъ связывается, и прикрывается желудокъ? Какую почекъ двойственное подобіе? кои Варронъ, renes, назвалъ потому, что аки бы отъ нихъ проистекали, rivi, ручьи срамной мокроты. Что совсѣмъ бываетъ иначе; понеже они съ спинною костью соединяются, и находятся отъ кишекъ отдѣленными. Что селезенка? что печень? которыя внутреннія

части какъ бы изъ смѣшенной крови кажутся быть згустившимися? что желчи прегорькая мокрота? что шаръ сердечный? Не уже ли повѣримъ тѣмъ, которые страсть гнѣва полагаютъ въ желчи, страха въ сердцѣ, радости въ селезенкѣ: а самой печени присвояютъ то, чтобъ оная сваривала въ желудкѣ пищу, объятіемъ своимъ и согрѣваніемъ? Нѣкоторыежъ думаютъ, что похотѣній Венерическихъ, или любодѣйственныхъ дѣлъ содержатся въ печени. Вопервыхъ сего разсмотрѣть острота человѣческаго чувствія не можетъ, потому, что дѣйствія сихъ суть сокровенны, и не изъявляютъ своихъ употребленій явно. Ибо естьли бы такъ дѣлалось; то можетъ быть всякое кроткое животное, или совсѣмъ ничего желчи, или гораздо меньше, нежели звѣри, въ себѣ имѣло бы. Пужливѣйшеежъ болѣе бы сердца, а игривое болѣе селезенки имѣло бы. Слѣдовательно какъ мы чувствуемъ то, что мы слышимъ ушами, видимъ глазами, обоняемъ ноздрями; такъ подлинно чувствовали бы и то, что мы отъ желчи гнѣваемся, отъ печени похотствуемъ, отъ селезенки радуемся. А поелику того, отъ чего бы таковыя страсти въ насъ раждались, очень мало чувствуемъ; то статься можетъ, что они отъинуды происходятъ, и иное внутренности оныя, нежели какъ мы о нихъ думаемъ, въ себѣ имѣютъ дѣйствіе. Однако убѣдить не можемъ тѣхъ, которые о семъ говорятъ, въ томъ, что они ложь плетутъ о семъ. Но я все;

что касается до побужденія сердца и души, столь темнымъ и высокаго разума достойнымъ считаю, что выше мѣръ человѣческихъ есть, оное явственно разсмотрѣть: однако то извѣстнымъ и несумнительнымъ быть должно, что толикія дѣла, толикія внутренностей виды одно имѣютъ дѣйствіе, чтобъ душу содержать въ тѣлѣ. Но что особенное каждымъ жиламъ присовокуплено, кто знать можетъ кромѣ Творца, коему одному твореніе свое извѣстно.

ГЛАВА 15.

О голосѣ.

О голосѣжъ какое разсужденіе можемъ положить? Грамматики, правда, и Философы описываютъ голосъ такъ, что оной есть не что иное, какъ воздухъ, духомъ, verberatum, біемый: отъ чего и слова, verba, названы. Что явно есть ложно. Ибо голосъ внутрь устъ родится, а не внѣ оныхъ, а потому только похожа на правду оная рѣчь, что загражденное дыханіе ударившись въ челюсти голосъ производитъ, такъ, какъ въ отверстую изъ тросника дудочку приложенную подъ верхнюю губу испускаемъ дыханіе; и оное ударившись въ скважину тросника, и отраженъ будучи обратно дномъ, когда нисходящимъ его дѣлаетъ своею встрѣчею, силясь и стремясь

мясь вытти, производитъ звукъ, и вѣтръ къ гласному дыханію возвращаясь дѣлается какъ бы одушевленнымъ. Что справедливо ли, Богъ одинъ Творецъ вѣдаетъ. Ибо кажется, что голосъ не отъ рта, но отъ внутренности грудной происходитъ. Наконецъ и по зажатіи устъ, ноздрями испускаемь бываетъ звукъ, какой только можетъ быть. Сверхъ того и отъ великаго дыханія, которымъ дышемъ, голосъ не производится, а напротивъ отъ легкаго и не напряженнаго, сколько бы мы ни пожелали, производится. Слѣдовательно непонятно, какимъ образомъ бываетъ, и что такое бываетъ. И не думай, чтобъ я согласенъ былъ съ мнѣніемъ Академическимъ такимъ, что не все понятно. Ибо какъ надобно признаться, что мы многаго не знаемъ, чему благоволилъ Богъ отъ разума человѣческаго сокровенному быть; такъ и многое находится, которое и чувствовать, и понимать мы можемъ. Но противъ Философовъ останется намъ цѣлое разглагольствіе. И такъ совершимъ то, къ чему теперь поспѣшаемъ.

ГЛАВА 16.

О разумѣ, и его обиталищѣ.

Кто не вѣдаетъ, что разума состояніе такъ же непостижимо, развѣ тотъ, кто онаго совсѣмъ не имѣетъ; когда самый разумъ

въ какомъ мѣстѣ находится, и каковъ въ себѣ есть, не извѣстно? И такъ различно Философы о свойствѣ онаго и мѣстѣ говорили. Но я не потаю того, что самъ чувствую, не для того, что бытіе сіе такъ утвержду, (что знакомъ есть не разумнаго въ сумнительномъ дѣлѣ такъ поступать) но чтобъ ты по изъясненіи трудности дѣла понялъ, сколь то велико есть дѣло Божіе. Нѣкоторые опредѣлили мѣсто разуму въ груди, что естьли дѣйствительно такъ, то сколь удивительно, вещи, въ темномъ и сокровенномъ мѣстѣ состоящей, въ толикомъ разсужденій и понятія свѣтѣ находиться? особливо, что ко оной чувствованія изо всѣхъ тѣла частей доходятъ, такъ, что кажется оная во всякой составовъ части присутствуетъ. Иные положеніе онаго опредѣлили въ мозгу. И подлинно вѣроятія достойное говорили, то есть, что надлежало правителю всего тѣла быть въ верху, какъ бы въ крѣпости тѣлесной обитать; и что нѣтъ ничего выше того, что вообще управляемо бываетъ разумомъ, какъ самъ міра Господь и Правитель находится на высотѣ. Наконецъ что все чувство, какъ то слышанія, и видѣнія и обонянія, раболѣпные члены расположены въ головѣ; коихъ всѣхъ стези не къ груди, но къ мозгу лежатъ. Иначе надобно бы было намъ поздѣе слышать, покамѣстъ бы способность слышанія чрезъ долгій путь и чрезъ шею не дошла до груди. А оные или мало, или можетъ быть и не погрѣшаютъ. Ибо умъ,

вла-

владѣющій тѣломъ, въ верху головы устроенъ, какъ и Богъ обитаетъ на небѣ; но когда въ какомъ либо находятся помышленіи, то снисходитъ въ грудь, и какъ бы въ кабинетъ тайности спускается, дабы совѣтъ, какъ бы изъ сокровеннаго сокровища издавать, и произносить. И того то ради когда мы устремляемся на помышленіе, и когда умъ будучи онымъ занятъ устремится въ высоту, то обыкновенно ни звука, окружающаго насъ не слышимъ, ни предстоящихъ предъ нами не видимъ. А оное такъ ли бываетъ; однако удивительно по истиннѣ есть, какимъ образомъ то дѣлается, когда къ груди отъ мозга никакой отверстой стези не имѣется. Естьли же и не такъ бываетъ, однако всячески удивительно есть, что Божественнымъ нѣкіимъ неизвѣстнымъ разумомъ такъ творится. Или можетъ ли кто не удивляться тому, что жизненное оное и небесное чувство, называемое мыслію или умомъ, столь имѣется движительно, что и по усыпленіи не успокоевается; столь быстро, что въ одно времени мгновеніе все небо облетаетъ; а естьли пожелаетъ, то перелетаетъ моря; земли и города перебѣгаетъ; и наконецъ все, что угодно, хотя бы и удалено было, ставитъ предъ свой взоръ? Ино дивится ли кто либо тому, что Божественный разумъ по всѣмъ міра частямъ протекаетъ, и все управляетъ, все распоряжаетъ, вездѣ присутствуетъ, вездѣ разливается? Когда толикая имѣется сила и власть разума чело-

вѣческаго, заключенная въ смертномъ тѣлѣ, что ни преградами совершенно тяжкаго сего и непроворнаго тѣла, съ коимъ совокуплена, удержена быть никоимъ образомъ не можетъ, чтобъ свободную свою стремленія по всѣмъ мѣстамъ волю, не терпя покоя не совершала. И такъ въ головѣ ли разумъ обитаетъ, или въ груди; можетъ ли кто понять, какая бы сила разума то учинила, чтобъ чувство оное непостижимое или въ мозгѣ находилось, или во оной двучастнной крови, которая заключена въ сердцѣ? И не выразумѣетъ ли изъ того самаго, коликое есть Божіе могущество, что умъ самаго себя не видитъ, каковъ онъ въ себѣ, и гдѣ обрѣтается; и хотя бы не видѣлъ, однако разсмотрѣть бы могъ, какимъ способомъ вещи тѣлесной безтѣлесная присоединена? Или хотя разуму ни одного не опредѣлено мѣста, однако оный разлившись по всѣму тѣлу, протекаетъ, чему такъ же статься можно, какъ и Ксенократъ Платоновъ ученикъ утверждалъ. Когда чувствіе въ каждой части тѣла завсегда находится, однако чтобъ былъ разумъ, и каковъ, того понять не льзя; поелику существо его столь тонко и невещественно; что будучи вліяно въ крѣпкую внутренность, животворнымъ, и какъ бы пламеннымъ чувствіемъ смѣшивается со всѣми составами. Однакожъ не считай ты того за похожее на правду, что сказалъ Аристоксенъ, что будто бы никакого ума нѣтъ, но что будто бы какъ согласіе въ струнахъ изъ соста-

ва

ва тѣлеснаго и связей внутреннихъ сила чувствія составляется. Ибо музыканты напряженіе и стройность струнъ совершенную, безъ разни голосъ произносящихъ, согласіемъ называютъ. И такъ думаютъ, что подобнымъ образомъ находится и въ человѣкѣ, что согласный способъ состоитъ въ жилахъ, такъ, что каждыхъ тѣла частей крѣпкое спряженіе, и всѣхъ составовъ устремляющаяся на одно сила, чувствительное оное движеніе производятъ, и побуждаютъ разумъ, такъ, какъ струны хорошо натянутыя на согласный тонъ. И какъ въ струнахъ естьли нѣчто или перервется, или ослабится, весь тонъ пѣнія помѣшивается и портится; такъ и въ тѣлѣ когда какая составовъ часть попортится, то все пропадаетъ, и по поврежденіи всего погибаетъ чувствіе, и погибель онаго называется смертію. Однако онъ, естьли бы хотя мало имѣлъ разума, то бы согласіе струнъ не относилъ до человѣка. Ибо струны самоизволно пѣть не могутъ; и не можетъ быть никакое сравненіе или уподобленіе живущаго съ таковыми; а разумъ самоизволно и мыслитъ, и движется. И естьли бы подобное въ насъ было согласіе; то бы удареніемъ внѣшнимъ движимо было, какъ струны руками, которые безъ прикосновенія музыканта, и ударенія пальцовъ бываютъ безгласными и безъ дѣйствительными. Но надобно было бить его (Философа) рукою, чтобъ онъ когда либо почувствовалъ; особливо когда мысль его изъ составовъ худо сложенная, разслабѣла.

ГЛАВА 17.

О душѣ, и объ оной мнѣніе Философовъ.

Остается поговорить о душѣ, хотя существо оныя и не можетъ быть постижимымъ. Однако мы не потому душу безсмертною признаваемъ, что все пребывающее и движущееся само собою, и невидимое и не осязаемое по необходимости должно быть вѣчнымъ. Чтожъ такое есть душа, о томъ Философы между собою не согласны, и вѣроятно, что можетъ статься и никогда между собою въ томъ согласными не будутъ. Ибо нѣкоторые душею кровь называли: иные огнь, а иные воздухъ, отъ чего душа, и умъ наименованіе себѣ получила, поелику на Греческомъ языкѣ вѣтеръ (ἄνεμος) называется; однако изъ нихъ не видно того, чтобъ ктолибо нѣчто о ней справедливое сказалъ. Ибо не можно того опредѣлить, чтобъ душа безпрестанно въ веществѣ крови находилась, когда она отверстіемъ раны, или чрезъ жаръ горячки изчезаетъ, такъ, какъ бы спросили о томъ, свѣтило, или огонь, которой мы имѣемъ, чтобъ такое было; и на оное отвѣтствовано бы было, что то самое есть масло, поелику по истребленіи онаго гаснетъ свѣтъ; хотя они между собою и несходственны бываютъ, но одно другаго питаетъ. Слѣдовательно душа кажется похожею на свѣтъ, или лампаду, хотя она и не въ самой крови находится, но влагою крови бываетъ питаема,

сма, какъ лампада масломъ. И такъ которые считали душею огонь, то такъ о ней умствовали, что и при ней тѣло бываетъ горячо, а по разлученіи холодѣетъ. Но огонь бываетъ и чувствителенъ, и видимъ, и когда къ нему прикасаемся, жжетъ. Душажъ и чувствительна, и не можетъ быть видима, а притомъ и не сожигаетъ, отъ чего явно, что душа, не знаю, есть нѣчто похожее на Бога. А тѣ, которые считаютъ оною воздухъ, обманываются тѣмъ, что будто бы мы принимая въ себя дыханіе отъ воздуха, тѣмъ живемъ. Варронъ такъ оную описываетъ: *душа есть воздухъ чрезъ уста происходящій, въ легкомъ согрѣтый, приведенный въ умѣренность въ сердце, и разлитый по тѣлу.* Сіе явно есть ложно. Ибо я не опредѣляю, чтобъ въ насъ столь темное о такихъ вещахъ было понятіе, чтобъ мы и того не понимали, чему справедливому быть не льзя. Не ужѐ ли я тотчасъ тому повѣрю, что естьли кто мнѣ скажетъ, что небо есть мѣдное или стекляное, какъ говоритъ Емпедоклъ, воздухъ оледенѣвшій, поелику не знаю, изъ какого вещества зделано небо? Ибо какъ сего не знаю; такъ оное знаю. Слѣдовательно и душа не есть воздухъ, пріемлемый внутрь устами; поелику гораздо прежде зараждается душа, нежели воздухъ устами бываетъ пріемлемъ. Ибо она не по рожденіи вселяется въ тѣло, какъ нѣкоторые Философы думаютъ, но тотчасъ по зачатіи онаго, когда плодъ во чревѣ Божіимъ промысломъ зачинается, по-

 елику

елику совсѣмъ обитаетъ во внутренности матери, и приращеніемъ умножается, и частымъ біеніемъ, даетъ о себѣ знать. Наконецъ безвременно родиться мертвому должно, ежели животное внутрь умретъ. Прочія опредѣленія части принадлежатъ къ тому, чтобъ доказать, что мы чрезъ девять мѣсяцовъ находясь во утробѣ, мертвыми быть кажемся. Слѣдовательно нѣтъ ни одного изъ сихъ трехъ мнѣнія справедливаго. Однакожъ въ такихъ мнѣніяхъ находившихся не совсѣмъ надобно считать несправедливыми, будто бы они ничего не сказали. Ибо мы живемъ и кровію купно, и теплотою и воздухомъ: но поелику они того, что душа обитаетъ въ тѣлѣ при соединеніи всего сего, точно не обѣяснили, чтобъ такое оная была, поелику она столь же неописанна, сколь и непонятна.

ГЛАВА 18.

О Душѣ и умѣ, и ихъ свойствахъ.

Слѣдуетъ другій, а притомъ не удобърѣшимый вопросъ: что душа тоже ли есть, что умъ, или иное есть то, чемъ мы живемъ; а иное то, чемъ чувствуемъ, и умствуемъ. Не не достаетъ на обѣ стороны доказательства. Ибо тѣ, которые говорятъ, что она тожъ самое есть, такое о ней имѣютъ разсужденіе, что ниже жить безъ чувствія, ни чувствовать безъ жизни не можно;

и потому не можно быть тому различнымъ, что не можетъ быть отдѣлено; но обое и жизни и чувствія причину имѣетъ. И для того то двое Епикуровы Стихотворцы умъ и душу смѣшиваютъ во едино. А которые говорятъ, что они между собою различны, такъ о семъ умствуютъ: изъ того де понять можно, что иное есть мысль, или умъ, иное душа, что при совершенномъ бытіи души умъ можетъ быть потеряннымъ, что случается надъ безумными; а притомъ и то, что душа смертію бываетъ усыпляема, а умъ сномъ, да еще такъ, что не только не знаетъ того, что дѣлаетъ, или гдѣ находится; но притомъ взираніемъ на ложныя вещи обманывается. А сіе самое какимъ образомъ бываетъ, того распознать не можно; для чегожъ бываетъ, угадать легко. Ибо мы ни коимъ образомъ спать, или отдыхать не можемъ тогда, когда мысль занята бываетъ воображеніями. Онаяжъ самая мысль скрывается подъ сномъ, такъ, какъ огонь подъ пепломъ; котораго ежели хотя мало коснешся, то паки разгарается, и подобно какъ пробужается. Слѣдовательно отъ воображеній удерживается до тѣхъ поръ, покуда члены глубокимъ сномъ будучи объяты, ободрятся. Ибо тѣло при бодрствованіи чувствія хотя лежитъ и неподвижно, однако не бываетъ спокойнымъ; поелику горитъ въ немъ чувство, и устремляетъ какъ пламень; и всѣ составы привлекаетъ къ себѣ. Но какъ скоро мысль отвлечена будетъ отъ вниманія къ зрѣнію ви-

довъ

довѣ, то тотчасѣ и тѣло отдыхаетѣ. Преводитсяжѣ мысль слѣпымѣ помышленіемѣ, когда при темнотѣ одна только бываетѣ, когда устремляется на то, о чемѣ помышляетѣ; нечаянно нападаетѣ сонѣ, и на предмѣты ближайшія помалу самое помышленіе стремится: и такимѣ образомѣ видѣнное ею прежде того, видѣть паки начинаетѣ. Потóмѣ простирается далѣе, и отвлекаетѣ саму себя, дабы не пресѣчь полезнаго здравію тѣлесному покоя. Ибо какѣ днемѣ она истинными видѣніями бываетѣ отвлекаема, чтобѣ тѣло не засыпало; такѣ ложными ночью, дабы не было пробужаемо. Ибо естьли бы ни накакія не взирала воображенія, или предмѣты, то надобно бы было или бодрствовать ему всегда, или усыпленному быть вѣчною смертію. Слѣдовательно не безѣ причины Богѣ опредѣлилѣ сонѣ, а притомѣ вообще всѣмѣ животнымѣ, наиболѣежѣ человѣку, что когда опредѣлилѣ для его такой покой, то оставилѣ для себя способѣ научить человѣка чрезѣ сонѣ будущему. Ибо и исторіи часто свидѣтельствуютѣ, что бывали такіе сны, коихѣ точное и удивительное послѣдовало событіе; и отвѣты предсказателей нашихѣ состояли частію изѣ сновидѣній. По чему оныя нижѐ всегда бываютѣ справедливыми, нижѐ всегда лживыми, по свидѣтельству Виргилія, который двои двери сновѣ признавалѣ. Но которыя сновидѣнія бываютѣ ложныя, оныя для сна кажутся быть опредѣленными; а которыя истинныя, тѣ отѣ Бога насылаются, дабы мы позна-

познали отъ того откровенія, или приближающееся къ намъ благо, или грядущее зло.

ГЛАВА 19.

О душѣ, что оная вливается отъ Бога.

Можетъ быть и такой еще вопросъ, что душа отъ отца ли, или отъ матери болѣе раждается, или отъ обоихъ вкупѣ. Но я, по моему разсужденію, оное отъ сумнительной стороны защищаю. Ибо изъ сихъ трехъ вещей ничего нѣтъ истиннаго поелику ни отъ обеего вкупѣ, ни отъ того и другаго вливаются души въ тѣла. Тѣло бо изъ тѣлесъ родиться можетъ; поелику нѣчто бываетъ сообщаемо отъ обоихъ: душа же отъ душъ родиться не можетъ; потому, что отъ невещественнаго и неосязаемаго ничто не можетъ удѣлено быть. Слѣдовательно образъ вліянія душъ отъ единаго только зависитъ Бога. *И наконецъ отъ небеснаго сѣмени мы всѣ имѣемъ рожденіе, всѣмъ намъ онъ одинъ отецъ*, какъ говоритъ Лукрецій. Ибо отъ смертныхъ ничего, кромѣ смертнаго не можетъ раждаться. Ниже должно то самое присвоять отцу, которой никоимъ образомъ не чувствуетъ вліянія или вдохновенія души отъ его крови, или сѣмени, ниже, ежели бы чувствовалъ, совсѣмъ понимаетъ, когда, или какимъ способомъ то бываетъ. Изъ чего явно, что душами насъ не отцы снабдѣваютъ, но одинъ

и

и той же самый всѣхъ отецъ Богъ; который, будучи единымъ творцемъ, закономъ рожденія и образомъ онаго владѣетъ одинъ. Ибо до земнаго родителя ничего инаго не касается, какъ только мокроту тѣлесную, въ которой родопроизводная матерія находится, съ чувствіемъ услажденія, изъ себя изпускать, или въ себя принимать, и на семъ дѣлѣ останавливается человѣкъ, и ни къ чему болѣе неспособенъ. И потому то желаютъ себѣ рожденія дѣтей, что не сами ихъ творятъ. Прочеежъ уже все Божіе есть; то есть, самое зачатіе, и изображеніе тѣла, и вдохновеніе, или вліяніе души, и безвредное рожденіе, и все прочее принадлежащее до соблюденія человѣка; его промысломъ мы дышемъ, живемъ и растемъ. Ибо кромѣ того, что по благоволенію его здравое имѣемъ тѣло, и что онъ пропитаніемъ насъ отъ различныхъ вещей снабдѣваетъ; одарилъ человѣка премудростію, которой даровать земный отецъ никоимъ образомъ не можетъ. А что отъ умныхъ дураки, и отъ дураковъ умные часто раждаются, то самое нѣкоторые приписываютъ случаю и звѣздамъ. Но о случаѣ говорить не до сего касается мѣста. Довольно сказать то, что хотябъ и звѣзды производили вещи, однако все творитъ Богъ, который и самыя звѣзды создалъ, и порядкомъ устроилъ. Слѣдовательно несмысленны тѣ, кои отнимаютъ власть сію у Бога, и присвояютъ оную его твари. И такъ симъ небеснымъ и пресвѣтлымъ даромъ пользуемся ли мы, или не пользуемся, въ

нашей сему быть благоволилъ волѣ. Ибо уступивъ сіе, самому человѣку для полученія жизни добродѣтельно жить повелѣлъ. Велика бо есть сила человѣческая, великъ разумъ, великая тайна, чего естьли кто не потеряетъ, и отъ вѣры и благоговѣнія своего не отстанетъ; таковому блаженнымъ, таковому наконецъ, кратко сказать, подобнымъ быть Богу надобно. Ибо заблуждаетъ кто тотъ, человѣка заключаетъ въ одной плоти. Ибо тѣло сіе, которымъ мы облечены, человѣческимъ есть вмѣстилищемъ. Понеже самый человѣкъ ниже осязаемь, ниже видимь, ниже постижимь бытьможешъ, поелику сокровенъ въ видимомъ, которой ежели болѣе нѣжности, нежели какъ разумъ того требуетъ, въ сей жизни предастся, и прилѣпится къ похотѣніямъ плоти, то падетъ, и отяготится къ землѣ. А ежели, какъ должно, положеніе свое прямое тщательно и постоянно сохранитъ; ежели землѣ, которую попирать и преодолѣвать доженъ, не будетъ раболѣпствовать, то наслѣдитъ вѣчную жизнь.

ГЛАВА 20.

О себѣ самомъ и о истиннѣ.

Сіе къ тебѣ, Димитріанъ, при недосугахъ мало, и можетъ быть не столь ясно, какъ надлежало, по множеству дѣлъ и недостатку времени писалъ; чемъ тебѣ довольнымъ быть должно; съ тѣмъ, что большее и луч-

лучшее имѣешь получить для чтенія, ежели небеса благоволятъ. Тогда я тебя ко ученію истиннаго любомудрія яснѣе и истиннѣе буду увѣщавать. Ибо я намѣренъ, сколь возможно будетъ, писать, что къ состоянію блаженной жизни принадлежитъ, да еще и противъ Философовъ; поелику они къ помраченію истинны опасны и сильны. Сила бо краснорѣчія невѣроятная; и разглагольствія и доводовъ тонкость удобно всякаго прельщаетъ. Коихъ мы отчасти нашимъ оружіемъ, отчастижъ взятыми отъ междоусобныхъ ихъ стязаній побѣдить намѣреваемъ. Дабы явно было то, что они заблужденій болѣе ввели, нежели оныя истребили. Можетъ быть ты удивишся, что я предпринимаю толь великое дѣло? Да чтожъ? не уже ли стерпимъ, чтобъ истинна угасала, или была утѣсняема? Я лучше и охотнѣе соглашусь претерпѣть смерть подъ симъ бременемъ. Ибо ежели М. Туллій краснорѣчія единственный примѣръ, отъ не ученыхъ и невитіеватыхъ, тѣмъ, что они за правду стояли, часто преодолѣваемь былъ: то зачемъ намъ отчаяваться въ томъ, что истинна сама противъ лживаго и коварнаго витійства по своей собственной силѣ и ясности останется побѣдительницею. Они правда самихъ себя обыкновенно называютъ защитниками истинны. Но кто можетъ защищать то, чему самъ не учился; или изъяснять предъ другими, чего самъ не знаетъ? Велико мое обѣщаніе кажется: но потребно къ сему небесное дарованіе, чтобъ намъ спо-

собность и время ко изъясненію предложеній даровано было. Ежели вожделѣнна разумному жизнь: то я поистиннѣ не для чего бы инаго жить желалъ, какъ чтобъ нѣчто сдѣлать такое, которое бы жизни достойно было, и чтобы пользу читателямъ, хотя и не къ краснорѣчію, поелику не великъ витійства въ насъ потокъ; однако къ житію приносило: что весьма нужно. По совершеніи чего, я довольно себя жившимъ, и должность человѣческую исправившимъ считать буду, естьли трудъ мой, нѣкоторыхъ людй отведши отъ заблужденій, направитъ на путь небесный.

Конецъ книги о созданіи Божіемъ.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

Книга

КЪ ДОНАТУ ИСПОВѢДНИКУ О КОНЧИНѢ ГОНИТЕЛЕЙ.

ГЛАВА 1.

Услышалъ Господь молитвы твоя, любезнѣйшій Донатъ, которыя и ты предъ лицемъ его, на всякой часъ каждаго дня проливаешъ, и прочихъ братій нашихъ, которые славнымъ исповѣданіемъ неувядаемый себѣ вѣнецъ за вѣру свою пріобрѣли. Се противникъ (то есть діаволъ) отъ всѣхъ сихъ отженяется; и по возобновленіи въ свѣтѣ спокойствія, притѣсненною не давно бывшая церковь паки востаетъ, и съ большею славою храмъ Божій, отъ нечестивыхъ разоренный, по милости Божіей созидается. Воздвигъ бо Господь государей, которые непотребныя и кровопролитныя тиранновъ властительства истребили, о человѣческомъ родѣ приложили попеченіе, такъ, что уже аки бы по разгнаніи прошедшаго времени облака, всѣхъ сердца пріятное и вожделѣнное увеселяетъ спокойствіе, нынѣ толикаго без-

безгодія по бурныхъ вихряхъ, пріятный воздухъ, и желаемый свѣтъ возсіялъ. Нынѣ умилостивленный рабовъ своихъ (молитвами) Богъ, находящихся въ презрѣніи, и огорченныхъ, вспомоществованіемъ небеснымъ воздвигнулъ. Нынѣ сѣтующихъ слезы, истребивъ нечестивыхъ тиранство, отерлъ. Противившіеся Богу повержены лежатъ, разорители святаго храма, большимъ паденіемъ пали; мучители праведниковъ поражены будучи съ небесъ, и достойныя мученія получивъ, нечестивыя свои извергли души. Ибо казнить ихъ отлагалъ Богъ затѣмъ, чтобъ явить надъ ними многія и дивныя примѣры, отъ коихъ бы потомки научились тому, что и Богъ есть единъ, и той же самый, достойно отмщая, на гордыхъ и на нечестивцевъ и гонителей насылаетъ смерть. О каковой смерти тирановъ свидѣтельствовать за благо разсудилось, дабы всѣ удаленные или имѣющіе быть послѣ насъ, знали, какъ то всевышній Богъ всемогущество и величество свое въ погубленіи и истребленіи враговъ его имени оказываетъ. Справедливожъ и порядочно рѣчь моя имѣетъ быть продолжаема, естьли отъ начала установленія церкви, о затѣйщикахъ или зачинщикахъ толикихъ беззаконій или гоненій, и о томъ, какими то казнями имъ небеснаго судіи строгость отмстила, буду изъяснять.

ГЛАВА 2.

въ лѣто 29. или лучше въ лѣто 33. Въ послѣднее время Тиверія Кесаря, какъ въ писаніи находимъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ Іудеевъ былъ распятъ, Марта двацать четвертаго дня, при двухъ Консулахъ близнецахъ. А какъ въ третій день воскресъ, то собралъ учениковъ, коихъ страхъ его мученія въ бѣгъ обратилъ, и чрезъ сорокъ дней обращавшись съ ними, отверзъ ихъ сердца, и писаніе протолковалъ, которое даже до того времени сокровенно и непонятно было: и опредѣлилъ ихъ и наставилъ на проповѣдь догмата, и ученія своего, устрояя новаго завѣта славное ученіе. По исполненіи чего, окружилъ его облакъ, и отнявъ отъ

Дѣян: 1. 16. очесъ человѣческихъ, восхитилъ на небо. И потомъ ученики, которыхъ тогда было одиннатцать, принявши на мѣсто Іуды предате-

Дѣян: 9. 15. ля Матѳія и Павла, разсѣялись по всей землѣ для проповѣданія Евангелія, какъ имъ учитель Господь повелѣлъ, и чрезъ 25 лѣтъ, даже до начала царствованія Неронова, по всѣмъ провинціямъ и городамъ положили основаніе церкви.

лѣт: 45. или 58. И когда уже царствовалъ Неронъ, тогда Петръ пришелъ въ Римъ, и по сотвореніи нѣкоторыхъ чудесъ, которыя силою самаго Бога, по данной ему отъ него власти творилъ, обратилъ на истинну многихъ, и Богу храмъ вѣры крѣпкій воздвигъ. О чемъ прослышавъ Неронъ, когда запримѣтилъ, что вездѣ повседневно великое множество отстаетъ отъ почитанія идоловъ, и

къ новой, презрѣвъ древность, вѣрѣ прилѣпляется, то, какъ былъ проклятой и вредной тираннъ, устремился на истребленіе небеснаго храма, и истинны; и первѣе всѣхъ гнавъ рабовъ Божіихъ, Петра распялъ на крестѣ, и Павла умертвилъ. Однако и самъ не остался безъ наказанія. Призрѣлъ бо Богъ на озлобленіе народа своего. И такъ сверженъ будучи съ высоты царства и низверженъ со оной безсильный тираннъ, исчезнулъ мгновенно, такъ, что ни погребенія мѣста на землѣ толь свирѣпому звѣрю не осталось. Отъ чего нѣкоторые безумцы думаютъ, что онъ перенесенъ инуды, и живъ сохраненъ, по слову Сивиллы сему: что матереубійца бѣглецъ отъ конецъ (земли) имѣетъ пріити съ тѣмъ, что какъ онъ, поелику первымъ былъ, такъ чтобъ оный же самый и послѣднимъ былъ гонителемъ, и предварилъ Антихристово пришествіе; чему вѣрить не должно. И, говорятъ, что какъ два пророка, живые преселены, въ послѣдній вѣкъ имѣютъ его предварить; такъ и Неронъ имѣетъ пріити, аки предтеча діаволовъ, и предшественникъ грядущаго на опустошеніе земли, и истребленіе рода человѣческаго.

лѣт: 68.

Сивил: кн: 5. и 6.

Глава 3.

По немъ, по прошествіи нѣколикихъ лѣтъ, другій не меньшій восталъ тираннъ (Домиті-

тіанЪ) который хотя и ненавистное имѣлЪ
лѣт: 81. властительство, однако выи подданныхЪ тяготилЪ и обременялЪ весьма долго, и царствовалЪ спокойно, покамѣстЪ нечестивыя руки не воздвигЪ на Господа. А какЪ только, по наущенію демонскому, на гоненіе праведнаго
лѣт: 95. народа подвигся, то попавшись вЪ непріятельскія руки, понесЪ наказаніе. И не довольно было того ко отмщенію, что убитЪ вЪ дому; но притомЪ и память его имени истреблена. Ибо когда онЪ многія чудныя совершилЪ дѣла, когда капитолію и иныя знатныя
лѣт: 96. достопамятности здѣлалЪ, то СенатЪ такЪ на имя его восталЪ, что ниже портретовЪ, ни титуловЪ его, ни какихЪ слѣдовЪ не оставилЪ, а притомЪ весьма жестокими опредѣленіями и мертваго на вѣки обезславилЪ. И такЪ по пресѣченіи тиранскихЪ дѣлЪ, церковь не только вЪ первобытное пришла состояніе, но еще гораздо славнѣе и блистательнѣе возсіяла. И вЪ слѣдующія времена, вЪ которыя многіе и добрые государи Римскою Имперіею владѣли, никакихЪ вражескихЪ не претерпѣвая нападеній, востокомЪ и западомЪ обладала, такЪ, что уже ниединаго земель угла столь отдаленнаго не находилось, вЪ которой бы благочестіе христіанское не достигало; никакой наконецЪ страны столь звѣрско живущей, чтобЪ, по принятіи Богопочитанія, твореніемЪ дѣлЪ правды не сталась человѣколюбною. Но послѣ того долговременная тишина прервалась.

Глава 4.

Ибо восталъ по прошествіи многихъ лѣтъ на озлобленіе церкви Декій, проклятое оное животное. Кто бо, кромѣ злодѣя, гонитъ правду? И какъ бы для сего возведенъ былъ на верхъ начальства, чтобъ по скоромъ начатіи неистовства противъ Бога, вскорѣ и палъ. Ибо отправившись въ путь противъ Карповъ, (Скиѳовъ или Сарматовъ) которые тогда Даціею и Мисіею овладѣли, и тотчасъ будучи окруженъ варварами, и со многою частію войска истребленъ, ниже погребеніемъ почтенъ быть могъ; но раздѣтый и обнаженный, какъ врагу Божію надлежало, поверженъ былъ на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

Лѣта 249.
Лѣта 251.

Глава 5.

Не много потомъ и Валеріанъ, подобнымъ неистовствомъ будучи объятый, нечестивыя руки на Бога воздвигъ, и много, хотя и въ краткое время, праведной крови проливъ. Но и его Богъ новымъ и особеннымъ видомъ казни наказалъ, въ доказательство для потомковъ того, что противники Божіи часто достойную за беззаконіе свое пріемлютъ казнь. Сей пойманъ будучи Персами, не только царства, коимъ неистовно правилъ, но притомъ и вольности, которую у прочихъ отнималъ, лишился, и жилъ въ рабствѣ безчестно. Ибо Персидскій Царь Сапоръ поймавшій его, когда

Лѣта 252.
Лѣта 257.

ему надобно было или на колесницу восходить,
лѣт: или садиться на коня, повелѣвалъ сего Римля-
261. нина нагибать и подставлять себѣ его хре-
бетъ, и поставивъ на оныя ногу, ругаясь
ему съ насмѣшкою говаривалъ: что это въ
самомъ дѣлѣ есть, а не такъ, какъ у Ри-
млянъ на доскахъ, или стѣнахъ изображено.
Въ такомъ онъ достойномъ состоянiи жилъ
нѣсколько времени; отъ чего у варваровъ Рим-
ское имя долгое время было въ посмѣянiи. При-
томъ и то присовокуплено къ его наказанiю,
что хотя и сына имѣлъ у себя императоромъ;
однако плѣна своего и послѣдняго рабства не
нашелъ его отмстителемъ; и совсѣмъ оттолѣ
не возвращенъ. А потомъ сколь постыдную
въ такомъ безобразiи жизнь скончалъ, снята
съ него была кожа, и снятая со обнаженiемъ
внутреннихъ частей, намазана кровiю съ
мо- тѣмъ, чтобъ повѣшена была въ храмѣ варвар-
жетъ скихъ боговъ для памяти преславной побѣды,
быть и для всегдашняго посламъ нашимъ показанiя,
въ дабы Римляне не уповали на силы свои чрез-
лѣт: мѣрно, когда на кожу плѣненнаго Государя у
269. боговъ ихъ посмотрятъ. Убо, когда такiя
наказанiя на святотатцевъ налагаетъ Богъ,
то неудивительно ли всякому послѣ сего дер-
зать не только дѣлать что либо, но и по-
мышлять противъ особеннаго величества Бо-
жiя, управляющаго и содержащаго вся?

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Авреліанъ, будучи отъ природы безумный и опрометчивый, хотя о плѣненіи Валеріановомъ и помнилъ, однако забывъ его беззаконіе и наказаніе, гнѣвъ Божій безчеловѣчными дѣйствіями раздражилъ. Однако ему замысла своего произвести въ дѣйство не удалось, но тотчасъ въ началѣ своего неистовства былъ истребленъ. Еще кровопролитные его указы во отдаленнѣйшія провинціи не дошли, а вотъ уже въ Ценофруріи, Ѳракійскомъ мѣстѣ, самъ погруженный въ своей крови лежитъ на земли, по ложному нѣкоторому подозрѣнію отъ друговъ своихъ будучи убитый. Такія и толикія примѣры послѣдующихъ тиранновъ долженствовали укротить. Но сіи не только оными были не устрашены, но еще дерзостнѣе и отважнѣе противъ Бога поступили. лѣт: 370.

ГЛАВА 7.

Діоклитіанъ, беззаконій изобрѣтатель, и злодѣяній затейщикъ, при истребленіи всего, ниже отъ Бога рукъ могъ удержать. Сей кругъ земный купно и сребролюбіемъ и страхомъ превратилъ. Ибо троихъ участниковъ своего царства, поставилъ. По раздѣленіи свѣта на четыре части, и по умноженіи войскъ; каждой изъ нихъ гораздо большее число солдатъ имѣть старался, нежели коликое прежніе Государи имѣли, когда каждой изъ лѣт: 284. лѣт: 285. и 293.

 нихъ

нихъ обществомъ управлялъ: гораздо большее начинало быть число взятчиковъ, нежели платeльщиковъ подашей, такъ, что отъ беззаконнаго наложенія оныхъ, по изнуреніи силъ поселянъ, бросаемы были поля, и пахатныя земли зарастали лѣсомъ. И чтобъ наполнить все страхомъ, провинціи на части раздѣлены, многіе приставлены начальники, и многія должности на каждыя страны и на самыя города наложены, такъ же много различныхъ чиновныхъ поставлены, кои всѣ очень рѣдко гражданскія дѣла исправляли, а только осуждали, ссылали въ ссылку, и требовали подашей, не говорю часто, но безпрестанно, и въ подашей сборахъ несперпимыя дѣлали обиды. Несносныя наборы солдатъ, и поелику желалось ему по ненасытному сребролюбію того, чтобъ сокровища его никогда не умѣншались, то всегда непорядочныхъ подарковъ, или подашей требовалъ для сохраненія въ цѣлости того, что собиралъ. Онъ же по учиненіи разными беззаконіями несносной дороговизны, законъ цѣнамъ продажныхъ вещей учредить старался. Въ то время за малость много было пролито крови, попричинѣ страха ничего не было продажнаго, и дороговизна выше подымалась, покамѣстъ законъ самою нуждою, по истребленіи многихъ, не былъ нарушенъ. Къ сему присовокупляема была нѣкоторая наограниченная склонность къ строенію, не меншее провинцій разореніе, отъ платежа работникамъ, и мастерамъ, за машины

ны и повозки и за все для строенія нужное. Онъ построилъ общенародныя огороженныя площади, монетной домъ, оружейной заводъ, домъ для жены и дочери. Отъ чего вдругъ большая часть города (Никомидіи) оставлена была. Всѣ переселялись съ женами и дѣтьми, какъ бы отъ осады города непріятелями. И по совершеніи сего съ урономъ провинцій, говорилъ, что непорядочно сдѣлано; передѣлать иначе. Паки надобно было разламывать и перемѣнять то, что современемъ имѣло быть сломано, Такъ всегда дурачился, стараясь здѣлать равною Никомидію съ Римомъ. О томъ уже умалчиваю, сколь много погибло за наслѣдіе и имѣніе. Ибо сіе за обыкновенное и почти за дозволенное привычка ко злу щитаетъ. Но особенное въ немъ было то, что по усмотреніи имъ гдѣлибо хорошаго поля, или красивѣйшаго строенія, уже готова была для господина того клевета и смертная казнь, какъ бы онъ не могъ безъ кровопролитія похитить чужаго.

ГЛАВА 8.

Чтожъ братъ его Максиміанъ, прозванный Геркулесомъ? подобенъ ему. Ибо не можно въ дружествѣ вѣрномъ находиться двумъ безъ единомыслія во обоихъ, безъ сходственнаго помышленія, безъ равной воли и разсужденія. Симъ только различествовали, что лѣт: 293.
въ

въ меньшомъ болѣе другаго было сребролюбія, а въ большомъ менѣе, но болѣе боязливости, болѣежъ смѣлости не къ добротворенію, но къ злодѣянію. Ибо имѣя престолъ императорскій въ Италіи, и подъ державой своею пребогатыя провинціи, какъ то Африку и Испанію, не столь рачителенъ былъ къ сохраненію богатства, коимъ изобиловалъ. И когда оное ему надобно было, то на оное готовы были для него богатые Сенаторы; коихъ по ложнымъ доносамъ называли стремящимися къ похищенію государства, такъ, что безпрестанно лишался сенатъ своихъ свѣтилъ. Государственная казна злѣ собранными имѣніями изобиловала. Притомъ похоть въ такомъ заразительномъ человѣкѣ не только къ развращенію нравовъ, что ненавистно и гнусно, но еще и къ разтлѣнію вельможскихъ дочерей неистовствовала. Ибо куда ни ѣзжалъ, вездѣ отнятыя отъ очей родительскихъ дѣвицы тотчасъ въ готовности были. Считалъ онъ себя отъ такихъ дѣлъ щастливымъ; думалъ, что щастіе его государствованія состоитъ въ томъ, когда для вожделѣнія и злой похоти все въ готовности находится. О Констанціѣ не упоминаю, поелику не похожъ былъ на прочихъ, и достоинъ того, чтобъ одинъ управлялъ вселенною.

ГЛАВА

ГЛАВА 9.

А другій Максиміанъ, который былъ Діоклитіановъ зять, не только сихъ двоихъ, которые въ наши времена были, но и всѣхъ бывшихъ злыхъ, былъ худшимъ. Находилось въ семъ звѣрѣ природное варварство, безчеловѣчіе чуждое Римской крови. И не дивно, поелику мать его изъ Задуная отъ нападеній Карпскихъ, въ Новую Дацію, переплывъ рѣку убѣжала. Притомъ имѣлъ онъ тѣло сходное съ нравами, возрастъ высокій, плоть дебелую, страшную, утылую, надменную. Наконецъ и словами, и дѣлами, и взоромъ всѣхъ устрашалъ. Тесть такъ же весьма его боялся, котораго страха сія была причина. Нарсетъ Царь Персидскій побужденъ будучи домашними примѣрами дѣда своего Сапора на завоеваніе востока съ великими силами стремился. Тогда Діоклитіанъ будучи во всякомъ возмущеніи пугливъ и слабодушенъ, а притомъ и боясь примѣра Валеріанова, не отважился итти противу его, но послалъ сего чрезъ Арменію, самъ оставаясь на востокѣ, и ожидая слѣдствія дѣлъ. Онъ коварствами своими варьаровъ, которые пріобыкли со всѣми своими домашними ходить на войну, по причинѣ многолюдства приведенныхъ въ замѣшательство, и старающихся о обозѣ, безъ труда побѣдилъ: и по прогнаніи Царя Нарсета, возвратившись съ корыстію великою, самъ отъ того возгордился, а Діоклитіана устрашилъ. Ибо въ толикую послѣ лѣт: 302.

сей

сей побѣды пришелъ гордость, что и Цесарскаго имени пожелалъ. О чемъ прослышавъ Діоклитіанъ чрезъ письма къ нему отъ Галерія присланныя, свирѣпымъ голосомъ возопилъ: *Покамѣстъ Цесарь?* Оттолѣ пренеистовно началъ поступать, такъ что желалъ и казаться и называться рожденнымъ отъ Марса, какъ вторый Ромулъ; и желалъ мать Ромулову осквернить любодѣяніемъ, дабы подумали, что онъ рожденъ отъ боговъ. Но отлагаю говорить о его дѣлахъ, дабы не смѣшать временъ. Ибо какъ только послѣ того имя императорское получилъ, то низвергнувъ тестя, началъ наконецъ неистовствовать и презирать все. Діоклъ (ибо такимъ его именемъ до царствованія называли) хотя республику такими совѣтами и такими товарищами и разорялъ, хотя за беззаконія и всего достоинъ былъ; однако потамѣстъ весьма благополучно царствовалъ, покамѣстъ рукъ своихъ кровію праведниковъ не осквернилъ. Какуюжъ къ гоненію имѣлъ причину, изъясню.

ГЛАВА 10.

Живучи въ странахъ восточныхъ и будучи попричинѣ страха испытателемъ будущихъ вещей, принося въ жертву скотовъ, искалъ въ печени оныхъ будущаго. Тогда нѣкоторые Министры, знающіе Господа, стоявши при жертвоприносителѣ, изобразили на лицахъ своихъ без-

безсмертное знаменіе, т. е. крестъ. По учиненіи чего, и по прогнаніи демоновъ, поколебались жертвенники, трепетали жрецы, и не видя обыкновенныхъ во окончаніи знаковъ, и аки бы непріятную принося жертву, паки за приношеніе оныя принимались. Однако и тогда закланныя жертвы ничего не изъявляли, покуда жертвозрительный начальникъ Тагъ, или отъ подозрѣнія, или отъ усмотрѣнія того, не сказалъ, что для того ничего не изъявляютъ жертвоприношенія, что при богослуженіи находятся невѣрные люди. Тогда неистовствуя гнѣвомъ, велѣлъ жертвовать не только священнослужителямъ, но и всѣмъ находившимся при дворѣ; и отрекшихся отъ того бить, и по разосланіи къ начальникамъ указовъ, повелѣлъ такъ же принуждать и воиновъ къ скверному жертвоприношенію, съ тѣмъ, чтобъ неповинувшихся тому, изключать изъ воинства, на семъ мѣстѣ неистовство его остановилось; и ничего болѣе противъ закона или благочестія Христіанскаго не учинилъ. Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, пріѣхалъ на зимованіе въ Виѳинію, туда же тогда и Цесарь лѣта
Максиміанъ, беззаконіемъ дышущій, прибылъ; 302.
дабы къ гоненію на Христіанъ побудить безумнаго старика, которой уже то и начиналъ. Коего неистовства причина была слѣдующая.

ГЛАВА

ГЛАВА II.

Мать его была Богини горъ почитательницею, женщина весьма суевѣрная. И бывши таковою, повседневно жертвовала, и жрецамъ своимъ представляла пиръ. Христiане отъ того воздерживались, и когда она съ язычниками пировала, они постились, и молились. За что возненавидѣвъ ихъ, и сына своего, такогожъ суевѣрца, женскими жалобами ко истребленiю людей возбудила. И такъ имѣвши между собою чрезъ всю зиму совѣтъ, когда никого къ нимъ не допускали, и когда всѣ думали о томъ, что дѣло идетъ о наисовершенномъ благосостоянiи, или о великихъ дѣлахъ республики: долго старикъ неистовству ея противился, доказывалъ, что погибельно возмущать мiръ пролитiемъ крови многихъ; и что Христiане обыкновенно умираютъ добровольно: довольно того, когда придворные только и военные отъ такого благочестiя отвлечены будутъ. Однако не могъ продерзскаго человѣка бѣшенства утолить. И такъ угодно было оное извѣдать. Ибо онъ такое имѣлъ худое свойство, что когда что доброе сдѣлать намѣревалъ, то оное дѣлалъ безъ совѣта, дабы его за то хвалили; а когда что злое, то зная, что за оное бываетъ ругательство, многихъ призывалъ на совѣтъ, дабы винили въ томъ иныхъ, что самъ онъ сдѣлалъ беззаконно. И такъ допущено было до того не много изъ судей и военныхъ, превосходныхъ достоинствомъ,

ствомъ, которыхъ и спрашивали. Нѣкоторые изъ нихъ по собственной къ Христіанамъ ненависти, совѣтовали враговъ божескихъ и непріятелей общественныхъ богопочитаній истреблять, а которые иначе о томъ думали, узнавъ его хотѣніе, или боясь, или угодить желая, на тоже согласились мнѣніе. Однако императоръ ниже симъ былъ преклоненъ, чтобъ на то согласиться; но лучше вопросить боговъ опредѣлилъ, и послалъ жреца къ Аполлину Милетскому. Отвѣтствовалъ оный яко врагъ Божія благочестія. И такъ отъ намѣренія былъ отвлеченъ, и поелику ни другимъ, ни Цесарю, ни Аполлину не могъ противоборствовать, то сію умѣренность наблюдать тщился, чтобъ оное дѣло безъ кровопролитія происходило, когда напротивъ Цесарю желалось живыхъ сожигать тѣхъ, кои жертвы приносить не соглашаются.

ГЛАВА 12.

Изъискиваютъ для произведенія дѣла дня способнаго и благополучнаго, и особливо назначаютъ праздники, терминалія называемые, которые празднованы были около 29 Января, дабы ограничить или пресѣчь сіе благочестіе. *Оный день былъ перпымъ по причинѣ золъ и смерти*, которыя и имъ, и міру приключились. Въ седмое надесять лѣто консульства сихъ обоихъ стариковъ, когда оный насталъ, то нечаянно еще до разсвѣта поѣхав- лѣт: 303.

 ши

ши къ церкви, прибылъ ко оной съ полководцами и трибунами и совѣтниками; и по отбитіи оныя дверей ищутъ образа Божія, священное писаніе найденое сожигается: всѣмъ дается позволеніе грабить, почему производится похищеніе, разносится страхъ, продолжается всюду бѣганіе, а сами они на высокихъ теремахъ (ибо сооруженная церковь видна была изъ палатъ) долго между собою спорили, не сжечь ли оную лучше должно. Преодолѣлъ приговоромъ Діоклитіанъ, опасающійся того, чтобъ здѣлавъ великій пожаръ, не сжечь нѣкоторой части города. Ибо многія и великія домы со всѣхъ сторонъ оную окружали. И такъ пришли воины вооруженные съ топорами и иными желѣзными орудіями, и отвсюду устремившись оное зданіе съ землею въ нѣсколько часовъ сравнили.

ГЛАВА 13.

Черезъ три дни послѣ того обнародованъ указъ, въ которомъ повелѣваемо было, чтобъ благочестія онаго люди всякой чести и достоинства лишаемы были, чтобъ были мучимы не взирая ни на какой чинъ и достоинство, чтобъ противъ ихъ всякое дѣло было безъ пересудовъ въ вышнемъ мѣстѣ; а самибъ они ни въ обидѣ, ни въ прелюбодѣяніи, ни въ покраденныхъ вещахъ не имѣли управы; наконецъ бы ни вольности, ни голоса не имѣли.

ли. Которой указъ нѣкто, хотя и не надлежало бы, однако съ великою отвагою вырвалъ изъ рукъ, и разодралъ, сказавъ съ насмѣшкою, что о побѣдѣ Готѳовъ и Сарматовъ обнародовано. И тотчасъ, по извлеченіи оттолѣ, не токмо мученъ, но притомъ вскорѣ и на сковродѣ жаренъ, наконецъ сожженъ не измѣнивъ своего чуднаго терпѣнія.

ГЛАВА 14.

Но Кесарь не доволенъ будучи указными статьями, другимъ путемъ тщался возмутить Діоклитіана. Ибо, чтобъ его къ наибезчеловѣчнѣйшему гоненію побудить, чрезъ потаенныхъ слугъ зажегъ полаты, и по згореніи нѣкоторой части, обвиняли Христіанъ, аки общественныхъ враговъ, и съ великою ненавистію купно съ палатами Христіанское горѣло имя, аки бы они согласившись съ евнухами о истребленіи государей, умыслили двоихъ Императоровъ въ ихъ домѣ живыхъ сжечь. А Діоклитіанъ, которому всегда желалось казаться хитрымъ и разумнымъ, не могъ ни въ чемъ подозрѣвать; но разгнѣвавшись, тотчасъ велѣлъ всѣхъ своихъ замучить. Самъ сидѣлъ, и неповинныхъ жегъ огнемъ; притомъ такъ же и Судьи всѣ, и Вельможи придворные, по данной имъ власти, мучили. Спорили между собою, кто скорѣе нѣчто къ тому касающееся допытается. Никакихъ

кихЪ слѣдовЪ не открывалось; поелику фамилію Цесареву никто не мучилЪ. Присутствовалъ самЪ онЪ и не терпѣлЪ того, чтобЪ гнѣвомЪ безразсудный старикЪ пылать престалЪ. Но по прошествіи пятнатцати дней, иной паки затѣялЪ пожарЪ. Оной скорѣе усмотрѣнЪ, однако зажигальщикЪ не пойманЪ. Тогда Цесарь вЪ срединѣ зимы приготовившись кЪ отъѣзду, выѣхалЪ вЪ томЪ же день, объявляя, что онЪ бѣжитЪ отЪ того, дабы его живаго не сожгли.

ГЛАВА 15.

И такЪ неистовствовалЪ ИмператорЪ ужѐ не на однихЪ придворныхЪ, но на всѣхЪ; и прежде всѣхЪ дочь Валерію, и супругу Приску осквернить жертвоприношеніемЪ принудилЪ. Бывшіе до сего весьма сильные евнухи, которые какЪ дворецЪ, такЪ и его самаго до того охраняли, умерщвлены; пойманы Пресвитеры и діяконы, и безЪ всякаго доказательства по одному исповѣданію вѣры, со всѣми своими были казнены. Всякаго возраста и пола люди на сожженіе похищены; и не каждой, поелику великое ихЪ было множество, но вдругЪ толпами облагаемы были огнемЪ; придворные сЪ навязаніемЪ на шею камней потопляемы были вЪ морѣ. И прочій народЪ отЪ жестокаго гоненія не былЪ свободенЪ. Ибо Судіи по всѣмЪ храмамЪ разсыпавшись, всѣхЪ кЪ жертвоприношенію прину-

нуждали. Наполнены были таковыми темницы; мученій виды неслыханные были вымышляемы; и чтобъ надъ кѣмъ не безразсудно судъ произведенъ былъ, то поставлены были въ судебныхъ мѣстахъ, жертвенники съ тѣмъ, чтобъ соперники сперва принесли жертву, а потомъ ужѐ судились. И такимъ образомъ къ Судьямъ, какъ бы къ богамъ, приступали. И ужѐ указы къ Максиміану и Констангію посланы были, чтобъ и они то же дѣлали. Ихъ приговора и совѣта въ такихъ дѣлахъ не ожидали. И старикъ Максиміанъ будучи не весьма милостивымъ, безпрекословно то согласился дѣлать во Италіи. Ибо Констанцій, дабы не показаться не согласующимъ на повелѣнія старшихъ, храмамъ, то есть стѣнамъ, которыя возобновлены быть могли, разоренымъ быть попустилъ, истинный же храмъ Божій, сущій въ человѣкахъ, цѣлый соблюлъ.

ГЛАВА 16.

И такъ озлобляема была вся земля, и кромѣ Галліи, отъ востока даже до запада, три неукротимые звѣри свирѣпѣли. *Хотябъ у меня сто языковъ, и сто устенъ было, и крѣпкій голосъ; однако всѣхъ видовъ беззаконій объять, и всѣхъ именъ казней описать не могъ бы*, которыми Судіи по провинціямъ праведныхъ и неповинныхъ мучили. Но что нужды повѣдать оное, а особливо

во тебѣ любезнѣйшій Донатъ, который кромѣ прочихъ ненастье бурнаго гоненія самъ испыталъ? Ибо попавшись сперва Флакцину начальнику, немалому человѣкоубійцѣ, потомъ Іероклу, которой изобрѣтателемъ и совѣтникомъ къ учиненію гоненія былъ, наконецъ Прискилліану, его преемнику, самъ ты доказалъ всѣмъ непобѣдимое твое мужество. Ибо девять разъ различно будучи мучимь, девять разъ славнымъ исповѣданіемъ твоимъ побѣждалъ ты твоего врага, девятьми сраженіями веельзевула, (діавола) съ его общниками преодолѣлъ; девятми побѣдами надъ міромъ съ его *страшилищами* торжествовалъ. Сколь пріятное оное зрѣлище для Бога было, когда онъ взиралъ на тебя побѣдителя, не бѣлыхъ коней, или неукротимыхъ слоновъ, но самыхъ наиболѣе побѣдителей въ колесницу твою впрегающаго? Сія есть истинная побѣда, когда властелины бываютъ покоряемы. Побѣждены бо и покорены суть твоею крѣпостію, поелику ты презрѣвъ непотребное повелѣніе, всѣ пріуготовленія и устрашенія мучительской власти крѣпкою вѣрою и мужественнымъ духомъ отъ себя отразилъ. Ничего противу тебя біенія, ничего попранія, ничего огонь, ничего мечи, ничего различныя мученій виды не успѣли, отвратить тебя отъ вѣры и благоговѣнія никакая сила не могла. Сіе-то есть быть ученикомъ Божіимъ и воиномъ Христовымъ, коего бы ни одинъ врагъ не побѣждалъ, ни единъ волкъ изъ ста-

да

да небеснаго не похищалъ, ни единая сѣть не опутывала, ни единая болѣзнь, или печаль не преодолѣвала, ни единое мученіе не оскорбляло. Наконецъ по девяти оныхъ преславныхъ сраженіяхъ, побѣжденный отъ тебя Веельзевулъ, не отважился болѣе съ тобою сражаться, опытомъ дознавъ отъ толикихъ сраженій, что преодолѣть тебя не можно. И по пріуготовленіи тебѣ побѣдоноснаго вѣнца, не сталъ болѣе противоборствовать; дабы ты онаго не получилъ, котораго хотя и не получилъ теперь, однако цѣлъ онъ для тебя за добродѣтели твои и заслуги въ царствіи Божіемъ соблюдается. Но возвратимся по порядку на дѣла.

ГЛАВА 17.

И такъ по учиненіи таковаго беззаконія Діоклитіанъ, когда щастіе уже его оставило, тотчасъ поѣхалъ въ Римъ для совершенія тамъ обѣтовъ въ разсужденіи дватцатилѣтняго своего государствованія, день оный имѣлъ быть около 21 числа Августа. По окончаніи коего торжества, вольности народа Римскаго снести не могши, и съ огорченнымъ духомъ выѣхалъ изъ города въ концѣ мѣсяца Декабря, въ которое ему девятой разъ консульство препоручаемо было. Тринадцати дней не могъ вытерпѣть; чтобъ наипаче въ Римѣ, нежели въ Равеннѣ быть консуломъ: но поѣхавши зимою, отъ стужи и дождей въ болѣзнь легкую, но лѣт. 303.

 непре-

непрерывную впалъ, и будучи оною чрезъ всю дорогу обеспокоиваемъ, по большой части на носилахъ былъ несенъ. Такимъ образомъ, по прошествіи лѣта, по берегу дуная прибылъ въ Никомидію при усилившейся болѣе болѣзни. И хотя чувствовалъ тяжесть оныя, однако повелѣлъ нести себя, дабы Циркъ или огражденную площадь, которую онъ здѣлалъ, посвятить году по окончаніи двадцатилѣтія.
лѣт: 304. Потомъ такъ ослабѣлъ, что всѣхъ боговъ о жизни его молили, покамѣстъ Декабря 13 дня нечаянно плачь, печаль и слезы дворъ, судей страхъ и молчаніе не объяли. По всему городу говорили, что не только уже умеръ, но и погребенъ, какъ вдругъ два дни спустя,
лѣт: 304. пронесся слухъ, что еще живъ, придворныхъ и судей лица перемѣнились вскорѣ. Находились и такіе, которые удумали таить его смерть до прибытія Кесарева, дабы можетъ быть воины чего новаго не затѣяли. Которое однако столь подозрительно было, что никто не вѣрилъ ему живому быть, естьлибы онъ перваго
лѣт: 305. числа Марта не вышелъ едва познаваемый, поелику онъ почти чрезъ цѣлый годъ былъ боленъ. И онъ Декабря 13 умерши, хотя и ожилъ, однако не совершенно: ибо былъ безъ ума такъ, что въ извѣстныя часы безумился, въ извѣстныя приходилъ въ память.

ГЛАВА

ГЛАВА 18.

Потомъ по прошествіи не многихъ дней пріѣхалъ Цесарь не съ тѣмъ, чтобъ его поздравить какъ отца, но принудить его отступится государства. Уже онъ не давно сражался съ старикомъ Максиміаномъ, и онаго устрашилъ здѣлавъ бунтъ, и такъ приступилъ къ Діоклитіану сперва съ ласканіемъ и дружески, говоря: что онъ престарѣлъ, уже обезсилилъ и къ правленію республики неспособенъ, должно ему по трудахъ отдохнуть. Притомъ представлялъ въ примѣръ Нерву, уступившаго Траяну государство. А онъ отвѣтствовалъ ему, что непристойно ему по толь высокой власти подлую препровождать жизнь, и опасно, что онъ въ толь пространномъ государствѣ отъ многихъ ненависть на себя навлекъ, а Нерва царствовалъ одинъ годъ, когда иго и попеченіе о толикихъ дѣлахъ или по лѣтамъ, или по непривычкѣ снести не могъ, отказался отъ правленія республики и приватную принялъ на себя жизнь по привычкѣ ко оной. Однако естьли желаетъ имя императорское получить, то ничего нѣтъ къ тому препятствіемъ, чтобъ всѣмъ не называться **августѣйшими**: но надеждою весь свѣтъ уже пріобрѣтшій, видя, что кромѣ имени, ничего болѣе не достаетъ, отвѣтствовалъ, что распоряженіе его должно всегда наблюдаемо быть, чтобъ въ республикѣ были для управленія всѣхъ дѣлъ два большіе начальника, такъ же и два меньшіе, вспомо-

ществующіе онымъ. И что между двумя удобно можетъ сохраняемо быть согласіе, а между четырьми равными никоимъ образомъ. И ежели ему то неугодно, то онъ постарается, дабы ему не быть меншимъ и послѣднимъ. Уже пятнадцать лѣтъ прошло, какъ онъ посланъ будучи въ Иллирикъ и на берега дунайскіе, съ народами варварскими воевалъ, когда иные внутрь государства спокойно пребывали и соудовольствіемъ. Услышавъ сіе ослабѣлый старикъ, получившій уже отъ старика Максиміана письма, пишущаго о всемъ ономъ переговорѣ, и узнавъ, что онъ приумножаетъ войско, заплакавъ сказалъ: ежели ето угодно, пускай такъ будетъ. Оставалось то, чтобъ общимъ совѣтомъ избраны были кесари. Какая нужда въ совѣтѣ, когда они должни будутъ считать за удовольствіе, чтобъ мы ни сдѣлали? Такъ и сдѣлалось. Надобно было ихъ дѣтей наименовать. Былъ же у Максиміана (сынъ) Максентій, сего самаго Максиміана зять, человѣкъ мерзской и злой, очень гордой и надмѣнной, такъ что ниже предъ отцемъ, ниже тестемъ когда унижался; и потому обоимъ ненавистенъ. Былъ такъ же и у Констанція сынъ Константинъ, юноша примѣрной жизни и такого величества предостойной, коего за величественную и красивую тѣла осанку, и искусство въ воинскихъ дѣлахъ, и добрые нравы, и отмѣнную ласковость салдаты, и частные люди любили. И былъ тогда при нихъ, уже давно отъ Діоклитіяна пожалованный Полков-

ни-

никомъ гвардіи. Чтожъ будетъ? онъ, говоритъ, того недостоинъ. Ибо когда онъ будучи человѣкомъ простымъ меня презиралъ, то что учинитъ по полученіи государства? А сей и любимъ всѣми, и такъ имѣетъ царствовать, что лучшимъ и милостивѣйшимъ его будутъ считать отца его. А отъ того послѣдуетъ что я по желанію моему не возмогу ничего дѣлать. Слѣдовательно тѣхъ должно наименовать, которые бы находились въ моей власти, которые бы боялись, которые бы ничего безъ моего повелѣнія не дѣлали. Когожъ пожалуемъ? Севира, говоритъ. Онаго ли скомороха, неистовящагося отъ вина, и пьяницу, у котораго ночь за день, а день вмѣсто ночи бываетъ? Достоинъ, отвѣтствуетъ, понеже вѣрно салдатамъ роздалъ жалованые, и я его послалъ къ Максиміану, чтобъ имъ былъ возведенъ. Пусть такъ, кого другаго представишъ? Сего, говоритъ указывая на Даія, юношу нѣкоего нѣсколько грубаго, коему не давно велѣлъ называться по своему имени Максиміаномъ. Ибо и Діоклитіанъ ему отчасти имя перемѣнилъ потому, поелику сей Максиміанъ вѣрность съ крайнимъ благоговѣніемъ оказывалъ. Кто это таковъ, котораго ты представляешъ? Мой, говоритъ, сродникъ. Онъ же съ воздыханіемъ сказалъ: не такихъ ты мнѣ людей представляешъ, коимъ бы подъ защиту республика поручена быть могла. Я уже такихъ извѣдалъ, говоритъ. Смотри же ты, который правленіе государства имѣешъ получить. Я довольно

тру-

трудился и промышлялъ о томъ, какъ бы при царствованіи моемъ республика была щастлива. А ежели что тому случится противное, я въ томъ уже невиноватъ.

ГЛАВА 19.

лѣт: 305. По учрежденіи сего, началась церемонія перваго числа Маія. Всѣ взирали на Константина, и въ томъ никакъ не сумнѣвались. Воины бывшіе при томъ, и военачальники выбранные и высланные изъ полковъ, на сего одного устремивши взоръ радовались, желали, и усердствовали. Мѣсто было высокое за городомъ на три почти тысячи шаговъ, на верху коего Максиміанъ самъ въ порфиру облекался; и на ономъ мѣстѣ поставленъ былъ столпъ со изображеніемъ Юпитера. Всѣ туда стекаются. Призываются полки воинскіе, къ коимъ старикъ со слезами говоритъ, что онъ ослабѣлъ, ищетъ по трудахъ покоя, препоручаетъ государство сильнѣйшимъ, другихъ цесарями поставляетъ. Всѣ ожидаютъ, что выдетъ. Вдругъ объявляетъ Севира и Максиміана Цесарями. Изумѣваются всѣ присутствующіе. Константинъ стоялъ на верху. Переговариваютъ между собою, не уже ли перемѣнено Константину имя; какъ при зрѣніи всѣхъ Максиміанъ протянувъ на задъ руку, выводитъ изъ заспины Даія, отринувъ Константина, и по снятіи простой оде-

одежды, поставляетъ посредѣ. Удивляются всѣ, ктобъ такой и откалѣ былъ. Однако никто не отважился воспротиворѣчить при возмущеніи всѣхъ новостію нечаяннаго дѣйствія. На сего снявъ съ себя порфиру свою надѣлъ Діоклитіанъ, и паки Діокломъ сталъся. Потомъ низводится, и на колесницѣ изъ города старый Царь вонъ вывозится, и отсылается въ свое отечество; а Даій недавно взятый отъ скотовъ и изъ лѣсовъ, тотчасъ щитоносцемъ, вскорѣ протекторомъ, немедленно тривуномъ (Полковникомъ), наконецъ Цесаремъ учинившись, получилъ востокъ въ попраніе и сотреніе, и тотъ, который ни воинской науки, ни республики не зналъ, ужѐ не скотовъ, но воиновъ бываетъ пастыремъ.

Глава 20.

Максиміанъ, какъ только стариковъ изгналъ, и учинилъ то, чего желалъ, тотчасъ нарекъ себя единымъ всего востока государемъ. Ибо о Констанціѣ, хотя оному и первѣйшимъ называться надлежало, спорилъ, что онъ и отъ природы тихъ и нездоровъ. Сему надѣялся умереть, и естьли бы не умеръ, то думалъ, что и по неволѣ удобно можетъ его низвергнуть. Ибо чтобы сдѣлалъ, ежели бы принужденъ былъ тремя отказаться отъ царства? Имѣлъ онъ Ликинія древняго, какъ еще вмѣстѣ жили, друга и съ начала воинской службы пріятеля, котораго совѣтовъ во всякомъ дѣлѣ слушался. Но

его Цесаремъ учинить не хотѣлъ, дабы не именовать его сыномъ; чтобъ послѣ того на мѣсто Констянтиново назначить великимъ и братомъ. А думалъ тогда государствовать самъ, и по воли своей неистовствуя въ свѣтѣ праздновать двадцатилѣтіе; и учинивъ Цесаремъ сына своего, бывшаго тогда девятилѣтняго, и самъ отъ того отказаться; и такимъ образомъ при правленіи всѣмъ государствомъ Ликинія и Севира, и подъ именемъ Кесарей Максимина и Кандидіана, оградившись крѣпкою стѣною, спокойную и безопасную препровождать старость. Къ сему стремились его совѣты. Но Богъ, прогнѣванный имъ все помышленія его пресѣкъ.

ГЛАВА 21.

И такъ по полученіи высочайшей власти, на озлобленіе свѣта, имъ обладаемаго, устремился духомъ. Ибо по побѣжденіи Персовъ, у коихъ такой обрядъ, и такое обыкновеніе, чтобъ у Царей своихъ быть въ работѣ, и Цари бы народомъ своимъ аки фамиліею владѣли. Сіе обыкновеніе непотребной человѣкъ въ Римскую землю ввести хотѣлъ, которое съ того побѣдоноснаго времени хвалилъ безъ стыда. И поелику того явно учинить не могъ, то дѣлалъ такъ, чтобъ и самому вольность у людей отнять. Сперва лишилъ ихъ честей. Мучилъ не только десятоначальниковъ, но и начальниковъ градскихъ,

весь-

весьма хорошихъ мужей. И за вины легкія и гражданскія, естьли достойными окажутся смерти, поставляемы были кресты: а за меньшія оныхъ готовы были оковы. Разумныя и благородныя жены похищаемы были во уединенныя комнаты. И естьли кого надлежало сѣчь, то вколоченыя въ конюшнѣ четыре кола стояли, къ которымъ никогда ни одного невольника привязаннаго не бивали. Что о его играхъ и забавахъ сказать? Имѣлъ онъ медвѣдей свирѣпостію и величиною весьма подобныхъ его свирѣпости, каковыхъ во все государства своего время выбралъ. Сколькократно хотѣлось ему увеселяться, то изъ сихъ, котораго нибудь поимянно повелѣвалъ представлять предъ себя. Симъ людей не для снѣденія, но для ободранія кидали; по ободраніи коихъ членовъ со удовольствіемъ смѣялся; и никогда безъ крови не ѣдалъ. Для неимѣющихъ достоинства казнь была огонь. Такую гибель сперва на Христіанъ, по обнародованіи указовъ, наносилъ, что послѣ мученій косно мучимы были огнемъ. По связаніи коихъ, сперва подкладываемъ былъ подъ ноги легкой пламень попа, покамѣстъ прыщъ учинившійся отъ огня на подошвахъ не отдѣлился отъ костей. Потомъ зажженные и погашенные свѣщи прикладываемы были къ каждому составу, такъ, чтобъ ни одного мѣста не оставалось безъ прикосновенія оныхъ. А между тѣмъ поливали на лице холодную воду, и уста смачиваемы были онуюжъ, дабы при запеклости отъ жару челюстей нескоро мучимый

чимый умерЪ. Что бывало тогда, когда чрезЪ цѣлый день, по сожженіи всей кожи, сила огня до внутреннихЪ частей доходила. НаконецЪ на здѣланномЪ кострѣ были сожигаемы. По сожженіи же тѣла, собранныя кости и вЪ пепелЪ обращенныя, бросаемы были вЪ рѣку и моря.

ГЛАВА 22.

А что надЪ Христіанами творилЪ, то же по привычкѣ кЪ тому, и надЪ всѣми дѣлалЪ. Никакой для его казни не было легкой. Не ссылалЪ вЪ ссылку во острова, не содержалЪ вЪ темницѣ, не отправлялЪ копать металлы, но огнь, крестЪ, звѣри для его были всегдашними и готовыми. Придворные служители копіемЪ были прободаемы. ВЪ уголовномЪ дѣлѣ посѣченіе мечемЪ очень рѣдкимЪ якибы вмѣсто благодѣянія случалось, и то тѣмЪ, которые за прежнія заслуги хорошую испрашивали смерть. Оная уже для сихЪ была легкая: витійство истреблено, стряпчіе искоренены, правосудцы или вЪ ссылку сосланы, или убиты были. А науки за худыя почтены были наставленія, и знавшіе оныя считались за враговЪ и непріятелей, и были проклинаемы. По нарушеніи правЪ, вольность во всѣхЪ дѣлахЪ принята, и судьямЪ была дана. Военные судіи, незнающіе наукЪ, безЪ засѣдателей впущены были вЪ провинціи.

ГЛАВА

ГЛАВА 23.

Но то общественнымъ бѣдствіемъ, и общаго всѣхъ плача виною было, что обнародавана была однажди въ провинціяхъ и городахъ перепись; по разсѣяніи вездѣ ревизоровъ, и при колебаніи всего, виды были непріятельскаго набѣга и плѣненія. Поля глыбами раздѣляемы были; виноградныя сады и древа щитаемы, животныя всякаго рода описываемы, человѣческія головы клеймомъ замѣчаемы были; въ городахъ городская и деревенская чернь были совокупляемы, площади всѣ толпами фамилій наполнены были, каждой съ дѣтьми и рабами тутъ находился, мученія и біенія были слышимы, дѣти противъ родителей наущаемы, наивѣрнѣйшіе всѣ слуги противъ господъ, жены противъ мужей въ бѣшенство приводимы. И когда не оставалось ничего, то сами себя мучили; и когда болѣзнь преодолѣвала, то приписываемо было то, чего не было. Никакой возрастъ и здоровье во извиненіе не принималось. Больные и слабые выносимы были, лѣта каждаго были разсматриваемы; малолѣтнымъ прибавляемы, а старикамъ убавляемы были годы. Печалію и плачемъ все наполнено было. Что древніе по праву военному противъ побѣжденныхъ чинили, а онъ противу Римлянъ, и Римлянамъ покоренныхъ то чинить дерзнулъ, поелику родители его переписи подлежали, которую Траіанъ на Дачанъ безпрестанно бунтующихъ вмѣсто казни по побѣдѣ оныхъ наложилъ. Послѣ сего собира-

ли подушныя деньги. Однако симъ ревизорамъ не вѣрили: но другіе послѣ первыхъ посылаемы были аки бы для пріобрѣтенія большаго; и всегда по ненайденіи ничего большаго, прибавляемо было по ихъ изволенію, дабы не почли ихъ напрасно посыланными. Между тѣмъ умалялись животныя, и люди мерли; однако подать платилась и за мертвыхъ, такъ, что ни жить ужѐ, ни покрайнѣй мѣрѣ спокойно умирать не дозволялось. Одни оставались нищіе, отъ коихъ ничего требовать не можно было, коихъ отъ всякаго вида обиды бѣдность и нещастіе сохраняли. Но благочестивый человѣкъ помиловалъ ихъ, велѣлъ всѣхъ собрать, и собранныхъ посадивъ на корабли потопить въ морѣ. Толь то милостивъ онъ былъ, и старателенъ, дабы при его царствованіи ни одного не было нищаго. И такимъ образомъ опасавшись того, чтобъ кто притвореніемъ нищеты не избѣгалъ подати, множество бѣдныхъ людей, въ противность правъ человѣколюбія и людскости умертвилъ.

ГЛАВА 24.

Уже приближался къ нему судъ Божій, и настало время, въ которое дѣла его въ упадокъ приходить начали. Еще онъ не вознамѣрился низринуть и изгнать Констанція, занятъ будучи вышеупомянутыми дѣлами, и ожидалъ его кончины. Но не думалъ, чтобъ

чтобъ онъ такъ скоро умеръ. Которой жестоко заболѣвъ, писалъ къ нему чтобъ сына его Констянтина прислалъ къ нему для свиданія, коего уже давно тщетно просилъ, а онъ ничего меньше не желалъ. Ибо и ковы почасту юношѣ строилъ, поелику явнаго ничего противъ его не затевалъ, опасаясь того, чтобъ гражданъ противъ себя за него, а наиболѣе ненависть воиновъ не вооружить. Но подъ видомъ ексерциціи и потѣхи къ звѣрямъ его пускалъ. Но тщетно, понеже рука Божія его защищала, который избавилъ его отъ рукъ его въ самой крайности. Ибо немогши уже его долго убить, далъ ему по вечеру печать, и велѣлъ, чтобъ на другой день поутру взявши указы, ѣхалъ, чтобъ или самому, по нѣкоторому случаю его удержать, или чрезъ письма Севиру. О чемъ провѣдалъ онъ, уже по заснутіи послѣ вечерняго стола Императора, поспѣшилъ уѣхать, и бравши на многихъ станціяхъ всѣхъ почтовыхъ лошадей, улеталъ. На другой день Императоръ, проспавши съ намѣреніемъ до полудня, велѣлъ его къ себѣ позвать. Сказали ему, что де вчера тотчасъ послѣ ужина уѣхалъ. Негодовать и роптать началъ. Требовалъ почтовыхъ лошадей, чтобъ его назадъ воротить. Репортуютъ ему, что онъ на почтовыхъ уѣхалъ. Едва удерживался отъ слезъ. А онъ употребивъ необычайную скорость, прибылъ ко отцу уже кончающемуся, которой ему вручивъ воиновъ, царство руками здалъ; и такимъ образомъ на ложи своемъ спокойно

 скон-

скончался. По полученіи царства Констянтинъ великій, ничего сперва не дѣлалъ, кромѣ возвращенія Христіянамъ Богопочитанія ихъ. Первое его попеченіе было о возобновленіи святыя вѣры.

ГЛАВА 25

По прошествіи нѣсколькихъ дней, лавромъ увѣнчанный Констанпиновъ портретъ принесенъ былъ къ неукротимому звѣрю. Долго думалъ о принятіи его. Дѣло до того почти доходило, чтобъ оной и подношатаго сожечь; естьли бы его друзья отъ такаго неистовства не отвлекли, сказывая ему о бѣдѣ; что всѣ воины, противъ воли которыхъ неизвѣстные кесари были учинены, имѣютъ принять Констянтина, и съ крайнею скоростію предадутся ему, ежели придетъ со оружіемъ. И такъ принялъ портретъ съ крайнею досадою, и послалъ къ нему Порфиру подъ видомъ добровольнаго принятія его въ свой союзъ. Мысли его были уже возмущены; и не могъ по желанію своему другаго внѣ числа наименовать. Но вздумалъ то, чтобъ Севира, которой былъ старѣе лѣтами, назвать великимъ; а Констянтина не Императоромъ, каковымъ уже онъ и былъ, но Кесаремъ съ Максиминомъ называть повелѣть, дабы его со втораго мѣста низвергнуть на четвертое.

ГЛАВА 26.

По учинении сего казалось ему что онъ все совершилъ. Какъ нечаянно другой страхъ ему былъ нанесенъ отъ того, что зять его Максентій въ Римѣ учиненъ Императоромъ. Коего дѣйствія сія была причина. Вознамѣрившись учрежденными податьми міръ поглотить, до такого дошелъ безумія, что отъ таковаго неволи ига и Римскому народу не желалъ быть свободному. Назначались уже ревизоры, которые бы посланы будучи въ Римъ, описали народъ, въ тоже почти время и Преторіанскія лагери отмѣнилъ. Чего для немногіе воины, оставшіеся въ Римѣ въ лагеряхъ, получивъ свободность; по убіеніи нѣкоторыхъ судей, по волѣ взбунтовавшагося народа, Максентія облекли въ Порфиру. По полученіи таковаго извѣстія, нѣсколько новизною дѣла былъ возмущенъ, а не крайнѣ устрашенъ. И человѣка ненавидѣлъ, и трехъ кесарей учредить не могъ. Довольно для его показалось учиненнаго однажди не по его желанію. Приглашаетъ Севира, увѣщеваетъ къ воспріятію царства; посылаетъ онаго съ Арміею Максиміановою на побѣжденіе Максентія; и посылаетъ въ Римъ, въ которомъ бы оные воины, крайнѣ изнѣжены будучи не только въ цѣлости оному городу быть, но во ономъ и жить пожелали. Максентій зная за собою такое худое дѣло, хотя по праву наслѣдственному отеческихъ воиновъ привлечь къ себѣ и могъ;

 одна-

однако думая, что статься можетъ и то, что Максиміанъ тесть тогожъ самаго опасаясь, Севира оставитъ въ Иллирикѣ, и самъ съ своею арміею на побѣжденіе его придетъ; искалъ того, чемъ бы по крайнѣй мѣрѣ избавиться отъ бѣды. Отцу своему, по сложеніи съ себя царства живущему въ Кампаніи (Луканіи) посылаетъ Порфиру съ сугубымъ наименованіемъ величества. А онъ будучи жаденъ до новостей, и принужденно сложенное съ охотою принялъ. Севиръ между тѣмъ приходитъ, и къ стѣнамъ городскимъ со оружіемъ приступаетъ. Салдаты тотчасъ похитивъ знамена уходятъ, и предаются къ тому, на кого пришли. Что оставалось оставленному, кромѣ бѣгства? Но уже, по принятіи царства, на встрѣчу выходилъ Максиміанъ, отъ прибытія котораго ушелъ въ Равенну, и во оной съ малымъ войскомъ заперся. Увидѣвши же, что Максиміану его выдадутъ, предался оному самъ, и одѣяніе и Порфиру, полученную отъ него, отдалъ назадъ. По учиненіи чего не испросилъ ничего, кромѣ хорошей смерти: и по пущеніи крови томительно умереть былъ принужденъ. Послѣ сего началъ онъ знать своихъ.

ГЛАВА 27.

А Геркулій зная Максиміаново безуміе, началъ помышлять, что онъ прослышавъ о смерти Севировой, разгнѣвается, и съ войскомъ имѣ-

имѣетъ притти, и можетъ быть сообщившись съ Максиминомъ, и усугубивъ полки, коимъ противиться никоимъ образомъ не можно, по укрѣпленіи города, и по узнаніи дѣлъ непріятельскихъ рачительно все распорядивъ, уѣзжаетъ въ Галлію для уговариванія, или приведенія Констянтина на свою сторону бракосочетаніемъ съ меньшею его дочерью. Онъ между тѣмъ понудивъ войско, нападаетъ на Италію, приступаетъ къ городу для уничтоженія Сената и умерщвленія народа: однако все заперто и укрѣплено находитъ. Не было никакой надежды къ нападенію, сраженіе трудное, ко атакованію стѣнъ полки не довольные: поелику никогда не видалъ Рима, и думалъ, что оной не много болѣе тѣхъ городовъ, которыя онъ зналъ. Тогда нѣкоторые полки, гнушаясь беззаконіемъ, что тесть воюетъ на зятя, и Римскіе воины на Римъ, подхвативъ знамена, оставили государство. Колебались уже и прочіе салдаты, какъ онъ по потеряніи гордости, и со отчаянія, опасаясь Севировой вылазки, припадши къ ногамъ салдатъ просилъ, дабы не выдали его непріятелю, покамѣсть великими посулами сердца ихъ не преклонилъ, и назадъ знамена не возвратилъ, и не обратился съ страхомъ въ бѣгъ, въ которомъ весьма удобно убитъ быть могъ, естьли бы кто съ малымъ числомъ преслѣдовалъ его. Чего боявшись, далъ солдатамъ волю, чтобъ разсѣявшись по всѣмъ сторонамъ, грабили все, или разоряли; такъ, чтобъ пожелавшій гнаться за нимъ, не имѣлъ

ко употребленію нужнаго. И такъ опустошена оная часть Италіи, въ которую смертоносный оный полкъ вступилъ, все разорено, женщины изнасилованы, дѣвицы разтлѣнны, измучены родители и мужья, чтобъ дочерей, или женъ, чтобъ имѣнія свои выдали. Стада скотовъ, какъ отъ варваровъ, угнаты. Такимъ образомъ на престолъ свой возвратился, бывшій нѣкогда Римскій Императоръ, а нынѣшній разоритель Италіи, разоривъ все по непріятельски. Онъ и прежде еще, когда имя императорское на себя принималъ, врагомъ имени Римскаго себя изъявилъ; коего наименованіе перемѣнить хотѣлъ, чтобъ оно не Римскимъ государствомъ, но Дацкимъ именовалось.

ГЛАВА 28.

По побѣгѣ сего, другій Максиміанъ возвратившись изъ Галліи, царствовалъ вмѣстѣ съ сыномъ. Но молодому болѣе повиновались, нежели старику; поелику сыновняя власть и первѣйшею и большею была, которой уже и отцу возвратилъ царство. Съ досадою сносилъ старикъ то, что по желанію своему не имѣлъ въ дѣлѣ свободности; и сыну своему наподобіе малыхъ дѣтей завидовалъ. И такъ думалъ изгнать сына, дабы присвоить себѣ свое собственное. Что казалось удобнымъ, поелику находились такіе солдаты, которые отъ Севира отставали. Призвалъ

валѣ народѣ и солдатѣ акибы для разсмотрѣнія о настоящемѣ республики неблагополучіи. О которомѣ поговоривши немало, указалѣ на сына рукою, и говоря, что онѣ виновникомѣ нещастій, и начальникомѣ бѣдствій, которыя республика страждетѣ; сорвалѣ сѣ плечь его порфиру. Онѣ по раздѣтій бросился сѣ престола отѣ суда, и салдатами былѣ принятѣ, коихѣ гнѣвомѣ и крикомѣ смущенѣ будучи нечестивый, изѣ города Рима, какѣ другой горделивецѣ (Тарквиній) выгнанѣ.

Глава 29.

Возвращаясь паки вѣ Галлію, гдѣ нѣсколько помѣшкавѣ, поѣхалѣ кѣ непріятелю сына своего Максимиліану, акибы для разговора, служащаго кѣ возстановленію общенароднаго состоянія; вѣ самомѣ же дѣлѣ для умерщвленія его чрезѣ случай примиренія, и обладанія его царствомѣ, изгнанѣ будучи изѣ своего вездѣ. Находился тамѣ Діоклѣ, недавно приглашенный отѣ зятя сѣ тѣмѣ, чтобѣ неучиненное имѣ до того, при присутствіи его дать царство Ликинію, назначенному на Севирово мѣсто. Что и сдѣлалось при присутствіи обоихѣ. Такимѣ образомѣ вѣ одно время было ихѣ шесть. Чего для по воспрепятствованіи совѣтовѣ старикѣ Максиміанѣ за третій побѣгѣ принявшись, возвращается вѣ Галлію сѣ злоумышленіемѣ и беззаконіемѣ, дабы Констянтина Императора,

зятя своего, зятняго сына, обольстить, и, чтобЪ удобнее обмануть, слагаетЪ сЪ себя царское украшеніе. НародЪ ФранковЪ былЪ вооруженЪ. УбѣждаетЪ ни о чемЪ не помышляющаго, дабы всей арміи сЪ собою не водилЪ. Потому, что сЪ малымЪ войскомЪ варваровЪ побѣдить можно, чтобЪ и самому ему можно было имѣть армію, которою начальствовать, и онЪ бы притѣсненЪ быть могЪ по малости воиновЪ. ПовѣрилЪ тому юноша, какЪ искусному и старику; повинуется какЪ тестю; путешествуетЪ по оставленіи большой части солдатЪ. ОнЪ по обождавЪ нѣсколько дней, когда думалЪ, что КонстянтинЪ ужѐ вступилЪ вЪ границы варварскія, вдругЪ надѣваетЪ порфиру, отверзаетЪ сокровища, даритЪ по обыкновенію щедро; думаетЪ, что КонстянтинЪ ужѐ притѣсненЪ отЪ непріятелей. Вскорѣ обЪявляютЪ Императору о дѣйствіяхЪ учиненныхЪ сЪ войскомЪ. Нечаянно притѣсняютЪ человѣка, не довольно еще вооруженнаго; воины кЪ своему возвращаются Императору. ОтаковалЪ Массилію, и ворота заперЪ. ПриступаетЪ поближе ИмператорЪ, и кЪ стоящему на стѣнѣ говоритЪ, не непріятельски и не жестоко; но спрашиваетЪ того, чего онЪ желаетЪ, и чего ему не достаетЪ? для чего онЪ дѣлаетЪ то, что непристойно, а особливо ему? ОнЪ же со стѣны злословилЪ. Тогда нечаянно позади его отверзаются врата, пріемлются воины. Привлекается кЪ Императору бунтующій ИмператорЪ, нечестивый отецЪ, вѣроломный тесть. Слу-

шаетЪ

шаетъ беззаконія, имъ учиненныя, совлекается съ него одѣяніе, и даруется жизнь старику.

ГЛАВА 30.

Такимъ образомъ лишившись чести, Императорской и тестевой, иныя паки затеваетъ ковы. Поелику однажды отбылъ безъ наказанія, то призываетъ дочь Фавсту, и оную то прозьбою, то ласканіями побуждаетъ къ измѣнѣ мужу, инаго достойнѣйшаго обѣщаетъ мужа; проситъ, чтобъ спальню дозволила блюсти нерачительно, и оставила оную всякому входною. Она обѣщавается то учинить, и тотчасъ объявляетъ о томъ мужу. Дѣлается комедія, коею бы явно злодѣяніе открылось. Подкладываютъ нѣкоего подлаго евнуха, которой бы вмѣсто Императора умеръ. Встаетъ онъ въ полночь, видитъ, что все способно къ его намѣренію. Мало было спящихъ, и оные во отдаленности; коимъ говоритъ, что онъ видѣлъ сонъ такой, о которомъ хощетъ объявить своему сыну. Входитъ съ мечемъ, и по отсѣченіи головы евнуху, выходитъ съ гордостію, и объявляетъ о содѣянномъ. Нечаянно съ другой стороны показывается съ толпою вооруженныхъ Констянтинъ. Выносится изъ комнаты трупъ убитаго; изумѣвается явный человѣкоубійца, и онѣмѣвъ, безмѣрно удивляется, и аки *крѣпкій*

кій кремень, или Марпезскій стоитъ дикой камень. Въ нечестіи и беззаконіи обличается. Наконецъ дается ему вольность въ выборѣ добровольной смерти, *и повѣшенъ на высокомъ древѣ безчестно.* Такимъ образомъ оный Римскаго народа превеликій Императоръ, который чрезъ двадцать лѣтъ съ великою славою торжествовалъ, по вытянутіи и прерваніи прегордой выи гнусную жизнь безчестною смертію окончалъ.

ГЛАВА 31.

Отъ сего Богъ, *благочестія* и народа своего мститель, очи свои обратилъ на другаго Максиміана, съ оказаніемъ такъ же и на ономъ величественной своей силы. Ужè и онъ намѣревался праздновать двадцатилѣтіе, который ужè давно изнурялъ провинціи собраніемъ золота и сребра, которое обѣщавался возвратить, въ самомъ назначеніи двадцатилѣтія другое причинилъ оскорбленіе. Съ какимъ же изнуреніемъ рода человѣческаго сборы оныя собирались, кто по достоинству описать можетъ? Всѣхъ чиновъ солдаты, или паче палачи, стояли при каждомъ, и народъ не зналъ, кому бы сперва здѣлать удовольствіе. Никакого не было прощенія неимущимъ, надобно было претерпѣвать многовидныя мученія, естьли не представлено будетъ то, чего не доставало. Многими сторожами окруженному никакого не было

ло отдохновенія, ни въ которое годичное время ни самомалѣйшаго покоя: часто между сими же людьми, или самыми Судіями, или воинами судейскими происходила ссора; ни одного гумна безъ зборщика, ни одного винограда безъ стража, ничего для пропитанія трудящихся не оставлено. Что хотя и несносно вырывать изъ устъ людскихъ пищу, пріобрѣтенную трудами, однако сносно нѣсколько было въ надеждѣ будущаго. Что одѣянія всякаго рода? что золото? что сребро? не продажными ли плодами надобно снискивать? отколѣ же сіе, о пребезумнѣйшій тираннъ, я тебѣ представлю, когда ты всѣ плоды похитилъ, все раждаемое нагло отнялъ? Кого не лишилъ собственнаго имѣнія, дабы оное собрать на отправленіе торжества, котораго онъ не имѣлъ торжествовать.

Глава 32.

По наименованіижъ Ликинія Императоромъ, разсердившись Максиминъ, не хотѣлъ ни Кесаремъ именоваться, ни въ третьемъ мѣстѣ считаться. И такъ почасту посылаетъ къ нему пословъ, проситъ чтобъ онъ ему повиновался, наблюдалъ его распоряженія, уступалъ честь его лѣтамъ, и уважалъ стариковъ. Но онъ дерзновеннѣе возносится и означеніемъ времени споритъ, что ему должно быть первымъ, поелику онъ первѣе получилъ

чилъ порфиру; онъ моленія его и повелѣнія презрѣлъ. Сожалѣетъ скотина, и мичитъ, что учинилъ подлеца Кесаремъ, для того, чтобъ онъ ему покоренъ былъ; онъ же забывъ его благодѣяніе, воли его и хотѣнію непристойно противиться. Преодоленъ будучи надмѣніемъ, истребляетъ имя Кесарское, и называетъ себя и Ликинія Августѣйшими, Максентіяжъ и Константина сынами Августѣйшихъ. Потомъ Максиминъ пишетъ къ нему со изъявленіемъ о томъ, что на Марсовомъ полѣ не давно воинство наименовало его Августѣйшимъ. Принялъ онъ таковое извѣстіе со огорченіемъ и печалію, и велѣлъ всѣхъ четырехъ называть Императорами.

ГЛАВА 33.

Уже осьмнатцатой шелъ тому годъ, какъ поразилъ его Богъ неисцѣльною раною. Дѣлается у него внизу дѣтороднаго уда нарывъ, и распространяется болѣе. Разрѣзываютъ оной лѣкари, и лѣчатъ. Но затянутую уже язву прерываетъ новая рана, и по прерваніи жилы истекаетъ кровь, наносящая опасность смерти. Едва унимаютъ кровь, вновь лѣчить начинаютъ, однако залѣчили. Паки отъ легкаго движенія тѣла у повредившагося, болѣе прежняго истекаетъ крови. Блѣднѣетъ онъ, и по лишеніи силъ худѣетъ; пресѣкли токъ крови. Рана начинаетъ нечувствовать

вать лѣкарства, присовокупляется ко оной и ракъ, и чемъ болѣе въ кругъ обрѣзывается, тѣмъ болѣе разширяется; чемъ болѣе употребляется лѣкарства, тѣмъ болѣе усиливается. Отступились лѣкари *Филлиридопичь Хиронъ и Амиѳаонскій Мелампъ.* Со всѣхъ сторонъ знатныхъ призываютъ лѣкарей, ни въ чемъ человѣческія руки не успѣваютъ. Прибѣгаютъ къ идоламъ, молятся Аполлину и Ескулапію; просятъ о исцѣленіи. Открываетъ Аполлинъ средство: рана гораздо болѣе умножается. Смерть уже не далеко была, и болѣзнь всѣ нижнія части объяла. Согниваетъ снаружи чрево Однако нещастливые лѣкари присутствуютъ, хотя и безнадежное къ вылѣченію, лѣчатъ, и помогаютъ. Коснувшись мозговъ въ костяхъ рана входитъ внутрь, и занимаетъ внутреннія части, черви внутри зараждаются. Зловоніе же не только по дворцу, но и по всему городу разливается. И не дивно, когда ужѐ помѣшались проходы кала и урины. Снѣдается отъ червей, и въ гнилость обращается съ нестерпимою болѣзнію тѣло, *вопль страшный возноситъ къ небесамъ, какоцой уязвленный, или закаляемый на жертву волъ.* Прикладывали къ ранѣ вареныя и теплыя мяса для вызванія червей оныхъ теплотою. По отвязаніи коихъ отъ раны, превеликое множество находилось во оной, и гораздо болѣе внутреннія части гнили отъ повторенія таковаго средства. Ужѐ отъ различнаго зла, или недуга тѣлесныя части лишались своего

вида.

вида. Поверхность оныхъ даже до раны изсыхала, и жалостною сухотою кожа къ костямъ присохла, внутренность безобразнымъ видомъ, на подобіе мѣха была надмѣваема. И сіе съ нимъ дѣлалось чрезъ цѣлый годъ. Какъ наконецъ болѣзнями будучи изнуренъ, Бога принужденъ былъ исповѣдать. Вопитъ по принужденію новой болѣзни, что онъ имѣетъ возобновить храмъ Божій, и удовлетворить за грѣхъ. И при издыханіи такой послалъ указъ.

ГЛАВА 34.

Указъ Галеріевъ.

лѣт: 311. Между прочимъ, что мы въ пользу
,, общества всегда творимъ, мы поистиннѣ
,, желали до нынѣ, по древнимъ законамъ и
,, общему учрежденію Римскому все поправить,
,, и попещися о томъ, дабы и Христіане,
,, отступающіе родителей своихъ отъ обык-
,, новенія, обратились на благія мысли. Ибо
,, въ такое оные Христіане пришли свое-
,, воліе, и такое неразуміе, что не древ-
,, нимъ онымъ установленіямъ послѣдуютъ,
,, которыя можетъ быть прародители ихъ
,, учреждали, но по воли своей, и какъ
,, имъ угодно было, такія для себя выду-
,, мали законы, которыя наблюдаютъ, и по
,, разнымъ мѣстамъ различныхъ присовоку-

,, пля-

„пляютъ къ себѣ народовъ. А какъ наше
„повелѣніе вышло таковое, чтобъ они ко
„древнимъ обратились установленіямъ, то
„многіе изъ нихъ приведены были въ бѣд-
„ствіе, многіе притомъ и замучены. И ког-
„да премножество ихъ отъ намѣренія своего не
„отставали, и какъ мы усмотрѣли, что они
„ни богамъ достодолжнаго почтенія и бла-
„гоговѣнія не воздаютъ, ни Христіанска-
„го Бога не почитаютъ; то мы памятуя
„наши щедроты и обыкновеніе повседнев-
„ное, по которому мы всякому чело-
„вѣку даемъ прощеніе, вскорѣ дать и имъ
„такъ же послабленіе наше заблаго разсуди-
„ли, дабы паки были Христіанами, и сход-
„бища свои составляли съ тѣмъ, чтобъ ни-
„чего противъ установленія не дѣлали. Дру-
„гимъ же указомъ, имѣемъ назначить судьямъ,
„что они должны дѣлать. Чего для по сему на-
„шему послабленію, должны будутъ они за
„здравіе наше Бога своего молить, и за рес-
„публику и себя, дабы отвсюду республика
„стояла невредима, и они бы безопасно жить
„могли въ своихъ домахъ„.

ГЛАВА 35.

Сей указъ публикованъ въ Никомидіи Апрѣ-
ля около тридцатаго дня. При его въ осьмой; и
Максиминовомъ въ другой разъ Консульствѣ.
Тогда по отверзеніи темницъ, и ты, любезнѣй-
шій Донатъ, съ прочими исповѣдниками изъ

подѣ стражи былѣ выпущенѣ, когда тебѣ темница чрезѣ шесть лѣтѣ вмѣсто была жилища. Однако онѣ по учиненіи сего не прощенѣ отѣ Бога вѣ беззаконіи; но по прошествіи нѣсколькихѣ дней, вручивѣ Ликинію свою супругу и сына, по согнитіи всего тѣла членовѣ, ужасною кончался смертію. И о томѣ прознала Никомидія тогожѣ мѣсяца, когда имѣло быть торжествованіе двадцатилѣтія при наступленіи перваго числа Марта слѣдующаго года.

ГЛАВА 36.

По полученіи таковаго извѣстія Максиминѣ пріѣхалѣ сѣ востока на почтовыхѣ для обладанія провинціями; и за умедленіемѣ Ликинія, всю себѣ даже до пролива Халкидонскаго покорилѣ; и вступивѣ вѣ Виѳинію для пріобрѣтенія себѣ на то время отѣ народа любви, кѣ великой всѣхѣ радости отмѣняетѣ дань. Произошла распря между обѣими Императорами, и почти война. Различные берега занимали вооруженные: но на извѣстныхѣ кондиціяхѣ мирѣ и дружество заключается, и на самомѣ проливѣ дѣлается союзѣ. Возвращается онѣ безѣ опасенія, и становится такимѣ, какимѣ вѣ Сиріи и Египтѣ былѣ. И сперва послабленіе Христіянамѣ обще данное нарушаетѣ, подославѣ нарочно пословѣ отѣ градовѣ сѣ прошеніемѣ, дабы не дозволено было Христіанамѣ внутри

ихЪ городовЪ строить церкви, такЪ что по видимому, аки бы принужденЪ былЪ то чинить, что добровольно хотѣлЪ здѣлать. Коихъ прошенію соизволяя, по новому обряду великихЪ жрецовЪ вЪ каждыхЪ городахЪ, изЪ начальниковЪ поставилЪ; которые бы и жертвы каждымЪ своимЪ богамЪ во всѣхЪ храмахЪ приносили, и древнихЪ жрецовЪ отправляя службу, старались о томЪ, чтобЪ Христіане не строили ни церквей, ниже публично или приватно почитали Бога, но пойманныхЪ вЪ томЪ, по своему праву кЪ жертвоприношенію принуждали бы, или бы доносили о томЪ СудьямЪ. И мало для его сего показалось, естьли притомЪ надЪ провинціями изЪ высочайшаго достоинства людей первосвященниками не учредитЪ; которымЪ и повелѣлЪ вЪ бѣлыхЪ одеждахЪ ходить. ГотовилсяжЪ учинить и то, что вЪ восточныхЪ странахЪ дѣлалЪ. Ибо являясь наружно милосердымЪ, не приказалЪ рабовЪ Божіихъ убивать а только повелѣлЪ увѣчить. И такЪ исповѣдникамЪ выкалывали глаза, обсѣкали руки, отрубали ноги, рвали ноздри и отрѣзывали уши.

ГЛАВА 37.

ВЪ таковыхЪ его затѣяхЪ КонстантинЪ устрашаетЪ его письмами: отмѣняетЪ правда оныя подЪ притворствомЪ. Однако попавшихся утоплялЪ потаенымЪ образомЪ вЪ мори.

А притомъ и отъ обыкновенія своего не отсталъ, чтобъ при дворѣ каждой день не жертвовать. И сіе первый изобрѣлъ, чтобъ всѣ животныя, коими питался, не отъ поваровъ, но отъ жрецовъ закалаемы были при жертвенникѣ; и ничего бы отнюдъ на столъ не поставляли, покамѣстъ или богами не отвѣдано, или имъ не принесено въ жертву, или виномъ жертвоприношенія не облито будетъ, дабы всякой приходящій на обѣдъ оскверненнымъ отъ того и нечистымъ выходилъ. Въ прочемъ совсѣмъ похожъ былъ на своего наставника (Галерія Максиміана). Ибо оставленное прочими, какъ то Діокломъ, или Максиміаномъ, сей расхитилъ, безъ всякаго стыда все унося. И такимъ образомъ житницы частныхъ людей были запираемы, кладовыя запечатываемы, оброки за предбудущіе годы требуемы. Отъ чего сталъ быть голодъ за не сѣяніемъ земледѣльцевъ, а отъ того неслыханная доровизна. Стада большихъ и мелкихъ скотовъ съ полей похищаемы были на повседневныя жертвоприношенія, на которыя такъ ихъ изнурялъ, что и годовые запасы были пренебрегаемы, и истощевалъ вездѣ безъ разбору, безъ мѣры, поелику сообщниковъ всѣхъ, коихъ число было безмѣрное, дорогими одеждами и золотыми монетами жаловалъ, рядовыхъ и молодыхъ солдатъ дарилъ серебромъ, варваровъ всякаго рода подарками честилъ. Ибо, что онъ людское добро или отнималъ, или дарилъ своихъ чужимъ столько, сколько кто прашивалъ, я не знаю, должно

жно ли было за то его благодарить, что по обыкновенію милосердыхъ разбойниковъ безъ кровопролитія грабежи чинилъ.

Глава 38.

Главное же и превосходнѣйшее изъ всѣхъ бывшихъ въ немъ, было то, что, не знаю, кякая-то слѣпая и необузданная къ разстлѣнію похоть имъ обладала, которыя гнусность словами изъяснена быть не можетъ: преодолѣваетъ языкъ великое беззаконіе. Евнухи, сводники, изыскивали все. Гдѣ прекрасное находилось лице, тамъ оное ему отцы и мужья должны были уступать. Обнажали благородныхъ женъ и дѣвицъ, и всѣ ихъ члены осматривали, дабы какая часть тѣла царскаго ложа не оказалась недостойною. Ежели которая отрекалась, оная потопляема была въ водѣ, какъ оскорбившая величество. Отъ таковаго прелюбодѣянія нѣкоторые, по разстлѣніи ихъ женъ, коихъ за чистоту и вѣрность весьма любили, не могши таковыя печали снести, самихъ себя убивали. При таковомъ блюстителѣ цѣломудрія не было никакой непорочности, развѣ гдѣ варварской похоти великое какое препятствовало безобразіе. Наконецъ такое ужè ввелъ обыкновеніе, чтобъ никто безъ его повелѣнія не женился, дабы самому ему на всѣхъ свадьбахъ быть предвкушающимъ удовольствіе. Разумныхъ дѣвицъ беззащитныхъ повыдалъ замужъ

за своихъ слугъ. Но и сообщники его при такомъ государѣ подражая его примѣру, своихъ подчиненныхъ безъ наказанія оскверняли ложи: ибо кто бы отмстилъ? А средняго чина дочерей всякой по желанію своему похищалъ. Первостатейныя, коихъ похитить не можно было, подарками выпрашиваемы были; и не дозволялось въ томъ отказываться по согласію на то Императора, иначе или погибнуть долженствовало, или имѣть должно было зятемъ нѣкоего варварина. Ибо почти ни одного защитника съ стороны такой не было, кромѣ тѣхъ народовъ, которые отъ Готѳовъ во время двенатцатилѣтія будучи выгнаны изъ своихъ, предавались Максиміану, злобѣ рода человѣческаго, съ тѣмъ, чтобъ имъ избѣгающимъ варварскаго рабства, господствовать надъ Римлянами. Такими общниками и защитниками будучи окруженъ, ругался надъ востокомъ.

ГЛАВА 39.

Наконецъ такимъ образомъ разпорядивъ свои прихоти, что за пристойность щитая себѣ всякое желаніе, и вожделѣніе, и отъ самой Царицы, которую не давно называлъ матерью, не могъ воздержаться. Пріѣхала по смерти Максиминовой къ нему Валерія, съ мнѣніемъ тѣмъ, что она въ странѣ его безопаснѣе имѣетъ обитать, а наиболѣе потому, что онъ имѣлъ жену. Но непотребное живот-

ное тотчасъ воспламеняется. Женщина еще носила трауръ, поелику время плача не кончилось. Послалъ пословъ, требуетъ оную себѣ въ замужство, обѣщаясь отринуть и жену, естьли отъ нее то испроситъ. Отвѣтствуетъ она смѣло, во первыхъ, что не можно въ такомъ черномъ одѣяніи разсуждать о бракѣ при тепломъ еще мужа ея, а его отца пепелѣ; второе, что онъ нечестиво учинитъ, естьли вѣрную ему супругу отринетъ, а притомъ то же самое и съ нею имѣетъ учинить; наконецъ не пристойно таковаго имени и мѣста женщинѣ, не имѣя на то ни обыкновенія, ни примѣра, за другаго посягать мужа. Объявляютъ ему таковое дерзновеніе. Похоть превращается во гнѣвъ и бѣшенство. Тотчасъ жену сію изгоняетъ, имѣнія ея похищаетъ, отнимаетъ пріѣхавшихъ съ нею, евнуховъ замучиваетъ до смерти; ее самую съ матерью посылаетъ въ ссылку, безъ опредѣленія извѣстнаго мѣста; но то сюда, то туда скоро съ поношеніемъ гоняетъ, и пріятельницъ ея, осквернивъ прелюбодѣйствомъ, умерщвляетъ.

Глава 40.

Женщина была знатная, имѣвшая уже отъ дѣтей внуковъ. Сію Валерія какъ мать любила; думаетъ онъ, что она по ея совѣту ему отказала. Повелѣваетъ начальнику Ератинею убить ее съ поношеніемъ.

Присовокупляетъ къ сей другихъ двухъ такъ же благородныхъ, изъ коихъ одна для служенія Вестѣ (богинѣ) дѣвицею въ Римѣ оставлена была, тайнымъ образомъ, тогда Валеріи хранившая вѣрность: другая мужа имѣла Сенатора, такъ же почти царскаго рода. Похищаются нечаянно женщины сіи не на судъ, но на грабительство: ибо ни одного не было для ихъ обвинителя. Находился нѣкоторый жидовинъ, по другимъ злодѣяніямъ виновный, который обнадеженъ будучи прощеніемъ, лжетъ на невинныхъ: справедливый и разсмотрительный судія выходитъ съ гвардіею внѣ града, дабы не быть побитому камнями. Сія трагедія представляема была въ Никеи. Налагаются раны на жидовина, дабы тайно повелѣнное ему говорилъ. Біеніями отъ мучителей (женщины) разслабѣваютъ, повелѣвается привести невинныхъ. Стекаются на позорище, не только оный мужъ, который находился при добронравной своей женѣ, но всѣ, коихъ гнусное и неслыханное дѣйствіе къ тому привлекало. И дабы устремленіемъ народнымъ не похищены были изъ рукъ палачей, тотчасъ по военному искусству вооруженное легкое войско и стрѣльцы оныхъ замыкаютъ. Такимъ образомъ между вооруженнымъ войскомъ на мученіе выведены. Лежали бы не погребенныя, по обращеніи домашнихъ въ бѣгство, естьли бы ихъ похитительнымъ образомъ милосердіе друговъ не похоронило. Ниже лжесвидѣтелю обѣщанное прощеніе дается; но возведенъ будучи на висилицу открылъ

всю

всю свою услугу, и при послѣднемъ издыханіи говоритъ всѣмъ зрителямъ вслухъ, и свидѣтельствуетъ, что онѣ убиты безвинно.

ГЛАВА 41.

А Царица въ нѣкоторыя пустыни Сирскія сосланная, отцу своего Діоклитіана тайнымъ образомъ о бѣдствіи своемъ увѣдомила. Отправляетъ онъ пословъ, и проситъ, чтобъ его дочь была къ нему прислана: но ничего не успѣваетъ. Паки многократно проситъ: не отпускается. Наконецъ сродника своего, нѣкоего изъ военныхъ сильнаго посылаетъ, которой бы его напомнивъ ему сдѣланныя ему благодѣянія о томъ упросилъ. Но и тотъ такъ же не успѣвъ ничего увѣдомляетъ его о тщетной прозьбѣ.

ГЛАВА 42.

Въ тоже время старика Максиміана статуи по повелѣнію Констянтина низвергаемы были, и портреты низреваемы. И поелику оба старики (Діоклитіанъ и Геркулій) по большой части писаны были совокупно, то и портреты купно поставляемы были обоихъ, и такъ видя живый то, что никакому изъ государей не приключалось, двойною будучи пораженъ печалію, рѣшился на смерть. Бросался, и туда и сюда, безпокоенъ будучи

печалію, ни сна не имѣя, ни пищи вкушая. Воздыхалъ и стеналъ, безпрестанно плакалъ, часто повергалъ себя то на постелю, то на полъ. Такимъ образомъ царствовавшій двадцать лѣтъ весьма благополучно императоръ, въ весьма подлой низверженъ жребій, и будучи раздраженъ и приведенъ въ скучную жизнь, наконецъ съ голоду и тоски умеръ.

ГЛАВА 43.

Одинъ уже оставался изъ противниковъ Божіихъ, о коего теперь изчезновеніи и паденіи скажу. Имѣлъ онъ зависть къ Ликинію, которой предпочтенъ ему былъ отъ Максиміана, хотя недавно со онымъ дружество утвердилъ: однако какъ только прослышалъ, что Констянтинова сестра Ликинію обручена, то почелъ, что оное сродство двоихъ оныхъ Императоровъ противъ его соединяется, то и самъ отправилъ къ городу пословъ скрытно съ прошеніемъ у Максентія союза и дружества. Пишетъ притомъ дружески. Принимаются посланники благосклонно; составляется дружество, обоихъ портреты, или изображенія на одномъ поставляются мѣстѣ. Максентій аки божеское вспомоществованіе съ охотою пріемлетъ: ибо уже войну Констянтину объявилъ подъ видомъ отмщенія за убійство своего отца. Отъ чего падало подозрѣніе, что старикъ оный съ сыномъ учинилъ распрю для того, дабы тѣмъ самимъ

ко

ко убіенію другихъ отверсть себѣ путь, по истребленіи бы коихъ всѣхъ, себѣ и сыну надъ всѣмъ свѣтомъ присвоить власть. Но то была ложь. Ибо онъ такое имѣлъ намѣреніе, чтобъ и сына и прочихъ всѣхъ истребивъ, себя и Діоклитіана возвратить на царство.

ГЛАВА 44.

Уже вооружены были граждане, и хотя Максентій оставался въ Римѣ по полученному отвѣту, что имѣетъ погибнуть, естьли выступитъ за городскія ворота; однако война чрезъ искусныхъ Фелдмаршаловъ была производима. Болѣе Арміи было у Максентія, потому, что и отца своего войско получилъ отъ Севира, и свое собственное отъ Мавровъ и Италовъ. Сражались, и Максентіевы воины преодолѣвали; покамѣстъ потомъ укрѣпившись духомъ Констянтинъ, и приготовившись на обоихъ, всѣ полки не придвинулъ ближе къ городу, и съ стороны моста Милвійскаго не расположился. Наступалъ день возшествія на престолъ Максентіева, который былъ около 27 дня Октября, и оканчивалось пятилѣтіе. Повелѣно было во снѣ Констянтину, чтобъ онъ небесный Божій знакъ изобразилъ на щитахъ, и такимъ бы образомъ сражался. Исполнилъ повелѣнное, и изобразилъ на крестѣ Христа, или распятіе Христово нащитахъ. Коимъ знаменіемъ вооружившись, прини-

нимается за оружіе. Выходитъ непріятель на встрѣчу безъ Императора, переправляется чрезъ мостъ. Начался свальный бой: всѣми силами со обоихъ сторонъ производится сраженіе: не помышляютъ ни тѣ ни другіе о побѣгѣ. Востаетъ въ городѣ бунтъ и поношеніе на Фельдмаршала, яко оставляющаго общественное спасеніе, и весь вдругъ народъ, бывшій тогда на цирценскихъ играхъ, однимъ голосомъ вопитъ, что Констянтина побѣдить не можно. Каковымъ голосомъ будучи пораженъ, выбѣгаетъ на ружу, и призвавъ нѣкоторыхъ Сенаторовъ, велитъ смотрѣть въ Сивиллины книги, въ коихъ нашлось то, что во оный день непріятель Римскій имѣетъ погибнуть. Коимъ отвѣтомъ приведенъ будучи въ надежду о побѣдѣ, выходитъ, и приходитъ въ строй. Мостъ позади его разсѣкается. По усмотреніи онаго, сраженіе становится сильнѣе, и рука Божія была надъ бранію. Максентій устрашается; и обратившись въ бѣгъ, поспѣшаетъ къ мосту, которой былъ разорванъ, и множествомъ бѣгущихъ отягощенный разплывается по Тибру. Наконецъ по окончаніи войны, съ великою Сената и народа Римскаго радостію принятый Императоръ Констянтинъ, узнаетъ Максиминово вѣроломство, находитъ письма, такъ же статуи и портреты. Сенатъ Констянтину за храбрость перваго наименованія титулъ, которой себѣ присвоивалъ Максиминъ, поднесъ; коему побѣда избавленнаго города какъ приписана была, то онъ то не

иначе принялъ, какъ бы самъ былъ побѣжденъ. Узнавши потомъ Сенатское опредѣленіе, такъ огорчился, что явно говорилъ, что того онъ ненавидитъ, поелику оное составляетъ поношеніе смѣшенное противъ Императора великаго.

Глава 45.

Констянтинъ, по распоряженіи въ городѣ дѣлъ передъ зимою поѣхалъ въ Медіоланъ. Туда же прибылъ и Ликиній для бракосочетанія. Максиміанъ провѣдавъ, что они брачнымъ торжествованіемъ заняты, двигнулъ войско изъ Сиріи въ весьма жестокую зиму, и отдохнувъ на пути дважди, прибѣжалъ въ Виѳинію съ приведенными въ слабость полками. Ибо отъ превеликихъ снѣговъ, и дождей, и грязи, и стужи и труда всякаго рода скотина издохла, коей жалкое по дорогѣ поверженіе видъ уже имѣющей быть войны, и подобное воиновъ пораженіе изъявляло. И самъ внутрь границъ своихъ не остался; но вскорѣ переправившись чрезъ проливъ морской, къ воротамъ Византіи приступилъ со оружіемъ. Находились тамъ оберегательные солдаты на такіе случаи отъ Ликинія поставленные. Сихъ онъ сперва подарками и обѣщаніями прельстить покусился; потомъ силою и сраженіемъ устрашить: однако ничего ни сила ни обѣщаніе не успѣли. Уже прошло одиннатцать дней, дозволенныхъ для впущенія къ

Им-

Императору вѣстниковъ, и писемъ; какъ солдаты не по вѣрности, но по малолюдству измѣнивъ, сами предались. Оттуда отправившись въ Ираклію, и тамъ тоюже нуждою будучи удержанъ, нѣсколько дней промедлилъ путемъ, съ малымъ числомъ прибылъ во Адріанополь, когда онъ по полученіи Перинѳа, нѣсколько промедливъ, поѣхалъ для житья за осмнадцать миль. Ибо не могъ далѣе, поелику Лакиній жилъ за столько же миль, ѣхать. Собравши въ близости, сколько можно было, солдатъ, поспѣшалъ на встрѣчу Максимину, болѣе для удержанія его, нежели для побѣды надежной. Ибо оный семдесятъ тысячь войска имѣлъ, а сей едва тридцать тысячь собралъ. Разсѣяны бо были солдаты по разнымъ странамъ, и соединиться въ одно мѣсто за краткостію времени не могли.

ГЛАВА 46.

И такъ при приближеніи войскъ, казалось, что на другой день имѣетъ быть сраженіе. Тогда Максиминъ такое Юпитеру далъ обѣщаніе, чтобъ, естьли одержитъ побѣду, Христіянское имя въ конецъ истребить. Тогда въ наступающую ночь, когда спалъ Ликиній, явился Ангелъ Божій (Констянтину) чтобъ вставши вскорѣ, молился Всевышнему Богу со всѣмъ своимъ войскомъ; и естьли сіе учинитъ, то его имѣетъ быть побѣда. Послѣ сего гласа, когда ему показалось, что онъ

онъ встаетъ, и повелѣвшій ему передъ нимъ стоитъ, то наставлялъ его, какимъ образомъ и какими словами должно ему молиться. Проснувшись велѣлъ къ себѣ послать писца, и какъ слышалъ, такъ сіи слова и говорилъ: „Всевышній Боже, тебя просимъ: Святый „Боже, тебя молимъ: всю правоту оставля- „емъ тебѣ: спасеніе наше тебѣ вручаемъ; „государство наше тебѣ предаемъ. Тобою „мы живемъ, тобою побѣдителями и щастли- „выми бываемъ. Всевышній, Святый Боже, „моленія наша услыши: руки наши къ тебѣ „воздѣемъ, услыши Святый, Всевышній Боже„. На многихъ листахъ пишутъ сіе, и чрезъ начальниковъ посылаютъ, чтобъ каждый своихъ солдатъ сему обучилъ. Ободрился духъ у всѣхъ уповающихъ на побѣду извѣщенную отъ неба. Опредѣлилъ Императоръ сраженію быть перваго дня Маія, которой совершалъ осмый годъ возшествія его на престолъ, дабы наиболѣе побѣдить въ день его рожденія. Максиминъ хотѣлъ предускорить заранѣе; поутру расположился строемъ, чтобъ день рожденія своего побѣдителемъ торжествовать. Увѣдомляютъ, что Максиминъ тронулся лагеремъ. Берутъ воины оружіе, и выходятъ на встрѣчу. Поле было между ими безплодное и голое, называемое Сереномъ. Были ужѐ обѣ арміи въ виду. Ликиніева полагаетъ щиты, снимаетъ шишаки, поднимаетъ руки къ небу, съ предѣидущими начальниками, и послѣ Императора произносятъ моленіе. Слышитъ армія имѣющая погибнуть шумъ.

шумъ. Оная по трикратномъ произношеніи молитвы, наполнившись ужѐ мужествомъ, возлагаетъ на главы шишаки, поднимаетъ щиты. Сходятся Императоры на переговоръ. Максиминъ не могъ согласиться на миръ. Ибо презиралъ Ликинія, и думалъ, что его оставятъ солдаты; потому, что тотъ на подарки былъ скупъ, а онъ щедръ: и съ таковымъ намѣреніемъ приступилъ къ сраженію, чтобъ войско Ликиніево безъ сраженія взявъ, къ Констянтину съ двумя силами тотчасъ поспѣшить.

ГЛАВА 47.

И такъ сходятся ближе; трубятъ въ трубы; выносятъ знамена. Ликиніевы съ стремленіемъ нападаютъ на непріятелей. А оные устрашившись ни мечей вынуть, ни стрѣлъ бросать не могли. Максиминъ обходилъ строй, и воиновъ Ликиніевыхъ то прозьбою, то дарами убѣждалъ. Не слушаютъ его нигдѣ. Устремляются на него, и отбѣгаетъ къ своимъ. Побиваема была его армія безпрепятственно, и толикое число полковъ, толикая сила воиновъ отъ малыхъ была пожинаема. Никто о имени, никто о храбрости, никто о прежнихъ награжденіяхъ не вспомнилъ; и акибы на вожделѣнную смерть, а не на сраженіе пришли; такъ ихъ Всевышній Богъ предалъ на пораженіе врагамъ. Ужѐ множество было поражено ихъ. Видитъ Максиминъ,

что

что дѣло не по его мнѣнію происходитъ. Бросилъ порфиру, и взявши рабское одѣяніе ушелъ, и перебрался чрезъ проливъ; а въ Арміи половинная часть побита, оставшаяся же часть иная предалась, иная обратилася въ бѣгство. Ибо не стыдно было бѣжать, когда обратившійся въ бѣгство Императоръ примѣръ подалъ. Но оный перваго числа Маія лѣт: то есть, въ однѣ сутки, на другую ночь 313. въ Никомидію пріѣхалъ; отъ которой мѣсто сраженія разстояніемъ находилось во стѣ шестидесяти миляхъ; и подхвативъ дѣтей, жену и нѣсколько изъ придворныхъ, бѣжалъ на востокъ. Но въ Каппадокіи, по собраніи изъ побѣга и востока воиновъ, остановился. И такимъ образомъ одѣлся поцарски.

Глава 48.

А Ликиній, получивъ часть войска, и разпредѣливъ оную, перевелъ войско въ Виѳинію по прошествіи не многихъ послѣ сраженія дней, и вшедши въ Никомидію, благодареніе Богу, коего помощію побѣдилъ, принесъ, и въ 15 день Іюня съ Констянтиномъ, три лѣт раза уже бывши Консуломъ, о возобновленіи 313. церкви давши начальнику такія указы, велѣлъ оныя публиковать.

Указъ Ликиніевъ.

„Съѣхавшись благополучно какъ я августѣйшій Констянтинъ, такъ и я Ликиній въ Медіоланъ, и о всемъ въ

„ пользу и безопасность общественную слу-
„ жащемъ переговоривъ, сіе между прочимъ
„ усмотренное нами для многихъ людей полез-
„ ное, сперва учредить вознамѣрились, въ
„ чемъ богопочитаніе состояло; дабы дать
„ намъ свободную волю и Христіянамъ всѣмъ,
„ наблюдать всякому по желанію своему вѣру;
„ чемъ бы небесное владычество для насъ и
„ всѣхъ подъ властію нашею находящихся
„ умилостивить можно было. Чего для въ
„ такое здравое и весьма справедливое разсу-
„ жденіе войти заблаго разсудили, чтобъ от-
„ нюдъ ни у кого не отнимать воли, кто или
„ хранить Христіанскую вѣру, или благоче-
„ стіе наблюдать пожелаетъ такое, какое за
„ весьма приличное себѣ почтетъ; дабы все-
„ вышнее божество, которое мы добровольно
„ съ благоговѣніемъ почитаемъ, могло обыкно-
„ венное свое благоволеніе и милость являть
„ всѣмъ. Сего ради въ разсужденіи достоинства
„ твоего пристойно знать наше желаніе та-
„ кое, чтобъ ты уничтоживъ непремѣнно всѣ
„ прежде писанныя кондиціи, на тебя возло-
„ женныя, касавшіяся по видимому до Хри-
„ стіянъ, наблюдалъ теперь то, дабы каждой
„ изъ нихъ хранящій по желанію своему хри-
„ стіянское благочестіе, безъ всякаго безпо-
„ койствія и досажденія къ наблюденію онаго
„ стремился. О чемъ попеченію твоему про-
„ странно представить разсудили, чтобъ ты
„ вѣдалъ, что мы онымъ же Христіянамъ да-
„ ли полное позволеніе въ храненіи ихъ рели-
„ гіи. Усмотрѣвъ таковое наше для ихъ доз-

„ во-

„ воленіе, да вѣдаетъ твое достоинство, что
„ такъ же и другимъ къ наблюденію своего
„ благочестія подобнымъ образомъ свободная
„ за спокойствіе нашего времени дана воля,
„ чтобъ въ богопочитаніи; какъ кому понра-
„ вится, всякой имѣлъ доброволіе. И сіе мы
„ учинили для того, дабы кто не подумалъ,
„ что мы отъ богопочитанія нѣчто отнима-
„ емъ, или умаляемъ. Сверхъ того въ раз-
„ сужденіи Христіянъ и то установить мы
„ благоволили, чтобъ тѣ самыя мѣста, на ко-
„ ихъ они обыкновенно собирались прежде, о
„ коихъ такъ же и къ тебѣ посланными до
„ сего указами образецъ былъ предписанъ, ко-
„ торыя въ прежнее время они или изъ госу-
„ дарственной нашей казны, или отъ кого
„ другаго покупали, имъ безденежно, и безъ
„ платежа, безъ всякой тщеты и сумнѣнія
„ отданы были. И что нѣкоторые въ пода-
„ рокъ получили, оные бы такъ же тѣмъ
„ Христіанамъ наискорѣйше то возвратили:
„ притомъ и тѣ, которые что купили, или
„ въ даръ отъ нихъ получили; ежели въ чемъ
„ о нашемъ благоволеніи усумнятся, то бы о
„ томъ просили Намѣстника, чтобъ и тѣмъ
„ по нашей щедрости было безобидно. Что
„ все церкви Христіянской не умедленно
„ ты долженъ будешъ возвратить. А понеже
„ тѣжь Христіяне не только тѣ самыя мѣ-
„ ста, въ кои обыкновенно собирались, но
„ притомъ и другія имѣли, до права тѣла
„ ихъ, то есть, до церкви, а не до каждаго
„ человѣка принадлежащія, оныя всѣ, по вы-

 „ ше

„ шеустановленному нашему закону, безъ „ всякаго сумнѣнія, или спора, тѣмъ же Хри- „ стіянамъ, то есть церкви ихъ отдать по- „ велели, сохранивъ вышереченное опредѣленіе, „ чтобъ тѣ, которые оныя безъденежно воз- „ вратятъ по повелѣнію нашему, надѣялись „ себѣ за то нашего благоволенія. Во всемъ „ономъ вышереченному Христіянъ тѣлу наи- „ дѣйствительное твое ходатайство оказать „ ты долженъ для наискорѣйшаго исполненія „ нашего повелѣнія; дабы и симъ по щедрости „ нашей общее спокойствіе сохранено было. „ Довлѣетъ сего, какъ выше упомянуто, да- „ бы Божіе къ намъ благоволеніе, испытанное „ нами въ толь великихъ дѣлахъ во всякое „ время благополучно надъ предпріятіями на- „ шими оащественнымъ блаженствомъ продол- „ жалось. А дабы таковое наше праведное „ благоволеніе всѣ узнали, публиковавъ сей „ указъ, прибить оной ты долженъ для зна- „ нія всѣмъ вездѣ, чтобъ оное утаено быть „ не могло„. По объявленіи таковаго указа, увѣщевалъ притомъ и словесно, чтобъ собра- нія въ прежнее приведены были состояніе. Та- кимъ образомъ отъ разоренія церкви до возоб- новленія оной десять прошло лѣтъ, и четыре мѣсяца.

ГЛАВА 49.

А какъ Ликиній съ воинствомъ погнался за тираннъмъ, то оный обратился въ бѣгъ; и

и паки въ ущелинахъ горы Тавра скрывшись, стѣнами и башнями дорогу пресѣчь покусился, а оттоль за опроверженіемъ всего побѣдителями, наконецъ притекъ въ Тарсъ. Во ономъ, когда уже на землѣ и на морѣ былъ устрашаемь, и никакого себѣ не надѣялся убѣжища, съ томленіемъ, или мученіемъ душевнымъ и съ страхомъ прибѣгаетъ къ смерти, аки облегченію золъ, которыя Богъ на главу его низпослалъ. Но сперва наѣлся, и напился вина, какъ обыкновенно таковые сіе въ послѣдней разъ дѣлаютъ; и потомъ выпилъ яду. Коего сила отъ насыщеннаго желудка будучи отражена, не могла дѣйствовать тогда; но превратилась въ злое изнеможеніе, чтобъ долѣе при продолженіи духа чувствовалъ мученія. Ужè ядъ терзать его началъ; коего сила, когда грудь его палила, то отъ несносной болѣзни взбѣсился такъ, что чрезъ четыре дни будучи поражаемь безуміемъ, взявши руками землю, жралъ оную какъ алчный. Наконецъ по многихъ и жестокихъ мученіяхъ и біеніи объ стѣны своею головою, выскочили у него вонъ глаза. Тогда то по лишеніи зрѣнія, началъ видѣть Бога, со ангелами его осуждающаго. И такъ вопилъ, какъ тѣ, которыхъ мучатъ, и говорилъ, что не онъ, но иные то учинили. Потомъ аки принужденный мученіями исповѣдывался съ прошеніемъ и моленіемъ Христа о помиловании его. Но между стенаніями, кои аки сжигаемый произносилъ, пагубную свою душу гнуснымъ родомъ смерти извергъ.

ГЛАВА 50.

Такимъ образомъ Богъ всѣхъ имени его гонителей попралъ, что ниединаго ихъ ни поколѣнія ни корени не осталось. Ибо Ликиній по получени полной власти, сперва Валерію, которую Максиминъ разгнѣвавшись, и по побѣгѣ, когда уже видѣлъ свою погибель, не отважился убить; онъ же и Кандидіана, котораго Валерія отъ наложницы рожденнаго по неплодству приняла себѣ въ сына, умертвить велѣлъ. Однако женщина, провѣдавъ о его смерти, перемѣнивъ одежду, поѣхала съ нимъ для посмотренія на щастіе Кандидіаново, которой поелику владѣлъ Никомидіею, и повидимому находился въ чести, ничего таковаго неопасаясь, былъ убитъ. А она прослышавъ о его смерти, тотчасъ убѣжала. Онъ же Севирова сына Северіана, уже возрастнаго, который за бѣгущимъ Максиминомъ послѣдовалъ изъ строя, аки бы онъ по смерти его помышлялъ о получени порфиры, приговоривъ къ смерти убилъ, которые всѣ Ликинія уже давно какъ злаго боясь, пожелали пребывать съ Максиминомъ предъ Валеріею, которая не хотя Ликинію всѣ наслѣдія Максиміановы по праву уступить, въ тѣхъ отказала и Максимину. А Максиминова такъ же сына большаго осмилѣтняго, и дочь семилѣтнюю, обрученную Кандидіану, истребилъ. Но сперва мать ихъ въ Оронтъ (рѣку) брошена, въ которой она почасту непорочныхъ женъ топить повелѣвала. Такимъ образомъ всѣ нечестиа.

ствивцы истиннымъ и праведнымъ судомъ Божіимъ тоже, что и другимъ чинили, сами получили.

ГЛАВА 51.

Такъ же и Валерія, по разнымъ провинціямъ чрезъ пятнадцать мѣсяцовъ въ мужескомъ платьѣ скитавшаяся, и наконецъ въ Ѳессалоникіи съ матерью пойманная, казнена. И такъ ведены были женщины съ великимъ позорищемъ и жалостію о такомъ случаѣ, на казнь, и по отсѣченіи головъ, тѣла ихъ вержены въ море. Такимъ образомъ цѣломудріе и условіе для нихъ было погибелію.

ГЛАВА 52.

О семъ всемъ я говорю по вѣроятію знающихъ, и такъ, какъ было дѣлано, пишу; дабы не истреблена была память о толикихъ дѣлахъ, или пожелавшій писать исторію не перепортилъ бы истинны или умалчиваніемъ о ихъ грѣхахъ противъ Бога, или о судѣ Божіемъ на оныхъ. Коего вѣчную святость благодарить мы должны за то, что онъ призрѣлъ наконецъ на землю, что стадо свое то опустошаемое отъ хищныхъ волковъ, то разсѣянное собрать и умножить благоволилъ, а злыхъ звѣрей истребилъ, которые Божественнаго стада пажити попирали, домы

домы разоряли. Гдѣ теперь великолѣпно и славно произносящіе Юпитеровъ и Ираклiевъ наименованія, которыя сперва Діокломъ и Максиминомъ неистовно будучи принятыя, а потомъ до преемниковъ ихъ дошедшія процвѣтали? Истребилъ бо оныя Господь, и изкоренилъ отъ земли. Да празднуемъ убо Божіе празднество съ веселіемъ; побѣду Господню съ похвалами да торжествуемъ; денно и ночно въ молитвахъ да прославляемъ, да миръ дарованный народу своему по десятолѣтіи утвердитъ во вѣки. А наиболѣе ты, любезнѣйшій Донатъ, удостоившійся услышанъ быть отъ Господа, помолися ему, да сохранитъ милость для своихъ рабовъ съ кротостію и вниманіемъ онымъ, дабы онъ всѣ навѣты и устремленія діавольскія отъ народа своего отразилъ, дабы процвѣтающей своей церкви всегдашнюю тишину соблюлъ.

Конецъ второй части.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30407-0

Инв. 2001